К. Д. Бугров

МОНАРХИЯ И РЕФОРМЫ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н. И. ПАНИНА

ИЗ ИСТОРИИ РОССИИ

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК И ИСКУССТВ
ЛАБОРАТОРИЯ ЭДИЦИОННОЙ АРХЕОГРАФИИ

К. Д. Бугров

МОНАРХИЯ И РЕФОРМЫ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н. И. ПАНИНА

Екатеринбург, 2015

ББК 63.3(2)51
Б 90

Издание подготовлено при поддержке гранта
Правительства РФ по привлечению ведущих ученых
в российские образовательные учреждения высшего
профессионального образования и научные учреждения
государственных академий наук и государственные научные центры
Российской Федерации. (Лаборатория эдиционной археографии,
Уральский федеральный университет).
Договор № 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.

Б 90 **Бугров К.Д.**
Монархия и реформы. Политические взгляды Н. И. Панина. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2015. – 272 с. (сер. «Из истории России»).
ISBN 978-5-9906258-7-7

Настоящее исследование посвящено анализу политической мысли Н. И. Панина (1718-1783) – влиятельного сановника екатерининской эпохи, входившего в число ярчайших политических мыслителей России XVIII в. В книге детально рассматриваются концептуальный аппарат представлений Панина о монархии, его предложения об административных и политических реформах. Особое внимание уделено интеллектуальному контексту эпохи и влиянию европейской общественной мысли на творчество Панина.

ISBN 978-5-9906258-7-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Особая роль XVIII в. для исторической судьбы России, обусловленная интенсивной рецепцией европейского интеллектуального, социального и политического опыта в этот период, является причиной устойчивого интереса к «веку Просвещения» как внутри профессионального сообщества историков, так и за его пределами. Ряд важнейших политических дискурсов, выражающих представления о власти, складывается именно в этот период. Секуляризация, масштабное проникновение в страну идей европейской политической философии, появление независимой печати – с возникновением этих явлений в России XVIII в. родилась и современная политическая культура, ставшая фундаментом для России сегодняшней. Политическое творчество российской государственной и интеллектуальной элиты XVIII в. формировало новое, светское политическое пространство.

Ярким представителем этой элиты был Никита Иванович Панин (18 сентября 1718 г. – 31 марта 1783 г.) – русский дипломат и государственный деятель, граф, наставник великого князя Павла Петровича с 1760 г. После свержения Петра III в 1762 г. Панин – один из лидеров заговорщиков –предложил Екатерине II план реформы политического механизма Российской империи, однако этот план был проведен в жизнь лишь частично. Тем не менее, с этого времени и до самой своей смерти Панин занимал позицию доверенного советника Екатерины II, хотя с середины 70-х гг. XVIII в. в этих отношениях наступило охлаждение. Являясь «первоприсутствующим членом» Коллегии иностранных дел, Панин фактически руководил российской внешней политикой в указанный период, явившись инициатором «Северной системы» российской дипломатии. В конце жизни уже тяжело больной Н. И. Панин создал еще несколько реформаторских проектов (они дошли до нас в записи брата – генерала П. И. Панина, доверенного секретаря Д. И. Фонвизина и самого великого князя Павла Петровича).

Изучение реформаторской мысли Панина является важным и сегодня, для лучшего понимания истоков современной политической культуры. Несмотря на то, что в последнюю четверть века исследовательское пространство исторической науки неуклонно расширяется в сторону междисциплинарности и методологического плюрализма, изучение российской политической культуры до сих пор во многом основывается на устойчивой историографической традиции, говорящей об извечном противостоянии «правовых» и «абсолютистских» начал в истории страны, о борьбе «государства» и «общества». В

основе классических трудов, посвященных политической истории и истории общественной мысли России XVIII в., лежали представления о направленном прогрессе (позволявшие сравнивать тех или иных акторов в терминах «прогрессивности» или «реакционности») или о государственных и классовых «интересах» (дававшие почву для сравнения уже в терминах «пользы» и «вреда», «успеха» и «провала»).

И если значимость самого факта существования проектов Панина как вехи в российской политической истории отмечают практически все современные исследователи, то политические ориентиры создателя этих проектов остаются не вполне ясными. Зачастую ссылки на концептуальные «общие места» – начиная с «права» и «закона» и заканчивая «вольностью» и «Просвещением» – заставляют политическую мысль второй половины XVIII в. выглядеть набором банальностей, вращающимся вокруг дихотомии «законность – беззаконие». В рамках этой традиции подчеркивается «ограничительный» характер политических предпочтений Панина[1], связанный с попытками ограничения власти монарха законами, «аристократическими институциями»[2] или даже «представительской законодательной ассамблеей»[3].

Предполагал ли Панин ограничить власть монарха и передать часть его прерогатив коллегиальным органам? Считал ли он Россию отсталой, стремился ли модернизировать ее в соответствии с современными европейскими образцами? Что означали постоянные ссылки на «фундаментальные законы»? Это лишь основные вопросы из целого комплекса; поиск ответов на эти вопросы уведет нас от оценочных характеристик реформаторских проектов (как воплощения «олигархических», «аристократических», «конституционных», «ограничи-

[1] Петрова В. А. Политическая борьба вокруг сенатской реформы 1763 года // Вестник Ленинград. ун-та. Сер. История, язык, литература. 1967. № 8. С. 57-66; Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII-XIX веков и Вольная печать. М.: Мысль, 1973. С. 111-130; Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. М.: Наука, 1974. С. 271; Вдовина Л. Н. Дворянский конституционализм в политической жизни России XVIII в. / Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М.: Наука, 1995. С. 36-48; Минаева Н. В. Никита Иванович Панин // Вопросы истории, 2001. № 7. С. 74; Каррер д'Анкосс Э. Екатерина II. Золотой век в истории России. М.: РОССПЭН, 2006. С. 54-55.

[2] Елисеева О. И. Геополитические проекты Г. А. Потемкина. М.: ИРИ РАН, 2000; Захаров В. Ю. «Всемилостивейшая жалованная грамота российскому народу» 1801 г. в контексте развития конституционных идей в России во второй половине XVIII – начале XIX вв.: Монография. М.: Прометей, 2002; Каррер д'Анкосс Э. Екатерина II. Золотой век в истории России. М.: РОССПЭН, 2006.

[3] Whittaker C. Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb: North Illinois Press, 2003. P. 256-257; Писаренко К. А. Тайны дворцовых переворотов. М.: Вече, 2009. С. 348-359.

тельных» или каких-нибудь еще устремлений Панина) к тщательному анализу содержания текстов реформаторских проектов, ориентированному на извлечение максимума информации[4]. Такой анализ позволит не только дать положительный либо отрицательный ответ на поставленные выше вопросы, но и понять, как должны эти вопросы быть заданы (и стоит ли вообще их задавать), чтобы ответы на них обладали релевантностью.

В этой книге политика понимается как коммуникативный процесс. Чтобы «делать» политику, нужно говорить; следовательно, политическая культура зависит от лексикона. История политики в данном случае – это история соответствующего языка, с помощью которого политические акторы обращались к определенному проблемно-тематическому кругу, напрямую связанному с историческим контекстом (напомню в этой связи высказывание известного историка Дж. Покока о том, что «политика – это язык, которым общество говорит само с собой»).

Тогда что, собственно, такое «реформаторские проекты»? Под «реформаторскими проектами» я подразумеваю комплекс документов, созданных в 60-80-х гг. XVIII в. и выражающих взгляды Панина на фундаментальные проблемы государственного устройства и методы решения этих проблем. Чаще всего эти проекты воспринимаются как более или менее единый текст, своего рода ненаписанный трактат. Ведь именно трактаты, как правило, и являются предметом анализа в трудах по истории политической мысли[5]. Достаточно вспомнить предложенный Кв. Скиннером (крупнейшим специалистом по истории общественной мысли Нового времени и коллегой Дж. Покока) анализ поворотного момента в европейской политической культуре – возникновение концепции народного суверенитета в эпоху религиозных войн во Франции.

---

[4] Напомню об истории изучения творческого наследия кн. М.М. Щербатова – на протяжении более чем ста лет он однозначно оценивался как «реакционер» (см., напр.: Федосов И.А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М. М. Щербатов. М.: Просвещение, 1967), и лишь в 90-е гг. XX в., благодаря работам Т. В. Артемьевой (Артемьева Т. В. Михаил Щербатов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994), исследовательское сообщество по-настоящему «открыло» для себя Щербатова-просветителя. Другой пример – всесторонняя и глубокая переоценка социально-политических процессов XVIII в., фактическое повторное открытие феномена «просвещенного абсолютизма» в трудах А. Б. Каменского и О. А. Омельченко. Важно, что эти исключительно значимые для истории России Нового времени исследовательские шаги, в сущности, не были прямым следствием открытия новых источниковых комплексов, позволивших открыть иное измерение проблемы – переоценка стала возможной благодаря набору интеллектуальных инструментов и исследовательских методик, отличных от тех, что использовались ранее.

[5] См.: Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought. Cambridge, 1979.

Тексты, создававшиеся сторонниками и противниками той или иной конфессии, предназначались для относительно широкого круга читателей, в том числе – для ассамблей и собраний. Изучать политическую мысль в данном случае – значит в первую очередь изучать культуру памфлетов и трактатов как текстов, в которых авторы совершают коммуникативные действия: опровергают, защищают, поддерживают те или иные аргументы средствами риторики.

В силу социальной и политической специфики в России не существовало автономных выборных органов власти, к которым публицисты могли бы обращаться с целью убеждения. Таким образом, не существовало и культуры трактатов и памфлетов, нацеленных на относительно широкий круг читателей. Российская специфика предполагала иную форму бытования политической культуры. При отсутствии автономных коллегиальных органов власти и монополизации политического творчества имперским центром риторические стратегии российских участников политического процесса – по крайней мере, в XVIII – начале XIX вв. – неизменно ориентировались на императорский двор с его специфическими центрами принятия решений, задействовавшими один и тот же властный ресурс – волю государя. Не были исключением и реформаторские проекты Н. И. Панина. Эти проекты и впрямь формируют своего рода трактат, который никогда не был написан как таковой; этот трактат представляет на деле набор докладных записок. Документы, приведенные в приложениях к настоящей книге, и есть части этого ненаписанного трактата. На их основании можно изучать представления Панина о феномене власти, ее легитимации, практической реализации и сохранении, не забывая, однако, что речь идет все же о суррогатном трактате, который историк собирает, словно конструктор, из отдельных пазлов.

Обсуждая то, каким образом вопросы о власти, о политических преобразованиях, о политической морали рассматривались в обществе, одновременно и похожем на наше современное общество, и глубоко от него отличным, мы открываем новые грани в культуре сегодняшнего дня. Феномены общественной жизни слишком сложны для того, чтобы кто-то мог объявить: тема закрыта! нечего здесь больше искать! Нет – за штампами и растиражированными общими местами всегда остается место для того, чтобы взглянуть на идеи прошлого под новым углом.

Книга, таким образом, посвящена не биографии выдающегося екатерининского сановника и не истории госуправления эпохи абсолютизма. Эту книгу можно охарактеризовать как анализ политических

идей, как «разбор» – если позаимствовать термин у литературоведов. К изучению политических взглядов Н. И. Панина я подошел как к изучению истории лексикона, позволявшего выразить определенную идеологию; «выразить» в данном случае означает одновременно и «применить на практике», поскольку политический процесс является процессом коммуникации. Сказано – значит уже сделано.

Соответственно, исследование не имеет жесткой хронологической последовательности. Главы первой части содержат проблемный анализ историографии, методов исследования, а также характеристику источниковой базы. Вторая часть целиком посвящена концепции Совета в реформаторских проектах Панина и, в частности, вопросу о том, обладал ли задуманный Паниным Императорский совет явным или скрытым потенциалом ограничения власти монарха. В центре внимания здесь находится реформаторский проект 1762 г., созданный Паниным сразу после свержения Петра III. Наконец, третья часть посвящена детальному анализу лексиконов – наборов ключевых понятий, с помощью которых Панин вел речь о политических проблематиках. Таких проблематик я выделяю три: господство, лояльность, оппозиционность. Все они связаны с описаниями принципов властных отношений: характер и генезис власти монарха, способы ее практической реализации и сохранения, повиновение подданных и их право сменить суверена. Что такое власть монарха? Какой она должна быть? Что происходит в случаях, когда она не отвечает идеалу? Говоря об этих проблемах, Панин задействовал различные риторические стратегии, связывавшие конкретные понятия между собой в специфических контекстах. В приложении даны наиболее важные документы, которые, собственно, и объединяются под названием «реформаторские проекты» Панина.

Я должен поблагодарить за поддержку моих коллег, работающих в разных научных центрах страны, но объединенных интересом к истории XVIII в., – Е. В. Бородину, К. И. Зубкова, Г. В. Ибнееву, Я. А. Лазарева, А. Б. Плотникова, С. В. Польского, С. В. Соколова, Д. В. Тимофеева, высказывавших ценные замечания и щедро делившихся собственными идеями. Особенно я благодарен М. А. Киселеву, чье дружеское участие было весьма значимым для создания второй части этой книги. Издание же книги в целом стало возможным благодаря настойчивости Ю. В. Запарий. Мой научный руководитель Д. А. Редин создал в Екатеринбурге замечательную атмосферу интеллектуального комфорта и поддержки, в которой оказалось возможным создание этой книги и ее выход в свет.

Моя семья оказала мне огромную помощь. Я хочу поблагодарить своих родителей, историков Дмитрия и Надежду Бугровых – именно они сподвигли меня заняться российской историей (отец, специалист по отечественной утопической мысли, и познакомил меня впервые с интеллектуальным наследием Никиты Панина). Стараниями филолога Екатерины Бугровой, моей сестры, я продвинулся далеко на междисциплинарную территорию. Моя жена Ольга всегда оказывала мне самую внимательную, самую заботливую поддержку, даже когда начинало казаться, что труд никогда не окончится. И особо я должен поблагодарить мою бабушку Наталью Григорьевну, внимательно читавшую все тексты автора этой книги от начала до конца и, кажется, полюбившую Никиту Панина, как внука.

ЧАСТЬ I. МЕТОД. КАК ИЗУЧАТЬ РЕФОРМАТОРСКИЕ ПРОЕКТЫ?

ГЛАВА I. В ЗЕРКАЛАХ ИСТОРИИ. ИСТОРИОГРАФИЯ РЕФОРМАТОРСКИХ ПРОЕКТОВ Н. И. ПАНИНА

Историография реформаторских проектов и – шире – политической деятельности Н. И. Панина обширна. Сюжеты, так или иначе связанные с этими вопросами, давно и прочно вошли в число тем, традиционных для исследований политической истории[6] российского XVIII века. Место проектов Панина в отечественной истории во многом было определено сложным характером его отношений с Екатериной II, а также туманной атмосферой дворцовых переворотов.

Реформаторский проект Н. И. Панина 1762 г. был хорошо известен в среде административно-придворной элиты – так, в александровское царствование об этом проекте хорошо отзывался граф Д. А. Гурьев. Первым же исследованием на эту тему можно, пожалуй, считать книгу П. С. Лебедева[7], вышедшую в 1863 г., однако это издание следует скорее назвать памфлетом: автор был предельно тенденциозен, – недаром в 1888 г. исследователь и публикатор П. И. Бартенев охарактеризовал это сочинение следующим образом: «Вышедшая в 1862 г. книжка П. С. Лебедева "Графы Н. и П. Панины" любопытна лишь по тем бумагам, которые в нее включены из Государственного Архива. Легкомысленные суждения и жалкие выводы автора ныне уже не стоят опровержения»[8].

С. М. Соловьев, приведя обширные выдержки из чернового собственноручного доклада Панина и проекта манифеста текстов в XXV томе своей «Истории России», не предложил никакого специфического анализа вопроса, ограничившись замечанием о причинах неудачи

[6] Под «политической историей» я подразумеваю не только историю административных практик институтов власти, но и историю актуализации интеллектуальной традиции осмысления этих институтов в социальном пространстве (интеллектуальная, политико-правовая история, а также история идей). Различные виды исследований политической истории опираются на комплекс источников, включающий, с одной стороны, нормативно-правовые документы как действительное выражение политического процесса, а с другой – тексты, остававшиеся за рамками непосредственной реализации такого процесса, но влиявшие на подготовку документов первого рода. Объединяющим началом здесь выступает лексикон – язык, позволяющий участникам политического процесса понимать друг друга.

[7] Лебедев П. С. Опыт разработки новейшей русской истории по неизданным источникам. Графы Никита и Петр Панины. СПб.: Издание Д. Е. Кожанчикова, 1863. С. 50.

[8] Письма гр. П. И. Панина к гр. Никите Ивановичу // Русский архив. 1888. № 2. С. 66.

реформы: «Панин бил мимо, потому что вооружал против своего дела самолюбие Екатерины: при Елисавете, представлял он, дела находились в ужасном положении, недостойные люди, похитив доверие государыни, делали что хотели; для того чтоб при Екатерине не было того же, необходимо учредить Императорский совет: значит, ум, способности Екатерины не внушали никакого доверия, ее фавориты уже обозначились, и против них надобно было поскорее прибегнуть к единственному средству спасения, к учреждению Совета!»[9].

Для другого крупнейшего историка XIX в. – В. О. Ключевского – век Просвещения представлял сплошное несоответствие между политической идеологией и социальной практикой. Самого Панина Ключевский с характерным сарказмом характеризовал как «дипломата-идиллика, чувствительного до маниловщины», отмечая попутно, что этот политик-«белоручка» был «не чужд аристократических идей 1730 г.». Как и в случае с другими характеристиками из «Курса русской истории», это определение превратилось в своего рода штамп.

Значительная часть лекции LXXVII «Курса» была специально посвящена проекту Императорского совета. Оценив проект как «тягучий» и «дипломатически неясный», Ключевский характеризовал его как «чисто совещательное учреждение, нисколько не посягавшее на полноту верховной власти <…> закономерное, гласным законом установленное учреждение с оформленным порядком делопроизводства». Ключевский приходил к выводу о том, что Совет должен был быть не более чем «законодательной мастерской», и что созданием такого совета «верховная власть не ограничивалась, а только сдерживалась практически, самой организацией законодательного дела. В проекте Панина неясно и неумело предначертан будущий Государственный совет Сперанского, оказавшийся вполне безопасным политически»[10].

Несколько противореча самому себе, Ключевский вновь упоминал о проекте Панина в лекции LXXIX «Курса»: «Екатерина ясно сознавала предстоящую ей задачу: надобно было дать правительственным местам прочные основания и указать точные законы и границы их деятельности… Граф Никита Панин вскоре после переворота предложил императрице проект Государственного (так! – К. Б.) совета. Граф Никита не был совершенно чужд аристократических идей 1730 г. Он недаром долго жил посланником в Стокгольме, и шведский Государственный совет с аристократическим составом был для него образцом

[9] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. V. СПб.: Издание Высочайше утвержденного товарищества «Общественная польза», [б\г]. С. 1390.

[10] Ключевский В. О. Курс русской истории // В. О. Ключевский. Сочинения. В 9 т. Т. 5. М.: Мысль, 1989. С. 64-65.

высшего правительственного учреждения». По мнению Ключевского, «Панин хотел сказать, что в России не было основных законов, которые бы стесняли личный произвол. Екатерина приняла было проект Панина и даже подписала манифест о новом постоянном совете, даже назначила его членов, но кто-то растолковал ей мысль Панина, и подписанный манифест остался необнародованным»[11].

Наконец, в кратком очерке истории высших законосовещательных учреждений России от Петра I до Екатерины II – наброске лекции «Совет при Екатерине II» – Ключевский отмечал сходства между организацией Верховного тайного совета и Императорского совета, предложенного Паниным, подчеркивая: «Главное преимущество Императорского совета в том, что его компетенция цельнее, однороднее: проект направил всю его организацию к одной цели, к обеспечению успешного выполнения законосовещательной его функции, не примешивая к ней других дел: административно-распорядительных, судебных и контрольных»[12]. Ключевский полагал также, что впоследствии Екатерина – возможно, под влиянием Панина – воспроизвела идею высшего законосовещательного учреждения в созданном в 1768 г. Совете.

В том же духе высказывался и Н. Д. Чечулин, автор целого ряда ценных трудов по истории екатерининского времени. Чечулин посвятил панинскому проекту 1762 г. отдельное исследование, ставшее первой из специальных работ такого рода. Этот краткий текст, впервые опубликованный в «Журнале министерства народного просвещения» в марте 1894 г., был в том же году издан отдельной брошюрой.

Чечулин, полемизируя с С. М. Соловьевым, предложил оригинальное видение проблемы: по его мнению, Панин «в данном случае вовсе не проводил своих собственных, дорогих ему идей, а представил свой проект потому, что вопрос о проекте был на очереди, и надо было принять участие в его разрешении». Именно поэтому, «когда дело не устроилось, Панин нимало не чувствовал своего положения неловким, пользовался безграничным доверием императрицы во всех внешних делах и с замечательным искусством, с умом истинно государственного деятеля и со стремлениями истинно русского человека доставил России на дипломатическом поприще ряд блистальных успехов»[13]. Как видим, выводы Чечулина во многом совпали с выводами Ключевского. Кроме того, именно Чечулин первым указал на связь

[11] Там же. С. 105.

[12] Ключевский В. О. Курс русской истории. С. 398.

[13] Чечулин Н. Д. Проект Императорского совета в первый год царствования Екатерины II. СПб.: Тип. В. С. Балашева и Ко, 1894. С. 14.

между проектом Императорского совета и работой Комиссии о вольности дворянской (Императорского собрания 1763 г.)[14].

Несмотря на то, что и Ключевский, и Чечулин не видели в проекте Императорского совета 1762 г. скрытого «ограничительного» потенциала в отношении власти императрицы, многие исследователи продолжали считать Панина именно сторонником ограничения этой власти. Важную роль здесь, очевидно, сыграли «Мемуары» княгини Е. Р. Дашковой, впервые опубликованные на французском языке в 1804-1805 гг. Именно Дашкова сообщила о предполагаемых симпатиях Панина к «началам шведской монархии»[15]. Это сообщение стало основанием для концепции «шведских заимствований», предполагавшей, что Панин, стремясь обуздать российский «деспотизм», обращался именно к опыту шведской «Эры Свобод».

В историографической традиции, говорящей о противостоянии Екатерины II и Панина, необходимо особо выделить небольшую по объему, но весьма содержательную работу В. А. Бильбасова «Панин и Мерсье де ла Ривьер», опубликованную в 4-м томе его «Исторических монографий»[16]. Несмотря на то, что в отношении проекта 1762 г. Бильбасов придерживался вполне традиционных воззрений об «ограничительном характере» Императорского совета и о влиянии на Панина «шведских заимствований», он одновременно первым – хотя и в самой сжатой форме – сравнил черты шведской политической системы с предложениями Панина. Республиканско-аристократические стремления Панина, по мнению Бильбасова, были столь сильны, что шеф российской внешней политики даже сорвал планировавшееся Екатериной II обращение к помощи французского физиократа Лемерсье де ла Ривьера в законотворческих вопросах.

К сходным выводам приходили и другие историки. Например, Д. А. Корсаков, поместивший в 1891 г. биографический очерк о Панине в число биографий «русских деятелей XVIII в.», полагал, что Панин был «увлечен» шведской конституцией, а также мечтой «воспитать великого князя в духе конституционализма»[17].

Настроенный более консервативно М. К. Любавский также считал проект Панина «ограничительным» и вдохновленным шведскими

---

[14] Там же. С. 17-18.

[15] Дашкова Е. Р. Записки, 1743-1810. Л.: Наука, 1985. С. 25.

[16] Бильбасов В. А. Панин и Мерсье де ла Ривьер // В. А. Бильбасов. Исторические монографии. Т. 4. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901. С. 1-83.

[17] Корсаков Д. А. Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань: Типография Императорского университета, 1891. С. 383.

образцами. По мнению этого исследователя, обещание Екатерины II в «Обстоятельном манифесте» от 6 июля 1762 г. «узаконить… государственные установления» означало всего лишь намек на «знать, сосредоточившуюся в Сенате», «хозяйничанью» которой она решила «положить конец» созданием совещательного органа – Совета. Однако Панин, по мнению Любавского, рассчитывал, что Совет «со временем сумеет приобрести себе и законодательную власть». В качестве аналогии Императорскому совету Н. И. Панина Любавский предложил «папский конклав»: «Папская власть абсолютна, но ее решения проходят через конклав»[18].

Особо необходимо выделить работу С. П. Покровского, посвященную изучению формирования в России министерской системы управления[19]. Именно С. П. Покровский первым обнаружил сходство между реформаторскими предложениями Панина и институциональным оформлением консультативного аппарата французской монархии.

Мощное влияние на историографию оказывала и другая интеллектуальная традиция, которая была оппозиционна по отношению к российскому абсолютизму XIX в. В складывании этой традиции принял участие уже упоминавшийся выше декабрист М. А. Фонвизин – племянник Д. И. Фонвизина, он описал Панина как сторонника конституционного «ограничения самодержавия». Именно М. А. Фонвизин привлек внимание к той части комплекса реформаторских проектов Панина, которая не относится к 1762 г. Он сообщал, ссылаясь на своего отца А. И. Фонвизина, о заговоре против Екатерины II, который возник в 1773 или 1774 г. среди высших сановников империи. Панин, долго живший в Швеции, стремился, по мнению М. А. Фонвизина, «ограничить абсолютизм твердыми аристократическими институциями»; Павел Петрович «знал об этом, согласился принять предложенную ему Паниным конституцию и дал присягу в том, что, воцарившись, не нарушит этого коренного государственного закона, ограничивающего самодержавие»[20].

В интерпретации М. А. Фонвизина Н. И. Панин, по-видимому, выступал непосредственным предшественником дворянских революционеров 1825 г. Об этом говорит содержащаяся в «Записках» характеристика политических воззрений Панина. По словам

[18] Любавский М. К. История царствования Екатерины II. СПб.: Лань, 2001. С. 51-52.

[19] Покровский С. П. Министерская власть в России. Ярославль: Тип. губернского правления, 1906.

[20] [Фонвизин М. А.] Записки Михаила Александровича Фонвизина // Русская старина. 1884. Т. 42. № 4. С. 62.

М. А. Фонвизина, Панин «предлагал основать политическую свободу, сначала для одного дворянства, в учреждении верховнаго сената, котораго часть несменяемых членов (inamovibles) назначалась бы от короны, а большинство состояло бы из избранных дворянством из своего сословия лиц. Синод также бы входил в состав общаго собрания сената. Под ним в иерархической постепенности были бы дворянския собрания губернския или областныя и уездныя, которым предоставлялось право совещаться об общественных интересах и местных нуждах, представлять об них сенату и предлагать ему новые законы (avoir l›initiative des lois). Выбор как сенаторов, так и всех чиновников местных администраций производился бы в этих же собраниях. Сенат был бы облечен полною законодательною властию, а императорам оставалась бы власть исполнительная с правом утверждать сенатом обсужденные и принятые законы, и обнародовать их. В конституции упоминалось и о необходимости постепеннаго освобождения крепостных крестьян и дворовых людей»[21]. Именно такое представление о проектах Н. И. Панина, по-видимому, было распространено в среде декабристов.

Трудно переоценить огромное влияние «Записок» М. А. Фонвизина[22] на последующую историографическую традицию. Именно они впервые привлекли внимание исследователей к проблематике заговора против Екатерины, которая будет потом развита в концепцию постоянного противостояния императрицы и ее собственного министра до самой смерти последнего. Именно «Записки» содержали и упоминание о «секретной», по выражению Н. Я. Эйдельмана, конституции, создание которой было инспирировано Н. И. Паниным. При этом «Записки» недвусмысленно указывали на Д. И. Фонвизина как на автора конституционного проекта, включая и введение к нему – «род Considerant». Вспоминая в своих «Записках» о том, что «проект был написан Д. И. Фонвизиным под руководством графа Панина», М. А. Фонвизин почти дословно процитировал первые строки «Рассуждения о непременных государственных законах».

[21] [Фонвизин М. А.] Записки Михаила Александровича Фонвизина… С. 61.

[22] При этом мнения, аналогичные мнению М. А. Фонвизина, можно встретить и в других декабристских текстах. Например, М. С. Лунин писал в 1839 г.: «Павел, будучи великим князем, участвовал в намерениях графа Никиты Ивановича Панина, Дениса Ивановича Фонвизина – дяди члена Тайного союза – и других, желавших ввести в России умеренные формы правления, подобные шведским. Новый правительственный устав был уже написан. Панина удалили» (Лунин М. С. Разбор донесения тайной следственной комиссии государю императору в 1826 году // М. С. Лунин. Письма из Сибири. М.: Наука, 1987. С. 79).

Кроме того, Панин неоднократно попадал в фокус историографии как воспитатель великого князя Павла Петровича[23], а также как руководитель отечественной внешней политики[24]. Несмотря на то, что большинство этих работ, в сущности, не внесли ничего принципиально нового в изучение реформаторских проектов Панина, они, безусловно, содержат множество ценной информации о самых различных аспектах его политической биографии.

Возможность для кардинальной реинтерпретации политической истории XVIII в. открылась в 20-30 гг. XX в., во многом благодаря выходу на авансцену марксистской исследовательской парадигмы. Своеобразный «креативный поворот» был сделан Г. А. Гуковским – крупнейшим советским историком литературы XVIII в., чьи труды касались не только филологии как таковой, но и политической истории. Предложенный им в исследовании с характерным названием «Дворянская фронда в литературе» комплексный анализ литературных источников XVIII в., сочетавший характерный для марксизма социологизм, глубокое внимание к историческому контексту и привлечение дополнительных источников для анализа, позволил увидеть политическую деятельность Н. И. Панина в новом свете. По мнению Гуковского, между Паниным и первым поколением независимых публицистов и литераторов в России (А. П. Сумароков, М. М. Херасков) существовала идейная связь[25].

Гуковский расценивал деятельность Панина как попытку экспорта этико-правовых ценностей европейского дворянства, сочетавшуюся с «дворянской фрондой»: «Никита Панин сформировался как политический деятель, как идеолог возрождающейся русской аристократии, за границей, в Швеции… Он вырастил свои социальные идеалы далеко от России, имея о ней полуфантастическое представление, в основу которого легли черты совсем другой страны, других социальных условий и традиций. Он мечтал о воскрешении русской феодальной аристократии и русской феодальной культуры, которые никогда не существовали в том “рыцарском” виде, как они ему представлялись. Он видел в русских помещиках недостойных потомков благородных, культурных, независимых сеньоров. Ему хотелось бы

[23] Шильдер Н. К. Император Павел I. М.: Мир книги; Литература, 2007 (первое издание – 1901); Шумигорский Е. С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб.: Тип. В. Д. Смирнова, 1907.

[24] Александров П. А. Северная система. Опыт исследования идей и хода внешней политики России в первую половину царствования императрицы Екатерины II. М.: Тип. п./Ф. «Ломоносов», 1914.

[25] Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII в. Дворянская фронда в литературе 1750-х-1760-х гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

вернуть своим собратьям, российским жантильомам, и большую полноту политической власти, ограничив азиатского деспота и его прихлебателей»[26].

Таким образом, «партия Панина» у Гуковского превратилась из привычной для исторической традиции XIX в. маленькой группы заговорщиков / аристократов / конституционалистов в настоящую «партию», располагающую собственной социальной базой. Такое углубленное понимание многогранности политического процесса XVIII в. позволило изменить традиционное представление о деятельности Н. И. Панина как представителя своекорыстной «олигархии» либо как покорного исполнителя воли императрицы. Блистательный анализ Гуковским «Хора ко превратному свету» А. П. Сумарокова – который Гуковский считал своеобразным стихотворным манифестом «партии Панина» – остается, по нашему мнению, одним из ярчайших примеров «археологии» скрытых значений в изучении политической истории России.

Во многом благодаря историкам литературы интерес к политическому наследию Н. И. Панина не угас после того, как революция 1917 г. лишила рассуждения о дворянах-конституционалистах актуальности. Однако центр внимания теперь переместился с собственно реформаторского проекта 1762 г. на «Рассуждение о непременных государственных законах» – преимущество теперь получила оппозиционная традиция, восходящая к М. А. Фонвизину и помещающая Панина в лагерь противников самодержавия. Как было отмечено выше, «Рассуждение» в советской историографии однозначно приписывалось Д. И. Фонвизину (оно было опубликовано в двухтомном собрании его сочинений); тем более ценным оказался сделанный историками литературы акцент на роль Панина в создании текста.

Одновременно выходят фундаментальные работы о самом Д. И. Фонвизине[27]. В беллетризованной форме эти исследования были суммированы в блестяще написанной Ст. Рассадиным биографии Д. И. Фонвизина[28], вышедшей в серии «Жизнь в искусстве». Даже на этом фоне, однако, выделяется Ю. М. Лотман – несмотря на то, что этот замечательный исследователь не занимался специально вопросами политической истории начала екатерининского царствования, именно он впервые провел содержательный

[26] Там же. С. 125.

[27] Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин (Творческий путь). М.; Л.: Гослитиздат, 1961; Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М.: Изд-во АН СССР, 1954.

[28] Рассадин Ст. Фонвизин. М.: Искусство, 1980.

анализ «Рассуждения о непременных государственных законах» и обнаружил связь этого текста с «Общественным договором» Руссо[29].

Вопросы дальнейшего изучения реформаторских проектов Панина поднимались и исследователями-историками, причем зачастую это происходило вне прямой связи с этими проектами. Так, Ю. В. Готье в ходе изучения истории областного управления России XVIII в. обнаружил резкие различия между проектом Н. И. Панина 1762 г. и предложенным примерно в то же время проектом нового «росписания штатов», подготовленным князем Я. П. Шаховским и сопровожденным коллективным докладом Сената. Изыскания Готье стали одним из первых упоминаний о существовании множественных политических альтернатив и реформаторских стратегий первых лет царствования Екатерины, далеко не сводившихся к противостоянию «аристократического» и «самодержавного» принципов, представленных Паниным и императрицей соответственно.

К сожалению, работа Готье не заняла должного места в штудиях по отечественной политической истории. Многие советские исследователи не видели существенной разницы между политическими группами «феодальной элиты». Например, Н. П. Ерошкин усматривал в панинских проектах олигархическую попытку ограничения власти монарха[30]. К сходным выводам приходила и В. А. Петрова – автор одного из первых специальных исследований проектов Панина в советское время[31].

Основанием для большинства исследовательских интерпретаций советской поры продолжали служить «Записки» М. А. Фонвизина с их сообщениями о готовившемся в 70-е гг. XVIII в. заговоре против Екатерины II, о политическом противоборстве императрицы и ее министра, а также о «секретной конституции», созданной в последние годы жизни Панина. Поиски «потаенной конституции» Фонвизина – Панина стали важной частью многих исследований, так или иначе связанных с политической историей екатерининского времени.

---

[29] Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Ю. М. Лотман. Собрание сочинений. Т. 1. Русская литература и культура Просвещения. М.: ОГИ, 2000. С. 5-206. См. также: Лотман Ю. М. Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII в. // Ю. М. Лотман. О руской литературе. СПб.: Искусство-СПб., 2005. С. 211-239.

[30] Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1983. С. 101.

[31] Петрова В. А. Политическая борьба вокруг сенатской реформы 1763 года // Вестник Ленинград. ун-та. Сер.: История, язык, литература. 1967. № 8. С. 57-66.

Важным вкладом в изучение политической истории заявленного периода стали работы Н. Я. Эйдельмана[32], которые поддержали интерес к проблеме; более того – остроумные, выдержанные в ярком литературном стиле интерпретации, предложенные Н. Я. Эйдельманом в отношении большинства сюжетов политической биографии Н. И. Панина, сегодня фактически трансформировались в историографические штампы. Н. Я. Эйдельман вслед за Г. А. Гуковским считал предложенный Паниным Императорский совет органом «парламентского типа»[33], а также был уверен в существовании заговора Панина в пользу Павла Петровича с последующим планом установления конституционного порядка[34]. Равным образом и М. М. Сафонов полагает, что «конституционный проект Панина – Фонвизина», о котором сообщал М. А. Фонвизин, был близок по содержанию к опубликованным запискам, а сами Н. И. Панин и Д. И. Фонвизин «не только мечтали о конституционном преобразовании страны… но и добивались его скорейшего осуществления»[35].

На рубеже 80-90-х гг. XX в. в отечественной историографии начался пересмотр концепции «просвещенного абсолютизма» и российской мысли эпохи Просвещения в целом, приведший к созданию целого ряда работ, так или иначе затрагивавших предмет настоящего исследования[36]. Наиболее значимым для историографии XVIII в. (и

[32] Эйдельман Н. Я. Мемуары Екатерины II – одна из раскрытых тайн самодержавия // Вопросы истории. 1968. № 1. С. 149-160; Он же. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII-XIX вв. и Вольная печать. М.: Мысль, 1973; Он же. 17 сентября 1773 года // Знание – сила. 1984. № 1. С. 37-40; Он же. Где секретная конституция Фонвизина-Панина? // Наука и жизнь. 1973. № 7. С. 124-129; Он же. Твой восемнадцатый век. М.: Детская лит-ра, 1986; Он же. Грань веков: Полит. борьба в России: Конец XVIII – начало XIX столетия // В борьбе за власть: Страницы полит. истории России XVIII в. М.: Мысль, 1988. С. 284-584; Он же. «Революция сверху» в России. М.: Книга, 1989.

[33] Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М.: Книга, 1989. С. 74.

[34] Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. М.: Мысль, 1975. С. 113-130.

[35] Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина... С. 271

[36] Аникин А. В. Путь исканий: Социально-экономические идеи в России до марксизма. М.: Политиздат, 1990; Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. М.: Мысль, 1986; Медушевский А. Н. Административные реформы в России в XVIII-XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе. М.: ИНИОН, 1990; Он же. Утверждение абсолютизма в России: Сравнительно-историческое исследование. М.: Текст, 1994; Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М.: Юрист, 1993; Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л.: Наука, 1988; Шмидт С. О. Внутренняя политика России середины XVIII в. // Вопросы истории. 1987. № 3. С. 42-58; Он же. Общественное самосознание noblesse russe в XVI – первой трети XIX в. // Cahiers du monde russe et sovetique. 1993. Vol. 34. № 1-2. P. 11-32; Вдовина Л. Н. Об истоках русского либерализма в XVIII в. // Европейский либерализм в новое время. М.: ИВИ РАН, 1995. С. 136-144.

по определению – проектов Панина) стал обобщающий труд А. Б. Каменского[37], рассматривающий историю России XVIII в. как историю продолжающихся реформ. Кроме того, в 1989 г. вышло первое на русском языке специальное исследование А. В. Гаврюшкина[38], до сих пор остающееся единственным отечественным исследованием биографии Панина. Несмотря на то, что Гаврюшкин, по-видимому, не ставил задачей новаторскую интерпретацию реформаторских идей Панина, предпочитая сфокусироваться на изложении его биографии, ряд замечаний этого исследователя представляется весьма ценным. Минусом книги стало отсутствие в ней научного справочного аппарата.

В 90-е гг. XX в. были подготовлены первые в России диссертационные исследования, посвященные специально реформаторским проектам Н. И. Панина: диссертации Г. В. Ибнеевой и А. Б. Плотникова[39]. Г. В. Ибнеева сконцентрировала внимание на политических группировках и придворной борьбе в первые годы правления Екатерины II. В ее работе детально рассмотрены перипетии придворной борьбы, в атмосфере которой был создан реформаторский проект Н. И. Панина 1762 г. По мнению исследовательницы, проект Панина был инспирирован стремлением «высшей чиновной аристократии, которая хотела бы иметь гарантии стабильного существования и желала бы иметь защиту от капризов монарха», а «главной целью реформ являлось устранение дезорганизации в работе правительства». Ибнеева приходит к выводу о том, что воплощение панинского проекта «продвинуло бы Россию по направлению утверждения правовых законных отношений. <…> Эти установления должны были способствовать защите дворянских прав, собственности, чести, защищать их от произвола самодержца и его фаворитов»[40].

В свою очередь, А. Б. Плотников исследовал характер реформаторских проектов в контексте развития административной системы

[37] Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М.: РГГУ, 2001.

[38] Гаврюшкин А. В. Граф Никита Панин. Из истории русской дипломатии XVIII века. М.: Международные отношения, 1989.

[39] Ибнеева Г. В. Политические группировки при восшествии на престол Екатерины II: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань: КГУ, 1994; Ибнеева Г. В. Борьба мнений вокруг проекта Императорского совета Н. И. Панина. // Ученые записки Казанского гос ун-та. Т. 134. Казань: Унипресс, 1998. С. 100-105; Плотников А. Б. Политические проекты Н. И. Панина: Дисс. … канд. ист. наук. М.: 1997. РАН, Институт росс. истории; Плотников А. Б. Политические проекты Н. И. Панина. // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 74-84.

[40] Ибнеева Г. В. Борьба мнений вокруг проекта Императорского совета Н. И. Панина… С. 105.

Российской империи XVIII-XIX вв. На основании систематического и тщательного изучения комплекса документов автор подверг решительному пересмотру традиционные представления о существовании «потаенной конституции» Фонвизина – Панина[41]. Плотников не только продемонстрировал, что проекты Панина отражали объективные тенденции в системе управления империи, но и указал на некоторые из интеллектуальных источников реформаторских идей Панина[42]. По мнению исследователя, отвергнув проект Панина и «отказавшись, таким образом, даже от минимальной степени либерализации механизма государственной власти, самодержавие в лице Екатерины II сделало свой исторический выбор»[43]. При этом работа Плотникова сфокусирована главным образом на «политических проектах» Панина, оставляя за рамками анализа «Рассуждение о непременных государственных законах».

В конце 90-х гг. XX в. и в первые годы XXI в. вышел ряд работ, представляющих немалый интерес[44]. Среди наиболее интересных работ, на анализе которых мы остановимся несколько подробнее, следует назвать монографические исследования И. В. Курукина, Е. Н. Марасиновой, а также серию статей С. В. Польского.

И. В. Курукин посвятил обширное исследование ключевому для политической истории России XVIII в. феномену «дворцовых переворотов». Он отмечает, что «изучение послепетровского политического режима позволяет раскрыть причины, породившие кризисные явления в механизме верховной власти Российской империи, которые воспринимаются как характерная черта российской политической культуры Нового времени. Обращение к этой теме определяется востребованностью исторического опыта проведения реформ в России при особой роли самодержавия, которое… успешно воспроизводилось в новых исторических условиях, как и повышенная роль неформальных отношений в политической борьбе при неразвитости институтов правового государства»[45].

---

[41] Плотников А. Б. Политические проекты Н. И. Панина // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 77.

[42] Там же. С. 78.

[43] Там же. С. 83.

[44] Соколова Е. С. «Дворянство есть нарицание в чести…»: опыт реконструкции правосознания высшего сословия Российской империи XVIII – первой половины XIX в. // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 71-87; Галиуллина М. В. Конституционализм в России во второй половине XVIII – начале XIX веков: Дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2004.

[45] Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань: НРИИ, 2003. С. 8.

Эту неразвитость Курукин анализирует сквозь призму феномена российского «переворотства», одновременно расценивая этот феномен как часть более широкой традиции, сохранившей значение вплоть до сегодняшнего дня. Курукин демонстрирует изменения в характере дворцовых переворотов – от открытых обсуждений и полемики по вопросам престолонаследия второй четверти XVIII в. до тщательно законспирированных заговоров середины столетия, – одновременно отмечая, что «такое развитие ситуации не сводится только к выявлению двух разных "типов" переворотов или некоему общему "механизму саморегуляции" политической системы. Перед нами, скорее, две разные тенденции развития политической борьбы. Одна нащупывала путь к становлению нового, по сравнению с петровской системой, политического механизма через элементы публичности и выборности, поиск компромисса. Другая, наоборот, консервировала сложившуюся систему и, – порой радикально устраняя правящую фигуру, – не меняла ничего в самой "форме правления"»[46].

По мнению Курукина, «правление Анны Иоанновны "закрыло" возможность наметившейся было эволюции петровской системы и тем самым окончательно перевело практику политической борьбы в русло "переворотства"». В XIX в. российская монархия смогла, наконец, гарантировать стабильность с помощью ряда мер, однако «модернизация экономики и социальной структуры никак не касалась высшего эшелона управления: к рубежу XX столетия в России не появилось не только какого-либо представительного органа или единого кабинета министров, но даже четко выработанной процедуры принятия решений». Отсутствие же традиции легитимной смены правителей и в XIX, и в XX вв. «неизбежно порождало явления, очень похожие на дворцовые интриги прошлого»[47].

Е. Н. Марасинова исследует политическую историю России XVIII в. сквозь призму анализа ментальности российского дворянство. В поисках ответа на вопрос, «был ли у самодержавия шанс сохранить чувство имперского патриотизма у просвещенной элиты, которая бы продолжала служить власти, а не расшатывать ее», на основании анализа обширных комплексов актового материала и эпистолярных источников Марасинова приходит к выводу, что «во время правления Екатерины II, когда только начиналось внутреннее усложнение личности, самосознание которой очень тесно связывалось с величием расширяющей свои границы империи, этот баланс парадоксальным

[46] Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории… С. 456.
[47] Там же. С. 463.

образом еще сохранялся. В начале XIX столетия парадоксы по-своему гармоничного века Просвещения превратятся в серьезнейшие конфликты, некоторые из них не только не разрешены до сих пор, а, напротив, более обострились»[48].

Разделяя концепцию «дворянской фронды», выдвинутую еще Г. А. Гуковским, Марасинова подчеркивает: «Сила и опасность этой фронды заключалась не в наступлении на политические прерогативы монархии, а в непонятной для европейской политической культуры способности жить помимо государства. Самодержавие в России было ограничено не законом, а личностью, и не в области политики, а в сфере внутреннего мира фрондирующего дворянина. Этот уникальный для европейской истории процесс… приобретший целый репертуар наименований – возникновение общественного мнения, самоопределение интеллектуальной аристократии, эмансипация культуры, формирование интеллигенции – начнется в царствование Елизаветы и завершится в первой половине XIX в.»[49].

Одновременно Марасинова предлагает оригинальную классификацию «политических концепций» в России XVIII в. По ее мнению, «идеология власти, персонифицированной в личности монарха, которая отождествлялась с политикой, осуществляемой от лица государства и именем верховного правителя» – «доктрина самодержавия», – имела своим ярчайшим выразителем, «идеологом самодержавия», Феофана Прокоповича. Вторая группа идеологически окрашенной публицистики включает «произведения дворянских идеологов (например, проекты верховников, проект учреждения Императорского совета Н. И. Панина и др.), авторы которых защищали право на привилегированное положение высшего сословия, особые прерогативы олигархии и нравственное превосходство лучших представителей дворянства». Наконец, третью группу источников этой классификации составляют «публицистические и художественные тексты, отличающиеся не столько верноподданническим или узкосословным характером, сколько общечеловеческим подходом к проблеме отношений личности и власти. Это и произведения Радищева, и статьи в сатирических журналах Новикова, и записки о воспитании Дашковой, и пьесы Фонвизина...»[50].

Новаторские работы С. В. Польского, посвященные российскому конституционализму XVIII в. и, в частности, проблематике интеллек-

[48] Марасинова Е. Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века. М.: Наука, 2008. С. 74-75.
[49] Марасинова Е. Н. Власть и общество в России XVIII века (проблемы понятийной истории) // Труды Института российской истории. М.: Наука, 2005. С. 104.
[50] Там же. С. 111.

туальных заимствований из европейской политической традиции, позволяют по-новому взглянуть на политическую историю России века Просвещения[51]. Кроме того, С. В. Польской ввел в оборот дополнительные источники по истории полемики вокруг проекта 1762 г.[52].

Перечисленные выше современные работы в той или иной степени оказали влияние на данное исследование не только как источники ценнейшей аналитической информации, но и как концептуально-тематические «мосты» к специфическим темам: феномен «переворотства», отношения власти и личности, легитимационный дискурс российской монархии, интеллектуальные связи России с Европой и заимствования в политическом лексиконе.

Разумеется, выходили и другие работы, прямо или косвенно затрагивавшие вопросы, связанные с политической биографией Н. И. Панина[53]. Целый ряд новаторских исследований был выполнен в области исторического литературоведения, которое продолжает стремительно сближаться с политической историей[54]. Надо отметить работу

---

[51] Польской С. В. Дворянский конституционализм в России XVIII – начала XIX вв. // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 27-42; Польской С. В. Истоки российского конституционализма: теория естественного права и русские политики первой половины XVIII века // Философский век. Альманах 5. Идея истории в российском Просвещении. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1998. С. 162-184; Польской С. В. Развитие представлений о законе в сознании российского дворянства XVIII века // Философский век. Альманах 10. Философия как судьба. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1999. С. 167-177; Польской С. В. Русский конституционализм XVIII – начала XIX в. М., 2010. URL: http://www.perspectivy.info/misl/idea/russkij_konstitucionalizm_xviii__nachala_xix_v_2009-12-11.htm (дата обращения к ресурсу: 03.03.2010). С. В. Польскому принадлежит также историографический обзор проблемы: Польской С. В. Характеристика политических проектов Н. И. Панина в отечественной и зарубежной историографии // Вестник Самарского гос. ун-та. 2012. № 8.2. С. 77-86.

[52] Польской С. В. Неизвестная записка Н. И. Панина и «Примечания» на проект Императорского совета // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2010. № 6. С. 173-182.

[53] Худушина И. Ф. Царь, Бог, Россия: Самосознание русского дворянства, конец XVIII – первая треть XIX вв. М.: Ин-т философии РАН, 1995; Елисеева О. И. Геополитические проекты Г. А. Потемкина. М.: ИРИ РАН, 2000; Иванов О. А., Лопатин В. С. , Писаренко К. А. Загадки русской истории. Восемнадцатый век. М.: Древлехранилище, 2000; Минаева Н. В. Никита Иванович Панин // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 71-91; Сафонов М. М. Завещание Екатерины II. СПб.: ЛИТА, 2001; Стегний П. В. Время сметь, или Сущая служительница Фива. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002; Захаров В. Ю. «Всемилостивейшая жалованная грамота российскому народу» 1801 г. в контексте развития конституционных идей в России во второй половине XVIII – начале XIX вв.: Монография. М.: Прометей, 2002; Скоробогатов А. В. Цесаревич Павел Петрович. Политический дискурс и социальная практика. М.: РГГУ, 2005; Писаренко К. А. Тайны дворцовых переворотов. М.: Вече, 2009.

[54] Зорин А. Кормя двуглавого орла… Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: НЛО, 2001; Стенник Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX в. СПб.: Наука, 2004; Проскурина В. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛО, 2006.

А. А. Орлова, использующую материалы «Записок» С. А. Порошина для анализа взглядов Н. И. Панина на Британию и британцев[55]. Были предприняты издания важных исторических источников, в том числе – материалов Императорского собрания 1763 г. (известного также как «Комиссия о вольности дворянской»), предпринятое О. А. Омельченко[56], публикация целого комплекса документов, связанных с событиями 1730 г. (в том числе полной подборки официально-правовых документов)[57] И. В. Курукиным и А. Б. Плотниковым. Предпринимаются и масштабные публикации классических текстов российского теоретико-правового наследия[58] – в них вошли и некоторые из текстов интеллектуального наследия Н. И. Панина. Наконец, картина будет неполной без учета трудов по истории внешней политики России XVIII в., затрагивающих политическую деятельность Н. И. Панина[59]. Следует отметить, что в 90-е гг. XX в. начался важный для политической истории XVIII в. процесс ревизии кратковременного правления Петра III. Этому вопросу была посвящена серия работ; особо следует отметить работы А. С. Мыльникова и К. Леонард, благодаря которым ревизию в целом можно признать состоявшейся и успешной[60].

Зарубежная историография политической истории российского XVIII в., в той или иной степени затрагивающая заявленную проблему, достаточно обширна и одновременно – зависима от клише. На-

[55] Орлов А. А. «Теперь вижу англичан вблизи…». Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). М.: Гиперборея; Кучково поле, 2008. С. 13-75.

[56] Омельченко О. А. Императорское Собрание 1763 г. (Комиссия о вольности дворянской): Исторический очерк. Документы. М.: МГИУ, 2001.

[57] Курукин И. В., Плотников А. Б. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010.

[58] Конституционные проекты в России XVIII – начало XX в. М.: Институт российской истории РАН, 2000; Классики теории государственного управления: Управленческие идеи в России. М.: РОССПЭН, 2008.

[59] Миронова Е. М. Внешнеполитические взгляды и деятельность Н. И. Панина (1762-1772): Автореф… дисс. канд. ист. наук. М, 1990, МГУ; Герасимова Г. И. Северный аккорд графа Панина. Проект и реальность. // Российская дипломатия в портретах. М.: Международные отношения, 1992. С. 62-79; Нерсесов Г. А. Политика России на Тешенском конгрессе. М.: Наука, 1988; Носов Б. В. Планы заключения русско-польского союза в 1764 г.: к обсуждению проблемы //Славяноведение. 2001. № 2. С. 42-59; Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М.: Межд. отношения, 2002.

[60] Leonard C. The Reputation of Peter III // Russian Review. 1988. Vol. 47. P. 263-292; Leonard C. Reform and Regicide: The Reign of Peter III of Russia. Bloomington: Indiana University Press, 1993; Мыльников А. С. «Он не похож был на государя…». Петр III: Повествование в документах и версиях. СПб.: Лениздат, 2001; Он же. Петр III. М.: Молодая гвардия, 2003; Leonard C. The Reputation of Peter III // Russian Review. 1988. Vol. 47. P. 263-292. Idem. Reform and Regicide: The Reign of Peter III of Russia. Bloomington, 1993.

пример, из обзорного сочинения Т. Андерсона англоязычные читатели могли узнать, что Панин «соединял идеи Дмитрия Голицына с бюрократизмом Татищева, предложив проект Непременного Императорского Совета (Permanent Imperial Soviet) и практически обеспечив его воплощение», пока Екатерина II «не обнаружила, что он был задуман для законного ограничения ее власти»[61].

К тому же старые стереотипы остаются весьма устойчивыми. Примером тому может служить характеристика Панина, данная Р. Пайпсом в исследовании по истории российского консерватизма. Пайпс характеризует Панина как «первого российского либерала в западном смысле этого слова», который «выступал за конституционную систему правления и гарантированные гражданские права, включая неприкосновенность частной собственности». На взгляд Пайпса, пребывание в Швеции «усилило патрицианские убеждения Панина» и его стремление «восстановить полномочия аристократии, которые, как он ошибочно полагал, ограничивали деспотизм русской короны в прошлом»[62]. Пайпс трактует проекты Панина как сугубо «ограничительные» и расценивает «Рассуждение о непременных законах» как обычное переложение на российской почве либеральных и конституционных идей Европы, добавляя: «Для западной политической теории эти идеи и предложения не представляли ничего нового, но в России они стали беспрецедентным манифестом либеральных ценностей в противовес традициям необузданного самодержавия»[63]. Равным образом и многочисленные исторические биографии Екатерины II также предпочитают опираться на традиционный набор оценок[64].

Любопытным примером может служить статья «"Мандат Отечества": неоконфуцианство и российская имперская легитимация при дворе Екатерины Великой» Дж. Барсона. Небезынтересный в общем материал, посвященный оценке сделанного Фонвизиным перевода сочинения «Та-Гио, или Великая наука, заключающая в себе высокую китайскую философию» в контексте политической борьбы «панин-

---

[61] Anderson T. Russian Political Thought. An Introduction. NY: Cornell University Press, 1967. P. 140.

[62] Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры. М.: Новое издательство, 2008. С. 101.

[63] Отметим, что американский исследователь ошибочно приписал Н. И. Панину и подготовленное в 1763 г. «исследование, призванное установить, почему так много крепостных бежало из России на территорию Речи Посполитой» (Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики… С. 103). На деле этот проект был создан братом Н. И. Панина, генералом П. И. Паниным.

[64] Каррер д'Анкосс Э. Екатерина II. Золотой век в истории России. М.: РОССПЭН, 2006; Роундинг В. Екатерина Великая. М.: АСТ; АСТ-Москва, 2009.

ской группировки» за конституционные реформы, страдает весьма существенными неточностями[65]. Остается констатировать очевидные источниковедческие ошибки в тексте Барсона, принявшего одно и то же сочинение за два разных источника[66]. Это, впрочем, позволяет говорить о том, что знакомство широких кругов западного исследовательского сообщества с кругом источников по истории российской политической мысли XVIII в. остается довольно-таки ограниченным даже в отношении классических текстов[67].

Особое внимание необходимо уделить работе С. Уиттакер «Российская монархия. Правители и писатели XVIII в. в политическом диалоге». Американская исследовательница характеризует проект 1762 г. как «план рационализации имперского принятия решений». Отмечая вслед за Д. Ранселом, что проект Панина был вдохновлен «борьбой за власть внутри сетей патронажа», однако одновременно называя Панина (в духе И. де Мадариаги) главой «аристократической партии», С. Уиттакер подчеркивает присутствие в проекте «механизма предотвращения произвола со стороны монарха». Проекты Н. И. Панина Уиттакер рассматривает как одну из возможностей трансформации диалога между общественностью и правительством в качественно иную форму. По мнению Уиттакер, «дискурс XVIII в.» «одухотворял политическую жизнь и приводил убедительные аргументы в пользу монархии»; монархи и подданные XIX в. «черпали

[65] Самым вопиющим является следующий пассаж: «Российский (так! – К. Б.) интеллектуальный историк Анджей Валицкий обнаружил среди бумаг Никиты Панина документ спорного происхождения, но написанный, скорее всего, рукой Дениса Фонвизина (в соответствии с формой, стилем и содержанием), озаглавленный «Разсуждение о истребившейся в России со всем всякой формы государственнаго правления, и от того о зыблемом состоянии как Империи, так и Самых Государей». Этот текст может быть последним политическим завещанием Панина кронпринцу Павлу… Свидетельства связи между этим довольно туманным сочинением (piece) и текстами Фонвизина… остается неясным, но если изложение Валицкого верно, это сочинение представляет собой переработку заключений, сделанных еще в 1779 г. в фонвизинских "Рассуждении о непременных государственных законах" и "Та-Гио"» (Burson J. 'Mandate of the Fatherland': Neo-Confucianism and Russian Imperial Legitimacy at the Court of Catherine the Great // Vestnik. Winter 2005. Iss. 3. School of Russian and Asian Studies. [Б/м], 2005. URL: http://www.sras.org/news2.phtml?m=474 (дата обращения к ресурсу: 24.03.2010).

[66] Однако эти ошибки, возможно, выдают значительные неточности, допущенные уже упомянутым У. Глизоном при подготовке английской публикации сочинений Фонвизина.

[67] Например, в англосаксонской историографической традиции принято транслировать название «Рассуждения о непременных государственных законах» как «Discourse on the Permanent State Laws» (в т.ч. – в классическом переводе У. Глизона). Учитывая, что в данном контексте слово «непременный» означало – как и дешифровал его в сопроводительном письме П. И. Панин – «не пременяемый никакой самоизвольною властью», можно предположить, что более удачным вариантом перевода на английский было бы «Discourse on the Immutable State Laws».

из глубокого колодца легитимности, который соорудили их предшественники в XVIII в.»; институт монархии «поддерживался надеждами и ожиданиями, которые были вложены в монархию за время диалога XVIII в.»[68]. Следует сказать и о работе Ж. Гранай о российском республиканизме, где Панин в традиционном ключе рассматривается как конституционалист и предшественник декабристов[69].

Итак, несмотря на большое количество обзорных и специализированных работ, исследовательские интерпретации не отличаются разнообразием, оставаясь в рамках традиционной парадигмы, заданной еще в XIX в. К числу сквозных тем, доминирующих в исследовательской литературе, относятся концепции «шведских заимствований», «потаенной конституции», «дворянской фронды», а также «ограничительных устремлений» Н. И. Панина и его «партии»; акцентируется постоянное противоборство Н. И. Панина и Екатерины II.

ГЛАВА II. ТЕКСТЫ В КОНТЕКСТЕ. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МЕТОДАХ ИССЛЕДОВАНИЯ

Какое же место занимает настоящее исследование в обширной историографической традиции, рассмотренной выше? Фундаментальная работа А. Б. Каменского стала своего рода рубежом, обозначившим завершение процесса ревизии советской политической истории XVIII в. и одновременно – доказывающим необходимость поиска методологических новаций в этой исследовательской сфере. В 90-е гг. XX в. политическая история российского XVIII в. понималась преимущественно как история развивающегося конституционализма – находившегося в постоянной конфронтации с самодержавной монархией или, напротив, являвшегося продуктом ее эволюции. Соответственно, дальнейшее углубление понимания политических процессов российского XVIII в. может сопровождаться переходом от «двухмерных» схем и объективистских дихотомий модернизационной исследовательской парадигмы к более гибким методологическим концепциям.

Оптимальный путь решения проблемы соотношения текста и контекста в процессе исследовательской интерпретации предлагается в работах историков, работающих в русле истории понятий (или «новой политической истории», если уместно все еще применять такое наи-

[68] Whittaker C. Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb: North Illinois Press, 2003. P. 58.

[69] Grandhaye J. Russie: la Republique Interdite. Le momente Decembriste et ses enjeux (XVIIIe-XXIe siècles). Seyssel: Champ Vallon, 2012.

менование к школе, завоевавшей популярность на рубеже 80-90-х гг. XX в.)[70]. Таким образом, настоящее исследование ориентировано на методы и приемы «кембриджской школы» истории понятий[71].

Как замечает один из лидеров этой школы Дж. Покок, процесс использования понятий определяется историческим контекстом, в котором находится конкретный индивидуум[72]. Другой представитель «кембриджской школы» – Кв. Скиннер в этой связи так характеризует задачу историка: «Восстановление исторических значений в данном тексте является необходимым условием его понимания, но… этот процесс не может быть достигнут изучением текста самого по себе»[73].

По мнению Скиннера, «историк должен фокусировать внимание не только и не столько на так называемых "текстах классического канона", но скорее на месте подобных текстов в рамках широких традиций общественной мысли», идеологии[74]. Идеология же, формируемая языком, оказывает воздействие на любое действие уже потому, что именно она определяет возможности легитимации и виды оправдания этих дей-

[70] По замечанию Б. Штрата, «Кембриджская школа <…> ассоциируется с контекстуальным пониманием политического языка. Райнхарт Козеллек тоже использует контекстуальный подход. Однако его внимание в большей степени направлено на дискуссионное разнообразие значений определенных понятий и долгосрочных изменений в семантическом составе истории. Кроме того, в его понимании "контекст" имеет не политический фокус, нацеленный на действие, но фокус социальный и последовательно трансформативный» (Strath B. Review Essay: Reinhart Koselleck, Futures Past: On The Semantics of the Historical Time; Kari Palonen, Die Entzauberung der Begriffe: Das Umschreiben der politischen Begriffe bei Quentin Skinner und Reinhart Koselleck // European Journal of Social Theory. 2005. № 8(4). P. 527).

[71] Можно ли вообще считать эту группу исследователей «школой»? Сама «кембриджская школа» не имеет жесткой методологической установки. Так, М. Бивир утверждает, что существуют некоторые различия между «контекстуалистами, вдохновленными Пококом и утверждающими, что смысл текста вытекает из парадигмы или языка (langue), которому он принадлежит, и конвенционалистами, вдохновленными Скиннером, настаивающими на том, что для понимания текста мы должны поместить его в контекст современных ему условностей и споров» (Бивир М. Роль контекстов в понимании и объяснении // История понятий, история дискурса, история менталитета. М.: НЛО, 2010. С. 115). Возможно, впрочем, что эти различия в большей степени определяются различиями творческого стиля обоих ученых, нежели принципиальными разногласиями. Кроме того, методологические построения представителей «кембриджской школы» в большей степени опираются на реальную исследовательскую практику, нежели на жестко заданную интеллектуальную парадигму, что и делает их достаточно гибкими и открытыми для постоянного конструктивного обсуждения.

[72] Pocock J. G. A. The Re-description of Enlightenment // Proceedings of the British Academy. Vol. 125. Oxford, 2004. P. 101-117.

[73] Skinner Q. Some Problems in Analysis of Political Thought and Action // Political Theory. Aug. 1974. Vol. 2. № 3. P. 285.

[74] Skinner Q. Liberty before Liberalism. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 101.

ствий, и даже самый циничный политический актор, не ценящий собственные «выражаемые принципы», все равно остается в границах легитимации средствами языка: «То, чего возможно достичь в политике, в целом ограничено возможностью легитимизации… даже если практикуемые принципы никогда не служат мотивами, а являются лишь объяснениями действий, они все же помогут сформировать и ограничить возможные цепочки действий, которые можно выполнять с успехом»[75].

Итак, можно вести речь о наборе вопросов, которым исследователь должен уделять особое внимание при работе с источником: что автор имел в виду; кому были адресованы его аргументы; поддерживал ли он ту или иную аргументацию, более или менее распространенную в обществе его времени; не содержит ли тот или иной текст иронии; что могут рассказать умолчания – подчас более выразительно, нежели слова; наконец, почему в тех или иных случаях автор выбирает именно такие выражения, а не иные.

Это, в свою очередь, предполагает отказ от представления о политической мысли как о наборе «вечных тем», неизменных констант или «конституирующих субъектов», которые с ходом истории «развиваются», «проявляются» или «выходят на арену». В конечном счете, у такого поиска доктрин есть вполне конкретные опасности – «можно "открыть", что автор говорил, в силу случайных сходств терминологии, об аргументах, развитие которых он в принципе не мог иметь в виду»[76]. Для России эти слова британского историка звучат особенно актуально: отечественные исследователи имели возможность весьма близко и в течение длительного времени знакомиться с таким подходом, возведенным в своеобразное искусство манипулирования «мифологией доктрин» и всяческих «-измов».

Изложенные выше соображения позволяют считать историю понятий («новую политическую историю», «интеллектуальную историю») актуальной для изучения отечественной политической истории XVIII в. Методологию «кембриджской школы» для изучения политических идей в историческом контексте, в еще большей степени перенеся центр тяжести на инструментальный аспект этих идей в историческом контексте, с успехом применяет ряд авторов «второго поколения». Например, М. ван Гельдерен использует методологию «кембриджской школы» для изучения политической мысли Нидерландской[77], а К. Бейкер – Фран-

[75] Ibid. P. 105.
[76] Skinner Q. Visions of Politics. Vol. I. Regarding the Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 59-60.
[77] Gelderen M., van. The Political Thought of the Dutch revolt, 1555-1590. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1992.

цузской революции[78]; и в том, и в другом случае основой исследования послужили обширные подборки прагматически ориентированных текстов – политических памфлетов.

С начала XXI в. подобные подходы к изучению интеллектуальной и политической истории завоевывают в России все больше сторонников. Е. Н. Марасинова – автор одного из первых в России трудов по истории понятий – видит причину актуальности такого подхода в «особой роли слова, знака и символа в России XVIII в.»[79]. Это лишь подтверждает растущее внимание к методологии «новой политической истории» признанных авторитетов в соответствующей исследовательской области; к подобной тематике сегодня обращаются и А. Б. Каменский[80], и В. М. Живов[81]. Ярким примером успешного использования методологического аппарата «истории понятий» на российском материале является работа Д. В. Тимофеева, посвященная политической истории первой четверти XIX в.[82]. Однако этот подход в большей степени ориентирован на культурологию, на Begriffsgeschichte в духе Р. Козеллека, на выявление устойчивых культурных моделей.

Между тем, «кембриджский» подход принципиально акцентирует внимание к коммуникативному процессу, задаваясь вопросом: что автор делает этим текстом. Важным достоинством конвенционального «кембриджского» подхода, является его ориентация на личность автора текста, благодаря чему такой подход представляется перспективным интеллектуальным инструментом изучения политической истории российского XVIII в. В значительной степени методология Скиннера выстроена вокруг понятий «интенция»[83] и «иллокутивный

---

[78] Baker K. Inventing the French Revolution. Essays on French Political Culture in the Eighteenth Century. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1990.

[79] Марасинова Е. Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века. М.: Наука, 2008. С. 102.

[80] Каменский А. Б. Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: исследовательские проблемы: Препринт. М.: ГУ ВШЭ, 2007.

[81] Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / Под ред. В. М. Живова. М.: Языки славянских культур, 2009.

[82] Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск: Энциклопедия, 2011.

[83] «Интенция – коммуникативное намерение говорящего, первотолчок к созданию речевого произведения; замысел речевого высказывания, предшествующий его вербальному воплощению, действует как "пусковой механизм, активизирующий языковое сознание и направляющий это последнее на решение определенной прагматической цели". При этом И. заставляет не только отбирать определенные факты, но и давать их в определенном освещении, т.е. заставляет соответственно организовывать речь, обусловливает композицию и характер языковых средств» (Михайлова О. А., Павлова Н. С. Словарь терминов по дисциплине «Лингвокультурологические проблемы толерантности». Екатеринбург: УрГУ, 2008. С. 4. URL: http://elar.usu.ru/bitstream/1234.56789/1747/3/1335327_glossary.pdf (дата обращения к ресурсу: 07.04.2010).

акт»[84]: «Достижение “понимания” интенций равнозначно пониманию природы и пределов иллокутивных актов, которые писатель мог совершать, выстраивая текст определенным образом… что автор делал, что он мог намереваться делать, дабы атаковать или защитить определенную цепочку аргументов, подвергнуть критике или развить определенную традицию рассуждения»[85].

Именно методологические ориентиры «кембриджской школы» инспирировали нацеленность данной работы на изучение того концептуального аппарата, с помощью которого Н. И. Панин развертывал свои политические идеи в реформаторских проектах. Отправная точка для исследования – признание коммуникативного характера политического процесса: всякий политический процесс может быть представлен как последовательность коммуникативных актов. Подготовка законодательных актов и – шире – любых текстов, оформлявших собой реализацию властных прерогатив в социальном пространстве, предполагала отбор определенного круга понятий, наделенных специфическими значениями, коннотациями и интонациями и необходимых для дискуссии вокруг подготовки того или иного решения, а также для его оформления конкретного акта коммуникации – правового акта[86]. Логично предположить, что политические понятия, как заимствованные из зарубежной теории и практики, так и заново актуализированные в рамках национальной политической традиции, оказывали влияние на выбор конкретных политических стратегий, действий и решений. Крайне важно подчеркнуть: речь идет не об отношениях между теорией и практикой политики, а – в силу коммуникативной природы самого политического процесса – о реальной роли понятий как неотъемлемой части самого этого процесса.

Итак, политика – это речевая коммуникация, осуществляющаяся в определенных контекстах по определенным поводам. Изучить ее – значит не охарактеризовать, а понять ее, реконструируя значения тех концептов, которые формируют коммуникационный процесс. «Политическим понятием» я считаю лексическую единицу, описывающую

---

[84] «Иллокутивный акт (иллокуция) – составная часть речевого акта, содержанием которой является выражение коммуникативной цели говорящего» (Михайлова О. А., Павлова Н. С. Словарь терминов по дисциплине «Лингвокультурологические проблемы толерантности». Екатеринбург: УрГУ, 2008. С. 4. URL: http://elar.usu.ru/bitstream/1234.56789/1747/3/1335327_glossary.pdf (дата обращения к ресурсу: 07.04.2010).

[85] Skinner Q. Visions of Politics. Vol. I. Regarding the Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 100.

[86] Например, использование Н. И. Паниным заимствованного из трудов Монтескье представления о регламентированном порядке престолонаследия как «фундаментальном законе» во многом предопределило принятие Павлом I соответствующего закона.

атрибуты и функции власти. Эти понятия актуализируются в лексиконах конкретных акторов и приобретают значения в процессе легитимации (либо делегитимации) тех или иных властных практик.

Значения, о которых идет речь в данном случае, вовсе не эквивалентны словарным нормам! Конкретное значение невозможно восстановить только на основании реконструкции нормативных связей в языке. Используемые теми или иными политическими акторами понятия обретают определенные значения в рамках характерных для этих акторов дискурсов, формируемых интеллектуальными связями, принадлежностью к тем или иным интеллектуальным и политическим традициям, а также рецепцией языковых средств. Так, М. М. Кром справедливо подчеркивает, что «этимология может… указать начальную точку эволюции понятия, но она никак не может заменить кропотливую работу по выявлению разных случаев словоупотребления»[87]. В историческом исследовании сложно установить рациональное теоретико-методологическое равновесие между «предписыванием» языку источника концептуальных норм (как норм, зафиксированных в словарях, так и того, что предположительно должен бы подразумевать автор с учетом его предпочтений, социальной и политической принадлежности и т.д.) и концептуальным релятивизмом (исходящим из того, что большинство источников в области политической истории в сущности является не более чем обоснованием скрытых целей и мотивов, а источники a priori лгут исследователю).

Действительно, процесс реконструкции значений (смыслов, meanings) понятий не сводится только к поиску рецепций и «встраиванию» концептов в рамки тех или иных традиций. Под рецепциями в данном случае подразумеваются очевидные случаи прочной интеллектуальной связи, поддающиеся убедительной верификации. Однако поиск таких рецепций позволяет лишь привлечь дополнительные источники для реконструкции значения того или иного понятия, но ни в коем случае не сводится к простой замене значения анализируемого понятия значением, предположительно оказавшим на него влияние (недопустимо было бы, установив факты влияния на Н. И. Панина концепции Монтескье, начать интерпретировать тексты Панина исключительно с опорой на Монтескье, так как в данном случае речь шла бы уже о недоказуемой индоктринированности).

Скиннер так резюмирует этот вопрос: «Обычно, любой автор вступает в преднамеренный акт коммуникации. Отсюда следует, что,

[87] Кром М. М. Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века // Исторические понятия и политические идеи в России XVI-XX века. СПб.: Алетейя, 2006. С. 56.

какие бы интенции он ни имел, они будут условными в том смысле, что их можно будет опознать как намерения отстаивать конкретную позицию в споре, развить обсуждение конкретной темы и так далее. Следовательно, для понимания того, что автор совершает в использовании определенных понятий или аргументов, нам нужно в первую очередь понять характер и сферу предметов, которые могли быть совершены с помощью конкретного понятия, в отношении конкретной темы и в конкретное время (курсив наш – К. Б.)»[88].

Между тем, характер политической речи в России XVIII в. был весьма специфическим по причине отсутствия в этот период публичного пространства политических дискуссий. Политика «делалась» закрыто, в узком кругу придворно-административной элиты, локализованной в Санкт-Петербурге; полемика была в основном сосредоточена вокруг конкретных законодательных проектов. Таким образом, применительно к российской истории, одним из центральных объектов изучения понятийной политической истории могут служить не только собственно «политические сочинения», но и законодательные акты (указы, манифесты) вместе с комплексами законоподготовительных документов. В то же время, указанные группы и комплексы источников, как правило, остаются за пределами традиционных исследований по истории общественно-политической мысли.

Публичное, светское пространство дискуссий в России возникло в конце 50-х гг. XVIII в., но на протяжении всего изучаемого периода оно оставалось ограниченным. Причинами этого были не только цензурно-законодательные запреты или слабое развитие книгоиздания и книгопродажи в России соответствующего исторического периода. Определяющим фактором здесь следует считать отсутствие поля для дискуссий – коллегиальных, избираемых органов, в которых могла бы протекать полемика, требующая обширных сочинений с тщательно выверенной аргументацией.

На этих основаниях и покоятся практические задачи данной книги. Первая из них – реконструкция словоупотребления – предполагает анализ базовых концептов политического лексикона реформаторских проектов Н. И. Панина на основании тщательного изучения внутренней логики соответствующих текстов, включая черновые редакции. Вторая задача – реконструкция интеллектуальных связей – подразумевает анализ потенциальных заимствований, явных и скрытых цитат, а также иных связей между реформаторскими проектами Панина и другими «политическими» (в широком смысле – от законодательства

[88] Skinner Q. Visions of Politics. Vol. I. P. 102.

до трудов по политической философии) текстами, а также верификацию предположений о заимствованиях на основании прямых отсылок в текстах проектов, точных текстуальных совпадений и анализа состава книжного собрания Паниных. Наконец, третья задача – реконструкция контекста – включает анализ связей между текстами и соответствующими историческими реалиями, позволяющий понять практическую направленность текста как инструмента коммуникации в рамках политической иерархии.

От выбранного метода напрямую зависит исследовательский маршрут через массив текстов, связанных с Паниным и его реформаторскими идеями. Однако метод – это только навигационный инструмент историка, компас в руке. Конкретный же маршрут исследования предстоит проложить в следующей главе.

ГЛАВА III. ТРАКТАТ ИЗ ДОКЛАДНЫХ ЗАПИСОК. ПРОБЛЕМА ИСТОЧНИКОВ

Что, собственно, следует понимать под «реформаторскими проектами» Н. И. Панина? Вопрос не праздный: увы, Панин не оставил «собрания сочинений», которое можно было бы использовать как готовую систему координат. Казалось бы, историографическая традиция исправила этот грустный факт; когда мы сегодня говорим о «реформаторских проектах», мы подразумеваем вполне определенный набор текстов. Более того: практически все эти тексты – опубликованы. Неужели и в таком случае нужна источниковедческая рефлексия?

Как я постарался показать в первой главе, история о Панине и его проектах практически всегда зависит от выбора источниковедческих приоритетов. Можно говорить как минимум о двух традициях – одной, связанной с реформаторским проектом 1762 г., и другой, акцентирующей поздние тексты. На деле, однако, проблема глубже, поскольку во многих случаях приоритетом оказывались вовсе не тексты Панина, а, например, воспоминания Е. Р. Дашковой или туманное замечание Екатерины II о «двух партиях» в Сенате, сделанное в «Наставлении» генерал-прокурору Вяземскому. Поэтому, прежде чем приступить к анализу реформаторских идей Панина, следует тщательно осветить и классифицировать источники в соответствии с декларированными задачами и методами. В данном случае речь идет о трех группах источниках.

В первую группу входят собственно реформаторские проекты Н. И. Панина, которые представляют собой комплекс документов,

созданных в 60-80-х гг. XVIII в. лично Паниным или его ближайшим окружением и выражающих взгляды Н. И. Панина на фундаментальные проблемы государственного устройства и методы решения этих проблем. Этот комплекс включает в себя проект создания Императорского совета и реформы Сената 1762 г., «Рассуждение о непременных государственных законах», составленное в конце 70-х гг. XVIII в., «Прибавление к рассуждению о непременных государственных законах» генерала П. И. Панина и записку великого князя Павла Петровича «Рассуждения вечера 28 марта 1783», которая является конспектом беседы Н. И. Панина с Павлом Петровичем, состоявшейся за несколько дней до смерти первого. Все эти источники ранее были опубликованы, однако данное исследование построено на изучении оригиналов, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Нижней хронологической границей комплекса источников, изучению которых в первую очередь и посвящена настоящая работа, является 1762 г.

Первым из реформаторских проектов, входящих в рассматриваемый нами комплекс, является составленный не позднее 10 июня 1762 г. анонимный «План или Росписание», который был опубликован П. Н. Даневским в 1859 г.[89]. Однако оригинал документа, хранящийся в РГАДА[90], отличается от публикации Даневского, который не смог сохранить ни оригинальное название (в публикации – «Проект или Расписание…»), ни соотношение вычеркнутых и вписанных имен в архивном подлиннике. Между тем, автор «Плана» внес в текст серию последовательных правок, придерживаясь внутренней логики списка и стараясь сохранять первоначальное число кандидатов.

Анализ содержания «Плана» позволяет отнести включить его в комплекс реформаторских проектов Панина, хотя авторство этого документа установить мне не удалось. «План» вполне мог быть первым проявлением растущих амбиций Панина-реформатора. Несмотря на то, что «План» не позволяет нам однозначно указать на единоличное авторство Панина, концептуально-тематическая связь этого текста с последующими документами говорит о том, что Панин был по крайней мере причастен к составлению «Плана».

Июньский переворот 1762 г. поднял Панина в придворной иерархии, фактически сделав его наиболее влиятельным сановником при

---

[89] Даневский П. Н. Приложения // П. Н. Даневский. История образования Государственного совета в России. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. ЕИВ канцелярии, 1859. С. 1-60.

[90] План (несостоявшейся) или Росписание учреждаемаго вновь при дворе из 4 департаментов имеющаго быть Совета с назначением кому быть министром, и кому статским секретарем // РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 63.

дворе Екатерины II с крайне широким кругом полномочий. Наиболее яркой инициативой Панина в этом новом статусе стал проект создания Императорского совета и реформы Сената.

Обширный текст, который известен как проект Императорского совета 1762 г., состоит из двух частей, включая в себя черновой собственноручный доклад[91] и несколько редакций проекта манифеста о реформе[92] (точнее, фрагмент неряшливо написанного черновика, затем фрагмент черновика с обширной правкой, наконец, полный черновой текст проекта манифеста с некоторыми исправлениями). В этом же деле находятся чистовой текст манифеста с правкой, внесенной собственноручно Екатериной II[93], а также еще одна чистовая копия манифеста, без подписи[94]. По-видимому, эти бумаги были подготовлены в первые недели после переворота[95], не позднее 31 августа 1762 г.[96]. Этот проект был опубликован в 1871 г. в сборнике Императорского Русского исторического общества (СИРИО)[97]. Однако в этой публикации имеется ряд упущений. Так, она не учитывает многочисленных правок в собственноручном докладе Панина, позволяющих лучше понять логику и намерения автора.

Остальные источники, которые мы относим к кругу реформаторских проектов Панина, отстоят по времени своего создания от описанных выше примерно на 20 лет и относятся к концу его политической карьеры и жизни. За этот временной промежуток произошло множество важных для биографии Панина событий. С 1763 г.

---

[91] Проект Никиты Ивановича Панина об учреждении Императорскаго совета и о разделении Сената на департаменты, с приписками императрицы Екатерины и несостоявшимся по этому поводу манифестом ея // РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 21-30 об. Настоящий текст с учетом всех правок в черновиках приведен в Приложении I к этой книге.

[92] Там же. Л. 31-44.

[93] Там же. Л. 1-10.

[94] Там же. Л. 11-20.

[95] Возможно, на время составления проекта указывают встречающиеся в черновом тексте написанного от лица императрицы манифеста обращения к Петру I как к «дяде»; в чистовом варианте Петр I уже предстает как «дед» Екатерины. Подобная характеристика Петра впервые появилась в т.н. «Обстоятельном манифесте» от 7 июля 1762 г.

[96] Упоминание о Совете присутствует в черновом варианте оправдательного манифеста А. П. Бестужеву-Рюмину; в официальный текст, опубликованный 31 августа 1762 г., это упоминание не вошло.

[97] Бумаги, касающиеся предположения об учреждении Императорскаго совета и о разделении Сената на департаменты в первый год царствования Екатерины II. (28-го декабря 1762 года) // СИРИО. Т. 7. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1871. С. 200-221. Еще раньше, в 1859 г., проект манифеста был опубликован П. Н. Даневским (Даневский П. Н. Приложения // П. Н. Даневский. История образования Государственного совета в России. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. ЕИВ канцелярии, 1859. С. 11-20).

он фактически руководил российской внешней политикой, попутно занимаясь и важнейшими из внутренних дел (правда, с 1764 г. управление внутренней политикой было преимущественно передано Екатериной в руки генерал-прокурора А. А. Вяземского), а также воспитанием Павла Петровича. Однако в период с 1763 г. до начала 80-х гг. XVIII в. нам не известны сочинения Панина, в которых бы он обращался к важнейшим вопросам политической проблематики применительно к России.

С середины 70-х гг. XVIII в., по-видимому, в результате «кризиса совершеннолетия» Павла Петровича влияние Панина при дворе начинает падать. Осенью 1781 г. он фактически оказался в отставке. Впрочем, в эти же годы ухудшилось и здоровье Панина. Разбитый болезнями, он не мог больше ни участвовать в придворных интригах, ни даже самостоятельно готовить бумаги. Поэтому особенностью второй группы источников, принадлежащей 80-м гг. XVIII в., является то, что они не были написаны лично Паниным – эти тексты в той или иной степени являются своеобразными «конспектами» его рассуждений, составленными различными лицами из его окружения: доверенным секретарем (знаменитым драматургом Д. И. Фонвизиным), братом (генералом П. И. Паниным) и, наконец, воспитанником – цесаревичем Павлом Петровичем.

Важнейшим из этих текстов является знаменитое «Рассуждение о непременных государственных законах»[98], которое вместе с целым комплексом документов, подготовленных П. И. Паниным для Павла Петровича[99], хранится в РГАДА. Практически во всем корпусе исследовательской литературы «Рассуждение о непременных государственных законах» приписывается Фонвизину или по крайней мере расценивается как плод соавторства Панина и Фонвизина. Считалось, что «конституционный акт», преамбулой к которому должно было служить «Рассуждение», не сохранился.

Кто первым в отечественной традиции прямо указал на авторство Д. И. Фонвизина? Декабрист М. А. Фонвизин, племянник

[98] Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение о непременных государственных законах // Бумаги гр. Н. и П. Паниных (записки, проекты, письма к В. К. Павлу Петровичу 1784-1791 гг.). РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 5-17. Текст «Рассуждения» в точном соответствии с этим архивным экземпляром опубликован в Приложении II к данной книге, однако в основном тексте цитаты из «Рассуждения» приведены – по традиции – в соответствии с публикацией 1959 г., слегка отличающейся от оригинала в орфографическом и пунктуационном отношениях.

[99] Там же. Л. 1-4, 18-37. Опубл.: Шумигорский Е. С. Приложение // Е.С. Шумигорский. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб.: Тип. В. Д. Смирнова, 1907. С. 2-35.

драматурга, сообщал, что «Рассуждение» (которое он относил к середине 70-х гг. XVIII в.) было написано «Д. И. Фонвизиным под руководством графа Панина»[100]. По-видимому, именно через М. А. Фонвизина эта версия начала распространяться в среде, близкой к декабристам. Уже в 1848 г. литератор П. А. Вяземский писал о том, что Фонвизин «по заказу графа Панина написал одно политическое сочинение для прочтения наследнику»[101]. Список «Рассуждения», присутствовавший в записной книжке П. А. Вяземского, носил название «О необходимости законов» и был охарактеризован как «извлечение из сочинения Ф. Визина, писанного, сказывают, по заказу Панина для велик[ого] князя». Другой список «Рассуждения», озаглавленный просто «О законах», был помечен как «Соч. Вьеварума» (декабриста Н. М. Муравьева). М. А. Дмитриев, около 1826 г. снявший копию с первой редакции «Рассуждения», принадлежавшей книготорговцу П. Е. Котельникову, называл этот текст «письмом Панина к воспитаннику его, великому князю Павлу Петровичу», добавляя, что «это письмо действительно было сочинено Фон-Визином»[102]. Да и первая публикация «Рассуждения», предпринятая А. И. Герценом в 1861 г., имела характерное заглавие «О праве государственном Фон-Визина».

По мнению известного литературоведа К. В. Пигарева, в авторстве Фонвизина убеждает и сравнение «Рассуждения» с текстами Панина[103]. К такому же выводу пришел и Ст. Рассадин, который сравнивает характерный для Н. И. Панина «деловой почерк государственного человека и воспитателя, несомненное умение логически убеждать, прибегая к простым и понятным параллелям» – и «воззвание не к одному рассудку, но к сердцу, не к деловым соображениям, но к чувствам сокровеннейшим, вплоть до религиозных», присущее литератору Д. И. Фонвизину. Подчеркивая, что «дурно и бессмысленно было бы умалять участие Никиты Ивановича в создании “Рассуждения”», Рассадин все же констатирует: «Именно благодаря Фонвизину, прежде всего ему, ему едва ли не в полной мере мы обязаны рождением не просто законодательного документа, но ярчайшего образца русской публицистики»[104].

---

[100] [Фонвизин М. А.] Записки Михаила Александровича Фонвизина // Русская старина, 1884. Т. 42. № 4. С. 61.

[101] Вяземский П. А. Фонвизин. СПб.: Тип. Деп-та внешн. торговли, 1848. С. 285.

[102] Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни // Наше наследие, 1989. № 4 (10). С. 85.

[103] Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 139.

[104] Рассадин Ст. Фонвизин. М.: Искусство, 1980. С. 117.

«Рассуждение» планировалось передать Павлу Петровичу вместе с «Прибавлением» авторства генерала П. И. Панина[105]. Это «Прибавление» П. И. Панин характеризовал как продукт длительных бесед между ним и братом: «Я по искреннейшем братстве и дружбе с Покойным имел при всяком удобном случае откровенныя разсуждения и примышления о всем оном, то зная его предположения к фундаментальным правам, поставил моею должностию, верностию и усердием к Вашему Императорскому Величеству сочинить к разсуждению брата моего прибавление о всем том, на что мнилось иметь полезным Отечеству нашему фундаментальныя права»[106]. Письмо П. И. Панина цесаревичу от 1 октября 1784 г. открывается утверждением о том, что покойный Н. И. Панин занимался подготовкой «разсуждения о истребившейся в России со всем всякой формы государственнаго правления, и от того озыблемом состоянии как Империи, так и Самых Государей». А поскольку «Россия предопределена правом природы (курсив наш – К. Б.) вступить в свое время под обладание к Наследнику Престола Ея, воспитанному под надзиранием покойного, то и поставил он долгом своим примыслить по возможным силам усмотрения его и по всему усердию форму Государственного Правления и фундаментальные законы, свойственнейшие существительному положению и правам обитателей Отечества своего, к прочнейшей безопасности на все времена оному и Государям». Хотя «незапность смерти не допустила Покойнаго довершить сего намерения, – писал П. И. Панин, – однако ж начатое им сохранилось от преследования в самой час смерти всех бумаг скончавшегося вернейшим к нему приверженцем Денисом Ивановичем фон Визином».

Характеризуя оба источника – «Рассуждение» и «Прибавление», М. М. Сафонов отмечает: «Рукопись, переданная Д. И. Фонвизиным П. И. Панину, представляла собой беловик, в котором с трудом можно отыскать две-три аккуратнейшие помарки… значит, П. И. Панин

---

[105] Прибавление к разсуждению, оставшемуся после смерти министра графа Панина, сочиненное генералом графом Паниным, о чем между ими разсуждалось иметь полезным для Российской империи фундаментальные права, не пременяемыя на все времена никакою властию (черновик) // Бумаги гр. Н. и П. Паниных (записки, проекты, письма к В. К. Павлу Петровичу 1784-1791 гг.). РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Опубл.: Шумигорский Е. С. Приложение // Е.С. Шумигорский. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб.: Тип. В. Д. Смирнова, 1907. С. 13-20. Данный текст публикуется в Приложении III к настоящей книге, полностью соответствуя архивному оригиналу, который немного отличается от публикации Шумигорского пунктуацией и орфографией.
[106] Письмо П. И. Панина Павлу Петровичу, 1 октября 1784 г. // Бумаги гр. Н. и П. Паниных (записки, проекты, письма к В. К. Павлу Петровичу 1784-1791 гг.). РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 2; Шумигорский Е. С. Приложение… С. 3.

сознательно обманывал Павла. Зачем?.. Чтобы объяснить в окончательно отредактированной рукописи Д. И. Фонвизина наличие упоминания о прилагаемом конституционном проекте, П. И. Панину понадобилось объявить посылаемую Павлу рукопись черновиком». По мнению исследователя, «сомнение в правильности своего решения отправить императору сочинение брата пронизывает все письмо П. И. Панина… Если сопоставить документы П. И. Панина в хронологическом порядке (“Прибавление” и два манифеста), то становится очевидной возрастающая с каждым месяцем нерешительность П. И. Панина… Поскольку П. И. Панин опасался, что даже его собственные умеренные проекты могут показаться Павлу “не совсем пристойными”, то вполне вероятно, что конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина, по которому власть императора ограничивалась выборным дворянским сенатом, мог казаться ему совсем “непристойным”»[107].

Однако слова П. И. Панина о том, что сочинение его брата «осталось черным», вовсе не противоречат тому факту, что к письму был приложен аккуратный беловик. Строго говоря, речь вообще не могла идти о собственноручном черновике Н. И. Панина: П. И. Панин в начале письма отмечал, что его брат не мог уже ни самостоятельно писать, ни даже долго диктовать, подавая «словесные лишь назнаменования». Важно, что этот документ, который отечественная историческая традиция оценивает как плод своеобразного соавторства Н. И. Панина и Д. И. Фонвизина, П. И. Панин недвусмысленно приписывал исключительно своему брату, оставляя Д. И Фонвизину роль секретаря и редактора. Из письма П. И. Панина следует, что в «каллиграфическом» отношении и черновик, и беловик текста принадлежали Д. И. Фонвизину; в содержательном же отношении документ принадлежал именно Н. И. Панину, который – очевидно – не смог или не успел ни внести в текст необходимую правку, ни подготовить соответствующие приложения. В этом смысле даже переписанный набело и, возможно, несколько отредактированный Д. И. Фонвизиным документ все равно оставался «черным».

Итак, говоря о «Рассуждении», я буду подразумевать авторство Панина. Конечно, весьма сложно сказать, насколько первоначальный конспект речи Н. И. Панина изменился, пройдя определенную редактуру Фонвизина (один из фрагментов – знаменитая характеристика «горделивого государя», о которой речь пойдет в третьей главе насто-

[107] Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисицплины. Вып. 6. М.: Наука, 1974. С. 279-280.

ящего исследования – был вовсе им опущен). Однако редактура эта, по-видимому, была преимущественно стилистической – об этом говорят и сохранение нечеткой структуры текста, и изобилие повторов, и присутствующие в тексте элементы разговорного стиля. Отметим: сходного мнения относительно авторства «Рассуждения» придерживаются А. В. Гаврюшкин, считающий этот текст точной записью, сделанной Фонвизиным под диктовку Панина, и С. В. Польской, отмечающий, что в «Рассуждении» Фонвизин «только развивает идеи своего вельможного патрона»[108].

Существовала ли «потаенная конституция» Фонвизина – Панина, о которой писал, например, Н. Я. Эйдельман? Еще в комментариях к изданному в 1959 г. двухтомному собранию сочинений Д. И. Фонвизина Г. П. Макогоненко по-иному оценил ситуацию с предполагаемой «конституцией», которую П. И. Панин якобы не рискнул передать Павлу вместе с «Рассуждением»: «“Рассуждение” – это вступление к проекту “фундаментальных прав, непременяемых на все времена никакою властью”. Проект таких “фундаментальных законов” вырабатывался Н. И. Паниным, Д. И. Фонвизиным, П. И. Паниным. Смерть Н. И. Панина в 1783 году оборвала работу. Д. Фонвизин успел написать “Рассуждение”, Петр Панин написал проект “фундаментальных прав”. Оба документа предназначались для передачи Павлу. После смерти брата П. Панин, собрав все бумаги, дал их переписать писцу и приложил письмо к Павлу. Письмо помечено 1 октября 1784 года. Но, видимо, осторожности ради, бумаги не были переданы Павлу, поскольку предполагалось это осуществить после смерти Екатерины»[109].

Равным образом и А. Б. Плотников, детальнейшим образом изучавший историю создания панинских текстов, считает «Прибавление» пресловутой «потаенной конституцией», преамбулой к которой должно было служить «Рассуждение о непременных государственных законах», и на поиски которой так много сил потратили историки XX в.: «Д. И. Фонвизин вообще не составлял никакого дополнения к “Рассуждению”. <…> С уходом последнего из жизни работу над необходимыми набросками взял на себя его младший

---

[108] Гаврюшкин А. В. Граф Никита Панин. Из истории русской дипломатии XVIII века. М.: Международные отношения, 1989. С. 172; Польской С. В. Русский конституционализм XVIII – начала XIX в. М.: 2010. URL: http://www.perspectivy.info/misl/idea/russkij_konstitucionalizm_xviii__nachala_xix_v_2009-12-11.htm (дата обращения к ресурсу: 03.03.2010).

[109] Макогоненко Г. П. Примечания // Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений. Т. 2. М.; Л.: Изд-во худ. лит-ры. С. 679.

брат. Возможно, главную роль здесь сыграла причина чисто иерархического порядка – писать политические проекты более “по чину” было все-таки П. И. Панину»[110]. С этим мнением я полностью согласен.

Несмотря на гораздо меньший по сравнению с «Рассуждением о непременных государственных законах» объем, важным текстом в рассматриваемой группе источников являются «Разсуждения вечера 28 марта 1783 г.» великого князя Павла Петровича, составленные по итогам его последней беседы с Н. И. Паниным. Эти «Разсуждения» были опубликованы М. М. Сафоновым[111]; оригинал записки хранится в РГАДА[112]. Сафонов так описывал появление этого текста: «Павел спешил изложить содержание важного разговора, мало заботясь о стиле изложения. Рукопись носит следы судорожной поспешности, ярко выразившейся в неуклюжем построении фраз, не характерном для большинства записок Павла, а также в немалом количестве исправлений и помарок»[113].

Вторая группа источников включает тексты Панина, не входящие в круг реформаторских проектов, но позволяющие прояснить их внутреннюю логику и создававшиеся преимущественно в рамках того же публичного, политического дискурса.

С 1747 по 1760 г. Н. И. Панин был российским послом в Швеции. От «шведского» периода жизни Панина сохранилась переписка – как дипломатическая (хранящаяся преимущественно в Архиве внешней политики Российской империи и – частично, а также в копиях – в фонде 1274 «Панины – Блудовы»[114] в РГАДА), так и личная (например, письма Панина к М. И. Воронцову[115]). Несмотря на то, что переписка Панина в годы его пребывания в Швеции сама по себе представляет большой интерес, она не связана напрямую с реформаторскими проектами 60-80-х гг. XVIII в., в связи с чем этот источни-

[110] Плотников А. Б. Политические проекты Н. И. Панина // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 77.

[111] Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина… С. 266-268.

[112] Разсуждения вечера 28 марта 1783 г. // РГАДА. Ф. 1. Д. 57. Этот текст впервые публикуется целиком и с точным сохранением особенностей архивного оригинала в Приложении IV к настоящей книге.

[113] Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина… С. 266.

[114] Этот фонд почти на три четверти представляет собой собрание хозяйственных документов из панинского поместья Дугино (значительную часть этого собрания формирует небезынтересный для исследователей «истории повседневности» дневник охоты на «волков-людоедов»).

[115] Из бумаг графа Никиты Ивановича Панина, 1748-1776 гг. // Архив князя Воронцова. Кн. 26. Бумаги разного содержания. М.: Универс. тип., 1882. С. 33-180.

ковый материал привлекался к исследованию лишь в ограниченных пределах[116].

В 1760 г. Панин вернулся из Швеции и стал обер-гофмейстером при Павле Петровиче. К 1760 году относится еще один важный текст авторства Панина – «Всеподданнейшее предъявление слабого понятия и мнения о воспитании его императорского высочества, государя великого князя Павла Петровича»[117]. Этот текст не является реформаторским проектом, однако демонстрирует целый ряд элементов политического лексикона Панина, важных для лучшего понимания комплекса собственно проектов.

С 1762 г. Панин сделался фактическим главой российской внешней политики; параллельно он занимался самыми разными вопросами управления империей, и из-под его пера выходили порой совершенно неожиданные документы[118]. Богатый материал для рассуждений способна дать дипломатическая переписка Панина, созданная в 60-70-е гг. XVIII в.[119] (особо примечательны письма Панина российским дипломатическим представителям в Стокгольме, Копенгагене и Лондо-

[116] Подчеркнем: за рамками настоящего исследования остается богатый материал личной переписки Панина (значительная ее часть была опубликована в «Русском архиве»; см.: Предметная роспись «Русского архива». 1863-1908 // Русский архив, издаваемый Петром Бартеневым. 1863-1908. Содержание его книжек. Предметная роспись с азбучным указателем. М.: Синодальная типография, 1908. С. 64), к которому мы обращались только по настоятельной необходимости. Это объясняется тем, что исследование сфокусировано на анализе реформаторских проектов и, следовательно, публичного дискурса. Личная переписка не содержит данных, способных принципиально улучшить наше понимание реформаторских проектов, так как она предполагает иные речевое и концептуальное пространство и направленность. Задача настоящего исследования – не раскрытие внутреннего мира Н. И. Панина или всей полноты его представлений о власти (от официального до бытового уровня), но анализ реформаторских проектов, тех коммуникативных актов, которые бы существовали непосредственно в концептуальном поле власти и были предназначены именно для совершения определенных действий в рамках властной иерархии.

[117] [Панин Н. И.] Всеподданнейшее предъявление слабого понятия и мнения о воспитании его императорского высочества, государя великого князя Павла Петровича. Записка графа Н. И. Панина. 1760 г. // Русская старина, 1882. Т. 35. № 11. С. 313-320.

[118] Яркий пример – подготовленный Паниным устав шпалерной мануфактуры (!) Санкт-Петербурга. См.: Устав шпалерной манифактуры (Бумаги о шпалерной манифактуре) // РГАДА. Ф. 248. Д. 3380.

[119] Большей частью эти документы были опубликованы (см., например: СИРИО. Т. 57. М.: Универс. типография, 1887). См. также: Реляции и письма Н. И. Панина о Швеции и русско-шведских отношениях. Копии XIX в. 12 января 1749 – 23 февраля 1749 гг. // Ф. 1274. Оп. 1. Д. 110. Анализ дипломатической переписки Панина представляет большой интерес. Я предпринял попытку изучить его внешнеполитические взгляды в отдельной статье – см.: Бугров К. Д. Территориальная протяженность России как концепт международной политики: северная система Никиты Панина (1760-е – 1770-е гг.) // Былые годы. 2015. № 36/2. С. 245-253.

не), его записки и мнения по различным вопросам и иные подготовленные им документы[120].

Третья группа включает источники, позволяющие реконструировать исторический контекст создания Н. И. Паниным реформаторских проектов. К этой группе относятся законодательные и актовые материалы (указы, манифесты, регламенты, присутствующие в Полном собрании законов Российской империи), законоподготовительные и иные политические документы (проекты и записки Екатерины II[121], мнения и записки современников Панина – А. П. Бестужева-Рюмина, М. И. Воронцова, Д. В. Волкова, Б. Миниха, Я. П. Шаховского[122], замечания на проект Н. И. Панина – три анонимных и одно принадлежащее А. Н. Вильбоа[123]), публицистика («Наказы» Екатерины II[124]

---

[120] Мнение Н. И. Панина, вице-канцлера Остермана и всех членов Секретной экспедиции Коллегии иностранных дел о направлении внешней политики России, с характеристикой внешнеполитических отношений Англии к державам Северного союза. Копия // РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 131.

[121] Собственноручное наставление Екатерины II князю Вяземскому при вступлении им в должность генерал-прокурора // СИРИО. Т. 7. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1871. С. 345-348; Собственноручная записка Императрицы Екатерины II о величии России и об ослаблении ея в случае осуществления замыслов Князей Долгоруковых при восшествии на престол Императрицы Анны // РГАДА. Ф. 10. Кабинет Екатерины II. Оп. 1. Д. 361. Л. 1.

[122] Даневский П. Н. Приложения // П. Н. Даневский. История образования Государственного совета в России. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. ЕИВ канцелярии, 1859. С. 4-5; [Бестужев-Рюмин А. П.] Для Всевысочайшего Ея Императорского Величества известия и благоизобретения // Архив князя Воронцова. Кн. 3. Бумаги графа Михаила Ларионовича Воронцова. М.: Тип. Грачева и Ко, 1871. С. 356-367; [Миних Б.] Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб.: Тип. В. Безобразова и К, 1874; [Munnich B.] Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie. Copenhague, 1774; Всеподданнейший доклад сената с представлением мнения действительного тайного советника князя Шаховского о преобразовании гражданских штатов, которые высочайшими именными указами 1762 июля 23 и августа 9 повелено было разсмотреть правительствующему сенату // РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 21.

[123] Архивные подлинники двух из них хранятся вместе с текстом проекта Императорского совета, а также опубликованы вместе с ним (Бумаги, касающиеся предположения… С. 218–221). Одно из мнений опубликовано вместе с бумагами М. И. Воронцова, что может указывать на принадлежность текста именно этому сановнику (Доклад императрице Екатерине Второй об учреждении Совета (неизвестного сочинителя), 1763, с примечаниями на проект манифеста. Москва, 7 февраля 1763 г. // Архив князя Воронцова. Кн. 26. Бумаги разного содержания. М.: Универс. тип., 1882. С. 1-4). Наконец, замечания генерал-фельдцейхмейстера А. Н. Вильбоа были опубликованы В. А. Бильбасовым (Бильбасов В. А. Панин и Мерсье де ла Ривьер // В. А. Бильбасов. Исторические монографии. Т. 4. М.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901. С. 16-19).

[124] Наказ Ея Императорскаго Величества императрицы Екатерины Вторыя самодержицы всероссийския данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб.: Имп. Акад. наук, 1770.

и Павла Петровича[125], тексты А. П. Сумарокова, М. М. Щербатова, А. Н. Радищева и ряда других авторов), дипломатическая корреспонденция (переписка европейских дипломатов при российском дворе[126]). Весьма интересна неозаглавленная записка Павла Петровича, опубликованная Сафоновым вместе с упомянутыми выше «Разсуждениями вечера 28 марта 1783 г.», она позволяет с уверенностью говорить о том, что великий князь был хорошо знаком с политическими воззрениями своего воспитателя.

К этому же кругу относятся и мемуарные материалы[127]. Необходимо особо отметить «Записки» С. А. Порошина[128], одного из учителей великого князя Павла Петровича. Традиционно «Записки», охватывающие период с 20 сентября 1764 г. по 31 декабря 1765 г., считаются источником сведений о воспитании Павла, однако на деле их значение шире: скрупулезно описывая события каждого дня, Порошин придерживался единообразной структуры, в которую входил и пересказ бесед Н. И. Панина, которые он вел за обеденным столом великого князя. Внимание Порошина вообще постоянно было приковано к действиям и словам обер-гофмейстера; фактически у «Записок» два главных героя – великий князь и его наставник. Очевидно, что Порошин старался передать содержание застольных речей Панина максимально точно – ценность суждений обер-гофмейстера не раз превозносится на страницах «Записок».

Наконец, к исследованию были привлечены тексты, которые могли послужить источниками воздействия на политический лексикон Панина. В этот круг источников входят те книги, о знакомстве с которыми Панина сообщается в «Записках» Порошина или в иных источниках, а также издания, вышедшие до 1783 г. и представленные в описях и каталогах книжных собраний Паниных[129]. Среди этих текстов – труды Монтескье («О духе законов» и «Персидские письма»),

---

125 Материалы к русской истории XVIII в. // Вестник Европы. Журнал историко-политических наук. Второй год. Т. I. СПб.: Тип. Ф. С. Сущинского, 1867. С. 297-330.

126 СИРИО. Т. 12. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1873; СИРИО. Т. 22. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1878; СИРИО. Т. 140. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912.

127 [Матвеев А.] Русский дипломат во Франции. (Записки Андрея Матвеева). Л.: Наука, 1972; Записки Екатерины Второй; Дашкова Е. Р. Записки, 1743–1810. Л.: Наука, 1985; Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат. 1989.

128 Порошин С. А. Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1881.

129 Каталог книг из собрания Паниных. [Б/д], не ранее 1839 г. // РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 2901; Оригинальные и переводные произведения XVII, XVIII и XIX вв. в рукописном виде из книжной коллекции Паниных // Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. С. 149-165; Там же. Печатные издания из библиотеки Паниных. С. 165-168.

Руссо («Общественный договор»), Ваттеля («Право наций...»), Лемерсье де ла Ривьера («Естественный порядок и сущность политических обществ»), Тессина («Письма старца к молодому принцу»)[130], приписываемое кардиналу Ришелье «Политическое завещание», а также ряд других сочинений. Некоторые из них опубликованы на русском языке; со многими удалось познакомиться во время работы с уникальной цифровой коллекцией «18th Century Online» (такая возможность была любезно предоставлена автору настоящего исследования библиотекой Европейского университета во Флоренции). Особое место в корпусе источников занимают шведские конституционные акты (Regeringsform) 1719 и 1720 гг.[131] (Швеция).

Разумеется, этот источниковый очерк – не исчерпывающий. Тем не менее, три группы источников, кратко описанные выше, служат своего рода системой координат, позволяющей последовательно отделять собственно тексты Панина и его окружения от текстов второй и третьей групп.

Выделенные мной источниковые группы – неравновесные; они выделены не на основании источниковедческих видовых классификаций, но на основании своего отношения к изучаемой проблеме. Поскольку в фокусе изучения – реформаторские проекты, важно четко выделить их во всем массиве документов, к которым Панин был так или иначе причастен. Здесь и проходит граница между первой и

---

[130] Монтескье Ш. О духе законов // Ш. Монтескье. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955; Ришелье А. дю Плесси. Политическое завещание, или Принципы управления государством. М.: Ладомир, 2008; Руссо Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического права // Ж. Руссо. Об общественном договоре. Трактаты. М.: КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998; Bodin J. Six Books of the Commonwealth. Oxford: Alden Press, 1955; Samuel von Pufendorf. The Whole Duty of Man According to the Law of Nature, with Two Discourses and a Commentary by Jean Barbeyrac. Indianapolis: Liberty Fund, 2003; [Tessin C.] Briefe an einen jungen Prinzen von einem alten Manne. Im 2 Hand. Leipzig: Berlegts Bernhard Christoph Breitkopf, 1756; [Tessin C.] Letters to a Young Prince from his Governor. L.: J. Reeves, 1755; Vattel E. Le Droit des gens, ou Principes de la loi naturelle appliques a la conduite et aux affaires des nations et des souverains. Paris, 1835; и др.

[131] Sveriges regeringsformer 1634-1809 samt konungaförsäkringar 1611-1800. Stockholm: Emil Hildebrand, P.A. Norstedt & Söners Förlag, 1891. Оба текста были переизданы в 1999 г. (см.: Sveriges konstitutionella urkunder. Stockholm: SNS Förlag, 1999). Шведским центром изучения бизнеса и политики (Studieförbundet Näringsliv och Samhälle, SNS); электронная версия переиздания находится в открытом доступе на сайте Центра: Regeringsformen 1719. K. M:ts allernådigst konfirmerade regeringsform daterad Stockholm den 21 febr. 1719. Stockholm: SNS, 2005. URL: http://www.sns.se/zino.aspx?articleID=833 (дата обращения: 03.03.2010); Regeringsformen 1720. Kongl. Maj:ts och Riksens Ständers fastställda regeringsform daterad Stockholm den 2 maj 1720. Stockholm: SNS, 2005. URL: http://www.sns.se/zino.aspx?articleID=834 (дата обращения: 03.03.2010).

второй группами. Поиск такой границы – работа, которую сделал бы публикатор в случае, если бы речь шла о трактатах, и которую приходится делать историку, поскольку речь идет о докладных записках.

Грань, отделяющая третью группу от двух других, кажется очевидной и не требующей пояснений. Между тем, большинство исследователей свободно привлекают мемуарные источники или депеши иностранных дипломатов для того, чтобы реконструировать темные места политической деятельности Панина. Возможно, для реконструкции биографии такой подход перспективен. Для реконструкции же воззрений, идей, для восполнения недостающих текстов – для таких целей внешние источники, обладающие собственными коммуникативными целями, не годятся. Если не отделить источники первой группы от многочисленных свидетельств о них, возникает соблазнительное желание «додумать» текст первой группы, дополнить его на основании внешних источников, реконструировать реальный ход событий. Но ведь мы не додумываем тексты Толстого или Ленина на том основании, что существуют многочисленные внешние источники о творчестве этих авторов!

Не существует никакой «главной бумаги» Панина, позволяющей легко и непротиворечиво объяснить его политические воззрения. Напротив, тексты Панина и не нуждаются в общем знаменателе, поскольку противоречия проистекают из специфического контекста бытования реформаторских проектов. А теперь – с компасом в одной руке и с картой в другой – приступим к изучению реформаторских предложений Панина.

ЧАСТЬ II. РЕФОРМА. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ВЛАСТИ МОНАРХА

ГЛАВА IV. РЕФОРМАТОР ИЛИ ЗАГОВОРЩИК? ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КОНЦЕПЦИИ ИМПЕРАТОРСКОГО СОВЕТА

История реформаторских проектов Н. И. Панина неразрывно связана с историей дворцового переворота 1762 г., в результате которого трон заняла Екатерина II. Как отмечено выше, большинство исследователей сходятся в интерпретации проектов Н. И. Панина как «ограничивающих самодержавие», опираясь на свидетельства о том, что переворот 1762 г. сопровождался конфликтами между различными группировками заговорщиков.

Во-первых, речь идет о конфликте между Петром III и теми группировками политической элиты, которые предположительно были оттеснены новым монархом от власти. Во-вторых, в среде самих заговорщиков не было единства – существовали противоречия между «вельможной» и «гвардейской» группировками, причем предпочтения самой Екатерины II обычно характеризуются как более близкие к первой из них; однако летом-осенью 1762 г. предположительно возник конфликт между императрицей и оппозиционно настроенной частью политической элиты Российской империи – «вельможной аристократией», «феодалами-интеллигентами». Именно с этим узлом конфликтов обычно связывается имя Н. И. Панина, которому бурные события 1762 г. давали шанс реализовать свои политические идеи[132].

Так, Г. А. Гуковский видел в ситуации с проектом Панина столкновение между двумя группировками дворянства – «помещичьей аристократией, политические требования которой отчасти вытекали из ее социально-экономической слабости», и «дворянской массой барщинников», «нисколько не заинтересованных в политических реформах, враждебно относившихся к идеям “легализации” и ограничения крепостного права, хотевших только, чтобы правительство

[132] Именно поэтому в настоящей главе, посвященной предложенной Паниным концепции Императорского совета, речь пойдет преимущественно о проекте 1762 г. (точнее, проектах – как я постараюсь показать ниже, Панину, скорее всего, принадлежал еще один, более ранний проект реформы). Несмотря на то, что идея создания Совета была характерна для Панина и в дальнейшем, более поздние тексты, созданные Паниным и его единомышленниками, в этом отношении преимущественно отражают идеи 1762 г.

обеспечило им возможность безбоязненно завинчивать пресс барщины»[133]. В этой ситуации, по мнению Гуковского, Панину хотелось «вернуть своим собратьям, российским жантильомам, и большую полноту политической власти, ограничив азиатского деспота и его прихлебателей»[134].

Г. В. Ибнеева полагает, что истоки придворной борьбы 60-х гг. XVIII в. «следует искать еще в конце правления Елизаветы Петровны», поскольку «в это время придворное окружение начало осознавать, что Петр III – это не та личность, которая должна быть на российском престоле». Неудачные действия Петра III, по мнению Ибнеевой, привели к формированию двух группировок заговорщиков – «вельможной» и «дворянской». Руководимая Паниным «партия вельмож» (в числе основных участников этой «партии» названы К. Г. Разумовский, Г. Н. Теплов и Е. Р. Дашкова) стремилась к стабильности и желала «установления "фундаментальных" законов, не изменяемых никакой властью, и учреждений, гарантирующих их неизменность»[135].

Н. В. Минаева считает, что «к июню 1762 г., когда произошел дворцовый переворот, Панин уже имел разработанную программу изменения абсолютной монархии в России»[136]. Наконец, Д. Рансел видит в Панине сторонника и продолжателя дела «аристократической партии» Воронцовых, к тому же установившего прочные интеллектуальные связи с Екатериной еще до восшествия Петра III на трон[137]. А. В. Гаврюшкин полагает: Панин примкнул к заговору не потому, что опасался за собственное положение при дворе, а потому, что «боялся за Павла». По мнению Гаврюшкина, «император открыто отрицал свое отцовство, а придворные сплетники отмечали удивительное сходство черт Павла и Сергея Салтыкова, уехавшего посланником в Париж»[138].

Однако еще в 1894 г. Н. Д. Чечулин предпринял попытку рассмотреть проекты Панина под несколько иным углом, сделав акцент не на противоборстве придворных группировок, а на логике развития

---

[133] Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-1760-х гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 148.

[134] Там же. С. 125.

[135] Ибнеева Г. В. Политические группировки при восшествии на престол Екатерины II: Авт. реф. дисс. … канд. ист. наук. Казань, 1994. С. 19, 12.

[136] Минаева Н.В. Никита Иванович Панин // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 74.

[137] Ransel D. The Politics of Catherinian Russia: The Panin's Party. Yale: Yale University Press, 1975. P. 44-62.

[138] Гаврюшкин А. В. Граф Никита Панин. Из истории русской дипломатии XVIII века. М.: Международные отношения, 1989. С. 24.

российской политической системы[139]. Сходной точки зрения сегодня придерживается, например, О. А. Омельченко: создание высшего консультативного органа, по его словам, «оставалось потребностью совершенствования государственной организации, особенно в видах стремления к новому, приносимому политикой “просвещенного абсолютизма” “правовому” облику абсолютизма»[140].

Как бы то ни было, обычно исследовательские интерпретации реформаторских проектов Н. И. Панина связываются с признанием их инструментальной роли в ходе борьбы за власть. В этой связи особую важность приобретает вопрос о мотивах его участия в перевороте 1762 г. и свержении Петра III.

Основной причиной падения Петра III Д. Рансел считает ущемление этим монархом прав и привилегий Сената: «В конце правления Елизаветы для русского правительства стала общепринятой практикой независимость Сената и подчиненных ему институций в самостоятельном решении рутинных вопросов управления, тогда как самодержица вмешивалась в них лично только в особых случаях». По мнению Рансела, «действия Петра III вскоре не оставили сомнений в том, что он планировал установить высокоцентрализованный режим, в котором маленькая камарилья его личных (преимущественно иностранных) фаворитов, заняв профессиональные бюрократические должности, правила бы без помех со стороны институтов, представляющих интересы аристократической элиты»[141].

В целом Д. Рансел здесь повторяет аргументацию М. Раева, изложенную в очерке «Внутренняя политика Петра III и его свержение». Основные аргументы Раева таковы: Петр III стремился создать «личный режим», без оглядки на влиятельные аристократические учреждения (Сенат), угрожал жене и наследнику трона и не поладил с гвардией, что и привело к свержению императора. Как полагал Раев, в российском обществе существовали опасения, что «Россия возвращается к правлению Верховного тайного совета при фаворите Петра, князе А. Д. Меншикове, или диктатуре Бирона и

[139] Чечулин Н. Д. Проект Императорского совета в первый год царствования Екатерины II. СПб.: Тип. В. С. Балашева и Ко, 1894; Гаврюшкин А. В. Граф Никита Панин. Из истории русской дипломатии XVIII века. М.: Международные отношения, 1989; Плотников А. Б. Политические проекты Н. И. Панина // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 82.

[140] Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М.: Юрист, 1993. С. 239.

[141] Ransel D. The Politics of Catherinian Russia: The Panin’s Party. Yale: Yale University Press, 1975. P. 60-61.

немцев при императрице Анне, клик “случайных людей”, которые не являлись ни аристократической олигархией, ни представителями русской служилой знати. Страх перевесил выгоды от социальной и экономической политики Петра III, благоприятствовавших доминировавшему социальному классу, а также от мер, помогавших стране в целом»[142]. Рансел называет в числе возможных причин переворота решение Петра III атаковать Данию и продолжить участие России в изматывающей войне. Однако важнейшую причину участия Панина в перевороте 1762 г. Рансел видит в попытках Петра III установить «режим личной власти превыше контролирующего влияния аристократических институций», которая напоминала «ту самую тиранию, которую Панин надеялся видеть навсегда уничтоженной в русском правительстве».

В разъяснениях относительно роли Панина в заговоре историки обычно опираются на мемуары Е. Р. Дашковой, которая полагала, что Петр III планировал отстранить Павла от наследования трона. Кроме того, по мнению Дашковой, «неприятным для Панина был казарменный тон режима». Петр III хотел наградить Павла «чином гвардейского унтер-офицера», а воспитателю великого князя Панину предложил чин «генерал-аншефа»: «Чтобы понять, насколько это было неприятно для Панина, надо знать, что ему было сорок восемь лет[143], он был слаб здоровьем, любил покой, всю свою жизнь провел при дворе или в должности министра при иностранных дворах, носил парик a troix marteaux, очень изысканно одевался, был вообще типичным царедворцем, несколько старомодным и напоминавшим собой придворных Людовика XIV, ненавидел солдатчину и все, что отзывалось кордегардией. Он объявил Мельгунову[144], что ему решительно не верится, чтобы император удостоил именно его подобной милости, и что, если ему нельзя будет уклониться от новой карьеры, он скорее решится дезертировать в Швецию»[145]. Петр III, заметив: «Мне все твердили, что Панин умный человек. Могу ли я теперь этому верить?» – в конечном счете «принужден был дать ему соответствующий гражданский чин»[146]. Сложно, однако, предположить, что

[142] Raeff M. The Domestic Policies of Peter III and His Overthrow / M. Raeff. Political Ideas and Institutions in Imperial Russia. Boulder; Oxford: Westview Press, 1994. P. 205.

[143] Дашкова ошиблась: Н. И. Панин родился в 1718 г., следовательно, в 1762 г. ему было сорок четыре года.

[144] Генерал-поручик А. П. Мельгунов был одним из ближайших сподвижников и доверенных лиц Петра III.

[145] Д. Рансел отмечает, что свидетельство о подобном намерении Панина присутствует и в шведской дипломатической корреспонденции.

[146] Дашкова Е.Р. Записки, 1743-1810. Л.: Наука, 1985. С. 25.

само по себе пожалование чина (при этом – высокого чина!) могло служить поводом к вступлению в ряды заговорщиков[147].

К июню 1762 г. Панин уже входил в состав политической элиты Российской империи: 29 июня 1760 г. он, возвратившись из Швеции, получил чин обер-гофмейстера и принял в свои руки руководство воспитанием малолетнего цесаревича Павла Петровича «через голову» ранее выполнявшего эту функцию Ф. Д. Бехтеева, протеже М. И. Воронцова[148]. В условиях нерешенности вопроса с престолонаследием значимость этого поста была довольно высокой. Несмотря на то, что реальный вес Панина в политическом пространстве последних лет елизаветинского царствования определить сложно, можно утверждать: влияние обер-гофмейстера постоянно возрастало. В то же время нет оснований переоценивать связи Панина с Сенатом: Н. И. Панин, предполагаемый выразитель аристократических настроений этого органа, в 1762 г. не входил в его состав!

Ясности в вопрос не вносит и собственное объяснение Н. И. Паниным событий переворота 1762 г., которым он достаточно откровенно поделился в 1765 г. с датским дипломатом Ахацем фон Ассебургом.

---

[147] Приведем текст указа Петра III полностью: «Воспитание Нашего Сына Великаго Князя Павла Петровича, вверенное Ея Величеством Государынею, Императрицею Елисавет Петровною, Нашею Вселюбезнейшею Теткою и Нами Нашему Генерал-Поручику и Действительному Камергеру Панину, яко Обер-Гофмейстеру при Его Высочестве, будучи такой важный пост, от котораго много зависит будущее благосостояние отечества и постоянное исполнение и ограждание изданных и издаваемых Нами к благополучию Государства и подданных узаконений, и наипаче в такое время, когда нежное Его Высочества сердце и дарованные от Бога разум и понятие питаемы быть имеют, Всевысочайше за потребно разсудили Мы, чтоб чин Обер-Гофмейстера при Его Высочестве, до самаго Его совершеннолетства и будущаго тогда дальнейшаго распоряжения, состоял во втором классе, Всемилостивейше жалуя помянутаго Генерал-Поручика и Обер-Гофмейстера, сверх того и независимо от сего поста, в Действительные Тайные Советники» (О бытии обер-гофмейстеру при великом князе Павле Петровиче во втором классе // ПСЗ. Т. 15. [СПб.]: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. № 11496. С. 968).

[148] Ф. Д. Бехтеев (1716-1761) был секретарем коллегии иностранных дел, позднее – поверенным в делах при французском дворе в 1756-1758 гг. Его покровителем был М. И. Воронцов, благодаря которому Бехтеев и получил в 1758 г. высокую должность наставника цесаревича. Приняв должность в 1760 г., Панин формально стал выше Бехтеева, получив чин обер-гофмейстера. Американский исследователь Д. Рансел связывает замену Бехтеева на Панина в 1760 г. с борьбой придворных партий Воронцовых и Шуваловых: «Бехтеев не был отличен в степени, достаточной, чтобы получить чин обер-гофмейстера. Наиболее вероятным кандидатом выглядел Иван Шувалов, фаворит, высокообразованный человек и друг французских философов. Закрыв путь Шувалову, назначение Панина помогло Воронцовым» (Ransel D. The Politics of Catherinian Russia: The Panin's Party. Yale: Yale University Press, 1975. P. 41).

Этот текст в определенном смысле удивляет отсутствием аргументированной легитимации переворота. Вместо этого Панин просто констатировал: «Неудовольствие против Петра III было всеобщее… Он пренебрегал делами и советами людей, которые всего менее того заслуживали… Все отшатнулись от него, все негодовали на него; едва он воцарился, как все стали желать другаго повелителя»[149]. Панин, таким образом, не счел необходимым мотивировать свое участие в заговоре наличием каких бы то ни было далеко идущих реформаторских планов – впрочем, возможно, подобная лаконичность является показателем искренности.

Декларированный после свержения Петра III в манифесте новой императрицы от 6 июля 1762 г.[150] реформаторский курс обычно воспринимается как антитеза беспорядочному и неумелому управлению коронованного любителя игры в солдатики из Гольштейна. Однако – как аргументированно продемонстрировал А. С. Мыльников – традиционные представления о неадекватности Петра III не находят документированного подтверждения. Например, император, по-видимому, признавал Павла своим сыном, поэтому вряд ли мог планировать отстранение Павла от наследования престола[151].

Отсутствие убедительной трактовки причин свержения Петра III не позволяет оценить и мотивы вступления Н. И. Панина в заговор.

[149] Ассебург А., фон дер. Записка о воцарении Екатерины Второй // Русский архив, 1879. Кн. 1. Вып. 3. С. 364-365.

[150] См.: Четыре манифеста о восшествии на престол Екатерины II и о кончине Петра III // Осмнадцатый век. Кн. 4. Тип. Т. Рис у Мясницких ворот, Д. Воейкова, 1869. С. 216-222.

[151] А. С. Мыльников указывал на то, что в переписке Петра III еще в бытность его великим князем со шведским королем Адольфом Фредериком (который приходился Петру двоюродным дядей) российский наследник однозначно признавал Павла своим сыном. Более того: во время празднества, прошедшего в мае 1755 г. в Киле (столице Гольштейна) в честь рождения Павла, придворный художник Д. Крузе украсил здание кильской ратуши росписями, в аллегорической форме изображающими торжество. Эти изображения сопровождались надписью «Zu Holsteins Wohl und Russlandsmacht // Ist uns der Printz von Gott gebracht» («Для блага Гольштейна и могущества России ниспослал нам Бог принца»), что позволяет утверждать: в Гольштейне, на родине Петра III, Павла однозначно расценили как будущего наследника Российской империи. Впрочем, этот же исследователь отмечал, что «в манифесте 25 декабря 1761 года о восшествии Петра III на престол имя наследника не было названо, а в форме «Клятвенного обещания» (присяги) говорилось о верности императору и «по высочайшей его воле избираемым и назначаемым наследникам». Эту и в самом деле туманную формулировку можно было трактовать по-разному. То ли как простое следование установленному Петром I в указе 1722 года завещательному распоряжению российским престолом (а подражать во всем деду Петр III как раз и обещал в этом манифесте), то ли как намек на право воспользоваться указом 1722 года в дальнейшем» (Мыльников А. С. Петр III. Повествование в документах и версиях. М.: Молодая Гвардия, 2002. С. 170-178, 138).

В этой связи следует подчеркнуть различие между придворными переменами и масштабными изменениями политического пространства[152]. В целом, преемственность внутриполитического курса на рубеже 50-60-х гг. XVIII в. сегодня не является чем-то новым для историков. Целый ряд трудов посвящен пересмотру всей цепочки негативных примеров из истории XVIII в. – как «мрачные времена Анны Иоанновны» с «просыпавшимися, как сор из дырявого мешка» немцами, так и правление неадекватного поклонника «пруссачества» Петра III[153].

Тенденция к подобному пересмотру отчетливо проявилась с выходом в 1987 г. статьи С. О. Шмидта «Внутренняя политика России середины XVIII века». Шмидт полагает, что «типичные черты политики "просвещенного абсолютизма" за короткое царствование Петра III обнаружились особенно эффективно» – с той оговоркой, что «такая политика отражала не столько вкусы и намерения самого императора, сколько его соправителей, выдвинувшихся на государственном поприще еще в предыдущее царствование», таких как Д. В. Волков, А. И. Глебов, Р. И. Воронцов. Сам переворот С. О. Шмидт характеризует как «гвардейский», называя в числе причин оскорбление гвардейцев возвышением иностранцев и нововведениями в воинских порядках[154]. В том же году за океаном, в Нью-Йорке, вышла книга Дж. Бреннана о «просвещенном деспотизме» Елизаветы Петровны, в которой автор приходил к сходным выводам: «Хотя Екатерина Великая и предпочитала, чтобы историки и ее современники расценивали

---

[152] Разумеется, перемена в положении придворных фракций влекла за собой и изменения в проводимой политике – особенно рельефно это проявлялось в области внешней политики. Однако вряд ли приверженность А. П. Бестужева-Рюмина «системе Петра Великого», профранцузские устремления М. И. Воронцова или ориентация Н. И. Панина на «Северную систему» позволяют лучше понять личные политические пристрастия этих государственных деятелей – «личный режим», режим «аристократических институций», «просвещенный абсолютизм» или, может быть, абсолютизм «непросвещенный»? Точно так же и иррациональная неприязнь Елизаветы Петровны и любовь Петра III к Фридриху II говорят о российских монархах не так много, как хотелось бы (и как это обычно предполагают). Внешняя политика (собственно «политика», в терминологии XVIII в.) имела огромное значение в государственном управлении, однако изучение этого комплекса социально-политических отношений опирается на иные источники и отвечает во многом на иные вопросы.

[153] План Петра III использовать русскую армию для действий в пользу Гольштейна обычно считается ярчайшим примером неадекватности этого императора. В случае с Георгом II и защитой Ганновера в Семилетнюю войну силами английского экспедиционного корпуса это называют «династическими интересами».

[154] Шмидт С. О. Внутренняя политика России середины XVIII века // С. О. Шмидт. Общественное самосознание российского благородного сословия. XVII – первая треть XIX века. М.: Наука, 2002. С. 96.

смену власти в 1762 г. как важнейший переломный момент для России, это не является правдой»[155].

И. В. Курукин, ограничиваясь замечанием, что «политика Петра III… и сам повседневный стиль жизни монарха вызывали неизбежное отторжение головных бюрократических структур, двора и гвардии», приводит убедительные доводы в пользу того, что фатальной для Петра III оказались война с Данией и активно готовившаяся монархом реорганизация гвардейских частей[156].

В целом, мотивировка вступления Н. И. Панина в ряды заговорщиков остается неясной, а приведенные выше исследовательские интерпретации позволяют сделать вывод об отсутствии прямой связи между заговором против Петра III и изменениями политического дискурса, который разделяла государственная элита Российской империи. Разумеется, мы не ставим под сомнение значительную и, возможно, ведущую роль Панина в заговоре – свидетельства этого содержатся в депешах практически всех иностранных дипломатов. Однако с такой же уверенностью можно констатировать: правление Петра III не подвергалось открытой, публичной атаке до его свержения, и практически все тексты, с которыми сегодня мы имеем дело, – это не аргументы, призванные «сделать» переворот, идеологически подготовив его, а лишь оправдания этого переворота, выданные post factum.

В этой связи интерес для нас представляют следующие вопросы: во-первых, была ли причиной участия Панина в перевороте принципиальная невозможность реализовать реформаторские проекты при Петре III; во-вторых, преследовало ли участие Панина в заговоре далеко идущие цели – такие, как надежда ограничить власть монарха при вступлении на трон нелегитимной императрицы или установить выгодное для воспитателя малолетнего Павла Петровича регентство.

Ниже я постараюсь показать, как источник, ранее слабо использовавшийся исследователями, позволяет не только дополнить картину событий 1762 г., но и подчеркнуть внутреннее единство концептуально-политического пространства России рубежа 50-60-х гг. XVIII в.

В 1859 г. секретарь Государственного совета Российской империи П. Н. Даневский опубликовал анонимный недатированный документ, озаглавленный позднейшим переписчиком «План (несостоявшейся) или Росписание учреждаемаго вновь при дворе из 4 департаментов имеющаго быть Совета с назначением кому быть министром, и кому

[155] Brennan J. Enlightened Despotism in Russia: The Reign of Elisabeth, 1741-1762. New York: Peter Lang Pub., Inc., 1987. P. 261.

[156] Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725-1762 гг. Рязань: НРИИ, 2003. С. 401.

статским секретарем»[157]. Д. Рансел, работавший только с публикацией Даневского, называет в числе возможных авторов проекта Б. Миниха и Н. И. Панина. По мнению американского исследователя, «предполагаемый состав Совета включал представителей всех ведущих политических групп и ясно отражал стремление национальной элиты восстановить свое влияние на правительственные дела», однако Петр III «отверг эти попытки регулировать свою самодержавную власть», ограничив состав своего Совета «узким кругом личных фаворитов»[158].

А. Б. Плотников ограничился в отношении «Плана» сдержанным замечанием, признавая возможным существование «чисто внешней, генетической связи между этим наброском и проектом Н. И. Панина (в той его части, которая посвящена непосредственно Императорскому совету)»[159]. И. В. Курукин расценивает «План» уже как прообраз учреждения, реально созданного Петром III в июне 1762 г., а отсутствие вошедших в итоговый вариант «Плана» К. Г. Разумовского, Р. И. Воронцова и А. И. Глебова в составе Совета Петра III исследователь считает «одной из причин, толкнувших их на сторону Екатерины»[160].

В действительности «План» был составлен уже после создания Петром III Императорского совета – не позднее июня 1762 г. Это видно из того, что Б. Миних в «Плане» назван «генерал-губернатором Сибири и директором [Ладожского канала]». Обе эти должности престарелый Миних получил по указу императора от 9 июня 1762 г.[161], после создания Совета при Петре III. Практически все фигуранты (кроме Волконского) реального Императорского совета, учрежденного Петром III 18 мая 1762 г., вошли в итоговую редакцию «Плана». Таким образом, мнение Д. Рансела о действовавшем Совете Петра III как «узком круге личных фаворитов» следует признать необоснованным[162].

---

[157] Даневский П. Н. Приложения // П. Н. Даневский. История образования Государственного совета в России. СПб., 1859. С. 10.

[158] Ransel D. The Politics of Catherinian Russia: The Panin's Party. Yale: Yale University Press, 1975. P. 74.

[159] Плотников А. Б. Политические проекты Н. И. Панина: Дисс. … канд. ист. наук. М.: ИРИ РАН, 1997. С. 84-85.

[160] Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725-1762 гг. Рязань: НРИИ, 2003. С. 381.

[161] Баранов П. И. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-петербургском сенатском архиве за XVIII век. Т. III. 1740-1762. СПб., 1878. С. 509.

[162] Неясно также, почему гольштейнские родственники Петра III, принц Георг Людвиг Гольштейн-Готторпский и герцог Петер Август Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Бекский, в данном случае расцениваются Д. Ранселом как «личные фавориты». Как родственники монарха, именно они и должны были быть членами Совета; так, принцы крови входили в состав Совета французского короля.

Несмотря на то, что этот небольшой документ содержит лишь перечень кандидатов на высшие должности во «вновь создаваемом» Совете, «План» может рассказать о многом. Постараемся восстановить ход размышлений автора (или авторов) «Плана». Прежде чем приобрести итоговый вид, список прошел как минимум четыре редакции.

Первичный список членов Совета в «Плане» выглядел так[163]:

Quatre Secretaires d'Etat ou plustot Expediteur.

Pour des affaires de guerre Wolkonskoy

Pour la marine Miloslavskoy

Pour d'interieur et les finances Kourakin ou Pougowichnikoff

Pour la politique Golitzin qui qui revient de Londres, ou Olsoufieff

Ministres assistants

L'Empereur comme Chef et President

Le Prince Georges Vice President

Le Comte de Munnich, Gouverneur General de Siberie et Directeur

Le Prince Troubetskoy

Le Prince Pierre de Holstein Beck

Le Hetmann

Le Chancelier

Comte Roman

Glebow

Narishkin

Melgounow

Pour que tout ce qui est dessus soit bien en ordre, il est de la necessite indispensable, que les quatre Secretaires ayent bureaux et appartements au palais de la Cour.

В первой правке места «графа Романа» (Р. И. Воронцова) и генерал-прокурора А. И. Глебова заняли Н. И. Панин и А. Н. Вильбоа соответственно, а в число кандидатов на пост секретаря по военным делам был введен Д. В. Волков. Однако уже при следующей правке Волкова в секретариате по военным делам заменил А. П. Мельгунов, в то же время самого Мельгунова в списке министров-ассистентов заменил Б. А. Куракин, который, в свою очередь, был вычеркнут из статс-секретарей по делам внутренним. «Граф Роман» (теперь уже с фамилией) вернулся в список и заменил собой принца Гольштейн-Бека. Автор «Плана», по-видимому, искал наиболее подходящее место для Волкова. В очередной, предпоследней редакции из списка статс-секретарей он вычеркнул Мельгунова, которого вновь заменил Волков. Список «министров-ассистентов» покинули Куракин и «граф Роман».

[163] План (несостоявшейся) или Росписание учреждаемаго вновь при дворе из 4 департаментов имеющаго быть Совета с назначением кому быть министром, и кому статским секретарем // РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 63. Л. 1.

Окончательная правка была внесена другим цветом чернил. Л. А. Нарышкина автор вычеркнул, а положение Волкова одновременно на двух позициях дополнил комментарием, что кроме управления внутренними делами и финансами этот последний «одновременно должен руководить военными операциями»[164]. Итоговый список кандидатов принял следующий вид:

Quatre Secretaires d'Etat ou plustot Expediteur.

Pour des affaires de guerre: ou Volkoff

Pour la marine Miloslavskoy

Pour d'interieur et les finances: Wolkoff, qui doit avoire en meme temps la direction des operations militaries

Pour la politique Golitzin qui qui revient de Londres, ou Olsoufieff

Ministres Assistants

L'Empereur comme Chef et President

Le Prince Georges Vice President

Le Comte de Munnich, Gouverneur General de Siberie

Le Prince Troubetskoy

Le Hetmann

Le Chancelier

Panin

Vilbois

Le comte Roman Vorontzoff

Kourakin

Pour que tout…

Невозможно ни точно назвать автора «Плана», ни исключить возможность коллективного составления текста, даже если он был, как считает И. В. Курукин, написан рукой М. И. Воронцова. Однако можно с уверенностью сказать: автором «Плана» был представитель имперской политической элиты. Об этом говорит то, что в тексте не были названы по именам К. Г. Разумовский («гетман») и М. И. Воронцов («канцлер»), а Р. И. Воронцов вплоть до последней правки фигурировал просто как «граф Роман».

По-видимому, реформа готовилась не только при Петре III, но и для него. Именно император должен был стать «шефом и президентом» Совета. Пост вице-президента Совета, согласно «Плану», должен был занять дядя Петра III – принц Георг. Возможно, этот нехарактерный для России XVIII в. пост был задуман на случай отбытия монарха в действующую армию (Петр III планировал лично возглавить поход против Дании). Впрочем, можно предположить и иную трактовку «Плана»,

---

[164] План (несостоявшейся) или Росписание… // РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 63. Л. 1.

опираясь на материалы, собранные секретарем датского посольства в Санкт-Петербурге А. Шумахером. Датский дипломат полагал, что заговорщики не хотели открыто свергать Петра III, предпочитая обставить его гибель как несчастный случай во время пожара, таким образом, оставаясь формально в рамках легитимности[165]. Малолетний Павел не сумел бы выполнять функцию председателя, именно поэтому и мог быть предусмотрен пост вице-президента предполагаемого Совета – принца Георга, ближайшего родственника нового императора.

Существование альтернативного проекта Совета при Петре III (какими бы ни были цели его автора либо авторов) заставляет пересмотреть устоявшееся историографическое клише о группе влиятельных представителей элиты, попытавшихся извлечь пользу из свержения импульсивного деспота и восшествия на трон нелегитимной императрицы, чтобы «освободить от государственных забот женщину-монарха, в которой они по опыту предыдущих царствований предполагали весьма условное отношение к императорским обязанностям»[166].

«План» и проект Императорского совета, подготовленный Н. И. Паниным, объединены несвойственным реально действовавшему Совету Петра III принципом функциональной специализации статс-секретарей. Такая специализация была характерной чертой панинских проектов, и она оставалась неизменной как в ранних (60-е гг. XVIII в.), так и в поздних (80-е гг. XVIII в.) текстах. В определенной степени Панин упредил создание в России министерств, которое произойдет только при Александре I.

Это позволяет по-новому взглянуть и на реформаторский проект Н. И. Панина, поданный Екатерине II вскоре после переворота 28 июня 1762 года. Панин предлагал создать Императорский совет[167] – консультативный орган, в котором должны были рассматриваться «все дела, принадлежащие по уставам государственным и по существу монаршей самодержавной власти» личному «попечению и решению» императрицы[168].

[165] Со шпагой и факелом: Дворцовые перевороты в России. 1725-1825. М.: Современник, 1991. С. 277.

[166] Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М.: Юрист, 1993. С. 242.

[167] Проект Никиты Ивановича Панина об учреждении Императорскаго совета и о разделении Сената на департаменты, с приписками императрицы Екатерины и несостоявшимся по этому поводу манифестом ея // РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 29-29 об.; Бумаги, касающиеся предположения об учреждении Императорскаго совета и о разделении Сената на департаменты в первый год царствования Екатерины II. (28-го декабря 1762 года) // СИРИО. Т. 7. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1871. С. 200-221. См. также Приложение 1.

[168] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 38; Бумаги, касающиеся предположения… С. 212.

При этом «все установление сего императорского совета иного намерения иметь не может и не должно, как только то, чтоб средством оного сам государь мог объять все части государственные под свое монаршее попечение для удобнейшего в пользу общую (так! – К. Б.) законодательства».

Число членов Совета «никогда восми превосходить и меньше шести умаляться не должно». «В числе сем должны быть некоторые департаментов государственных штацкими министрами, и потому место свое в тех департаментах для заседания иметь, яко то: 1) министр иностранных дел и того департамента, то есть иностранной коллегии, 2) министр внутренних дел, который не токмо сенатор, но и место имеет во всех коллегиях принадлежащих к тому департаменту, 3) министр военнаго департамента, который в военной коллегии, в камисариате и в провиант [коллегии] место имеет, 4) министр морскаго департамента, который и член коллегии адмиралтейской». В состав Совета может быть добавлен и «пятый штацкой министр», «ежели в разсуждении пространства дел внутренних нужда востребует разделить оныя на два департамента». В своем черновом, вычеркнутом варианте этот параграф выглядел несколько иным образом, демонстрируя очевидное сходство с анонимным «Планом»: «Ежели в разсуждении пространства дел внутренних нужда востребует сочинить особливый департамент из купеческих и казенных дел, тогда онаго министр получает место в комерц-коллегии, в камор-коллегии и в статс-канторе»[169].

Итак, четыре или пять из возможных восьми членов Совета получали, в соответствии с проектом Панина, персональную отраслевую специализацию. В их компетенции должны были оказаться «все дела, принадлежащие по уставам государственным и по существу монаршей самодержавной власти» личному «попечению и решению» императрицы, «яко то взносимые… не в присутствии в сенате доклады, мнения, проекты, всякие к ним принадлежащие просьбы, точное сведение всех разных частей составляющих государство и его пользу… словом, все то, что служить может к собственному самодержавного государя попечению о приращении и исправлении государственном». Министр являлся бы «живою запискою рачительному государю принадлежащего точного сведения о установлениях и состоянии всех вещей составляющих дела, порядок и положение государства всего, в чем каждый по своему департаменту и заимствует часть нашего (императорского, так как текст манифеста составлен от лица монарха – К. Б.) собственного попечения»[170].

---

[169] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 37 об.; Бумаги, касающиеся предположения… С. 211.

[170] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 38об.; Бумаги, касающиеся предположения… С. 212.

При этом Панин сделал интересную оговорку: «Хотя выше сказано, что поминаемые министры из числа тех же императорских советников: однакож способные и вне совета находящиеся могут употреблены быть министрами. И в таком случае предписанное число шести императорских советник (так в тексте – К. Б.), не включая сих министров, состоять имеет»[171]. Императорские советники, не являвшиеся «штацкими министрами», скорее всего, должны были выступать в роли «министров-ассистентов», уже знакомых нам по июньскому «Плану» 1762 г.

Членам Совета предписывалось поочередно подавать свои мнения для протокола, после чего императрица «самодержавным повелением» накладывала бы итоговую резолюцию. Очевидно, для того чтобы сделать проект манифеста об учреждении Совета еще более убедительным, Панин сослался на «Духовный регламент» Петра I: «Монархов власть есть самодержавная, которым повиноваться сам Бог за совесть повелевает, обаче советников своих имеют не токмо ради лучшего истины взыскания, но дабы и не клеветали непокорные человецы, что се или ино силою паче и по прихотям своим, нежели судом и истиною, заповедует монарх»[172].

Текст «Духовного регламента», откуда сделал выписку Панин, в целом был посвящен обоснованию преимуществ «коллегиума» перед единоличным управлением в вопросах религии. В частности, первый пункт «Регламента» открывался утверждением о том, что «известнее взыскуется истина соборным сословием, нежели единым лицеем», а далее уточнялось: «Вящше ко уверению преклоняет приговор соборный, нежели единоличный указ». В тексте «Регламента» присутствовали и ссылки на исторические примеры – в качестве таковых приводились иудейский Синедрион, афинский Ареопаг и «подобнее и во многих иных Государствах, как древних, так и нынешних»[173]. Очевидно, Панин обратился к «Регламенту» в поисках отечественной традиции Совета, однако – поскольку текст «Регламента» был посвящен обоснованию превосходства коллегиального способа принятия решений над единоличным (собственноручный доклад Панина, который должен был сопровождать проект манифеста, преследовал прямо

[171] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 37об.-38; Бумаги, касающиеся предположения… С. 212.
[172] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 37; Бумаги, касающиеся предположения… С. 211.
[173] Регламент, или Устав Духовной Коллегии // ПСЗ. Т. 6. [СПб.]: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. № 3718. С. 316.

противоположные цели), – ограничился приведенной выше выпиской из текста. Учитывая, что ссылка на петровский «Регламент» была вписана Паниным на полях первого варианта чистовика проекта манифеста, можно констатировать: обращение к одной из ключевых политических формул российского XVIII в. было сознательной попыткой Панина усилить свои аргументы с помощью авторитета традиции. Как и в других случаях обращения к петровскому законодательству, Панин отнесся к первоисточнику выборочно – как к арсеналу готовых аргументов, принимающих свое значение в зависимости от использования.

Как явствует из текста проекта, «штатцкие министры» Совета должны были стоять во главе «государственных департаментов», имевших соответствующую отраслевую специализацию. О департаментах в проекте нигде не говорится прямо. Однако отмечено, что министр иностранных дел должен быть одновременно и «членом того департамента, то есть (курсив наш – К. Б.) иностранной коллегии». Остальные министры тоже названы членами соответствующих коллегий, а для министра внутренних дел указано, что он является еще и сенатором. Отметим: в проекте Панина место в Императорском совете не получал генерал-прокурор Сената. Это роднит проект Панина с реально действовавшим Советом Петра III (куда не вошел влиятельный в то время генерал-прокурор А. И. Глебов) и вообще со всеми аналогичными консультативными учреждениями предшествующих десятилетий, но резко отличает его от Совета Екатерины II (созданного в 1769 г.), куда вошел и генерал-прокурор А. А. Вяземский.

Предполагалось, что Совет будет собираться ежедневно, кроме субботы, воскресенья и праздников, «в особливом к тому назначенном апартаменте у двора» императрицы. Каждый министр должен был докладывать по своему департаменту «дела, принадлежащие к докладу и высочайшему императорскому решению». Императорские советники получали возможность предложить свои «мнения и рассуждения», после чего императрица «самодержавным[174] повелением» накладывала итоговую резолюцию[175]. Совет должен был располагать собственной канцелярией во главе с «правителем канцелярии» для ведения подробнейших протоколов, которые

[174] В черновом, вычеркнутом варианте текста – «монаршим».

[175] Проект Никиты Ивановича Панина об учреждении Императорскаго совета и о разделении Сената на департаменты, с приписками императрицы Екатерины и несостоявшимся по этому поводу манифестом ея // РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 38 об.; Бумаги, касающиеся предположения… С. 213.

включали бы «не токмо по докладам высочайшие резолюции», но и «происходящие по делам рассуждения всех советников все подробно», и подписывались бы всеми императорскими советниками на следующий после обсуждения день. Кроме того, принятые на заседаниях Совета акты должны были быть «контрасигнированы тем штацким министром, по департаменту которого то дело производилось, дабы тем публика отличать могла, которому оное департаменту принадлежит»[176].

Подобная концепция высшего консультативного органа Российской империи вновь появится в текстах Панина и его единомышленников – генерала П. И. Панина и великого князя Павла Петровича – в 80-е гг. XVIII в.

В «Разсуждениях вечера 28 марта 1783» Павел не упоминает об Императорском совете напрямую. Однако великий князь отметил, что «администрация государства» заключается не только в Сенате, «а составлена из других частей по разным родам дел, принадлежащих безпосредственно по существу своему к экзекутивной власти, особливо везде, где одна надобна воля для принятия скорейшаго намерения и воли исполнения». Таким образом, администрация «политическая, финанцкая, комерческая, обе военные и казенная» сосредоточена в руках монарха.

«Каждое наместничество, будучи снабжено нужными разных родов дел департаментами или палатами, коллегии сами собой исчезли иныя», – записал Павел далее и с нового абзаца продолжил: «Я их, как и остальныя, инако не полагаю, как департаментами той экзекутивной власти, о которой выше упоминалось по разным родам частей оной». Записка обрывается на полуслове[177].

Вторая записка Павла тематически и содержательно связана с «Разсуждениями вечера 28 марта 1783», однако не имеет ни заглавия, ни даты. Очевидно, она была составлена позднее. Здесь Павел уже прямо говорит о «Государевом совете» как о собрании «шефов разных государства дел частей» – министров различных

---

[176] Любопытно, что этот параграф (вызвавший немало споров в исследовательской среде, как мы увидим ниже) был добавлен последним или одним из последних; он был написан вчерне на отдельном листе, который в нумерации архивного оригинала следует за последним листом беловой версии проекта. Этот дополнительный параграф был, однако, пронумерован как «10»; соответственно, бывший десятый параграф (первоначально бывший седьмым) стал одиннадцатым (Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 44).

[177] Разсуждения вечера 28 марта 1783 г. // РГАДА. Ф. 1. Д. 57. Л. 4-4 об.; Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 6. М.: Наука, 1974. С. 266-268.

департаментов: «юстицкого», «камерного», «денежного», «щетного», «комерции», двух военных и «внешних, или иностранных дел»[178].

Позднее о совете при особе императора речь будет идти и в «Наказе» Павла Петровича, который был составлен, по-видимому, в конце 80-х гг. XVIII в.: «Государь, будучи над всем, смотреть за разными частьми, и для того в облегчение не только ума Его, но и совести иметь Ему совет, составленной из особ, которым поручено смотреть за разными частьми и родами дел государства. В государев совет все дела входят по всем частям, следственно, от всех частей главному быть в ней. Я разумею дела, до государственного правления касающиеся, а не текущие по законам и без того. Сии главныя суть: канцлер юстиции, канцлер иностранных дел, вице-канцлер юстиции, вице-канцлер иностранных дел, военной министр, морской министр, финанц-министр, комерц-министр, и государственный казначей»[179].

Вновь появился совет и в «Прибавлении к разсуждению, оставшемуся после смерти Министра Графа Панина, сочиненное Генералом Графом Паниным, о чем между ими разсуждалось иметь полезным для Российской Империи фундаментальные права, не пременяемые на все времена никакою властию»[180], которое генерал П. И. Панин подготовил для Павла Петровича в 1784 г. Здесь речь шла об учреждении «одного самого главнаго государственнаго присутственнаго места», собственно присутственных мест для «государственного правления и суда и расправы», а также «единаго не пременяемого никакою властью присутственнаго государственнаго места», через которое к монарху должны поступать «жалобы и доношении на последнее решение» для прочтения вне зависимости от его личного присутствия. При этом каждый министр должен давать в протокол свое «разсуждение», а «решительную единственную власть» сохраняет монарх[181]. Очевидно, что «единое присутственное государственное место» представляет собой все тот же Императорский совет, знакомый по проекту 1762 г. В черновом варианте «Прибавления» он именовался «ми-

[178] Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина… С. 268-269.

[179] Материалы к русской истории XVIII в. // Вестник Европы. Журнал историко-политических наук. Второй год. Т. I. СПб.: Тип. Ф. С. Сущинского, 1867. С. 316-317.

[180] Шумигорский Е. С. Приложение // Е. С. Шумигорский. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб.: Тип. В. Д. Смирнова, 1907. С. 13-20.

[181] Шумигорский Е. С. Приложение… С. 18.

нистерским присутственным местом»[182]; хотя это наименование и не вошло в итоговый вариант текста, в одном из пунктов «Прибавления» П. И. Панин все-таки назвал этот правительственный орган «Министерским советом»[183].

Подобные упоминания в двух записках Павла, составленных под влиянием последних бесед с умиравшим Н. И. Паниным, и в «Прибавлении» П. И. Панина позволяют утверждать: Никита Иванович и в 80-е гг. XVIII в. придерживался той же концепции высшего консультативного органа, основанного на началах функциональной специализации узкого круга «министров», которую он предложил в 1762 г.

Итак, концепция Императорского совета Н. И. Панина была в целом сформирована, более того – предназначена к реализации до переворота 1762 г., еще при Петре III. Эта концепция Панина, характерной чертой которой была отраслевая специализация «министров» Совета, оставалась в целом неизменной вплоть до 80-х гг. XVIII в. Перейдем теперь к детальному анализу обширной критики существующей имперской системы управления, занимавшей центральное место в аргументации реформаторского проекта Панина 1762 г.

ГЛАВА V. «МОНСТЕР, НИ НА ЧТО НЕПОХОЖЕЙ». КРИТИКА ИМПЕРСКОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ПРОЕКТЕ 1762 Г.

Панин без всяких предисловий начал свой доклад утверждением: «Государственное правление заключает в себе главных восемь частей: 1) Суд народа, или юстиция. 2) Правы их имения, то есть: вотчинныя дела. 3) Духовной закон и нравы гражданские, что называется внутреннею политикою. 4) Внешняя политика. 5) Оборона государственная. 6) Его казенныя дела, то есть: сравнение и доброта ходячей монеты, сумма ея во всем государстве, все государственные доходы с штатами их расходов. 7) Государственная экономия в сохранении и умножении обывателей и в земледелии. 8) Рукоделии, фабрики, манифактуры, торг с делами купеческими и мещанскими»[184]. Кроме того,

[182] Прибавление к разсуждению, оставшемуся после смерти Министра Графа Панина, сочиненное Генералом Графом Паниным, о чем между ими разсуждалось иметь полезным для Российской Империи фундаментальные права, не пременяемыя на все времена никакою властию (черновик) // Бумаги гр. Н. и П. Паниных (записки, проекты, письма к В. К. Павлу Петровичу 1784-1791 гг.). РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 28.

[183] Шумигорский Е. С. Приложение... С. 17.

[184] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 2; Бумаги, касающиеся предположения… С. 202.

«каждая из сих главных частей имеет свои многия раздробления, которыя также по касательности между собою производят особливые и новые объекты».

Выделив основные элементы структуры «государственного правления», Панин переходит к системе управления: «Оное все правится разными судебными местами, яко-то: коллегиями, канцеляриями, конторами и всякими другими приказами, какова б звания ни были. Сенат их всех имеет под управлением, яко центр, у котораго все стекается; но он под государевою державною властью[185] не может иметь права законодавца, а управляет по предписанным законам и уставам, которые изданы в разныя времена, и может быть по большей части в наивредительнейшия, то есть тогда, когда при настоянии случая что востребовалось… Следовательно, какия б предписания сенат не имел о попечении, чтоб натуральная перемена времен, обстоятельств и вещей всегда были обращены в пользу государственную, – ему, в разсуждении его существительнаго основания (так! – К. Б.), невозможно сего исполнить»[186].

Говоря о том, что Сенат, имеющий под управлением все «судебные места», сам находится «под государевою самодержавною властию»[187], Панин исключительно четко определил функцию членов Сената: «Разсудить дело по силе указов, а сумнительное из того взнесть в доклад». Панин писал о том, что сенатор приезжает на службу, словно «гость на обеде», «еще не зная не токмо вкусу кушанья, но и блюд, коими будет подчиван»[188].

Эта яркая метафора, которой Панин проиллюстрировал свой тезис, вовсе не является критической стрелой в адрес неэффективности Сената, как полагает И. де Мадариага, а вместе с ней – большинство отечественных и зарубежных исследователей[189]. Скорее, такое сравнение позволило Панину рельефно обозначить характерную особенность любых подобных учреждений – далее в тексте следует и объяснение

---

[185] Зачеркнуто: «Вашего Императорского Величества».

[186] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 21об.; Бумаги, касающиеся предположения… С. 202.

[187] В тексте публикации Русского исторического общества: «державною» (Бумаги, касающиеся предположения… С. 202).

[188] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 21-об.; Бумаги, касающиеся предположения… С. 203.

[189] Ransel D. The Politics of Catherinian Russia: The Panin's Party. Yale: Yale University Press, 1975. P. 93; Мадариага И., де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое лит. обозрение, 2002. С. 74–84; Гаврюшкин А. В. Граф Никита Панин. Из истории русской дипломатии XVIII века. М.: Международные отношения, 1989. С. 34; Павленко Н. И. Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 459.

специфики коллективных органов: «Не погреша, нельзя обвинять сих людей: они только к тому призваны. Таково существо всех вообще трибуналов (здесь и далее курсив наш – К. Б.) и во всех государствах. А те люди, которые где из сих пределов выходят, везде почитаются чрезвычайными, и число их, а особливо в коллегиях, также везде не весьма велико»[190].

Подобное определение, безусловно, не является признанием некомпетентности Сената как такового и существенно отличается от критических инвектив Екатерины II, которая старалась подчеркнуть несоответствие Сената в первые годы после ее восшествия на престол задачам эффективного управления страной[191].

Для аргументации Панина куда более важно то, что при «самодержавном государе» Сенат «не может иметь права законодавства». В ином случае Сенат «выдет из своей границы», и «течение дел в правлении государства часто будет останавливаться и вместо скорых резолюций будут нескончаемые разсуждения и споры о новых законах, а умалчивая, что физической и моральной резоны не дозволяют трактовать о законодании, а только оное разсматривать в таком людном собрании, которое однако же по другим резонам… тем не меньше нужно и полезно»[192]. По мнению Панина, «первое правило» Сената – «наблюдать течение дел и производить ему принадлежащие по силе выданных законов и указов на каждое судебное место».

Итак, в своем докладе Панин решительно отверг мысль о возможном наделении Сената законотворческими полномочиями. При этом, говоря о Сенате, Панин сослался на универсальную категорию – характерные особенности любых коллегиальных органов или «всех обыкновенных трибуналов»[193] – что, в свою очередь, отсылает читателя к широкому интеллектуальному контексту, позволяющему понять «существительное основание» Сената, о котором говорилось выше. Далее в тексте доклада, когда речь зайдет об эпохе Елизаветы Петровны, Панин вновь обратится к такой категории, говоря о том, что «общее попечение о государственных частях» в «обыкновенных трибуналах, ограниченных не токмо в деле, но и в разсуждениях из-

[190] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 22-об.; Бумаги, касающиеся предположения… С. 203.
[191] Записки Екатерины Второй. С. 538-539.
[192] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 21.об.-22; Бумаги, касающиеся предположения… С. 203.
[193] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 22об.; Бумаги, касающиеся предположения… С. 203. В тексте публикации СИРИО ошибочно стоит «всех вообще трибуналов».

данными законами, и не под очами государевыми исполнить невозможно»[194].

Выход Сената из своих «границ» и его полноправное участие в законодательстве означали бы переход части прерогатив суверена к этому коллегиальному органу. Здесь Панин обращается к старому аргументу в пользу монархической формы правления, сохранявшему популярность в политической литературе XVII-XVIII вв.: при единоличном правлении возрастает скорость принятия решений, тогда как коллегиальный способ подразумевает «нескончаемые разсуждения и споры».

Подобный аргумент Панин с легкостью мог почерпнуть, например, из знаменитого трактата С. Пуфендорфа «De officio hominis et civis juxta legem naturalem»[195]: «Во всех формах правления власть на деле одинакова. Но в одном отношении монархия имеет значительное преимущество над прочими; ибо для того, чтобы рассуждать и решать, то есть, чтобы собственно непосредственно приводить правительство в действие, нет необходимости назначать и фиксировать определенные времена и места; ибо он может обсуждать и решать в любом месте и в любое время, поэтому монарх всегда в готовности выполнить необходимые правительственные действия»[196]. Впрочем, подобную аргументацию весьма сложно связать с конкретным источником – идея о превосходстве монархии над республиканскими формами правления была своего рода общим местом политической теории XVIII в., и ее в равной мере придерживался и Монтескье, влияние которого на Панина не подлежит сомнению.

В этом контексте ответ Панина на вопрос о том, способен ли коллегиальный орган – Сенат – заниматься законодательной деятельностью, говорит не только о некомпетентности этого конкретного учреждения, но и о превосходстве монархии над республикой,

---

[194] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 24об.; Бумаги, касающиеся предположения… С. 205.

[195] Каталог книжного собрания Паниных не фиксирует это сочинение, к тому же сам Никита Иванович, по-видимому, не владел латынью. Однако он мог читать «De officio hominis et civis juxta legem naturalem» либо во французском переводе Ж. Барбейрака (в каталоге книжного собрания Паниных другое известное сочинение Пуфендорфа, «De jure naturae et gentium libri octo», присутствует именно в переводе Барбейрака), либо на русском языке, в 1726 г., под названием «О должности человека и гражданина, книги две». Кроме того, аргументация Пуфендорфа частично повторяется Феофаном Прокоповичем в трактате «Правда воли монаршей во определении наследника державы своей». Вряд ли Панин не был знаком с этим основополагающим сочинением российской политико-правовой традиции.

[196] Samuel von Pufendorf. The Whole Duty of Man According to the Law of Nature, with Two Discourses and a Commentary by Jean Barbeyrac. Indianapolis: Liberty Fund, 2003. P. 204.

точнее – над такой формой правления, в которой законотворчество осуществляется коллегиально, а не единолично. По нашему мнению, Панину представлялась проблемой не столько пресловутая неповоротливость Сената или его громоздкая организация, сколько противоречия между его активностью в годы правления Елизаветы и компетенцией «самодержавного государя». Пресловутая неэффективность Сената, таким образом, является для Панина политическим аргументом.

Подчеркну: пространная критика Паниным того положения Сената, которое он занимал при Елизавете Петровне, направлена – как это следует из текста – на обоснование ведущей роли «самодержавного государя» в системе управления государством. Само по себе утверждение о неэффективности Сената не предполагает готового вывода о том, как подобная неэффективность может быть преодолена. Критика Сената приобретает значение именно в контексте тех ограничений компетенции этого правительственного органа, которые предложил Панин. Но для того чтобы сделать такой вывод, Панину было необходимо иметь сложившееся и прочное представление о том, что единоличный способ принятия решений превосходит коллективный. Это представление было, по-видимому, настолько прочным, что Панин сослался на преимущество единоличного способа принятия решений как на аксиому, о чем говорит обращение и к универсальной категории – особенности «всех вообще трибуналов».

Иными словами, аргументы Панина черпают свою силу не из констатации неэффективности работы Сената, а из признания априорного превосходства единоличного управления над коллегиальным. Таким образом, распространенное объяснение реформаторских проектов Панина как попытки исправления очевидных и объективных несовершенств российской политической системы выглядит недостаточным – даже без учета того, что эффективность елизаветинской (как и любой другой) системы управления всегда зависит от того, какие критерии использует историк.

Показательно, что свой анализ политической роли Сената Панин завершил следующим образом: «Из сего, а наипаче из власти законодания и самодержавной[197] ощутительно само собою заключается, что

---

[197] Слово «самодержавной» здесь является характеристикой власти, связанной в смысловом отношении с понятием «законодательная власть». Д. Рансел, говоря о проекте Панина, использовал как англоязычный эквивалент этой формулировки выражение «autocrat's power of legislation» («законодательная власть самодержца»), что, разумеется, существенно меняет смысл; в данном случае следовало бы говорить об «autocratic power of legislation» (Ransel D. The Politics of Catherinian Russia: The Panin's Party. Yale: Yale University Press, 1975. P. 77).

главное, истинное и общее о всем государстве попечение замыкается в персоне государевой. Он же никак инако ее в полезное действо привести не может, как разумным ея разделением между некоторым малым числом избранных к тому людей»[198].

Противоречие в логике? Вряд ли, поскольку между функциональными принципами Сената и концепцией вновь предложенного Н. И. Паниным Совета существовало принципиальное различие. Коллегиальный характер работы Сената был определен петровским законом от 27 апреля 1722 г., требовавшим от сенаторов решать все вопросы коллегиально и единогласно: «Без согласия всего Сената ничто делать подобает»[199]. Концепция же Совета, разработанная Паниным, предполагала последовательное изложение статскими секретарями своих мнений с последующим вынесением резолюции монархом.

Обосновывая потребность в Императорском совете, обер-гофмейстер критиковал не только Сенат. Используя определение генерал-прокурора как «государева ока», зафиксированное указом от 27 апреля 1722 г. «О должности генерал-прокурора»[200], в качестве метафоры, Панин подчеркнул: монарх, «как самодержавный государь, оставляя при себе право законодания... конечно, не может чрез одно око разсматривать все разныя в управлении государства надобности по переменам времен». В конечном счете «генерал прокурор остается толко тем оком, которое в сенате порядок производства дел и точность законов наблюдать должен»[201]. На этих же основаниях Панин отверг и мысль о личных правительственных органах при монархе: «Будто б все места правительства не равно собственныя были самодержавного государя, когда и государство все его быть должно»[202].

Говоря о должности генерал-прокурора, Панин отмечал, что «Ягужинский и Трубецкой распространяли гораздо далее свое звание», чем предполагало простое выполнение контрольных функций в Сенате. Но если первый из названных сановников «был в то время ближайший советник того государя, который тогда сам империю и

---

[198] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 22об.; Бумаги, касающиеся предположения… С. 203.

[199] Российское законодательство X-XX вв. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юридическая литература, 1986. С. 193.

[200] «…Понеже сей чин, яко око Наше и стряпчей о делах» (О должности сената // ПСЗ. Т. 6. [СПб.]: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 661).

[201] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 23-23об.; Бумаги, касающиеся предположения… С. 204.

[202] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 25об.; Бумаги, касающиеся предположения… С. 206.

правительство установлял», то второй «первую часть времени своего прокурорства производил по дворскому фаверу, как случайный человек, следовательно не закон и порядок наблюдал, но все мог, все делал и, если осмелиться сказать, все прихотливо развращал, а потом сам стал быть угодником фаворитов и припадочных людей»[203]. Характерно, что в тексте манифеста 1762 г. присутствовало напоминание о событиях 1730 г.: «…При возведении на престол покойной императрицы Анны Иоанновны и самая самодержавная власть, никогда не разделяемая от нашей императорской короны, уже потрясена была»[204].

Столь тщательное обоснование потребности государства в «собственном попечении» монарха позволяет по-новому оценить и критику фаворитизма в тексте проекта. По мнению Панина, неурядицы правления Елизаветы Петровны заключались в «коварном ей от злонамеренных воображении о самодержавии: под видом ея собственной воли, лишали ея власти исполнять по собственному желанию благое отечеству»[205]. Эта мысль спустя 20 лет прозвучит вновь, в «Рассуждении о непременных государственных законах»: «Порабощен одному или нескольким рабам своим, почему он самодержец? Разве потому, что самого держат в кабале недостойные люди?»[206]. Таким образом, ключевым мотивом критики фаворитизма в докладе Панина было указание на то, что фавориты лишают монарха самостоятельности в принятии решений.

Необходимо отметить: критике Панина подверглось преимущественно время царствования («эпок») Елизаветы Петровны. Это, впрочем, отмечал и сам автор доклада: «Сей эпок заслуживает особливое примечание. В нем все было жертвовано настоящему времяни, хотениям припадочных людей и всяким посторонним малым приключениям в делах». По мнению Панина, до Елизаветы «имели еще наши государи особливыя верховныя места», способные производить «общее попечение о государственных частях», несмотря на то, что время от времени «оныя места… форму свою переменяли», а «выборы к ним

[203] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 24.

[204] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 31; Бумаги, касающиеся предположения… С. 209.

[205] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 28; Бумаги, касающиеся предположения… С. 207.

[206] Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение о непременных государственных законах // Бумаги гр. Н. и П. Паниных (записки, проекты, письма к В. К. Павлу Петровичу 1784-1791 гг.). РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 8об.; Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах / Собрание сочинений в 2 т. Т. 2. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. С. 258.

персон обращаемы были в чины, в знатное произвождение и отличности припадочным людям»[207].

Но поскольку – по мнению Панина – «образ восшествия на престол» Елизаветы «требовал ея разумной политики, чтоб, хотя сначала, сообразоваться сколько возможно с неоконченными уставами правления великаго ея родителя», был уничтожен «учрежденный до того во всей государственной форме Кабинет, который, особливо наконец когда Бирон упал, принял-было такую форму, которая могла произвесть государево общее обо всем попечение»[208]. Этот фрагмент обычно трактуют как свидетельство того, что Панин планировал регентство императрицы-матери при малолетнем сыне.

Однако можно предположить, что в большей степени Панина интересовал первый российский опыт функциональной специализации министров – напомним, что и статские секретари Императорского совета, предложенного Паниным, в черновой версии проекта манифеста именовались «министрами». Елизавета же вместо Кабинета аннинских времен возродила «домовой Кабинет» Петра Великого, а «тогдашние случайные и припадочные люди воспользовались сим домашним местом для своих прихотей и собственных видов и поставили средством онаго всегда злоключительный интервал общему благу между государя и правительства»[209].

В этом «домовом Кабинете», «безгласном и никакова образа государственнаго не имеющем месте», фавориты – «временщики и куртизаны» – сделали «гнездо своим прихотям» (это – хлесткая окончательная формулировка; первоначально Панин написал «жилище»). Отсюда «стали выходить все сюрпризы и обманы, развращающие государственное правосудие, его уставы, его порядок и его пользу под формою именных указов и повелений во все места». Однако «для прикрытия себя перед публикою (так! – К. Б.)» фавориты старались «возлагать на счет собственнаго государева самоизволения все то, что они таким образом ни производили, ибо в таком безгласном и в основании несвойственном правительству государственному месте определенная персона для производства дел может себя почитать неподверженным суду и ответу пред публикою, следовательно сво-

---

[207] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 24; Бумаги, касающиеся предположения… С. 205.

[208] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 24-об.; Бумаги, касающиеся предположения… С. 205.

[209] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 25; Бумаги, касающиеся предположения… С. 205.

бодным от всякаго обязательства перед государем и государством, кроме исполнения»[210].

Фавориты, «прихотливые и припадочные люди», не только «пользовались Кабинетом, развращали форму и порядок и хватали отвсюду в него дела на безконечную нерешимость пристрастными из него указами и повелениями», наконец, «по дежурству от генерал-адъютанта не военными командами распоряжали, но государственные распорятки делали и ими правили». Панин не забыл подчеркнуть, что фаворитизм приводит к нарушению имущественных прав – «ласкатели» «в наследства и дележ партикулярных людей без законов и причин мешалися, домы их печатали, у одного отнимали, другому отдавали»[211].

Еще одним упреком правлению Елизаветы Петровны со стороны Панина стало то, что «внутреннее государства состояние насильственно и жертвовано для внешних, политических дел». «Скоропостижная» Семилетняя война разразилась «в то самое время, когда дошло до высочайшей степени безстрашие, лихоимство, разхищение, роскошь, мотовство и распутство в имениях и в сердцах»[212]. Здесь, по-видимому, отразилось то представление о необходимом для России характере международной политики, на которое Панин будет опираться в годы своего руководства внешней политикой страны и на основании которого будет возведена его «Северная система».

В этом месте критическая логика Панина получает неожиданный поворот, связанный с тем, что обер-гофмейстер перешел к критике Конференции. Это высшее учреждение было охарактеризовано как «монстер, ни на что не похожей», в котором «фаворит остался душою животворящею или умерщвляющею государство: он ветром и непостоянством погружен, не трудясь тут, производил одне свои прихоти; работу же и попечение отдал в руки дерзновенному Волкову». Этот последний «под видом наблюдения канцелярского порядка, которого тут не было, исполнял существительную ролю перваго министра, был правителем самих министров, заставлял министров оныя подписывать, употребляя к тому или имя государево, или под маскою его воли желания фаворитовы»[213].

[210] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 25-об.; Бумаги, касающиеся предположения… С. 206.

[211] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 26; Бумаги, касающиеся предположения… С. 206.

[212] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 27; Бумаги, касающиеся предположения… С. 206-207.

[213] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 27; Бумаги, касающиеся предположения… С. 207.

Чем Конференция заслужила нелестное имя «монстера»? Дело в том, что – как полагал Панин – с ее помощью фавориты «отлучили государя от всех дел», «схватя у государя закон чтоб по рескриптам за подписанием конференции везде исполняли». Первоначально Волков был обозначен Паниным как «правитель всего совета». Очевидно, такая формулировка показалась обер-гофмейстеру опасной – учтем, что доклад был подготовлен для обоснования создания Императорского совета. Волков превратился в «правителя конференции», однако и это показалось Панину неточным – на поля было вынесено обширное дополнение, в котором формулировка приняла окончательный вид: «правителем самих министров»[214]. Панин постарался не характеризовать Конференцию как «совет» – скорее всего, чтобы подчеркнуть разницу между наделенной законодательными полномочиями Конференцией и Императорским советом.

Интересно, что в докладе Панина описание злоупотреблений и беспорядка в управлении оканчивается критикой Конференции. Этот правительственный орган был упразднен в конце января 1762 г.[215]. В докладе Панина нет ни слова о тех шести месяцах, которые прошли между ликвидацией Конференции Петром III и восшествием на престол Екатерины II и включали в себя краткое существование Совета при Петре III.

Итак, обширная критика Паниным административно-политической практики предшествующих десятилетий в полной мере приобретает смысл лишь с учетом того, что ключевые понятия, формирующие текст, могут быть поняты лишь в более широком интеллектуальном контексте. Эта критика не меньше говорит о политических предпочтениях самого Панина, чем о реальных несовершенствах имперской администрации.

Критика Панина имела целью не просто предложить путь к преодолению административного беспорядка с помощью создания нового правительственного органа – ее целью было обоснование необходимости полного контроля монарха над процессом законотворчества и принятия решений, средством которого и должен был стать Императорский совет.

---

[214] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 27-об.

[215] Об упразднении бывшей при дворе Конференции и о передаче дел из оной в Сенат и в Иностранную коллегию // ПСЗ. Т. 15. [СПб.]: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. № 11418. С. 983-984.

ГЛАВА VI. ЗАРУБЕЖНЫЕ ОБРАЗЦЫ И ОГОВОРКИ В ТЕКСТЕ. ПРЕДПОЛАГАЛ ЛИ ИМПЕРАТОРСКИЙ СОВЕТ Н. И. ПАНИНА ОГРАНИЧЕНИЕ ВЛАСТИ МОНАРХА?

Обрисованный выше характер аргументации, использованной Паниным в проекте 1762 г., противоречит традиционной интерпретации его проектов как «ограничительных» или по крайней мере предполагавших «освободить от государственных забот женщину-монарха». Был ли этот проект попыткой экспорта на российскую почву шведских политико-правовых установлений, или же автора проекта вдохновила европейская политическая философия либо отечественная традиция? Что лежало в основе проекта – искреннее стремление к «современному конституционному обществу», желание узкого слоя аристократов сохранить в своих руках монополию на власть или же осознание необходимости укрепить собственные позиции в политической элите Империи? Наконец, был ли проект Панина ограничительным по отношению к императорской власти?

Под «ограничением» обычно подразумевается перераспределение властных прерогатив монарха в пользу коллективных органов. В число механизмов подобного перераспределения включают отсутствие четкого порядка смещения императорских советников и статских секретарей, а также необходимость «контрассигнирования» исходящих распоряжений статскими секретарями. Важнейшим аргументом в пользу интерпретации проекта Императорского совета, расценивающей его как попытку «подкопаться»[216] под власть монарха, является утверждение о «шведских заимствованиях» в тексте проекта 1762 г., превратившееся в своего рода историографическое клише. Таким образом, вопрос о том, действительно ли предложенный Паниным Императорский совет был призван ограничить власть монарха, может быть сведен к вопросу о том, предполагали ли проекты Панина передать этому правительственному органу часть прерогатив монарха.

Так, В. А. Бильбасов, который в соответствии с традицией был убежден, что «эпоха шляхетской демократии, когда Швеция была “аристократическою республикою с жалким подобием короля”, не могла не произвести на Панина известного впечатления», несколькими строками ниже вынужден был констатировать: «Императорский

[216] Елисеева О. И. Никита Панин – русский дипломат и государственный деятель. Радиостанция «Эхо Москвы», эфир 31 января 2010 г. Текстовый транскрипт. М., 2010. URL: http://www.echo.msk.ru/programs/all2/651784-echo/ (дата обращения к ресурсу: 03.03.2010).

совет Панина не имеет ничего общего с государственным советом Швеции: государственный совет зависит от земских чинов, которых нет в России; императорский совет вполне зависит от императрицы, которая назначает членов и утверждает доклады совета»[217]. В свою очередь, Д. А. Корсаков полагал, что Панин, «начав с образования Императорского совета по образцу Государственного совета Швеции, намерен был постепенно преобразовать русские высшие правительственные учреждения в представительные государственные учреждения по шведскому образцу и этим путем надеялся достичь "упорядочения внутренних государственных дел", как выражались у нас в XVIII веке»[218]. Сходную интерпретацию предлагал и В. Е. Якушкин: «В общем плане Панина его проект Императорского совета был только первым шагом к введению конституции на основании, подобном шведской конституции»[219].

Этим мнениям в характерной ироничной манере словно бы возражал Н. Д. Чечулин: «Трудно найти что-либо общее в правах и организации совета, предложенного в проекте Панина, и шведского государственного совета… Сравнительно со шведским государственным советом в учреждении, предложенном Паниным, нет ни одной из тех гарантий, которых так много в шведском совете, против усиления власти и влияния государя; кроме того, нам кажется положительно невозможным, чтобы Панин, который если не ежедневно, то уже почти наверно еженедельно вел переговоры о подкупе отдельных членов шведского сената и столько раз добивался решений, выгодных для России и невыгодных для Швеции, чтобы он избрал за образец государственного совета для России шведский сенат»[220].

Г. А. Гуковский отмечал: «Панин провел в Швеции двенадцать лет. По складу ума, по навыкам быта и культуры он стал европейцем. Российская дикость претила ему. Варварство и рабство его родины заставляли хотеть реорганизации всего ее государственного строя. И здесь образцом во многих отношениях представлялась ему Швеция, ставшая для него второй родиной»[221]. Панин,

[217] Бильбасов В. А. Панин и Мерсье де ла Ривьер // В. А. Бильбасов. Исторические монографии. Т. 4. М.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901. С. 19.

[218] Корсаков Д. А. Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань: Тип. Императорского университета, 1891. С. 384.

[219] Якушкин В. Е. Государственная власть и проекты государственной реформы в России. СПб.: Тип. Альтшулера, 1906. С. 52-53.

[220] Чечулин Н. Д. Проект Императорского совета в первый год царствования Екатерины II. СПб.: Тип. В. С. Балашева и Ко, 1894. С. 11-12.

[221] Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века... С. 125.

по мнению Гуковского, предполагал «ограничить единовластие дворянским, аристократическим парламентом или иным аналогичным учреждением, сословным и обеспечивающим укрепление правительственных функций за аристократией»[222]. О том, что «по кругу полномочий и месту в системе государственных органов Императорский совет очень близок к шведскому риксроду», писал П. С. Грацианский[223]. На «шведских заимствованиях» делают акцент Н. В. Минаева и А. Н. Медушевский[224], тогда как В. Ю. Захаров оценивает проект Панина следующим образом: «…Проект по всем признакам являлся зачатком типичной аристократической конституции, причем четко просматривалась ориентация Панина на шведские образцы, недаром он долгое время был посланником в Стокгольме. Косвенно Панину все же удалось воплотить эту идею в жизнь. Именно по этим образцам в 1775 г. в Польше был создан Постоянный Совет во главе с королем. Проект же 1762 г. постигла судьба "затейки верховников" 1730 г.»[225].

Э. Каррер д'Анкосс говорит о том, что, «предлагая систему, несомненно ограничивающую абсолютную власть монарха, Панин мечтал, конечно, перенести в Россию систему, какую он видел в Швеции, даже если между шведской конституционной организацией и его проектом существовали серьезные различия»[226]. Более сдержанно оценивает шведское влияние на Панина Н. И. Павленко, который предполагает, что в Швеции «Панин усвоил некоторые идеи Просвещения. Он, например, фетишизировал силу законов, которым неукоснительно должно подчиняться все население страны, включая и монарха, – только располагая хорошими законами, страна может достичь благоденствия»[227]. А. Б. Каменский считает, что Императорский совет хотя и «не должен был обладать правом самостоятельного издания указов», но «фактически превращался в коллективного государя, в то время как функции последнего сводились к автоматическому визиро-

---

[222] Там же. С. 147.

[223] Грацианский П. С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М.: Наука, 1984. С. 78.

[224] Минаева Н. В. Никита Иванович Панин… С. 74; Медушевский А. Н. Комментарии // Конституционные проекты в России XVIII – начало XX в. М.: Институт российской истории РАН, 2000. С. 779-812.

[225] Захаров В. Ю. «Всемилостивейшая жалованная грамота российскому народу» 1801 г. в контексте развития конституционных идей в России во второй половине XVIII – начале XIX вв.: Монография. М.: Прометей, 2002. С. 60.

[226] Каррер д'Анкосс Э. Екатерина II. Золотой век в истории России. М.: РОССПЭН, 2006. С. 54.

[227] Павленко Н. И. Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 495.

ванию решений Совета»[228]. Наиболее же радикальной следует, пожалуй, считать интерпретацию К. А. Писаренко, усмотревшего в Панине сторонника установления в России демократической республики (при этом основанной на тех же шведских образцах) с помощью... созыва «Земского собора» или Уложенной комиссии![229]

Следует заметить: источников, напрямую сообщающих о влиянии шведских образцов на Панина, немного. О симпатиях Панина к Швеции свидетельствовала Е. Р. Дашкова, вспоминавшая: «Я несколько раз решалась заговорить с ним о вероятности низложения с престола Петра III и спросила его, какие последствия повлекло бы за собой подобное событие, кто и как управлял бы нами. Мой дядя[230] воображал, что будет царствовать его воспитанник, следуя законам и формам шведской монархии»[231]. Дашкова считала, что Панин надеялся на регентство Екатерины при малолетнем Павле[232]. К числу сообщений о «шведских симпатиях» Панина можно отнести и «Собственноручное наставление» императрицы князю А. А. Вяземскому при вступлении его в должность генерал-прокурора в 1764 г.: «Иной думает для того, что он долго был в той или другой земле, то везде по

---

[228] Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 2001. С. 381.

[229] См.: Иванов О. А., Лопатин В. С., Писаренко К. А. Загадки русской истории. Восемнадцатый век. М.: Древлехранилище, 2000. С. 375-376.

[230] Панин был дядей по матери мужа Е. Р. Дашковой, князя М. И. Дашкова.

[231] Дашкова Е. Р. Записки, 1743-1810. Л.: Наука, 1985. С. 25.

[232] Мы не касаемся специально вопроса о том, до какой степени предпочтения Панина действительно были связаны с регентством. По-видимому, обер-гофмейстер действительно склонялся к такому результату, о чем сообщал в июне 1763 г. прусский дипломат Фридрих фон Сольмс: по его словам, в видах многих из заговорщиков и, «как уверяют, даже Панина, было сделать царствующую Императрицу только регентшей, а верховную власть предоставить великому князю Павлу» (Письмо графа Сольмса королю, 7 июня 1763 г. // СИРИО. Т. 22. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1878. С. 68). Симпатии к регенству, которые, возможно, испытывал Панин, позволяют говорить лишь о четком понимании Паниным важности династического аспекта политической архитектуры наследственной монархии – не более того. Французская история Нового времени знает немало прецедентов регентства, при этом ни один их них не нес угрозы монархии: трижды регентшами становились королевы-матери (Екатерина Медичи при своих сыновьях последовательно с 1563 г. до смерти в 1589 г., Мария Медичи при малолетнем Людовике XIII в 1610-1614 гг., Анна Австрийская при малолетнем Людовике XIV в 1643-1651 гг.), в 1715-1723 гг. регентом при малолетнем Людовике XV был герцог Филипп Орлеанский. В России прецедент регентства имел место в 1740-1741 гг. – регентом при маленьком Иване VI был Э. Бирон, а затем его место заняла мать императора, Анна Леопольдовна. Регентство 1740-1741 гг. не предполагало институциональных ограничений власти монарха, вряд ли можно считать связанным с «ограничительными стремлениями» желание части политической элиты Российской империи в 1762 г. видеть не имевшую никаких прав на трон Екатерину регентшей.

политике той его любимой земли все учреждать должно, а все другое без изъятия заслуживает его критики»[233]. Эту формулировку обычно считают относящейся к Панину, хотя точного подтверждения этому нет[234].

Более весомыми свидетельствами следует считать мнения французских дипломатов, которые в своих сообщениях в Париж 1762-1764 гг. напрямую характеризовали проекты Панина как «ограничивающие власть» императрицы. Посол Франции в Санкт-Петербурге Л. де Бретейль даже аттестовал предпочтения Панина как «республиканские»[235], той же точки зрения придерживался и его секретарь К. Рюльер[236]. По мнению французского поверенного в делах Л. Беранже, оставшегося после отъезда Бретейля основным представителем Версаля при российском дворе, Панин подготовил «план реформы и новых установлений, чтобы установить порядок во всех частях внутренней администрации», предложив Екатерине II, чтобы члены совета, избираемые императрицей, «были постоянно несменяемыми в своей воле» и не могли «быть судимы и смещены с должностей кем-либо иным, кроме собрания Сената». Беранже приходил к выводу: «Несмотря на посягательство, каковое Совет нанес власти Императрицы, эта Государыня позволила себя убедить и была готова разделить свою власть с подданными...»[237].

Можно предположить, что за 14 лет пребывания в Стокгольме в ранге российского посла («министра») Панин действительно познакомился со всеми тонкостями функционирования шведской политической системы «Эры Свобод». В бумагах Панина хранилось и описание государственного устройства Швеции, скорее всего, сделанное

---

[233] Собственноручное наставление Екатерины II князю Вяземскому при вступлении им в должность генерал-прокурора // СИРИО. Т. 7. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1871. С. 346.

[234] Необходимо заметить: многие представители российской политической элиты XVIII в., перед тем как занять высокую должность, в течение длительного времени пребывали за границей. Примерами могут служить В. Л. Долгорукий (был во Франции, Польше, Дании и Швеции в 1687-1700 и 1706-1727 гг.) и А. П. Бестужев-Рюмин (находился за границей в Голландии, Германии, Дании и Курляндии с небольшими перерывами с 1712 по 1740 г.)

[235] Le Baron du Breteul au Duc de Praslin. Moscou, le 3 Fevrier 1763 // СИРИО. Т. 140. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. С. 151.

[236] Рюльер К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1989. С. 285.

[237] M. Berenger au Duc de Praslin. Petersbourg, le 21 Octobre 1763 // СИРИО. Т. 140. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. С. 251.

им собственноручно[238]. Сам обер-гофмейстер высоко ценил свой опыт пребывания в Стокгольме, часто и с удовольствием вспоминая его в застольных беседах (эти упоминания сохранили «Записки» С. А. Порошина)[239]. Больше того: обучаясь немецкому языку, Павел Петрович читал «Briefe an einen jungen Prinzen von einem alten Manne» «господина Тессина[240], министра шведскаго»[241]. Панин был, по-видимому, отлично знаком с деятельностью видного шведского политика графа Карла-Густава Тессина на посту обер-гофмаршала (överhovmarskalk), в том числе – с воспитательными планами, которые были составлены для кронпринца Тессином, а затем сменившим его Карлом-Ульриком Шеффером[242].

Однако меньше известна характеристика заимствованиям из шведского опыта в российском государственном строительстве, которую сам Панин дал 13 октября 1765 г. За обедом в присутствии великого князя Павла Петровича он говорил «о Камер-коллегии и о делах камерных, сколь много у нас гражданских установлений взято из шведских законов; что оныя установления и в Швеции тогда оставлены

[238] Опись бумаг графа Никиты Ивановича Панина // РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ед. хр. 137-в. Л. 43-44. Эта опись в разделе под литерой «В» («Девять нумеров бумаг, писанныя собственною рукою графа Никиты Ивановича, а некоторыя им поправленныя») фиксирует, среди прочих документов, «Предложение о шведском правлении, их фундаментальный план и внутренния системы». Ниже, в разделе под литерой «Д» («Разныя-ж бумаги на французском, немецком и русском языках») отмечены хранившиеся в бумагах Панина «Примечания на шведскую конституцию» на немецком языке.

[239] Так, 25 ноября 1764 г. Панин расспрашивал приглашенного на обед дипломата А. А. Стахиева «об обстоятельствах дел шведских» и при этом «рассуждал о многих тамошних учреждениях» (Порошин С. А. Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1881. С. 18, 20, 55-56, 145). В «Записках» присутствуют и другие сходные примеры.

[240] Граф Карл-Густав Тессин (1695-1770) – крупнейший шведский политик середины XVIII в., один из лидеров профранцузской «партий шляп» в риксдаге. Был послом («министром») Швеции в Австрии, Франции, Дании и Пруссии, занимал целый ряд высших правительственных должностей в 20-50-е гг. XVIII в. (высшую из них – должность канцлера в 1746-1752 гг.). Человек обширных знаний и блистательный оратор, К. Тессин в 1747-1754 гг. был наставником маленького кронпринца Густава, будущего короля Густава III, для которого написал в 1753 г. «Письма старца к молодому принцу» («En äldre mans bref till en stadigare prins»), изданную на основных европейских языках, в том числе – на немецком (см. издание 1756 г., которое, по-видимому, и читал Павел Петрович: [Tessin C.] Briefe an einen jungen Prinzen von einem alten Manne. Im 2 Hand. Leipzig: Berlegts Bernhard Christoph Breitkopf, 1756). Н. И. Панин в одной из застольных бесед так охарактеризовал Тессина: «Человек весьма умной, в политических делах прозорливой и науками просвещенной, но… совесть имеет худую и жесток несколько» (Порошин С. А. Записки… С. 163).

[241] Порошин С. А. Записки… С. 185.

[242] Ransel D. The Politics of Catherinian Russia… P. 206.

были только на время, после республиканскаго правления, дабы не произвесть во всем весьма крутой перемены, а мы к себе их точка в точку приняли в монархическое правление (и еще в толь обширное), каково наше есть»[243].

Интересно, что республикой в точном смысле слова (подобно Республике Соединенных Провинций или Венеции) Швеция не была никогда. С 1680 по 1718 гг. Швеция была «абсолютной монархией», хотя понятие «абсолютная монархия» скорее принадлежит более позднему словарю XIX в.[244]. Шведские конституционные документы 1719 г. и 1720 г. характеризуют правление Карла XI и Карла XII как «неограниченное королевское единодержавие» (oinskränkte konungslige enväldet)[245]. Однако система коллегиального управления, бывшая характерной чертой шведской административно-политической организации, сложилась еще при короле Густаве Адоль-

---

[243] Порошин С. А. Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1881. С. 476. О заимствованиях из Швеции в эпоху Петра I см.: Берендтс Э. Н. Барон А. Х. фон Люберас и его записка об устройстве коллегий в России. СПб.: Типо-Литография Р. Голике, 1891; Маньков А. Г. Использование в России шведского законодательства при составлении проекта Уложения 1720-1725 гг. // Исторические связи Скандинавии и России IX-XX вв. Л.: Наука, 1970. С. 112-126; Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974. С. 59-60; Некрасов Г. А. Учреждение коллегий в России и шведское законодательство // Общество и государство феодальной России. М.: Наука, 1975. С. 334-343. Э. Н. Берендтс сделал интересное замечание относительно восприятия шведского политического опыта в России: «Все почти проекты, поданные Петру, интересны в том отношении, что они почти совсем упускают из виду перемены, происшедшие в Швеции в царствование Карла XII, когда появились совершенно новые должности, а с другой стороны, ослабевала компетенция и ограничивалась деятельность старинных коллегиальных учреждений. Только у Фика, в записке его от 1718 г. («Мнение иностранца Фика о сенатской канцелярии и мнение о генерал-прокуроре») говорится о реформах в государственном строе Швеции Карла XII (в 1714 г.), об учреждении 6 министров, о forste ombuzmann'е, должности, походящей во многих отношениях на петровского генерал-прокурора. Все же другие поданные Петру материалы и проекты, описания штата шведских коллегий и т.д., рисуют исключительно картину организации шведского управления в царствование Карла XI, т.е. картину строя, не выдержавшего тяжкое испытание Северной войны» (Берендтс Э.Н. Барон А.Х. фон Люберас… СПб.: Типо-Литография Р. Голике, 1891. С. 9).

[244] Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб.: Алетейя, 2003. С. 170.

[245] См.: K. M:ts allernådigst konfirmerade regeringsform daterad Stockholm den 21 febr. 1719. Stockholm: SNS, 2005. URL: http://www.sns.se/zino.aspx?articleID=833 (дата обращения: 03.03.2010); Regeringsformen 1720. Kongl. Maj:ts och Riksens Ständers fastställda regeringsform daterad Stockholm den 2 maj 1720. Stockholm: SNS, 2005. URL: http://www.sns.se/zino.aspx?articleID=834 (дата обращения: 03.03.2010). Русский перевод см. в Приложении 2.

фе стараниями его канцлера А. Оксеншерны. После гибели короля в битве при Лютцене (1632 г.) риксдаг в 1634 г. принял подготовленную Оксеншерной «форму правления», которая предусматривала расширение полномочий аристократического Государственного совета (Riksrad). В этом коллективном органе выделялись пять высших должностных лиц («пять великих сановников», «de högre riksämbetsmännen»), руководивших специализированными административными органами – коллегиями.

Записи английского дипломата Б. Уайтлока, представлявшего в Стокгольме правительство лорда-протектора О. Кромвеля, сохранили интереснейший разговор, который состоялся в 1654 г. между ним и А. Оксеншерной. Престарелый канцлер стремился убедить британского гостя в том, что сохраняющиеся в руках королевы Кристины прерогативы не противоречат шведским свободам, и характеризовал устройство государства так: «…Пределы власти короля и права народа достаточно известны и установлены; король не может ни издать закон, ни изменить либо отменить его, ни ввести налог, ни изгнать людей из королевства без согласия риксдага; и в этом собрании, которое является верховным во всем королевстве, представлены голос и мнение каждого человека, либо депутатами духовенства, городов и деревень, которые избираются соответственно, либо предводителями знати; таким образом, все роды людей имеют свою долю, лично или через депутатов, в этом высшем собрании королевства, которое одно лишь и может вершить столь важные дела»[246].

Правление «пяти великих сановников» не оставалось вне критики – в Швеции середины XVII в. «природа правительства обсуждалась почти так же яростно, как в Англии тех же лет», при этом «режим, при котором будут сохраняться права всех, был идеалом каждого, различия касались воззрений на баланс сил»[247]. Хотя как минимум с 1650 г. недовольство трех сословий риксдага (крестьянства, горожан и духовенства) доминированием дворянского сословия усиливалось[248], аристократический риксрод сохранял ведущую роль и при королеве Кристине, и при воинственном Карле X Густаве. Пика влияния риксрод достиг, получив после неожиданной смерти этого монарха опекунские и регентские функции при малолетнем Карле XI.

---

[246] Whitelocke B. A Journal of the Swedish Embassy in the Years 1653 and 1654. Vol. II. L.: Longman, Brown, Green and Longmans, 1855. P. 280.

[247] Koenigsberger H. Republicanism, monarchism and liberty // Royal and Republican Sovereignty in Early Modern Europe: Essays in Memory of Ranghild Hatton. P. 59.

[248] Treasure G. The Making of Modern Europe. 1648-1780. L.: Methuen&Co, 1985. P. 505.

Находясь под руководством крупнейших аристократов страны, одновременно являвшихся ее богатейшими жителями[249], риксрод проводил миролюбивую политику[250], но в конечном счете «распри и неэффективность регентства открыли путь его антиподу – твердой власти»[251]. Карл XI и его советник Ю. Гилленстерна были озабочены поиском денежных средств для усиления армии и флота. Альтернативой введению новых налогов, которые вряд ли были бы приняты риксдагом с воодушевлением, был возврат («редукция») коронных земель, переданных представителям аристократии прежними королями, с конца XVI в. стремившимися такой ценой упрочить свое положение на троне. Это и стало базой для компромисса: для проведения «редукции» риксдаг в 1680 г. освободил Карла XI от ранее данных конституционных обязательств, зафиксировав право короля обращаться к советникам, лишь когда он сам того захочет[252]. Король, в свою оче-

---

[249] Эти семейства – Оксеншерна, де ла Гарди, Браге, Врангели и другие – формировали особую группу, имевшую прочные внутренние связи (в том числе родственные) и фактически монополизировавшую должности в риксроде (Kopczyniski M. The Nobility and the State in the 16th – 18th centuries. The Swedish Model // Acta Poloniae Historica, № 77. Warszaw, 1998. P. 119-123). Заметим: братья Панины не входили в число богатейших аристократов России. Н. И. Панин не имел в Санкт-Петербурге даже собственного дома, так что требование освободить апартаменты великого князя Павла при достижении им совершеннолетия в 1772 г. поставило Панина в неловкое положение. «Бог знает, где граф будет жить и на какой ноге», – беспокоился в 1773 г. его секретарь Д. И. Фонвизин (Фонвизин Д. И. Письма из Петербурга и Москвы / Собрание сочинений в 2 т. Т. 2. М.;Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. С. 354). А 5 августа 1765 г., когда Павел стал развлекаться, считая доходы своего воспитателя, и насчитал 7000 руб. (600 душ), «Никита Иванович изволил ему говорить тут, что нет в Европе министра, которой бы будучи в таких делах, как он, на столь малом был жалованьи», сравнивая себя с фельдмаршалом графом Карлом Йозефом Батьяни (Karl Josef Batthyány, 1697-1772; см. о нем: Allgemeine deutsche Biographie. Bd. 2, Balde – Bode. Leipzig: Duncker&Humblot, 1875. S. 133-134), обер-гофмейстера австрийского эрцгерцога – будущего императора Иосифа II. «Наконец сказал Никита Иванович Его Высочеству точно сими словами: “Да ежели бы, сударь, я к тебе так не привязался-та, так бы и здесь давно уже мог я иметь шестнадцать тысяч доходу”. Тут рассказывал Его Превосходительство, как ему неоднократно при покойной Государыне Елизавете Петровне тогдашний канцлер граф Михайла Ларионович Воронцов и Иван Иванович Шувалов предлагали, чтобы он принял чин вице-канцлера… и как он от того твердо и непоколебимо отказался, желая быть только при Его Высочестве» (Порошин С. А. Записки... С. 377). В другой раз Панин жаловался на то, что он «во всех почти чинах своих другими был обойден» (Порошин С. А. Записки... С. 505).

[250] Roberts M. The Swedish Imperial Experience. 1560–1718. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 135.

[251] Scott F. Sweden: The Nation’s History. Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois Univercity Press, 1988. P. 213.

[252] См.: Upton A. F. The Riksdag of 1680 and the Establishment of Royal Absolutism in Sweden // The English Historical Review. Apr., 1987. Vol. 102. № 403. P. 281-308.

редь, перестал назначать новых членов риксрода взамен умиравших старых, и вскоре Государственный совет превратился в Королевский совет (kungligt rad), которым заправляли секретари монарха[253].

Трудно сказать, какой именно из периодов шведской истории XVII-XVIII вв. Панин имел в виду под «республикой». Можно предположить, что речь шла о периоде с 1634 по 1680 гг.

Восстановление Совета под старым названием (riksrad) состоялось в 1720 г., с крахом военного абсолютизма и великодержавной политики Карла XII и началом парламентской «Эры Свобод». Однако риксдаг не собирался возвращаться к положению дел времен королевы Кристины, отводя риксроду место своего «исполнительного комитета» в новой политической системе[254]. Важным следствием этого стала ликвидация функциональной связи между членами риксрода и специализированными коллегиями[255], что представляло собой решительный разрыв с политическим наследием Густава Адольфа и Акселя Оксеншерны. В первой редакции Regeringsform 1719 г. речь шла о том, что президент каждой коллегии одновременно является членом риксрода; во второй редакции 1720 г., когда в процесс включились депутаты риксдага, эти пункты были вычеркнуты[256]. Теперь «Государственный совет должен был включать 16 членов, сам Совет делился на две секции, а его руководитель был президентом канцелярии. <...> Господствовавшая конституционная практика допускала обвинения членов Совета, при наличии соответствующих протоколов, в невыполнении их обязанностей в отношении сословий и, соответственно, их отстранения. Кандидатуры их преемников затем предлагались комитетом трех высших сословий и утверждались королем вместе с его советниками»[257]. Развернувшаяся с 30-х гг. XVIII в. борьба между партиями «колпаков» (сторонников миролюбивой политики в отношении России) и «шляп» (сторонников реванша за поражение в Северной войне) привела к тому,

[253] Scott F. Sweden: The Nation's History... P. 215.

[254] Andersson I. A History of Sweden. New York; Washington: Praeger publishers, 1975. P. 268.

[255] Roberts M. The Age of Liberty. Sweden 1719-1772. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 84.

[256] См.: Regeringsformen 1719. K. M:ts allernådigst konfirmerade regeringsform daterad Stockholm den 21 febr. 1719. Stockholm: SNS, 2005. URL: http://www.sns.se/zino.aspx?articleID=833 (дата обращения: 03.03.2010); Regeringsformen 1720. Kongl. Maj:ts och Riksens Ständers faststälda regeringsform daterad Stockholm den 2 maj 1720. Stockholm: SNS, 2005. URL: http://www.sns.se/zino.aspx?articleID=834 (дата обращения: 03.03.2010).

[257] Andersson I. A History of Sweden. New York; Washington: Praeger publishers, 1975. P. 249, 260.

что состав Совета постоянно менялся в зависимости от партийной борьбы в риксдаге.

Между тем, в проекте 1762 г. Панин приводил веские аргументы в пользу превосходства единоличного способа решения дел над коллегиальным и сохранения всей «самодержавной власти» за монархом, одновременно констатируя, что монарх может «привести в полезное действие» свою «власть законодания и самодержавную» лишь «разумным ея разделением между некоторым малым числом избранных к тому единственно персон»[258].

Д. Рансел предполагает, что неясности в тексте манифеста вместе с элементами публичной ответственности советников оставляли пространство для легального ограничения власти монарха[259]: «Проект реформы призывал создать постоянный Императорский совет с законодательно определенным отношением к монарху, с одной стороны, и к ведущим административным органам – с другой. Вся законодательная деятельность и прочие дела, требующие решений монарха, должны были проходить обсуждение в Совете, а перед тем, как получить силу закона, решение должно было быть подписано как монархом, так и статским секретарем. Это нововведение, разумеется, позволило бы исключить влияние придворных фаворитов, не имеющих официальных постов, и до некоторой степени позволило бы сделать деятельность министров открытой для общественности. Оно также позволило бы ограничить использование монархом самодержавной власти точно определенными каналами и заставить его действовать с ответственностью в отношении к установленным правительственным институциям. Кроме того, предложение назначать советников пожизненно и возможный пересмотр их состава сенатом открывал путь к эволюции в сторону подлинно ответственных министерств»[260].

При этом Рансел, отвергая концепцию «шведских заимствований», выдвинул вместо нее еще более оригинальную идею. По его мнению, Панин стремился к созданию министерств, ответственных перед «представительным органом», причем «делал это примерно тем же путем, что и британские парламентарии, которые на столетие раньше начали прокладывать свой путь к этому принципу. В борьбе за эту идею британцы обнаружили, что им необходимо прояснить три пред-

---

[258] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 22об.; Бумаги, касающиеся предположения… С. 203.

[259] Удивительно, что Д. Рансел, критиковавший концепцию «шведских заимствований» как не обеспеченную источниками, с легкостью пользовался свидетельствами Бретейля как источниками, фактически равноценными оригинальным текстам проектов Панина.

[260] Ransel D. The Politics of Catherinian Russia… P. 91-92.

мета: 1) отказ от мысли, что монарх может ошибаться, 2) определение ответственности министра за определенные политические действия (policy – К. Б.) и должностные преступления и 3) подотчетность этого министра парламенту. Понадобилась длительная борьба, чтобы добиться утверждения этих аксиом, а министерская ответственность до самого конца XVIII в. не была частью английского правительства… Можно усмотреть в предложениях Панина попытку, хотя и нерешительную и неявную, внедрить аналогичные идеи в российском правительстве»[261].

Казалось бы, собственноручный доклад Панина действительно содержит одно из первых упоминаний о такой ответственности в российской политической традиции: «…Когда государевы дела выходят из сих мест правительства, всякой сюрприз и ошибку публика приписывает министрам государевым, яко людям местным в государстве, которые особливым побуждением обязаны оное предостерегать, и сами так дерзко не могут взлагать то на государя, будучи честью и званием также обязаны к отчету не токмо перед своим государем, но и перед публикою. А государь, постоянно любимый и кредитный, не может иметь в народе подозрения, чтоб он без коварства других и сам собою предпочел вредное полезному. Напротив того всякое благое и

[261] Ransel D. The Politics of Catherinian Russia… P. 89. Представляется, что проведение параллелей между логикой идей сторонников британского парламентаризма и идей Панина не является корректным – с учетом огромной исторической разницы между двумя государствами. Подобное отождествление, конечно же, лежит за правилами исторического исследования, поскольку подменяет компаративный анализ и поиск интеллектуальной связи между теми или иными концепциями их некритическим отождествлением на основании внешних даже не признаков, а предполагаемой направленности. По-видимому, основанием для таких параллелей является представление о том, что переход к «современной конституционной системе» априори должен происходить по объективным правилам, которые в целом совпадают с путем, пройденным англосаксонским парламентаризмом. Если уж проводить параллели, то имеется гораздо больше оснований предполагать, что Панин – как опосредованно, так и напрямую – ориентировался на политические механизмы французской монархии. Не приходится говорить и об англомании Панина – обер-гофмейстер, по-видимому, не знал английского языка (по крайней мере, в книжном собрании Паниных книги на английском практически отсутствуют). Наконец, Д. Рансел не учитывает и влияния на воззрения Панина республиканской аргументации, которая в истолковании екатерининского министра решительно расходилась с тезисом «монарх не может ошибаться»: в «Рассуждении о непременных государственных законах», продиктованном Паниным Д. И. Фонвизину, монарх «отвечает за поведение тех, кому вручает дел правление… их преступления, им терпимые, становятся его преступлениями» (Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение о непременных государственных законах // Бумаги гр. Н. и П. Паниных (записки, проекты, письма к В. К. Павлу Петровичу 1784-1791 гг.). РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 11 об.; Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах… С. 261).

полезное дело тем, конечно, не меньше остается единственно на счет славы государевой, потому что он свой разум, разсуждение, желание, волю и избрание к тому употреблять изволит»[262]. Правда, – как мы увидим ниже, при рассмотрении естественно-правовой аргументации в панинском «Рассуждении о непременных государственных законах» – такая ответственность имела весьма мало отношения к парламентской ответственности; прежде всего потому, что проект Панина не предполагал никакого коллективного органа, перед которым министры несли бы ответственность.

Могли ли члены Совета действовать независимо от монарха, например, блокируя распоряжения монарха, отказываясь подписывать их? Тщательное изучение текста манифеста не оставляет никаких вопросов на этот счет. Были ли советники в планируемом Совете несменяемыми? Панин, констатируя необходимость для императорских советников и министров «иметь сверх способности, знания и разума, качества телесных сил к таковым большим заботам»[263], заключает, что «ослабление» здоровья может «требовать и перемены в их персонах» – а это означает, что министры могли меняться.

Описанный выше порядок ведения протоколов, который предполагалось ввести в Императорском совете, ясно показывает, что и «контрассигнирование» не могло быть использовано императорскими советниками для саботажа решений монарха[264], поскольку они были обязаны подписывать протокол с резолюцией уже на следующий день после обсуждения. Поскольку сама концепция Совета предполагала, что решения выносятся монархом по итогам дискуссии, право министров блокировать решения монарха представляло бы собой вопиющее противоречие этой концепции – ведь в таком случае статский секретарь получил бы возможность ущемлять мнение своих же коллег по Совету. Предполагаемое право министров блокировать решения

[262] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 26; Бумаги, касающиеся предположения… С. 206.

[263] Возможно, это предложение имело и более инструментальную политическую направленность. В июне 1763 г. Панин жаловался прусскому послу Сольмсу на интриги престарелого А. П. Бестужева-Рюмина, поскольку «годы настолько ослабили силы этого министра, что ум его не имеет достаточной бодрости ни для основания вещей, ни для здравого о них суждения» (Письмо графа Сольмса королю, 7 июня 1763 г. // СИРИО. Т. 22. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1878. С. 68).

[264] Предположения Д. Рансела о том, что Панин намеревался «попытаться создать здесь droit de remonstrane, подобное тому, которым обладали французские parlements XVIII в.», выглядят тем более необоснованными, что американский исследователь попросту проигнорировал реальное (а не предполагаемое) «право представления», которое Панин ввел во второй части своего проекта, посвященной реформе Сената (Ransel D. The Politics of Catherinian Russia… P. 86).

монарха означало бы катастрофическое падение значимости императорских советников, не являвшихся министрами, роль которых в таком случае стала бы номинальной. Кроме того – как я уже постарался показать выше – Панин негативно относился к политической оппозиции вообще и к существованию обособленных политических «факций» в частности.

Об этом говорит и то, что, исчерпав запас логических аргументов, обер-гофмейстер вновь прибег к метафорам: «Может ли и партикулярный хозяин управить своим домом, когда он добрым разделением домоводства не уставит прежде порядок? И как искусный фабрикант учредит свою фабрику, если мастеров не по знанию, но по любви к ним будет распоряжать по станам разных работ? Наш сапожный мастер не мешает подмастерью с работником и нанимает каждаго к своему званию». Такому метафорически определенному характеру правительственной организации Панин противопоставлял «насильство естества», сущность которого он постарался выразить, приведя «льстивую» («подлую» – по определению, стоявшему в черновике текста) пословицу: «Была бы милость, всякова на все станет». Подобное «насильство естества» ведет, по мнению Панина, к тому, что «дела остаются назади, а интриги факций в полном их действии»[265].

Здесь логика панинского проекта описывает следующий круг: от критики «нескончаемых разсуждений и споров» – к критике «интриг факций». Это позволяет сказать, что борьба политических группировок (включая открытые дебаты) не казалась автору проекта Императорского совета необходимым элементом политического процесса – как, впрочем, и сами такие группировки, которые в политической литературе XVIII в. считались бичом республик[266]. Проекты Панина не предполагали места для политической оппозиции. Это и неудивительно: как отмечает немецкий исследователь Х. Кенигсбергер, подобное отношение к дебатам было характерно для европейской политической культуры Нового времени: «Символическое визуальное разделение между сторонниками правительства и оппозиционерами, не говоря уже о полукруглом расположении сидений, отражающем различия в мнениях, появятся лишь в конце XVIII в. До этого вре-

[265] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 28; Бумаги, касающиеся предположения… С. 208.

[266] Отметим, например, мнение прусского дипломата (позднее – министра иностранных дел) Карла фон Финкенштейна, выраженное им в «Общем отчете о русском дворе 1748 года»: «Дух партий, каковой почитают обычно болезнью правлений республиканских, при дворе русском являет себя в самом лоне деспотизма» (Цит. по: Лиштенан Ф. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740-50. М.: ОГИ, 2000. С. 292).

мени, когда конституционная оппозиция рассматривалась как измена, подобные дополнения были немыслимы»[267].

Не менее важно, что Панин отказался от принципа голосования при обсуждении вопросов в Совете. В то же время, шведский конституционный акт 1719 г. – основополагающий документ политической системы «Эры Свобод» и предполагаемый источник заимствований – впрямую характеризовал принцип большинства голосов в риксроде как гарантирующий «самое безопасное и самое лучшее решение»[268]. Большинству должен был подчиняться и король, который, обладая двумя голосами в риксроде, мог повлиять на принятие решений только в случае равенства голосов.

Сам же Панин относился к голосованиям скептически. Это он подчеркнул, например, в письме к послу в Польше Н. В. Репнину от 29 марта 1765 г., что против военных планов Пруссии Польше «не много поможет и сеймическое большое число голосов, в которое, кажется, у вас столь много влюблены и которым Швеция от начала пользуясь, должна чуть не ему ли одному приписать доскональное свое погружение в бедствиях»[269].

В заключение обратим внимание на любопытные лексические нюансы. Традиционный перевод шведского слова «riksrad» на русский язык – «Государственный совет» – не совсем точен, поскольку слово «государство» семантически уже подразумевает персонализированного правителя, государя. В этом смысле русское слово «государство», обычно используемое как эквивалент для европейских слов «state» или «Staat», точнее соответствует словам «kingdom» («королевство») либо «principality» (собственно «государство», производное от «государь» – «prince»).

Нет в русском языке и точного эквивалента слову «realm» или «Reich» (шведск. «riks»). Пожалуй, более точным был бы перевод слова «riksrad» как «Совет Державы» (англ. «Council of the Realm»). В ином случае, для понимания игры слов необходимо постоянно помнить о разнице между понятиями «Государственный совет» (riksrad) и «Государев совет» (совет, принадлежащий государю или королю, kungligt rad). Примечательно, что – хотя в «Эру Свобод» шведскому

---

[267] Koenigsberger H. Monarchies, States Generals and Parliaments: the Netherlands in the Fifteenth and Sixteenth Centuries. Cambridge, 2001. P. 324.

[268] Regeringsformen 1719. K. M:ts allernådigst konfirmerade regeringsform daterad Stockholm den 21 febr. 1719. Stockholm: SNS, 2005. URL: http://www.sns.se/zino.aspx?articleID=833 (дата обращения: 03.03.2010).

[269] Письмо Н. И. Панина к послу кн. Репнину (29 марта 1762 г.) // СИРИО. Т. 57. М.: Универс. типография, 1887. С. 227.

Совету возвратили имя «Государственного» (riksrad) – Панин в своем проекте реформы дал высшему совещательному органу имя Императорского совета. Если здесь и присутствует отсылка к шведскому опыту, то явно не к тому, который ассоциируется с «дворянским конституционализмом»…

«Королевские советы» были прочной и давней частью политической традиции самых различных европейских стран. Наиболее развитая система консультативных органов существовала во Франции эпохи Бурбонов[270]. Важную роль в этой системе играли статс-секретари (secretaires d'etat), руководившие специализированными департаментами и подписывавшие распоряжения монарха.

Например, в записках российского дипломата в Париже А. А. Матвеева (1705-1706 гг.) постоянно фигурируют различные секции «совета государственного королевского» (Conseil d›Etat). В «высоком совете королевском» председательствует сам монарх, туда также входят «пресветлейший дауфин, сын королевской», «пресветлейший арцух, или дук, де Бургони, сын его, дауфинов», статс-секретари и министры. «Совет королевский повседневный» (conseil prive) предполагал собрание тех же сановников, но уже без присутствия короля, тогда как «великой совет королевский» (Grand Conseil) был куда более широким собранием, включавшим многочисленных «королевских советников»[271].

Сходства между французской политической системой и предложениями, выдвинутыми Паниным в 1762 г., подметил еще С. П. Покровский: «Если сравнить этот проект Императорского совета с соответственным современным ему учреждением во Франции (Conseil de roi, Conseil d'etat), где Императорский совет приближался к организации Conseil regence герцога Dulois[272], то нельзя не заметить, что Панин был очень хорошо знаком с организацией французских учреждений, предлагая ввести аналогичное и в России»[273].

Королевский совет во Франции «восходил к феодальной курии эпохи Капетингов, когда он представлял собой неформальные кон-

---

[270] См. об этом: Antoine M. Le Conseil du Roi sous le regne de Louis XV. Paris; Geneva: Ed. Droz, 1970; Barbiche M. Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne, XVIe-XVIIIe siècle. Paris: PUF, 1999.

[271] [Матвеев А.] Русский дипломат во Франции. (Записки Андрея Матвеева). Л.: Наука, 1972. С. 164-170.

[272] Здесь Покровский, очевидно, имеет в виду регента герцога Орлеанского и его влиятельного советника, кардинала Дюбуа (не Дюлуа!), которые правили Францией в годы малолетства Людовика XV.

[273] Покровский С. П. Министерская власть в России. Ярославль: Тип. губернского правления, 1906. С. LXIV.

сультации короля со своим непосредственным окружением – ближайшими родственниками, чинами "королевского дома", некоторыми клириками и вассалами, а с XIII в. – и с легистами, влияние которых постепенно возрастало. Усложнение техники управления в XIII в. привело к выделению из совета специализированных судебной и финансовой секций – Парламента и Счетной палаты»[274]. К XVI в. Совет оставался по преимуществу аристократическим. К этому же столетию относится и возникновение основ системы министерств – король стал назначать из числа своих доверенных лиц сюринтендантов, наиболее известным из которых являлся М. Сюлли. Наконец, к концу XVI столетия в атмосфере ожесточенных религиозных войн сложилась система из четырех советов – Делового совета, Финансового совета, Государственного финансового совета и Совета тяжб: «Из четырех советов первые два были правительственными, вторые два – административными. В правительственных советах председательствовал король, в административных – чаще всего канцлер (считавшийся "шефом" королевского совета)»[275].

На некоторое время возникла система «министериата» (первыми министрами были Ришелье и его преемник кардинал Мазарини), однако в 1661 г. Людовик XIV сам назначил себя первым министром, и эпоха первых министров канула в прошлое. Панин наверняка хорошо знал об этом опыте («Политическое завещание» Ришелье, обосновывашее необходимость поручить дела королевства первому министру, присутствовало в библиотеке Паниных); не предлагая ввести институт «министериата», он одновременно обвинил Волкова в том, что в Конференции тот играл «существительную ролю» «первого министра»[276].

Как уже отмечалось, в черновике доклада Н. И. Панина императрице 1762 г. департаментами руководят именно «министры», но в чистовике их сменили «статские секретари». Прочие члены Совета должны были именоваться «императорскими советниками». В целом, терминология проекта Панина до некоторой степени повторяет французскую традицию, включая «министров», «статских секретарей» и

[274] Копосов Н. Е. Высшая бюрократия во Франции XVII века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 35.

[275] Там же. С. 39.

[276] Критика Волкова как «первого министра» обретает смысл только во «внешнем» интеллектуальном контексте французского политического опыта, транслированного через литературу. Подобная критика позволяла Панину одновременно провести грань между опытом Конференции и собственным Императорским советом, предполагавшим постоянное личное руководство со стороны монарха. По-видимому, именно эту черту Панин считал важнейшим преимуществом собственного проекта.

«императорских советников» («conseiller d'État» во французском варианте), хотя непосредственных заимствований функционального характера не наблюдается.

Термин «министр» (лат. «minister», «слуга») имеет «монархическую» генеалогию. В республике Соединенных Провинций, например, министерства возникли только с установлением монархии в начале XIX в., как и в Швеции, где министры появятся лишь в 1809 г., с воцарением наполеоновского маршала Жана-Батиста Бернадотта как короля Карла Юхана XIV. Словарь русского языка XVIII в. определяет слово «министр» как «должностное лицо, уполномоченное государем для отправления каких-либо государственных дел»[277]. Скорее всего, Панин использовал слово «министр» в подобном смысле.

Екатерине II не понравилось слово «министр», и она поинтересовалась, нельзя ли заменить его русским эквивалентом. Такая замена была, скорее всего, продиктована стремлением избежать неприятных политических ассоциаций с событиями 1730 г. Сам Панин пытался убедить императрицу сохранить «министров» (в своих ответах на примечания Екатерины он лаконично заметил, что «Министр по руски служитель»[278]), однако в окончательной редакции проекта манифеста они все же были заменены на «статских секретарей». Очевидно, само понятие «министр» отсылало к контексту аннинской эпохи, и Екатерина II стремилась избавиться от неприятных ассоциаций.

Любопытно, что этого стремления не заметил (или не захотел заметить?) анонимный автор одного из замечаний на проект Панина. Отметив, что «древность государственного правления новостям предпочитается», этот автор предлагал императрице именовать новый правительственный орган Императорским верховным тайным советом, поскольку «сие именование – верховный тайный совет, доказует древность, что при государыне… Императрице Екатерине Алексеевне употребляемо бывало». Кроме того, автор замечания предложил называть членов нового Совета министрами, так как в противном случае им пришлось бы «в титулах своих писаться дважды советниками… императорским советником и действительным тайным советником, а и сей последний, не чей же иной, как то же императорский»[279]. Зато другой аноним – предположительно, А. П. Бестужев-Рюмин – не преминул напомнить о неурядицах первой половины XVIII в., в красках

[277] Словарь русского языка XVIII века. Вып. 13. СПб.: Наука, 2001. Ст. «Министр».

[278] Польской С. В. Неизвестная записка Н. И. Панина и «Примечания» на проект Императорского совета… С. 176.

[279] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 46об.; Бумаги, касающиеся предположения… С. 220.

описав властные притязания Верховного Тайного совета и Кабинета министров[280]. Между тем, сам Панин постарался избежать аллюзий с опасными для абсолютной монархии событиями первой половины XVIII в., не только отказавшись от термина «министр», но и не назвав предлагаемый Совет «верховным».

Резюмируем: Панин решительно отказал Совету в праве принимать решения без участия монарха, отметив, что «из сего императорского совета ни что исходить не может инако, как за собственноручным монаршим подписанием»[281]. Самостоятельно Совет мог только отвечать на запросы и выдавать справки и дела по уже решенным вопросам, за подписью одного из советников или «правителя канцелярии». Сам Императорский совет Панин определял как «установляемое формою государственною верховное место лежисляции, или законодания»[282]. В проекте манифеста от лица императрицы характер деятельности Совета был обрисован довольно-таки четко: «Императорский же совет ни что иное как то самое место, в котором мы об империи трудимся, и потому все доходящие до нас яко до государя дела должны быть по их свойству разделяемы между теми министрами, а они по своим департаментам должны их разсматривать, выробатовать, в ясность приводить, нам в совете предлагать и по ним отправлении чинить нашим резолюциям и повелениям»[283]. Императорский совет в том виде, в каком Н. И. Панин обрисовал его в поданном Екатерине II проекте манифеста, не располагал – вопреки мнению целого ряда исследователей – возможностями для легального ограничения власти монарха.

Между реформаторским проектом Н. И. Панина и шведской административной, политической и правовой практикой «Эры Свобод» попросту невозможно найти содержательное сходство. Важнейшая черта панинского проекта – отраслевая специализация «штатцких министров» – не была характерна для Швеции «Эры Свобод»; напротив, подобная специализация была уничтожена в 1720 г. Сам Панин, прекрасно знавший шведскую политическую систему изнутри и охотно рассуждавший о ней в своей дипломатической переписке, не ссылался на Швецию как на источник политического вдохнове-

[280] Польской С. В. Неизвестная записка Н. И. Панина и «Примечания» на проект Императорского совета… С. 177-178.

[281] Панин, разумеется, был прекрасно знаком со шведской политической практикой, позволявшей риксроду использовать печать с факсимиле подписи монарха, чтобы не дать монарху возможности саботировать политические решения (Andersson I. A History of Sweden. New York; Washington: Praeger publishers, 1975. P. 268).

[282] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 29; Бумаги, касающиеся предположения… С. 211.

[283] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 38об.

ния. На наш взгляд, устойчивое представление о «шведских заимствованиях» в политическом творчестве Панина, существующее в специальной литературе по данному вопросу, можно признать мифом, который основан на некритическом прочтении произвольной выборки текстов[284].

Поэтому следует согласиться с А. Б. Плотниковым, который справедливо охарактеризовал Совет как «вполне обычное бюрократическое учреждение»[285]. Согласимся также и с Н. Д. Чечулиным, который более чем сто лет назад замечал, что лучшим источником для изучения «вопроса о том, имел ли Н. И. Панин… в виду ограничение императорской власти», являются «проект манифеста или, во всяком случае, какие-нибудь другие бумаги, несомненно самому Н. И. Панину принадлежавшие», а не «ссылки на свидетельства некоторых других лиц об образе его (Панина – К. Б.) мыслей»[286].

Представление об ограничительном характере проектов Панина, опиравшееся на концепцию «шведских заимствований», встраивает эти проекты в вертикальную ось истории российского конституционализма (устремленного к «современному конституционному порядку»), вырывая их из современного им контекста. Как я постарался показать выше, тщательный анализ содержания проектов Панина с учетом соответствующего интеллектуального контекста позволяет отказаться от этого представления – Императорский совет Панина не был предназначен для ограничения императорской власти ни на концептуально-теоретическом, ни на функционально-практическом уровне, и не опирался на заимствования из шведского опыта. Источники концепции Совета были иными – они не исчерпывались переосмыслением отечественной политической практики первой половины XVIII в. (от Верховного тайного совета и Кабинета министров до Конференции при дворе Ее Императорского Величества). В равной (или даже большей) степени на эту концепцию повлияли воспринятые

[284] Например, перевод на русский язык сочинения К. Ингмана «Монумент шведскому генералу Иоанну Банеру с историческим описанием бывшей войны между Густавом Адольфом, королем Шведским, и Сигизмундом, королем Польским, и с кратким известием начавшейся вскоре после того в Германии Тридцатилетней войны за веру», сделанный в 1788 г. И. Петровским, был посвящен генералу П. И. Панину. Современный исследователь М. Ю. Люстров отмечает в этой связи, что «прошведская позиция братьев Паниных была хорошо известна» (Люстров М. Ю. Русско-шведские литературные связи в XVIII веке. М.: ИРЛИ, 2006. С. 44). Нужно заметить: подобный выбор адресата И. Петровским вполне мог быть мотивирован и иными соображениями.

[285] Плотников А. Б. Политические проекты Н. И. Панина // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 78.

[286] Чечулин Н. Д. Проект Императорского совета в первый год царствования Екатерины II. СПб.: Тип. В. С. Балашева и Ко, 1894. С. 12-13.

Паниным через европейскую политическую литературу идеи «умеренной монархии», во многом основанные на анализе политической специфики монархии французской.

Более того: анализ политического контекста подводит нас к выводу о том, что реформаторские предложения Панина не были уникальными – скорее, они были частью процесса активного политического поиска, которым на рубеже 50-60-х гг. XVIII в. была захвачена значительная часть российской государственной элиты. В ходе этого поиска формировался тот круг тематик и вопросов, о котором мы говорили выше и который был зафиксирован не только в проектах Панина, но и в целом комплексе политических проектов разных авторов.

ГЛАВА VII. ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТА? ПРОЕКТ Н. И. ПАНИНА В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ 50-60-Х ГГ. XVIII В.

Одним из первых проектов в этом ряду стала составленная еще в марте 1756 г. записка канцлера А. П. Бестужева-Рюмина императрице о необходимости учреждения тайного военного Совета «из наидостойнейших Монаршей Своей доверенности персон… не только для нынешнего времяни, но и навсегда», представляющая собой фактически готовый проект[287].

Ссылаясь на свое «пространное представление» императрице от 19 января 1756 г., в котором говорилось «вкратце о надобности и пользе для всевысочайшей Ея Величества службы учредить некоторую особливую из доверенных персон комиссию, которая бы под единым руководством Ея Императорского Величества поручаемое ей отправляла» для исполнения «принятых обязательств», Бестужев-Рюмин подчеркивал необходимость создания подобного совета в условиях масштабных изменений дипломатической системы на континенте[288]. На эти изменения следует «не индифферентно смотреть, но паче оными пользоваться, да, буде можно, и самыя худыя в свой авантаж употреблять уметь надобно: то скорое произведение в действо выше-

[287] [Бестужев-Рюмин А. П.] Для Всевысочайшего Ея Императорского Величества известия и благоизобретения // Архив князя Воронцова. Кн. 3. Бумаги графа Михаила Ларионовича Воронцова. М.: Тип. Грачева и Ко, 1871. С. 356-367.

[288] [Бестужев-Рюмин А. П.] Для Всевысочайшего Ея Императорского Величества известия и благоизобретения… С. 357.

показанного представления ныне паче, нежели когда либо, нужно и полезно быть имеет»[289].

По мнению Бестужева, для этого Елизавете необходимо, «избрав наидостойнейших Монаршей Своей доверенности персон», учредить «при своем Дворе тайный военный (Совет) не только для нынешнего времяни, но и навсегда (курсив наш – К. Б.), а при том публикуемым во всем государстве манифестом особливая оному знатность придана и всевысочайшая Ея Императорскаго величества доверенность наиотличнейше засвидетельствована была б»[290]. Этот Совет планировалось наделить полным правом командования войсками и флотом.

Бестужев подробно рассмотрел эффект, который создание подобного совета произвело бы на каждую из великих держав, «когда тайный военный Совет, имея толикие в руках способы и которому никакие посторонние или так сказать персональные уважения рук не связывали б, с прямою силою в дело вступит... при мудром управлении и наставлениях Ея Императорскаго Величества»[291]. Учреждение такого Совета, на взгляд Бестужева, позволило бы сделать процесс принятия стратегических решений более эффективным, «а при всем том Ея Императорское Величество со удовольствием видела б, колико к Ея славе и к пользе Государства дела с меньшим затруднением и большим успехом под Ея премудрым руководством и призрением успевать стали б»[292]. Оставляя на усмотрение императрицы состав Совета и число его членов, Бестужев посчитал обязательным присутствие в Совете канцлера и вице-канцлера. К этому тексту прилагались проект инструкции тайному военному Совету, а также проект соответствующего манифеста. Совет должен был «иметь свое собрание и заседание» при императорском дворе «в отводимых к тому особливо апартаментах».

Весьма обширное вступление инструкции, составленной от имени императрицы, содержало характеристику международной политики и обосновывало необходимость создания Совета потребностью «оказать непоколебимую твердость при содержании принятых Нами доныне обязательств, дабы чрез то некоторым образом и самых колеблющихся принудить к равномерному оных наблюдению»[293].

---

[289] Там же. С. 358.

[290] Там же. С. 358-359.

[291] Там же. С. 360.

[292] Там же.

[293] [Бестужев-Рюмин А.П.] Для Всевысочайшего Ея Императорского Величества известия и благоизобретения… С. 365.

Членам Совета предписывалось заняться «собранием из всех мест, откуда надлежит потребных, точных и ясных ведомостей о состоянии Наших доходов, сухопутных и морских сил и артиллерии», а когда «при разсмотрении оных собою окажется, – нет ли в сих главных государства потребностях, а именно в доходах и в воинских, сухопутных и морских силах, какого недостатку, и не требует ли что из того какого поправления и умножения, и потому тотчас о том стараться надлежит и Нам докладывать, ибо Мы, все то вверяя вам, на вас и взыскивать будем». В конце же инструкции отмечалось: «Когда вы в отправление самого дела вступите, то тогда может быть больше окажется, что правилом вам предписано быть имеет, почему и предоставляем Мы тогда по усмотрению и по докладам вашим снабдевать вас потребными указами; на первый же случай и сего довольно»[294].

Особо оговаривалось, что у Совета должен быть свой канцлерский штат. В проекте манифеста отмечалось, что Совету «под единственным Нашим руководством и повелениями» следовало «о всем том сведение и попечение иметь, что к безопасности и благополучию Наших государств, к Нашей и Нашея Империи славе принадлежит и принадлежать может». Более того, «помянутой Наш тайной военной совет о потребном сноситься имеет с Нашим Синодом и Сенатом ведениями, по которым однакож сии места тем не меньше скорое и немедленное исполнение чинить должны, а во все прочие места без изъятия и к каждому, кто б какого чина и звания ни был, Нашими указами»[295].

Предложения Бестужева, постепенно терявшего свое влияние на императрицу, были оставлены ею без внимания. Однако высший совещательный орган и впрямь был создан – им стала Конференция при дворе Ее Императорского Величества. 5 октября 1756 г. Конференция получила право сообщать свои распоряжения в Сенат, Синод и их конторы «экстрактами из протокола, … а во все прочия места, куда потребно будет, и к Малороссийскому гетману – рескриптами»[296]. Фактически Конференция превратилась в законодательный орган.

Между тем, обсуждение потребности в политических реформах приобрело новое измерение, выйдя на публику. О реформах заговорил литератор А. П. Сумароков, опубликовавший в конце 1759 г. на страницах своего журнала «Трудолюбивая пчела» краткое сочине-

---

[294] Там же. С. 366.

[295] [Бестужев-Рюмин А.П.] Для Всевысочайшего Ея Императорского Величества известия и благоизобретения… С. 367.

[296] 47-е заседание Конференции 5 октября 1756 г. Протокол № 108 // СИРИО. Т. 136. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1912. С. 308.

ние «Сон щастливое общество»[297], где было описано идеальное общество[298], увиденное якобы во сне: страна, управляемая «великим человеком», чье «неусыпное попечение, с помощью избранных его помощников (курсив наш – К. Б.), подало подвластному ему народу благоденствие»[299].

По Сумарокову, «главное Светское правление называется там Государственный совет». Утопический «совет» не занимался частными делами, но в него вносились «разпорядки, исправления, узаконения и протчия государственныя основания». Совет имел право законодательной инициативы: перечисленные вопросы решаются не только «по повелению Монарха», но и «ко предложению оному». Управление основано на строгом соблюдении писаных законов: «Дела во всех приказах вершатся не по числу голосов, но по книге узаконений». Чиновники, которые «не по книге узаконений дела вершат, за неправду лишаются должностей своих», в связи с чем «узаконения, ясно изображенныя, свято и не нарушаемо наблюдаются». При этом в стране «книга узаконений … у всех выучена наизусть»[300]. Монарха же можно привести в раздражение только «беззаконием и нерадением», и он «слабости прощает … милосердно, беззакония наказует строго»[301].

Интересно отметить основания законов в этом идеальном обществе. По Сумарокову, «книга узаконений их не больше нашего Календаря… Сия книга начинается тако: чево себе не хочешь, тово и другому не желай. А оканчивается: за добродетель воздояние, а за беззаконие казнь». Краткость законов связана с тем, что «все они на одном естественном законе основаны»[302].

На эту публикацию Сумарокова в свое время обратил внимание Г. А. Гуковский, сделавший вывод о причастности Сумарокова к «дворянской фронде» и партии «панинцев»[303]. Эти выводы, по-видимому, нуждаются в определенной корректировке. Вполне возможно, что «Сон» был в большей мере отражением индивидуальных политиче-

[297] Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Ч. VI. М.: Университетская типография, 1781. С. 384-390. В советское время переиздавался, в т.ч. в тематическом сборнике утопий: Сумароков А. П. Сон «Счастливое общество» // Русская литературная утопия. М.: Наука, 1986. С. 3-36.

[298] Примечательно, что – как отмечает Д. В. Бугров – это сочинение стало первой литературной утопией в России Нового времени (см.: Бугров Д. В. Эволюция русской социокультурной утопии в контексте генезиса консервативной идеи (1830-1840-е гг.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 1 (22). С. 6).

[299] Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Ч. VI. С. 384.

[300] Там же. С. 386-387.

[301] Там же. С. 384-385.

[302] Там же. С. 386.

[303] См.: Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века... С. 124-192.

ских представлений неординарной, творческой личности своего автора, нежели кратким эскизом реальной политической программы. Тем не менее, утопия А. П. Сумарокова демонстрирует своеобразие политических идей и понятий рубежа 50-60-х гг. XVIII в.

Зимой 1762 г. создать особый координационный орган новому императору Петру III предложил канцлер М. И. Воронцов[304]. Он полагал, что император оценит преимущества работы в «совете», «видя в одном месте все сопряжение главных дел». При этом Воронцов утверждал, что «совет» можно всегда отменить, «тем более, что тем ни Сенат, ниже которая Коллегия ни мало силы своей не теряют: ибо приемлемыя Вашим Величеством в Конференции намерения будут в оной токмо лучше и согласно с системою объясняемы, а точное исполнение всегда тем же присутственным местам принадлежать будет»[305].

Подобное мнение канцлера можно считать попыткой сохранения елизаветинского политического наследия, шедшего вразрез с предпочтениями Петра III. Однако одновременно проект реформы Конференции предложил и пользовавшийся огромным доверием императора Д. В. Волков (атрибуция проектов указа и манифеста на основании анализа архивных оригиналов предложена в 2009 г. М. А. Киселевым; им же установлено, что еще в 1760-1761 гг. Д. В. Волков подготовил два проекта политических реформ, предполагавших наделить коллегиальные органы обширными полномочиями[306]). В этом проекте Волков предлагал не только сохранить Конференцию, но и расширить ее компетенцию на вопросы внутренней политики (эту компетенцию он детально прописал в нескольких пунктах), а также наделить ее законодательными правами[307].

Тем не менее, 18 мая 1762 г. был подписан именной указ, по которому император избрал ряд персон, чтобы под личным руководством императора принять «руководство и призрение над многими … делами»[308]. Совет должен был «собираться ежедневно при Дворе», в апартаментах императора. Исходящие из Совета указы император должен был подписывать своей рукой, исключая «дела меньшей важности»,

---

[304] Даневский П. Н. Приложения // П. Н. Даневский. История образования Государственного совета в России. СПб., 1859. С. 4-5.

[305] Там же. С. 5.

[306] См.: Бугров К. Д., Киселев М. А. «Закон» и «совет». Концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50-60-х гг. XVIII в.) // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2010. № 33. С. 110-139.

[307] Даневский П. Н. Приложения… С. 6-10.

[308] Об учреждении Совета под председательством Государя Императора // ПСЗ. Т. 15. [СПб.]: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. № 11538. С. 1006.

которые члены Совета могли подписывать самостоятельно от имени императора[309]. При этом рапорты на посланные указы следовало «писать реляциями просто на имя Наше, адресуя в конверте к Нашему Тайному Секретарю Волкову»[310]. Несмотря на то, что сфера компетенции этого собрания не была точно определена, указ недвусмысленно определял главное: Совет не мог заниматься законотворчеством от имени императора без его личного участия.

Уже позднее, 1 июня 1762 г., именной указ Императорскому совету предписал Сенату «отнюдь не издавать в публику таких указов, кои некоторой закон или хотя в подтверждение прежних служат, не представив наперед собранию и не получа на то апробации»[311]. На связь между этими указами и проектом Панина обращает внимание А. Б. Плотников[312]. Впрочем, вряд ли небольшие по объему указы Петра III могли оказать существенное влияние на концепцию Панина, которая, скорее всего, к этому времени оформилась, о чем свидетельствует и рассмотренный нами выше «План или Росписание».

Наконец, следует упомянуть еще один обширный реформаторский проект, который, хотя и не был напрямую связан с вопросом о реорганизации высшего эшелона имперской администрации, все же затронул ключевые вопросы управления страной. Этот детальный проект реформы местного управления был подготовлен опытным государственным деятелем князем Я. П. Шаховским по распоряжению Екатерины II. Сенат сопроводил проект («мнение») Шаховского специальным «всеподданнейшим докладом».

Этот проект включал 4 основных блока – административное деление страны, должностные обязанности губернаторов, функции «коллегий, канцелярий и кантор» и, наконец, общая численность чиновников «и им пристойное жалованье». Подтверждая «мнение» Шаховского практически по всем позициям, доклад Сената включал и следующее предложение: «Не соизволит ли Ваше Императорское Величество высочайше сенату повелеть... по представлениям генерал губернаторов и протчих присудственных мест не утруждая Ваше Императорское Величество наставлении и резолюции давать. Когда ж сенат из тех представлений усмотрит, что ему иногда собою о чем точ-

[309] Эта норма была точно воспроизведена в проекте Н. И. Панина.

[310] Об учреждении Совета… // ПСЗ. Т. 15. [СПб.]: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. № 11538. С. 1006.

[311] О неиздавании во всенародное известие, без высочайшаго утверждения, кои составляют или новый закон, или служат подтверждением изданных // ПСЗ. Т. 15. [СПб.]: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. № 11558. С. 1029.

[312] Плотников А. Б. Политические проекты Н. И. Панина… С. 78.

ного решения учинить будет не можно, тогда об оном имеет просить высочайшей Вашего Императорского Величества конфермации»[313]. Обосновывая такое предложение, сенаторы ссылались на то, что «в толь обширном государстве новаго и многотруднаго учреждения кое без пополнения… и без отмены быть едва ль может», а также на Генеральный регламент Петра I.

«Раздражающее действие» на императрицу этого предложения Сената Ю. В. Готье считал причиной отказа Екатерины от проекта Шаховского, заметив, что «мысль Сената – поставить себя между государыней и интересовавшим ее лично важным и неотложным вопросом государственного управления могла внушить в ней антипатию и ко всему проекту, одобренному Сенатом»[314]. Борьба мнений вокруг проекта Шаховского отразилась в анонимных записках «О генерал-рекетмейстерах и конторе», «О генерал-губернаторах» и «О воеводах»; с ней же, по-видимому, связаны и анонимные выписки из ряда документов первой половины XVIII в.[315]. Следует подчеркнуть, что рост значения и самостоятельности Сената, который должен был стать следствием предлагавшейся Шаховским реформы, находился в прямом противоречии с проектом Н. И. Панина, который советовал наделить Сенат полномочиями пассивного контролирующего органа.

На то, что проектом Панина проектное творчество имперской элиты не исчерпывалось, говорят следующие слова из последних строк собственноручного доклада Панина: «Невозможно Вашему Императорскому Величеству почесть совсем оконченным к ползе народной единое ваше всевысочайшее соизволение, на сей ли предложенной проект или на что другое, не от нижепредставленного»[316]. Интересно, что слова «не от нижепредставленного» были пропущены при публикации доклада в сборнике Русского исторического общества…[317].

Но если, как отмечено ранее, российская государственная элита приступила к деятельному политическому творчеству еще в правление Елизаветы, то уместно ли говорить о противоборстве лагерей «реформаторов» и «традиционалистов»? Существование этого последнего представляется тем более сомнительным, что практически неизвест-

[313] Всеподданнейший доклад сената с представлением мнения действительного тайного советника князя Шаховского о преобразовании гражданских штатов, которые высочайшими именными указами 1762 июля 23 и августа 9 повелено было разсмотреть правительствующему сенату // РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 21. Л. 5-6.

[314] Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 167.

[315] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 60-71.

[316] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 30об.

[317] Бумаги, касающиеся предположения… С. 209.

ны и тексты, исходившие из этого лагеря. Подчас к «реформаторам» относят всех тех, кто просто приступил к политическому творчеству, тогда как «консерваторами» выглядят те, кто сохранял молчание. Но это лишь означает, что те и другие существовали в разных социальных плоскостях. На наш взгляд, речь должна идти не о конфликте реформы и традиции (или, иначе говоря, политической модернизации и социальной инерции), а, скорее, о сложном взаимодействии целого ряда реформаторских стратегий, которые использовали сходный концептуальный аппарат, однако при этом могли весьма существенно отличаться друг от друга.

Примечательно, что современники Панина в целом спокойно восприняли его концепцию Совета. Известны шесть замечаний на проект Панина[318], пять из них были предложены императрице по ее просьбе в 1762-1763 гг., и еще одно было опубликовано фельдмаршалом Б. Х. Минихом. Три из них являются анонимными, и все они в целом поддерживают проект Совета, делая оговорки в отношении Сената. Так, один из авторов настаивал на необходимости следить за Сенатом «недреманным оком», «чтоб самодержавную власть, подобно узде, из рук не выпускать», как это едва не случилось при Анне Иоанновне. В качестве гарантии предлагалось поставить Императорский совет выше Сената, сделав Совет высшей апелляционной палатой[319].

Еще один анонимный автор (в историографии им часто считают А. П. Бестужева-Рюмина, но – как показал С. В. Польской – это не так) в целом поддержал проект Панина в части, касающейся организации Совета, сделав при этом ряд интересных предложений и фактически создав собственный «проект в проекте». Если в отношении Совета этот автор не внес никаких принципиальных корректив (вряд ли предложения о записи в протокол только итоговых резолюций и уменьшении числа рабочих дней Совета можно считать таковыми), то его поправки в части, касающейся Сената, заслуживают особого внимания. Предложив убрать из текста упоминание о сенатском праве представления «для того что могло бы таким образом публиковано быть некоторое сокращение самодержавной Ея Величества власти»,

[318] Архивные подлинники двух из них хранятся вместе с текстом проекта Императорского совета, а также опубликованы вместе с ним (Бумаги, касающиеся предположения… С. 218–221); Доклад императрице Екатерине Второй об учреждении Совета (неизвестного сочинителя), 1763, с примечаниями на проект манифеста. Москва, 7 февраля 1763 г. // Архив князя Воронцова. Кн. 26. Бумаги разного содержания. М.: Универс. тип., 1882. С. 1-4; Бильбасов В.А. Панин и Мерсье де ла Ривьер... С. 17-18.

[319] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 47; Бумаги, касающиеся предположения… С. 220–221.

неизвестный нам автор – как и Панин – сослался на петровское законодательство: «Сенат и без того может Ея Величеству представлять, когда о чем надобно будет по его должности, которая предписана ему от государя Петра Великого»[320]. Анонимный автор отзыва не только разгадал отмеченную выше игру смыслов в цитировании Паниным Генерального регламента, но и подчеркнул это с изяществом, достойным опытного политика.

Оба этих анонимных замечания роднит предложение наделить Императорский совет полномочиями последней инстанции для челобитчиков, что поставило бы Совет выше общего собрания Сената. Подобные коррективы существенно уменьшали значение Сената как центра обособленной судебной – «вершащей дела» по «законам» – власти.

Поддерживал Панина и фельдмаршал Б. Миних – опытнейший политический деятель, бывший приближенный Петра III, сохранивший, тем не менее, влияние и при Екатерине II. Рукопись его труда, известного в отечественной историографии как «Записки фельдмаршала графа Миниха о России»[321] (русский перевод 1874 г.), но в оригинале носившего красноречивое заглавие «Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie» («Очерк, дающий представление о форме правления Российской империи»)[322], была подготовлена к печати во второй половине 1763 г., причем императрице ее представили несколько раньше (опубликован «Очерк» был лишь в 1774 г.). Д. Рансел расценивает «Очерк» Миниха как дополнительный аргумент Н. И. Панина в придворной борьбе[323].

Ключевой проблемой российской политической системы отставному фельдмаршалу виделось «громадное расстояние, существующее между высшею властью и властью сената». В серии очерков, характеризующих решение указанной выше проблемы различными российскими монархами, Миних прослеживал эволюцию концепции совещательного органа при императоре, приходя к выводу: «…Очевидно, что благо государства требует, чтобы громадное расстояние, существующее между высшею властью и властью сената, было восполнено учреждением совета. Этот совет должен состоять из многих лиц, которые, находясь у государственного кормила, могли бы искус-

---

[320] Бумаги, касающиеся предположения… С. 218-219.

[321] [Миних Б.] Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб.: Тип. В. Безобразова и К, 1874.

[322] [Munnich B.] Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie. Copenhague, 1774.

[323] Ransel D. The "Memoirs" of Count Munnich... P. 843.

но направлять все дела империи, облегчать этим труды ее величества императрицы и избавлять ее от тягости входить в подробности не особенно важных дел, для которых не хватит ее материнских забот, без вреда для ее драгоценного здоровья»[324].

Миних также сослался на слова «одного из просвещенных министров ее величества», практически дословно повторив введение к проекту манифеста об учреждении Императорского совета из проекта Панина: «Между высшею властью и властью сената существует большое расстояние… Полагают, что блаженной памяти император Петр Великий сделал и устроил для блага государства все, и что затем не остается ничего более, как только следовать по указанному им пути, но… хотя этот государь сделал даже более, нежели думают, и хотя может казаться невероятным, чтобы один человек мог создать все те громадные учреждения и предприятия, которые мы теперь видим и которые принадлежат Петру Великому, однако ж, тем не менее, остается еще сделать многое, чтобы довести все это до совершенства, и необходимо предпринять немало дел первой важности для окончания того, что этот великий государь только начертал, так как кончина его была преждевременна»[325].

Миних считал, что «государственные дела следует распределить между различными департаментами», называя пять департаментов: иностранных дел, военный, морской, финансов и торговли, внутренних дел. В конечном счете, «эти пять лиц» – пять руководителей департаментов – «составляли бы совет ее величества, который бы представлял ей сущность дел и, руководясь мудрыми решениями государыни, изготовлял бы необходимые указы сенату и тем присутственным местам, которые не находятся в прямой от него зависимости»[326]. Правда, Миних пишет о пяти департаментах, однако разделение сфер ответственности в целом совпадает с тем, которое предлагалось в «Плане», где сферы внутренней политики и финансов планировалось вверить одному и тому же департаменту. В то же время, Н. И. Панин в своем проекте учреждения Императорского совета специально оговорил возможность разделения этой функциональной сферы между двумя статс-секретарями. При этом Миних мог не только пересказывать идеи Панина, но и обращаться к собственному политическому опыту 30-х гг. XVIII в.

Однако были и другие мнения. Так, критическим по отношению к проекту Панина было мнение генерал-фельдцейхмейстера

[324] [Миних Б.] Записки фельдмаршала графа Миниха… С. 96-97.
[325] Там же. С. 97.
[326] [Миних Б.] Записки фельдмаршала графа Миниха… С. 98.

А. Н. Вильбоа, который предположил, что автор проекта «под видом защиты монархии тонким образом склоняется более к аристократическому правлению. Влиятельные члены обязательного и государственным законом установленного императорского Совета весьма удобно могут вырасти в соправителей… а такое преобразование неминуемо привело бы к разрушению могущества и величия Российской империи… Русский государь необходимо должен обладать неограниченною властью»[327]. Вильбоа считал, что императрица «не нуждается ни в каком особенном "совете", но ее здоровье требует облегчения от несносной тягости восходящих до нее нерасследованных дел». Для этого было бы достаточно разделения личного кабинета императрицы на департаменты, руководимые секретарями, которые бы по отдельности представляли доклады на подпись лично Екатерине. Подчеркнем: Вильбоа использовал ту же мотивировку, что и Миних (сохранение здоровья императрицы), однако с помощью этой мотивировки обосновывал прямо противоположные выводы. При этом разделение Сената на департаменты генерал-фельдцейхмейстер поддержал, а о праве представления промолчал.

Особо интересны критические замечания анонимного автора, предположительно – А. П. Бестужева-Рюмина, опубликованные С. В. Польским в 2010 г.[328]. Возвращенный Екатериной из ссылки Бестужев попытался вернуть себе былое влияние, сделав ставку на враждебный Н. И. Панину клан Орловых. Борьба между ориентированным на союз с Австрией Бестужевым и склонявшимся к союзу с Пруссией Паниным иногда экстраполируется историками и на вопросы внутренней политики. Так, Д. Рансел считает, что Бестужев, сделав ставку на Орловых, оказался полностью вне реформаторской парадигмы[329]. Как бы то ни было, Бестужев – если он действительно был автором критических «Примечаний на постановление о Совете» – отнесся к проекту Панина враждебно. Указав на опасность для самодержавной власти со стороны вновь предлагаемого органа власти и подкрепив этот аргумент пространным экскурсом в политическую историю первой половины XVIII в., автор «Примечаний» резюмировал: «Хотя Самодержавного монарха по самодержавной Ево власти единое ево соизволение за

[327] Бильбасов В. А. Панин и Мерсье де ла Ривьер… С. 17-18.

[328] Польской С. В. Неизвестная записка Н. И. Панина и «Примечания» на проект Императорского совета… С. 173-182. Предположение С. В. Польского об авторстве Бестужева-Рюмина является убедительным. Если оно верно, то другой анонимный текст, который ранее приписывался Бестужеву (и в целом был благожелательным в отношении панинских предложений), не может считаться принадлежащим экс-канцлеру.

[329] Ransel D. The "Memoirs" of Count Munnich // Slavic Review. Dec. 1971. Vol. 30. № 4. P. 845.

правило полагаетца, коему подданныя с подобострастием повиноватца должны, но Ваше Императорское Величество по Вашему великодушию и милосердию к вашим народам собственное свое удоволствие находите делать вашим подданным щастливыми и благосклонными, и то за свое правило полагаете»[330]. Анонимный автор отвергал все, что могло быть интерпретировано как попытка повторить опыт Верховного Тайного совета или аннинского Кабинета министров. Так, критике подверглось предложение сделать число советников постоянным, а право сенатского представления сравнивалось с правами французских парламентов. По этому поводу анонимный автор отмечал: «Что из того произходило, Вашему Величеству известно», – имея в виду, очевидно, парламентскую Фронду во Франции XVII в.

Возможно, именно мнения Бестужева и Вильбоа повлияли на решение императрицы отказаться от проекта Панина, хотя во второй половине 1762 г. этот проект был весьма близок к воплощению. В черновом варианте оправдательного манифеста А. П. Бестужеву-Рюмину экс-канцлер был назван «первым императорским советником и первым членом нового… императорского Совета»[331]; правда, в официальный текст, опубликованный 31 августа 1762 г., это место не вошло. Сохранилась также записка Екатерины II, в которой императрица перечисляет членов будущего Совета[332] – А. П. Бестужева-Рюмина, К. Г. Разумовского, М. И. Воронцова, Я. П. Шаховского, Н. И. Панина, З. Г. Чернышева, М. Н. Волконского и Г. Г. Орлова. Н. И. Панин должен был возглавить «внутренний» департамент, М. И. Воронцов – департамент «чужестранный», З. Г. Чернышеву предполагалось передать военный департамент, и только с морским департаментом императрица не определилась. Ровно половина членов этого предполагавшегося Совета фигурировала и в тексте «Плана или Росписания» (правда, Волконский не попал в окончательную редакцию). 28 декабря 1762 г. Еатерина II подписала манифест, однако затем – как считает А. Б. Плотников, «11 февраля или накануне этого дня»[333] – надорвала свою подпись.

Своеобразными маркерами в истории с панинским проектом Императорского совета могут служить два упоминания об этом проекте

[330] Польской С. В. Неизвестная записка Н. И. Панина и «Примечания» на проект Императорского совета… С. 179.

[331] Манифест, писанный Екатериною II о возвращении прежних достоинств графу А. Бестужеву-Рюмину и о непорицании его за состояние под судом и наказанием (31 августа 1762 г.) // СИРИО. Т. 7. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1871. С. 143.

[332] Бумаги, касающиеся предположения… С. 201.

[333] Плотников А. Б. Политические проекты Н. И. Панина: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М.: РАН, Институт росс. истории, 1997. С. 13.

в дипломатической корреспонденции графа Фридриха фон Сольмса, прусского посла в Санкт-Петербурге. Сообщая в письме от 6 января 1763 г. о том, что «все делопроизводство находится в беспорядке», Сольмс констатировал: «Императрица, при содействии Панина, намеревается распутать этот хаос и с необыкновенным усердием заботится об уничтожении прежних злоупотреблений. Она решила распределить все дела государственные по отдельным коллегиям, назначить в каждое известное число советников и избрать пять или шесть человек, которые, с званием статс-секретарей, будут управлять этими коллегиями. Они будут собираться в кабинете Императрицы; докладывать ей каждый по своей отрасли, и получать от нее приказания. Один будет заведовать иностранными делами, другой – финансами, третий – флотом и войском и т.д. Избранные ею лица еще неизвестны, но все распоряжения уже сделаны и вскоре будут приведены в исполнение. Таким образом дела будут вестись более деятельно и находиться в порядке, забытом в России со времен Петра I»[334].

Спустя полгода Сольмс в пространном письме от 6 июня 1763 г. сообщал в Берлин уже о том, что обширные реформы, предпринятые новой властью, создают определенную нестабильность в обществе. Сольмс также отметил, что Панин с первых дней правления Екатерины «взял на себя составление плана для осуществления этого полезного дела» – реформ государственного управления. Однако, по словам прусского дипломата, Панину многое не удалось: «Он слишком много предпринял за раз и хотел одновременно искоренить злоупотребления во всех отраслях государственного управления. Это громадное предприятие оказалось выше его понимания, выше его сил и деятельности; ему недоставало людей, достаточно благонамеренных, как в предварительных работах, так и в выполнении, и он пал под бременем. Из всего того, что он предпринял разом, до сих пор ничего не окончено: новые правила смешались с прежними беззакониями и дела так запутались, что всякий, кто только хочет этим пользоваться, пользуется с прежним успехом. Таким образом, результат не соответствовал обещаниям, и Императрица естественно должна была потерять высокое мнение, которое она о нем составила, и в настоящее время слушает советов других»[335].

Правда, «падения» Н. И. Панина, на которое надеялись его противники, за этим не последовало. Немаловажно и то, что Сольмс – бу-

[334] Письмо графа Сольмса королю, Москва, 6 января 1763 г. // СИРИО. Т. 22. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1878. С. 20-21.

[335] Письмо графа Сольмса королю, 7 июня 1763 г. // СИРИО. Т. 22. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1878. С. 68

дучи в хороших отношениях с Паниным, сторонником внешнеполитической ориентации на Пруссию – наверняка транслировал именно ту точку зрения, которую ему сообщал сам Панин. Сегодня трудно восстановить перипетии закулисной политической борьбы, развернувшейся вокруг трона в 1762-1763 гг., да она и не является непосредственным объектом настоящего исследования. Тем не менее, следует отметить некоторые основные моменты.

По-видимому, влияние Панина неуклонно возрастало в последовавшие за переворотом месяцы, когда он «занял первую роль по доверию к нему императрицы»[336], как замечал британский посол Р. Кейт. Однако вскоре конкуренцию Панину начал составлять вернувшийся из ссылки А. П. Бестужев-Рюмин. К лету 1763 г. первоочередной задачей для Панина стало предотвращение возможной свадьбы императрицы и ее фаворита Г. Г. Орлова – к реализации такого сценария стремился закаленный в дворцовых интригах Бестужев. Как мы уже отмечали выше, разногласия между Паниным и Бестужевым, вполне естественные в свете того, что каждый из этих сановников стремился добиться максимального влияния на императрицу, усиливались их принципиальными расхождениями в области внешней политики – Панин решительно противопоставил свою «Северную систему» бестужевской «Системе Петра Великого», ориентированной на Австрию.

В мае 1763 г. британский посол граф Джон Бекингем сообщал в Лондон: «Мне достоверно известно, что недавно Бестужев написал бумагу в виде прошения Ея Императорскому Величеству о том, чтобы она вступила в брак с одним из своих подданных, что в старину было в обычае русских государей. Прошение это он подписал и предложил к подписи всех главных сановников. Здесь некоторые последовали его примеру. Канцлер уклонился от этого, а Панин и некоторые другие решительно отказались от участия в этом деле»[337]. Об активном противодействии Бестужеву-Рюмину Воронцова и Панина писал и Фридрих фон Сольмс[338].

В октябре 1763 г. Сольмс, однако, вновь обращается к тематике совета: «Ее Величество Императрица учредила верховный совет, состоящий из пяти лиц, а именно: старого канцлера графа Бестужева, главного воспитателя г. Панина, сенатора Неплюева, сенатора

[336] От Р. Кейта – г. Гренвилю. Петербург, 16 июля 1762 г. // СИРИО. Т. 12. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1873. С. 29.
[337] От графа Букингемского к достопочтенному графу Галифакс. Москва, 23 мая 1763 г. // СИРИО. Т. 12. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1873. С. 106.
[338] Граф Сольмс королю, 13 июня 1763 г. // СИРИО. Т. 22. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1878. С. 78.

Шаховского и вице-канцлера князя Голицына. Он будет, так сказать, средним между особою императрицы и сенатом. Все важные дела, как иностранные, так и внутренние, будут поступать туда на окончательное решение, и ее Величество лично председательствует в нем. Новый совет, который должен собираться три раза в неделю в кабинете государыни, имел свое первое заседание на прошлой неделе»[339]. О том, что вновь создаваемый Совет станет регулярным институтом, сообщал также британский посол граф Бекингем: «Назначается высший совет (Supreme Council), который будет состоять из шести членов: Бестужева, Панина, Неплюева, Волконского, вице-канцлера и Алсуфьева. Сенат и все коллегии будут подчинены им»[340].

Но уже в следующем письме прусский дипломат сообщал: «Новый совет императрицы… не долго будет существовать в том виде, в каком он учрежден. Я имею даже основание думать, что скоро последует в министерстве перемена. Панин официально, наконец, вступит в управление иностранными делами, под предлогом, может быть, исправления должности канцлера на время отсутствия графа Воронцова»[341]. Действительно, этот Совет, т.н. «Октябрьская конференция», просуществовал весьма недолго; записка Екатерины II вице-канцлеру А. М. Голицыну от 7 октября 1763 г. еще фиксирует созыв Конференции, однако вместо протокола заседания с подписями членов собрания в этот день был составлен рескрипт послу в Варшаве графу Кейзерлингу за личной подписью императрицы. Вскоре Панин одержал окончательную победу над Бестужевым: 27 октября обер-гофмейстер занял должность «старшего члена» Коллегии иностранных дел, взяв внешнюю политику под личный контроль и решительно сориентировав интересы России на «Северную систему».

Д. Рансел предполагает, что Панин расценил «Октябрьскую конференцию» как вызов собственному влиянию на императрицу, и что, следовательно, симпатии Панина к идее Совета напрямую зависели от прочности его положения при дворе. По мнению Рансела, Панин, добившийся преобладающего влияния на Екатерину, не захотел использовать это влияние, чтобы провести свой проект Императорского совета в жизнь осенью 1763 г., поскольку в этой ситуации Совет, ско-

---

339 Граф Сольмс королю, 10 октября 1763 г. // СИРИО. Т. 22. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1878. С. 138-139.

340 От графа Букингемского к достопочтенному графу Сандуич. Петербург, 23 октября 1763 г. // СИРИО. Т. 12. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1873. С. 138.

341 Граф Сольмс королю, 14 октября 1763 г. // СИРИО. Т. 22. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1878. С. 139.

рее, открыл бы путь врагам обер-гофмейстера[342].

Но с этим утверждением невозможно полностью согласиться. Более обоснованным выглядит мнение И. В. Курукина: вне зависимости от существования консультативных органов Панин так и не смог добиться полного доминирования, став лишь «первым членом» коллегии иностранных дел – это назначение «деликатно устраняло возможные претензии (Панина – К. Б.) на роль "первого министра" и одновременно заставляло Панина считаться с амбициями военных – эти ведомства контролировались его политическими противниками Чернышевыми»[343].

Более того: как отмечает О. А. Омельченко, «не созданный формально, фактически Императорский совет… реально существовал на протяжении 1763 г. под видом Собрания при высочайшем дворе, или Комиссии о вольности дворянской. Без специальных на то постановлений совет прекратил свое существование к началу февраля 1764 г.; толчком для этого послужили запрограммированные придворные перемены… Круг сановников, реально правивших страной в первые два года екатерининского царствования, распался. Вместе с тем распался круг больших и малых обязательств Екатерины II перед своими сторонниками»[344]. Важно, что политические противники, такие как Н. И. Панин и А. П. Бестужев-Рюмин, смогли не только работать вместе в рамках Собрания, но и предпринять откровенный демарш, когда предложенные реформы были отвергнуты императрицей.

Итак, сторонником создания Совета в начале 60-х гг. XVIII в. был не только Панин; к его проектам следует добавить как минимум анонимный «План или Росписание», проекты Бестужева, Воронцова, Волкова, Миниха, утопию Сумарокова, а также два консультативных органа – Конференцию при дворе Ее Императорского Величества и совет Петра III, – вместе с четырьмя «мнениями» о проекте Панина, поданными Екатерине II. Кроме того, в течение года, последовавшего за переворотом 1762 г., в России действительно возникло несколько политических органов консультативного характера – например, Собрание при высочайшем дворе или «Октябрьская конференция».

Таким образом, можно говорить о единстве понятий, характерном для проектов политических реформ российской политической элиты, созданных на рубеже 50-60-х гг. XVIII в. Под «советом» подразумевал-

[342] Ransel D. The Politics of Catherinian Russia … P. 132-133.

[343] Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань: НРИИ, 2003. С. 428.

[344] Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины Второй... С. 242.

ся коллективный орган, как правило, – с регламентированными функциями, способный без покушений на прерогативы «самодержавного» монарха вносить порядок в течение дел. Такая концепция, по-видимому, опиралась как на восприятие западноевропейской политической философии, так и на собственный административно-политический опыт представителей отечественной элиты. Более того: эта концепция сама по себе не была новой, ее интеллектуальные корни можно проследить до Средних веков и далее, как в Европе, так и в России[345].

Как отмечал отечественный медиевист Ю. П. Малинин, в европейском средневековом религиозном сознании «совет» относился к числу «семи даров Святого Духа, представление о которых было почерпнуто из ветхозаветной книги пророка Исайи (XI, 2-3)». Понятие «совет» было, по мнению исследователя, «одним из тех универсальных средневековых понятий, силу которым придавали все течения мысли, начиная от сугубо богословской и кончая политической»: в конечном счете, «совет как дар св. Духа, или "дух совета" именно в том и проявлялся, что человек, наделенный им, по всем, по крайней мере важным, делам советовался с кем-либо»[346].

Особенно важно, что в этом универсальном представлении о «совете» как «качестве, достоинстве человека», «атрибуте мудрости и благоразумия» присутствовал и политический аспект: «Совет считался главным средством и условием справедливого управления, своеволие же короля воспринималось как верный признак тирании, низвергающей государство и общество в пучину зол… Понятие совета как наставления при этом покрывало собой или включало в себя понятие совета как органа управления, и обязательность совета при государе вытекала из спасительности совета вообще»[347]. Показательно, что в переписке Сольмса с прусским министром иностранных дел графом Карлом фон Финкенштейном Панин несколько раз был назван «ду-

[345] Мы уверены, что поиск концепта «совета» в истории средневековой отечественной политической мысли обещает быть плодотворным, однако нам неизвестны специальные исследования этого вопроса – в отличие от плодотворной традиции анализа такого концепта в истории французской политической мысли. О том, что такая традиция существовала, говорит соответствующая часть «Духовного регламента» под заглавием «Что есть духовное Коллегиум и каковыя суть важныя вины таковаго правления» (Регламент, или Устав Духовной Коллегии // ПСЗ. Т. 6. [СПб.]: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. № 3718. С. 316-319). Именно к «Регламенту» обратился Н. И. Панин в поисках аргументов из отечественной традиции в пользу Совета, но, поскольку «Регламент» был посвящен обоснованию превосходства «коллегиума» над единоначалием, ограничился только одной выпиской.

[346] Малинин Ю. П. «Средневековый» дух совета // Одиссей. Человек в истории. 1992. М.: Кругъ, 1994. С. 180-181.

[347] Малинин Ю. П. «Средневековый» дух совета… С. 185.

шой совета (l'ame du conseil) императрицы»[348]. Очевидно, что в данном случае речь идет о метафоре, а не о реальном членстве Панина в консультативном органе – никакого учрежденного совета при дворе в 1763 г. не существовало…

С. К. Цатурова, рассматривая концептуальное поле дискуссий о королевской власти в жанре «наставления королям» во Франции XIV-XV вв., отмечает, что «само возникновение институтов королевской власти, состоящих из чиновников-профессионалов, ставило короля перед дилеммой: либо легитимно исполнять свои обязанности главы государства, либо следовать своим частным, сиюминутным интересам и тогда оказаться, возможно, в конфликте с общим интересом». И даже несмотря на «сложные, подчас конфликтные отношения короля и его ближайших чиновников», идея «нерасторжимой связи короля с персоналом институтов его власти, являющихся в представлениях идеологов королевской власти органичной "частью тела короля"», доминировала в политических трактатах указанного периода[349]. В кругах профессиональных чиновников высокого ранга были весьма популярны идеи тщательного разделения функций между ними и монархом, предусматривавшие не только обязательное обращение короля за консультациями, но и право сопротивляться его незаконным и вредным распоряжениям. Хорошему королю следовало не только постоянно консультироваться с советниками, но и нести ответственность за подбор «добрых советников». Лейтмотивом подобной аргументации было библейское выражение «во многих советах благоденствие» (Притч. 11: 14). Отдельная глава трактата «Les Six livres de la République» Ж. Бодена была посвящена королевскому совету, который виделся одному из ведущих теоретиков абсолютизма Нового времени небольшим по составу, лишенным права принимать и проводить в жизнь решения в качестве самостоятельной институции, наконец, важным элементом поддержания политической стабильности[350].

Во Франции времен Людовика XIV аристократическая оппозиция, сплотившаяся вокруг наследника трона, герцога Бургундского, и включавшая такого влиятельного мыслителя, как Ф. Фенелон, обвиняла «короля-солнце» в презрении к совещательным традициям и на-

---

[348] Письмо графа Финкенштейна, от имени короля, графу Сольмсу в Москву. Лейпциг, 27 января 1763 г. // СИРИО. Т. 22. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1878. С. 11.

[349] Цатурова С. К. «Король – чиновник, священная особа или осел на троне?»: представления об обязанностях короля во Франции XIV-XV вв. // Искусство власти. Сборник в честь проф. Н. А. Хачатурян. СПб.: Алетейя, 2007. С. 115.

[350] Bodin J. Six Books of the Commonwealth. Oxford: Alden Press, 1955. P. 77-80.

саждении «министерского деспотизма». После смерти Людовика XIV регент Филипп Орлеанский заменил министров коллегиальными органами – советами, состоявшими из аристократов. Режим полисинодии («многосоветия») существовал в 1715-1718 гг. Восстановлению министерств постарался помешать другой влиятельный мыслитель, аббат де Сен-Пьер, издавший в 1719 г. трактат с красноречивым названием «Рассуждение о полисинодии, или Демонстрация того, что полисинодия, или множественность советов, является министерской формой, наиболее выгодной для короля и его королевства»[351]. Организационные традиции консультативных органов высшего уровня во Франции XVII-XVIII вв. были весьма прочными[352].

Обладавший обширными познаниями, много читавший Панин, которого Екатерина II прозвала «энциклопедией», наверняка был знаком с этими традициями; кроме того, он вполне мог почерпнуть аргументы в пользу существования законосовещательного Совета при монархе из работ европейских политических философов. Правда, Боден и сен-Пьер в каталогах библиотеки Паниных отсутствовали. Зато в ней было представлено, например, «Политическое завещание» кардинала Ришелье, где речь идет именно о короле и его совете[353].

Безусловно, концепция Совета может восходить и к идеям Пуфендорфа, который писал в хорошо известном российской элите трактате «De officio...»: «Поскольку нет такого государя, хоть и способнейшего в делах государства, чтобы он был способен заниматься всеми делами нации сколько-нибудь значащими, государь должен иметь министров, чтобы они участвовали в его попечении и советах. Но поскольку эти министры заимствуют свою власть во всем, что они делают, у государя, то и похвала либо негодование их действий в итоге падает на него. По той причине, и потому, что в соответствии с качествами министров дела исполняются хорошо либо плохо, на государе есть обязательство

[351] См.: [St.-Pierre, abbe de'l] Discours sur la polysynodie ou l'on demontre que la polysinodie ou pluralite des conseils est la forme de ministere la plus avantageuse pour un Roi et pour son Royaume. Amsterdam: Chez. du Villard & Changuion, 1719.

[352] Об этих политических традициях – механизмах стабильности, на которых основывался французский Ancient Regime – см.: Hamsher A. The Conseil Prive and the Parlements in the Age of Louis XIV: A Study in French Absolutism. Philadelphia: The American Philosophical Society, 1987; Hurt J. Louis XIV and the Parlements. The Assertion of Royal Authority. Manchester: Manchester University Press, 2002; Le Roy Ladurie, E. The Ancien Regime. A History of France, 1610-1774. Oxford; Malden: Blackwell Publishers, Inc., 1998; Rogister J. Louis XV and the Parlement of Paris, 1737-1755. Cambridge: Cambridge University Press, 1995; Swann J. Politics and the Parlement of Paris under Louis XV, 1754-1774. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

[353] См.: Ришелье, А. дю Плесси. Политическое завещание, или Принципы управления государством. М.: Ладомир, 2008.

продвигать честных и соответствующих персон на должности доверия в правительстве. <…> И хоть распоряжение ординарными делами может быть препоручено заботам министров, государь никогда не должен отказываться выслушать с терпением жалобы и обращения своих подданных»[354].

В сходном тоне вел речь об организации управления в монархии Монтескье: «Передавая власть, государь ограничивает ее. Он так распределяет ее, что никогда не передаст другому какую-то долю своей власти, не удержав за собою большей части ее»[355]. Наконец, Эмер де Ваттель – один из наиболее популярных теоретиков естественного права в XVIII в., сочинения которого также были представлены в книжном собрании Паниных – так подчеркивал необходимость личного контроля монарха над государственной администрацией: «Суверен, несомненно, должен использовать министров, чтобы помогать ему в тяготах должностей правительства; но он никогда не должен отдавать им свою власть… Министры должны быть лишь инструментами в руках государя; он постоянно должен направлять их и все время знать, действуют ли они в соответствии с его намерениями»[356]. По-видимому, эти тексты оказали непосредственное влияние на Панина, о чем свидетельствует тот фрагмент проекта 1762 г., где говорится о «штатцких министрах», которые «каждой по своему департаменту и заимствует часть нашего собственнаго (монаршего – К. Б.) попечения»[357]. Впрочем, знала подобные тексты и Екатерина II. В ее особой тетради сохранились «Политические заметки», где значилось: «Императорская власть: поручать командование армиями и управление губерниями, и назначать свой Совет»[358].

Другим проявлением общего для рубежа 50-60-х гг. XVIII в. круга тематик могут служить частые ссылки авторов реформаторских проектов на эпоху Петра Великого. Вряд ли их можно расценивать как реальные попытки обращения к содержанию петровских норм – скорее, подобные ссылки были частью стратегий легитимации политических построений, на деле не связанных с петровским законодательством.

---

[354] Samuel von Pufendorf. The Whole Duty of Man According to the Law of Nature, with Two Discourses and a Commentary by Jean Barbeyrac. Indianapolis: Liberty Fund, 2003. P. 54-55.

[355] Монтескье Ш. О духе законов // Ш. Монтескье. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. С. 175.

[356] Vattel E. Le Droit des gens, ou Principes de la loi naturelle appliques a la conduite et aux affaires des nations et des souverains. T. 1. Paris: J.-P. Aillaud, 1835. P. 140-141.

[357] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 38об.; Бумаги, касающиеся предположения… С. 212.

[358] [Екатерина II].Записки императрицы Екатерины II. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1907. С. 645.

Разумеется, речь идет не о том, что такие авторы, как Н. И. Панин, сознательно извлекали нужные цитаты из обширного правового наследия петровской эпохи, произвольно используя их в нужном ключе. Скорее, следует говорить о своеобразном «общем месте» политического дискурса эпохи, которое, задавая определенные рамки, оставляло акторам политического процесса пространство для интерпретаций.

Это, в свою очередь, означает, что, хотя взгляды отдельных политических акторов и могут считаться ориентированными на петровские ценности, подобная характеристика мало что говорит об их содержательной стороне. За обширными цитатами из петровских законов могли скрываться личные предпочтения авторов, опиравшиеся на более актуальный для них опыт эпохи «дворцовых переворотов», а также заимствования из европейской теории и практики.

Наконец, тематический круг реформаторских проектов во многом был задан и конкретной, злободневной политической ситуацией рубежа 50-60-х гг. XVIII в. – ситуацией острой политической нестабильности. Не вдаваясь глубоко в рассмотрение вопроса о положении Российской империи в последние годы правления Елизаветы Петровны, отметим лишь два очевидных кризисных явления: изматывающую войну и неопределенность в вопросе о наследнике престола. Как отмечает И. В. Курукин, «последние годы царствования императрицы принесли ей ту же проблему, что и ее отцу: конфликт со взрослым и законным наследником. <…> Появились слухи о возможном отстранении Петра Федоровича от наследства и передаче короны маленькому Павлу Петровичу, в чем подозревали клан Шуваловых»[359]. Здоровье Елизаветы Петровны ухудшалось; как вспоминала позднее Екатерина II, «болезненное состояние и частые конвульсии императрицы заставляли всех обращать взоры на будущее»[360].

Итак, концепция Совета была одной из центральных тем в политическом лексиконе российской государственной элиты рубежа 50-60-х гг. XVIII в. В проектах реформ органов верховной власти, созданных в этот период, поиск путей выхода из кризиса политической элитой империи воплотился в конкретных формулировках. В этом контексте проект Императорского совета, предложенный Н. И. Паниным в 1762 г., является лишь частью – пусть и наиболее яркой – комплекса проектов российской политической элиты, созданных в условиях политической нестабильности рубежа 50-60-х гг. XVIII в. Именно в этой ситуации у политической и интеллектуальной элиты Российской

[359] Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории... С. 372.
[360] Записки императрицы Екатерины II. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1907. С. 433.

империи появилась возможность актуализировать аккумулированный инструментарий идей и понятий. Это время стало периодом активного политического поиска, в ходе которого исследовалась взаимная зависимость «законности» и правильной организации монархом своего консультативного органа – «совета».

Разумеется, общность концептуального и идейного поля отнюдь не подразумевала единства конкретных политических стратегий носителей этих понятий и идей. Каждый представитель политической элиты так или иначе проводил в жизнь собственную стратегию их актуализации, учитывавшую реальные политические цели. Различия в этих стратегиях во многом зависели от занимаемого места, накопленного опыта, образования и интеллектуального багажа авторов проектов.

Более образованный и начитанный, к тому же прошедший школу дипломатической службы Н. И. Панин был склонен к теоретизированию. Этот аспект, как нам кажется, сыграл важную роль в оформлении проекта Императорского совета: компетентному эксперту-советнику, основным ресурсом которого была способность убеждать, был необходим слушатель, облеченный всей полнотой власти, – «самодержавный» монарх.

Концепция Императорского совета авторства Панина не была нацелена на ограничение власти монарха и не предполагала перераспределения его властных функций и полномочий в пользу какого-либо коллегиального органа. По-видимому, в этом отношении Панин находился вне республиканской интеллектуальной парадигмы, более того – имел богатый опыт изучения слабостей шведской представительной системы и был хорошо знаком с политической философией Монтескье, в которой республика представала как исчезающий тип государственного устройства. Ни о «расширении круга людей, которые имели право от лица императора выпускать законы»[361], ни о «созыве Земского собора»[362] – а значит, и о возможной преемственности по отношению к деятельности Верховного тайного совета в 1730 г.[363], ориентировавшегося на шведские республиканские образцы, – говорить применительно к панинскому проекту не приходится. Концепция Императорского совета не предусматривала ни легального ограниче-

[361] Елисеева О. И. Никита Панин – русский дипломат и государственный деятель. Радиостанция «Эхо Москвы», эфир 31 января 2010 г. Текстовый транскрипт. М.: 2010. URL: http://www.echo.msk.ru/programs/all2/651784-echo/ (дата обращения к ресурсу: 03.03.2010).

[362] Иванов О. А., Лопатин В. С., Писаренко К. А. Загадки русской истории. Восемнадцатый век. М.: Древлехранилище, 2000. С. 375-376.

[363] Медушевский А. Н. Комментарии // Конституционные проекты в России XVIII – начало XX в. М.: Институт российской истории РАН, 2000. С. 790.

ния власти монарха, ни даже возможности возникновения в Совете оппозиции. Таким образом, предложенный Паниным консультативный орган должен был не ограничивать, а напротив, усиливать власть монарха, тогда как в предшествующие годы влияние коллегиальных органов и фаворитов ограничивало ее.

Однако, говоря о том, что реальной целью Панина в проекте Императорского совета было усиление личного контроля монарха за государственными делами, следует также помнить и о том, что проект подразумевал определенные элементы «сдерживания» самодержавной власти. Впрочем, эти элементы были связаны не с концепцией Совета, а с принципиальным изменением положения Сената, «фундаментальными законами», а главное – с пониманием Н. И. Паниным самого феномена монархии.

ЧАСТЬ III. ЛЕКСИКОН. «ДВОЙНОЙ ЯЗЫК» ПРЕДСТАВЛЕНИЙ Н. И. ПАНИНА О ВЛАСТИ

ГЛАВА VIII. ЛЕКСИКОН ГОСПОДСТВА. «САМОДЕРЖАВСТВО», СУВЕРЕНИТЕТ, ГОСУДАРЬ

Среди концептов, использовавшихся Н. И. Паниным для содержательной характеристики власти монарха, важнейшим является концепт «самодержавие» («самовластие»). Сфера применения этого понятия довольно-таки широка – приведем несколько примеров из текстов, созданных лично Паниным или при его непосредственном участии в рамках официального дискурса, однако не относящихся к очерченному в первой части этой книги кругу реформаторских проектов.

В обширном докладе («мнении») на тему «Положение настоящее дел Английских и воображаемое Бурбонских домов возвышение, долженствуют обращать внимание наше на все события, от того последовать могущия», который был подготовлен Коллегией иностранных дел под руководством Панина для Екатерины II в 1779 г., говорилось о том, что «Американские селения»[364] превратились «собственною виною Правительства Британскаго в область независимую и самовластную (курсив наш – К. Б.)»[365]. Вне всякого сомнения, в этой хрестоматийной формулировке определение «самовластная» служит точным эквивалентом слову «суверенная».

Не менее показательными являются и характеристики шведской политической системы, которые содержатся в дипломатической переписке Панина. Например, в письме из Стокгольма от 7 февраля 1749 г. Панин, бывший тогда еще российским послом («министром») при шведском дворе, сообщал о переданной им шведским сановникам декларации о «недопущении от злой партии вознамереннаго введения самодержавства»[366]. Характеризуя как «иллюзию» традиционные претензии французской дипломатии на то, чтобы «сохранять вольность шведского народа, а для лучшего сохранения оной – содержать правительство в силе и почтении, дабы оное королю равновесить могло»,

[364] «Селения» в данном случае – точный эквивалент слова «колонии» (colonies).

[365] Мнение Н. И. Панина, вице-канцлера Остермана и всех членов Секретной экспедиции Коллегии иностранных дел о направлении внешней политики России, с характеристикой внешнеполитических отношений Англии к державам Северного союза. Копия // РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 1. Д. 131. Л. 4.

[366] Реляции и письма Н. И. Панина о Швеции и русско-шведских отношениях. Копии XIX в. 12 января 1749 – 23 февраля 1749 гг. // РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 1. Д. 110. Л. 38-39.

Панин писал российскому послу в Копенгагене И. А. Корфу: «Напротив того ясно доказать можно, что Франция, находя интерес свой в том, чтоб Швецию для поспешествования своих видов и предприятий содержать всегда в движении или по крайней мере в беспрестанной к оным готовности, не может потому натурально и помышлять пещись инако как только, чтоб завести там прямое и полное самовластие (курсив наш – К. Б.) в персоне ли короля или же способом правительства ею составленного, дабы, пользуясь оным, заводить Швецию во все свои дела и действовать ею по своим намерениям»[367].

Между тем, государственные интересы России требуют, по мнению Панина, «чтоб ни король, ни правительство, ниже какой другой чин не мог таким инструментом употребляем быть, но чтоб все чины, пользуясь определенными им в законах правами и преимуществами, прямо в состоянии были один другому равновесить и тем всякие покушения одного или другого к повреждению конституции предупреждать и уничтожать»[368]. По мнению Панина, «чины государственные» должны дать «точнейшее объяснение параграфу той формы о раздаче в кабинете чинов и должностей и тем постановят пределы прихотливому сенатскому исключению большим числом голосов тех людей, которых король иногда вне доклада и с равными достоинствами назначает»[369].

В рескрипте послу в Лондоне А. Л. Гроссу Панин связывал прочность «французской инфлуэнции» в Стокгольме, доставляющей такое «самовластие правительству или сенату, из французских креатур составленному», с «утеснением отчасти, а отчасти и совершенным похищением разных прав и преимуществ, кои его величеству королю неоспоримо формою правительства определены». Руководитель российской внешней политики считал необходимым возвращение королю этих прав, «дабы он тем больше властолюбию сената равновесить и предприятия его, французским духом оживотворяемые, препятствовать мог»[370]. В письме российскому послу в Стокгольме И. А. Остерману от 16 мая 1765 г. Панин говорил о «нашем попечении о их (шведов – К. Б.) конституции»[371].

---

367 Рескрипт № 19 полномочному министру Гроссу в Лондон (11 ноября 1764 г.) // СИРИО. Т. 57. М.: Универс. типография, 1887. С. 91.

368 Рескрипт № 19 барону Корфу в Копенгаген (28 ноября 1764 г.) // СИРИО. Т. 57. М.: Универс. типография, 1887. С. 118.

369 Письмо Н. И. Панина к барону Корфу (A S.-Petersbourg, le 20 Octobre 1765) // СИРИО. Т. 57. М.: Универс. типография, 1887. С. 428.

370 Рескрипт № 19 полномочному министру Гроссу в Лондон (11 ноября 1764 г.) // СИРИО. Т. 57. М.: Универс. типография, 1887. С. 91.

371 Концепт рескрипта № 6 графу Остерману в Стокгольм (14 марта 1765 г.) // СИРИО. Т. 57. М.: Универс. типография, 1887. С. 210.

В письме российским дипломатам в Константинополе от 12 мая 1765 г. руководитель Коллегии иностранных дел писал: «Что же до вымышленного приватного союза у нас с новым королем польским касается, то оное весьма легко опровержено быть может, потому что оный король не самовластный есть, а подвержен узаконениям и правилам ему от республики предписанным, которые свято наблюдать он во всей их силе присягою обязался; следственно с ним ни в какие приватные обязательства вступать никоторой державе нималой пользы нет, не будучи оный король в состоянии по тем обязательствам собою что либо без республики исполнить»[372]. А уже 7 августа 1765 г. в составленном по-французски письме к Сольмсу Панин писал, что в случае отмены liberum veto «le nouveau roi de Pologne se serait rendu souverain» («новый король польский стал бы монархом», как не совсем точно гласит сделанный тогда же официальный перевод)[373].

Аналогичным образом понятие «самодержавие» или «самовластие» использовалось Паниным и в отношении Швеции. В ноябре 1764 г. Панин напоминал Остерману, что «мы постоянным и ненарушимым интересом поставляем в Швеции непоколебимое соблюдение узаконенного в 1720 году вольного образа правления и сопротивление введению самодержавства»[374]. А в октябре 1765 г. Панин писал (теперь уже по-немецки) послу в Копенгагене Корфу: «…Als ob durch Verstarkung unserer Partei in Schweden, die Konigin zu Ausfuhrung ihrer Absichten in Betracht der Souverainitat, nur noch mehr verleitet wurde» (русский перевод того же времени: «Вследствие усиления нашей партии в Швеции королева нашла бы еще более соблазна к исполнению своих намерений касательно суверенитета»)[375].

Что же именно имел в виду Панин, говоря о «самодержавии», «самовластии»? Сам термин далеко не так однозначен, как это может показаться на первый взгляд. По мнению И. де Мадариаги, «существуют две стороны концепта "самодержавие": во-первых, он применим к отношениям между коронованными особами либо государствами; во-вторых, он применим к отношениям между правителем и его под-

[372] Рескрипт № 10 Обрескову и Левашову в Константинополь (Санкт-Петербург, 12 мая 1765 г.) // СИРИО. Т. 57. М.: Универс. типография, 1887. С. 256.
[373] Копия с письма Панина к Сольмсу (7 августа 1765 г.) // СИРИО. Т. 57. М.: Универс. типография, 1887. С. 312.
[374] Рескрипт № 26 графу Остерману в Стокгольм (29 ноября 1764 г.) // СИРИО. Т. 57. М.: Универс. типография, 1887. С. 127.
[375] Депеша Н.И. Панина бар. Корфу в Копенгаген (3 октября 1765 г.) // СИРИО. Т. 57. М.: Универс. типография, 1887. С. 377.

данными»[376]. Оригинальное происхождение терминов «царь» (лат. Caesar) и «самодержец» (греч. «autocrator») было забыто, оба слова были наделены новыми значениями. Таким образом, «к концу XVI в. термин “самодержец” употреблялся в русском языке для выражения не только независимости от иностранного властелина (будь то татарский хан, византийский василевс или западный император), но и концепт внутреннего суверенитета, как он был выражен, скажем, Жаном Боденом: независимый правитель, обладающий единственной властью во внутреннем управлении, неограниченный людьми или институциями, ответственный за свои действия только перед Богом, и единственный кроме Бога источник законов для своих подданных»[377]. Само же слово «суверен» («сув(е)рейн», «сувран(н)») или «суверенный», как считают специалисты по исторической лексикологии, имело точное соответствие в русском «самодержавный»[378]. Это соответствие зафиксировали, например, «Московские ведомости» 1719 г.: «Он есть суверейн, или самодержавный, яко Герцог Шлезвицкий»[379].

В целом же слово «самодержавие», по мнению Мадариаги, «использовалось в XVIII в. для выражения гораздо большего числа политических понятий, чем сегодня. Оно далеко ушло от первоначального обозначения независимости от высшего властелина, и акцент теперь делался на верховном авторитете правителя во внутренних делах… “Самодержавие” переводилось как “суверенитет”, “монархия”, “абсолютная монархия”, “неограниченная монархия”. Больше того, все эти понятия осмыслялись в контексте форм правления, существовавших тогда в Европе»[380].

---

[376] Madariaga, I. de. Autocracy and Sovereignty // Canadian-American Slavic Studies. Fall-Winter, 1982. Vol. 16. № 3-4. P. 372.

[377] Ibid. P. 374.

[378] Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972. С. 131.

[379] Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки исторической лексикологии русского языка XVIII в. С. 132.

[380] Madariaga, I. de. Autocracy and Sovereignty… P. 383. В дополнение к содержательному анализу словарных значений, проведенному И. де Мадариагой, отметим: составивший в XIX в. словарь древнерусского языка И. И. Срезневский определял «самодержство» уже просто как «государство». Советский словарь древнерусского языка предлагал такие соответствия: «самодержавец», «самодержец» или «самодержатель» – «полновластный государь», «самодержавие» – «неограниченная власть монарха», а «самодержавство» – «монархическое правление». Немаловажно, однако, что речь идет и о «суверенной личности», а слова «самодержие» и «самодерживый» даны как эквиваленты слов «независимость» и «независимый» (Словарь русского языка XI-XVII вв. (вып. 23). М.: Наука, 1996. С. 37-38). Наконец, «Толковый словарь русского языка конца XX в.» фиксирует единственное сохранившееся в современном языке значение слова «самодержавие», однозначно трактуя его как «неограниченную государственную власть» (Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. СПб.: ФОЛИО-пресс, 1998. С. 559).

Е. Н. Рощин, также изучавший вопрос о функционировании понятия «суверенитет» в российской интеллектуальной среде, отмечает: «Западный термин “суверенитет”, хотя со временем и стал выражаться преимущественно с помощью понятия “верховная власть”, сформировавшегося в достаточно случайных обстоятельствах, все же не исчерпывался им. Его смысловое содержание было в различной степени и в специфичных контекстах распределено между “верховностью”, “государем” и в отдельных контекстах “самодержавием”. Таким образом, эти понятия вплоть до конца XIX в. подчеркивают высшую по сравнению с другими властями государеву власть, отношения собственности носителя власти к верховной власти в государстве и отношение ее к территории во внешних взаимодействиях»[381].

Обратимся к конкретно-историческим примерам. Можно с уверенностью сказать: в начале XVIII в. «Правда воли монаршей во определении наследника державы своей»[382] Феофана Прокоповича зафиксировала трансформацию традиционного понимания концепта «самодержавие», превратившегося в эквивалент традиционного для европейской традиции понятия «монархия». По-видимому, в концептуальном отношении для Прокоповича эквивалентом понятия «суверенитет» было понятие «верховная власть» («souverain» во французском языке буквально и означает «наивысший»[383]).

С учетом этого вряд ли можно согласиться с А. Б. Зайченко, полагавшем, что, «рассуждая о самодержавии, Прокопович по сути дела говорит о суверенитете»[384]. На деле Феофан – видимо, следуя той же

---

[381] Рощин Е. Н. Суверенитет: особенности формирования понятия в России // Суверенитет. Трансформация понятий и практик. М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 74-75.

[382] Правда воли монаршей // ПСЗ. Т. 7. [СПб.]: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 620-643.

[383] «Слово суверен обычно выводят из средневекового латинского прилагательного superanus (возвышающийся), семантико-этимологическая предыстория которого весьма интересна. Исходный корень super представляет собой парно-зеркальную версию ориентации верх/низ. Видимо, архетипически один и тот же корень отражал ориентацию либо вверх, либо вниз в зависимости от контекста. Постепенно размежевание смыслов в латыни создало пару super/sub (над/под). Непосредственно же слово superanus произошло от причастия настоящего времени superuns – возвышающийся, одерживающий верх (глагол superare – подниматься, превосходить)... Латинское прилагательное superanus дает французское souverain, которое в свою очередь субстантивируется и получает собственно политическое значение – верховный правитель. Одновременно старо-французское sovrainetez (возвышенность, например, высота горы – sovrainetez des monz) трансформируется в souverainete, также обретая политическое значение – качества верховного правителя» (Ильин М. В. Суверенитет: развитие понятийной категории // М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 28).

[384] Зайченко А. Б. Феофан Прокопович: Из истории русской политической и правовой мысли XVIII в. // Правоведение. 1977. № 2. С. 66-73.

логике, что и автор знаменитой «Политики» Ю. Крижанич за полвека до него – уравнивал понятия «самодержавие» и «монархия», заимствуя аристотелевскую классификацию форм правления. В действительности, «суверенная власть» в тексте Феофана – это «верховная власть», качественная характеристика «самодержавной власти», выражаемая «титлой Маестет».

Но одновременно в целом ряде официальных документов понятие «самодержавство» получило значение не формы правления, а характеристики власти императора. Так, в «Артикуле воинском», который вошел в состав «Воинского устава» 1716 г., было зафиксировано: «Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен, но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять»[385]. Исключительно важно, что – как обращали внимание Х. Йерне, М. Шефтель, а вслед за ними и О. А. Омельченко[386] – формулировка «Воинского устава» является калькой с постановления шведского риксдага 1693 г. С помощью сочетания «самовластный монарх» на русский язык было переведено понятие «суверенный король» (Konung Souverana): «Sveriges Konung är en Envälds allom bjudande Souverana Konung den ingen pa lorden är for des Actioner responsabel, utan har Macht och Wäld efter sit behag och someen Christelig Konung at styra och regurn sitt Rijke»[387]. В оригинальной версии «Устава», написанной по-немецки, можно увидеть формулировку «ein souverainer Monarch»[388], эквивалентом которой выступила в русской версии формулировка «самовластный монарх» (при этом в остальных случаях титул «самодержец» передается на русский точной калькой «Selbsthalter»).

В «Духовном регламенте» («Регламент, или Устав Духовной Коллегии») 1721 г. было зафиксировано, что «Монархов (так! – К. Б.) власть есть Самодержавная, которым повиноватися Сам Бог за совесть повелевает; паче советников своих имеют не токмо ради лучшаго истины взыскания, но дабы и не клеветали непокоривые человецы, что се, или оно силою паче и по прихотям своим, нежели судом и истиною запо-

---

385 Устав воинский // ПСЗ. Т. 5. [СПб.]: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. № 3006.

386 Szeftel M. The Title of the Muscovite Monarch // Canadian-American Slavic Studies. Spring-Summer 1979. Vol. 13. № 1-2. P. 106.

387 Цит. по: Омельченко О. А. Государственно-правовая система России XVIII века и политическая культура Европы: Итоги исторического взаимодействия. // Вестник МГИУ. Серия «Гуманитарные науки». № 2. М.: МГИУ, 2002.

388 Устав воинский // ПСЗ. Т. 5. [СПб.]: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. № 3006. С. 325.

ведует Монарх». Эта формулировка, описывающая роль советников в монархическом государстве (как мы уже отмечали выше, именно к этой формулировке обратился в поисках аргументов в пользу создания Императорского совета Н. И. Панин), позволяла автору «Регламента» обосновать превосходство коллегиального управления церковью над единоличным. Кроме того, в «Духовном регламенте» четко разделены «самодержавная» и духовная власть: «От соборнаго правления не опасатися отечеству мятежей и смущения, яковые происходят от единаго собственнаго правителя духовнаго. Ибо простой народ не ведает, како разнствует власть духовная от Самодержавной; но великою Высочайшаго Пастыря честию и славою удивляемый, помышляет, что таковый правитель есть то вторый Государь Самодержцу равносильный, или и больши его, и что духовный чин есть другое и лучшее Государство»[389].

Эти примеры позволяют говорить как минимум о двух вариантах понимания концепта «самодержавие» («самовластие»), характерных для петровской эпохи. Одно и то же понятие могло использоваться как для обозначения формы правления, в которой власть сконцентрирована в руках одного человека (эквивалент заимствованного из европейской политической философии понятия «монархия» или «единоличное правление», «единоначалие»), так и для обозначения характера власти, принадлежащей монарху (эквивалент понятия «суверенитет»).

Разумеется, категории политического лексикона петровского времени еще не были четко определены и отделены друг от друга. Например, А. А. Матвеев, дипломат Петра I в Париже, характеризовал Францию Людовика XIV так: «Сие есть государство самовласное, весьма ни до кого иного надлежащее государствовать до монархическаго правления и законоположения самого короля, и до его произволения во жизни и смерти над его поддаными. Но хотя то королевство деспотическое, или самовладечествующее (курсив наш – К. Б.), однако тем самовластием произвольным николи же что делается разве по содержанию законов и права, которыя сам король, и его совет, и парламент… нерушимо к свободе содержит всего народу»[390].

По нашему мнению, для реконструкции значений понятия «самодержавие» важен не столько поиск соответствующих словарных определений, сколько определение места понятия в контексте политических стратегий тех или иных акторов (большинство из них, свободно владея несколькими европейскими языками, вполне могло

[389] Устав воинский… С. 317.

[390] [Матвеев А.] Русский дипломат во Франции. (Записки Андрея Матвеева). Л.: Наука, 1972. С. 191.

миновать словарные нормы). Активная рецепция богатых традиций европейской политической философии, а также ситуация внутриполитической нестабильности, во многом связанная с революционными изменениями, которые Петр I внес в порядок престолонаследия, создали благотворную почву для формирования многообразия подобных стратегий. Основополагающие политические тексты петровского времени, дававшие характеристики императорской власти, сохраняли практическую значимость на протяжении всего XVIII века.

В этой связи принципиально важны особенности политического лексикона актов Верховного тайного совета в 1730 г., на которые обращает внимание А. Б. Плотников. Утвердив 18 февраля 1730 г. текст новой присяги, верховники убрали из текста характеристику Анны Иоанновны как «самодержицы»: «В основу общегосударственных присяг Екатерине I и Петру II был положен текст введенной Петром I "типовой" чиновничьей присяги, включенной в Генеральный регламент 1720 г. Приносилась она исключительно самодержцу. В присяге же 1730 г. термин "самодержавие" в какой бы то ни было форме отсутствовал, Анна Иоанновна именовалась лишь "великой государыней императрицей", а присягающий обещал быть "верным, добрым рабом и подданным" не только ей, но и "государству"»[391].

Непосредственным источником для верховников послужила «Форма присяги, по которой присягали на верность службы Кабинет-Министры и Сенаторы», утвержденная Верховным тайным советом в феврале 1726 г. В этом тексте речь шла о «верности моей Государыне Всемилостивейшей Императрице и всему государству», а понятие «самодержавие» отсутствовало. В свою очередь, текст сенаторской присяги 1726 г. основывался на старой сенаторской присяге 1711 г., в которой термин «самодержавие» еще не употреблялся[392].

Эта стратегия использования понятия «самодержавие», интересная сама по себе, обретает свое значение в контексте влияния на деятельность Верховного тайного совета политической практики шведской «Эры Свобод», на которое вслед за шведским историком начала XX в. Х. Йерне обращают внимание С. А. Седов[393] и С. В. Польской[394]. Со-

[391] Плотников А. Б. Акты ограничения самодержавной власти и политические проекты в России в 1730 году (итоги источниковедческого изучения) // Отечественная история. 2008. № 6. С. 126.

[392] Там же. С. 127.

[393] Седов С. А. Попытка государственного переворота 1730 года в России // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 52-53.

[394] Польской С. В. «Шведский образец» и попытка ограничения самодержавия в России в 1730 году // Проблемы национальной идентификации, культурные и политические связи России со странами Балтийского региона в XVIII-XX веках. Самара: Парус, 2001. С. 174-178.

глашаясь с аргументацией этих авторов, добавим исключительно важную, по нашему мнению, деталь: отказ верховников от использования слова «самодержавие» мог означать, что Верховный тайный совет на концептуальном уровне копировал действия шведских коллективных органов власти. В шведских «Актах о форме правления» 1719-1720 гг.[395] абсолютистское правление Карла XII характеризовалось как «неограниченное королевское единовластие (oinskränkte konungslige enväldet) или так называемый суверенитет»[396]. После ликвидации этого «королевского единовластия» риксдаг «избегал называть себя суверенным: предпочтительным выражением было “maktagande och lagbundna” – “полномочный в пределах закона”»[397].

Если поражение верховников одновременно положило конец интересному концептуальному эксперименту – исключению понятия «самодержавие» из официального политического лексикона, – то восходящая к «Правде воли монаршей» Феофана Прокоповича традиция использования слова «самодержавие» в качестве эквивалента заимствованного из европейской политической литературы концепта «монархия» сохраняла популярность и во второй половине XVIII века.

Ярким примером может служить содержащийся в 5-м явлении драмы А. П. Сумарокова «Димитрий Самозванец» (1777 г.) диалог между протагонистом Георгием и узурпатором Димитрием[398]. В ответ на утверждение Георгия: «Способствует трудам усердье и закон» – Димитрий вопрошает: «Самодержавию к чему потребен он?». Узурпатор заявляет: «Не для народов – я, народы – для меня», «у вас имения и

---

[395] Укажем вслед за С. В. Польским на тот факт, что основополагающие конституционные акты Швеции были вполне доступны российскому читателю, наделенному достаточной властью, чтобы затребовать документы из правительственных архивов. Действительно: как отмечает Г. А. Некрасов, в архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) хранится подборка шведских документов, которые присылали российские дипломаты в Стокгольме первой половины XVIII в.: «Тут имеются “форма правления” Фредрика I 1720 г., шведские правительственные указы 1721-1723 гг. и документы сессии риксдага 1723 г., инструкция военной коллегии 1723 г. и другие» (Некрасов Г. А. Учреждение коллегий в России и шведское законодательство // Общество и государство феодальной России. М.: Наука, 1975. С. 334).

[396] Regeringsformen 1719. K. M:ts allernådigst konfirmerade regeringsform daterad Stockholm den 21 febr. 1719. Stockholm: SNS, 2005. URL: http://www.sns.se/zino.aspx?articleID=833 (дата обращения: 03.03.2010); Regeringsformen 1720. Kongl. Maj:ts och Riksens Ständers fastställda regeringsform daterad Stockholm den 2 maj 1720. Stockholm: SNS, 2005. URL: http://www.sns.se/zino.aspx?articleID=834 (дата обращения: 03.03.2010). См. также Приложение 2.

[397] Roberts M. The Age of Liberty. Sweden 1719-1772. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 67.

[398] Сумароков А. П. Димитрий Самозванец // А. П. Сумароков. Сочинения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 451.

собственности нет... Все Божье и мое», «богат быть должен царь, а государство бедно», «а мучить весь народ единый может царь». Наконец, Димитрий говорит:

«Узаконения монарши – царска воля».

На это Георгий отвечает:

«Самодержавие – России лучша доля.
Мне думается, где самодержавства нет,
Что любочестие, теснимо, там падет;
Вельможи гордостью на подчиненных дуют,
А подчиненные на гордых негодуют.
Не сын отечества – отечества злодей,
На троне ищущий из подданных судей.
Правленья таковы совсем России новы,
Коль нет монарха в ней, власть – тяжкие оковы.
Несчастна та страна, где множество вельмож:
Молчит там истина, владычествует ложь.
Благополучна нам монаршеска держава,
Когда не бременна народу царска слава.
И если властвовать ты будешь так Москвой,
Благословен твой трон и век России твой».

В данном случае Сумароков касается всех трех форм правления аристотелевской классификации; недвусмысленно отвергая республику, он ведет речь именно о монархии, причем в тексте можно обнаружить отсылку к трактату Монтескье «О духе законов» – на это указывают ремарка о «любочестии», которое французский мыслитель считал «основанием» монархии и которое – на взгляд мыслителя российского – должно «пасть» в аристократической республике. Адресуя предостережение деспотам, Сумароков вместе с тем использует понятие «самодержавие» как эквивалент понятия «монархия». Логично предположить, что в концепцию монархии («самодержавия») Сумароков включает и право собственности, и свободу – все, что можно определить «от противного» высказываниям тирана Димитрия.

Екатерина II использовала понятие «самодержавие» в «Собственноручном наставлении» князю А. А. Вяземскому при его вступлении в должность генерал-прокурора в 1764 г. Императрица замечала: «Сенат же, вышед единожды из своих границ, и ныне с трудом привыкает к порядку, в котором ему быть надлежит. Может быть, что и для любочестия иным членам прежние примеры прелестны, однакож покамест я жива, то останемся как долг велит». За этим следовала следующая характеристика: «Российская империя есть столь обширна, что кроме

самодержавного государя (курсив наш – К. Б.) всякая другая форма правления вредна ей, ибо все прочее медлительнее в исполнениях и многое множество страстей разных в себе имеет, которыя все к раздроблению власти и силы влекут, нежели одного государя, имеющего все способы к пресечению всякого вреда и почитая общее добро своим собственным, а другие все, по слову Евангельскому, наемники есть»[399].

Примерно те же идеи, выраженные примерно теми же лексическими средствами, можно видеть и в составленном в 1767 г. «Наказе»: «Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть, не может действовать сходно со пространством столь великого государства», а «пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит», чтобы «скорость в решении дел, из дальних стран присылаемых, награждала медление, отдаленностию мест причиняемое».

Исходя из того, что в «Наказе» Екатерина не оперирует понятием «деспотия», предпочитая использовать понятия «тирания» или «мучительство», исследователь В. Е. Вальденберг предположил, что императрица отказывалась считать российскую форму правления деспотической. По мнению исследователя, подобная замена понятий означает, что в тексте «Наказа» «монарх суверенен или (в русском переводе) самодержавен в том смысле, что весь суверенитет власти сосредотачивается безраздельно в его лице»[400]. Довольно отчетливо это видно в пункте 625 «Наказа»: «Богатства Государевы суть или просто владельческие, поелику некоторые известные земли или вещи ему как частному некоему помещику и господину принадлежат; или как богатства Самодержца, владычествующего по сему Богом данному званию над всем тем, что общенародную казну составляет»[401].

С другой стороны, составляя оригинальный текст «Наказа» на французском языке, императрица в одном из мест заменила словом «souverainete» фигурировавшее в оригинальном тексте «О духе законов» Монтескье слово «despotique», что не укрылось от такого скрупулезного критика, как князь М. М. Щербатов. В «Замечаниях на Большой Наказ» Щербатов четко различил понятия «самодержавие» и «монархия», соотнеся первое с понятием «деспотизм»; по мне-

[399] Собственноручное наставление Екатерины II князю Вяземскому при вступлении им в должность генерал-прокурора // СИРИО. Т. 7. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1871. С. 347.

[400] Вальденберг В. Е. Екатерина II и Монтескье в их политических воззрениях // Вопросы философии. 2006. № 1. С. 262.

[401] Наказ Ея Императорскаго Величества императрицы Екатерины Вторыя… С. 388.

нию Щербатова, Монтескье считает «честь» движущим принципом, присущим «монаршическому, а не самодержавному правлению»[402]. Впрочем, в русском тексте «Наказа» слово «самодержавный» в ряде случаев было использовано и для перевода слова «monarchie», что следовало в русле традиции, идущей от «Правды воли монаршей».

Не менее важно, что развитие оппозиционных монархии интеллектуально-политических течений было тесно связано с оформлением нового понимания концепта «самодержавие». Во второй половине XVIII в. понятие «самодержавие» начинает использоваться республикански настроенными авторами в негативном контексте, отсылающем к западноевропейскому концепту «деспотизм».

Примечательной датой здесь является 1773 г. Именно в этом году, переводя на русский язык книгу Габриэля де Мабли «Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастия греков» (1749), двадцатичетырехлетний А. Н. Радищев в одном из примечаний определил «самодержавство» как «наипротивнейшее человеческому естеству состояние», фактически – как эквивалент понятия «деспотизм»[403].

Во французском оригинале речь шла о различиях между монархией и деспотией: «Et quand les monarchies ne sont pas encore dégénérés en ce despotisme qui ôte à l'âme tous ses ressorts, le citoyen conserve le sentiment de la vertu et du courage, et le prince se crée, lorsqu'il le veut, une nation nouvelle»[404]. Эту фразу Радищев перевел так: «…А как Монархии не перешли еще в самодержавство (курсив наш – К. Б.), отъемлющее у души все ее пружины, то гражданин соблюдал чувствование добродетели и мужества, а государь созидал, если хотел, народ совсем новый»[405].

---

[402] Щербатов М. М. Замечания на Большой Наказ императрицы Екатерины II // М. М. Щербатов. Неизданные сочинения. М.: Соцэкгиз, 1935. С. 24.

[403] Радищев А. Н. Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастия греков. Сочинение г. аббата де Мабли // А.Н. Радищев. Полное собрание сочинений. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 282.

[404] Цит. по: Гуковский Г. А. Примечания. «Размышления о греческой истории» Мабли // А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 412.

[405] Радищев А. Н. Размышления о греческой истории… С. 282. Г. А. Гуковский указывал на то, что «перевод этот меняет смысловой оттенок текста Мабли, у которого замечание о монархии, еще не переродившейся в деспотию, имеет генерализующее значение, дано как всеобщее политическое правило (и дано потому в настоящем времени); у Радищева же это замечание имеет исторический характер и говорит только о судьбе данной древней монархии (Македонии); характер общего суждения имеют в переводе Радищева лишь несколько слов, определяющих "самодержавство" (деспотию, despotisme) – "отъемлющее у души все ее пружины"; к этому именно месту текста Радищев дал свое примечание о самодержавстве, резко осуждающее его» (Гуковский Г. А. Примечания. «Размышления о греческой истории» Мабли... С. 412).

Именно к этой фразе Радищевым и было сделано знаменитое примечание: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние. Мы не токмо не можем дать над собою неограниченной власти; но ниже закон, извет общия воли, не имеет другаго права наказывать преступников опричь права собственныя сохранности. Если мы живем под властию законов, то сие не для того, что мы оное делать долженствуем неотменно; но для того, что мы находим в оном выгоды. Если мы уделяем закону часть наших прав и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была в нашу пользу; о сем мы делаем с обществом безмолвный договор. Если он нарушен, то и мы освобождаемся от нашея обязанности. Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками. Государь есть первый гражданин народнаго общества»[406].

Сходным образом примерно в те же годы актуализировал понятие «самодержавие» и М. М. Щербатов[407]. Говоря о событиях 1730 г. в памфлете «О повреждении нравов в России», он замечал: «Императрица Анна Иоанновна, не яко самодержавная, но яко подчиненная некием установлениям была коронована». Получив известия о «умысле возвратить ей самодержавство», она надорвала «Кондиции» и «самодержавною учинилась»[408]. А в замечаниях на «Наказ» Екатерины II Щербатов использовал понятие «самодержавие» уже как точный эквивалент понятию «деспотизм».

Таким образом, и склонявшийся к аристократическому республиканизму Щербатов, и находившийся под влиянием Руссо и Мабли поклонник Американской революции Радищев противопоставляли «самодержавство» («деспотизм») и «вольность». Между тем, с одинаковой страстью защищавшие крепостное право Сумароков[409] и тот же Щербатов интерпретировали «самодержавие» как разные формы правления – монархическую в первом случае, деспотическую – во втором... Стратегии актуализации понятия «самодержавие», сближавшей его с концептом «деспотизм», было уготовано обширное политическое будущее в XIX-XX вв.

---

[406] Радищев А. Н. Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастия греков. Сочинение г. аббата де Мабли // А.Н. Радищев. Полное собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 282.

[407] Щербатов М. М. Замечания на Большой Наказ императрицы Екатерины II // М. М. Щербатов. Неизданные сочинения. М.: Соцэкгиз, 1935. С. 16-63.

[408] Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. М.: Наука, 1983. С. 46.

[409] См.: Стенник Ю. В. А. П. Сумароков – критик «Наказа» Екатерины II // XVIII век. Сборник 24. СПб.: Наука, 2006. С. 125-143.

С учетом приведенных выше характеристик, данных Паниным шведской «самодержавной власти», декларированное им в проекте 1762 г. сохранение «власти законодания и самодержавной» за монархом приобретает новое значение. Таким образом, определение власти монарха как «самодержавной», настойчиво повторявшееся в текстах реформаторских проектов Панина, было не риторическим штампом, но инструментально ориентированным концептом, сближавшимся по смыслу с европейским концептом суверенитета, разрабатывавшимся крупнейшими мыслителями – от Бодена и Гоббса до Руссо и Канта.

Можно сделать вывод о том, что – по крайней мере в пространстве того политического дискурса, в котором создавались тексты Панина, – говорить о какой-либо критике Паниным «самодержавия» неправомочно. Реформаторские проекты Панина сохраняли за монархом «самодержавную власть», для описания которой в «Рассуждении о непременных государственных законах» использовались сравнения с властью Бога[410]. Сама концепция секулярной суверенной власти, как она сформировалась в XVI-XVII вв., была связана преимущественно с королевским абсолютизмом. Ярким свидетельством этого стали упомянутые выше действия шведского риксдага, в концептуально-правовом отношении не присвоившем себе суверенитет, ранее принадлежавший королю (как это, несомненно, воспринимается сегодня), а упразднившем его во имя свободы.

По моему мнению, стратегия использования Паниным концепта «самодержавство»/«самовластие» была – как и в случае с «Кондициями» 1730 г. – до некоторой степени задана концептуальным аппаратом шведского конституционного акта 1720 г. с его определением «суверенитета» как «неограниченного королевского единовластия». Однако это влияние отнюдь не означало того, что Панин обращался к опыту «Эры Свобод» в позитивном смысле. Панин, хорошо знакомый с конституционными актами Швеции, в своих реформаторских проектах недвусмысленно декларировал «самодержавный», «самовластный» характер власти российского государя. Эта власть, таким образом, признавалась «суверенной» – тогда как шведская присяга государственных чиновников включала обязательство противодействовать восстановлению «суверенитета», понимаемого как «неограниченное королевское единовластие».

---

[410] См. подробнее о сакрализации монарха, которуя я бы назвал одной из магистральных линий отечественной социально-политической мысли XVIII в.: Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Б. А. Успенский. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры. В 2 т. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. С. 110-218.

Подобное признание в полной мере соответствует и критике республиканской формы правления, которой посвящен собственноручный черновой доклад Панина 1762 г., и критическим инвективам по адресу «сеймического большинства голосов» в дипломатической переписке шефа российской внешней политики. В 1730 г. Верховный тайный совет пытался, следуя шведскому образцу, упразднить «самодержавие», исключив упоминание о нем из текста присяги Анне Иоанновне; Панин в проекте манифеста о создании Совета и реформе Сената 1762 г., составленном от имени Екатерины II, характеризовал эти события так: «Самая самодержавная власть никогда не разделяемая от… императорской короны уже потрясенна была»[411].

«Неограниченная власть», однако, предполагала определенные моральные достоинства в своем носителе: ее прочность гарантируется любовью подданных. В 1760 г., составляя «Всеподданнейшее предъявление слабого понятия и мнения о воспитании его императорского высочества, государя великого князя Павла Петровича», Панин писал: «Ничто достаточнее изобразить не может в чувствительности воспитываемаго как монаршеския принципии, правила и дела ея императорскаго величества: что добрый государь не имеет и не может иметь ни истиннаго интереса, ниже истинной славы разделенными от пользы и благосостояния ему Божеским призрением подданных народов, которые устрояют ему жертвенники в сердцах своих (курсив наш – К. Б.)»[412].

Такая аргументация была хорошо известна морально-политической литературе XVIII в. Например, знаменитое восьмое письмо из «Писем старца к юному принцу» шведского сановника Карла-Густава Тессина аллегорически разъясняло кронпринцу Густаву (будущему королю Густаву III) различие между двумя видами «неограниченной власти». Аллегория была выстроена вокруг сюжета о двух животных, царствовавших над животными в своих областях: «белом медведе» из Исландии, который «стремился во что бы то ни стало внушать страх», и «деятельном, стремительном, проницательном и доброжелательном горностае» из Ямтланда. Подданные свирепого медведя частью были им перебиты, а частью разбежались, заставив его «страдать от нехватки общества, помощи и поддержки». В то же время горностай, который был «обязан своим возвышением любви и оценке зверей», насла-

---

[411] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 31; Бумаги, касающиеся предположения… С. 209.

[412] [Панин Н. И.] Всеподданнейшее предъявление слабого понятия и мнения о воспитании его императорского высочества, государя великого князя Павла Петровича. Записка графа Н. И. Панина. 1760 г. // Русская старина, 1882. Т. 35. № 11. С. 317.

ждается не только безопасностью, но и «неограниченной властью»: «Говоря кратко, его правление неограниченно, счастливо и славно, поскольку храбрость и мудрость заслуживают похвалы и оценки», а «подлинно несвязанная власть основывается на привязанности и доверии». В заключение письма Тессин выражал надежду: «Небеса да хранят моего принца от абсолютной власти, которая основана на силе, ненависти, насилии, вздохах и слезах; и наделят его той свободной, неограниченной властью над свободными людьми, которая основана в их сердцах и является результатом их доверия»[413]. Аллегорические построения Тессина вполне могли повлиять на Панина, который использовал немецкий перевод «Писем» в обучении Павла Петровича немецкому языку.

В «Рассуждении о непременных государственных законах», созданном в 80-е гг. XVIII в., портрет идеального монарха был обрисован Паниным более детально[414]. Метафорически определяя монарха как «душу правимого им общества», Панин развернул эту метафору в политическом пространстве: «Слаба душа, если не умеет управлять прихотливыми стремлениями тела. Несчастно тело, над коим властвует душа безрассудная, которая чувствам, своим истинным министрам, вовсе вверяется, или ни в чем не доверяет». Это противоречивое положение монарха преодолевается с помощью обязательных качеств просвещенного монарха – «правоты» и «кротости». Эти качества «суть

[413] [Tessin C.] Letters to a Young Prince from his Governor. L.: J. Reeves, 1755. P. 22-24. Английский переводчик использовал слово «unlimited» для позитивной коннотации, а для обозначения власти, основанной на «насилии», использовал прилагательное «absolute»; подобное различение показалось несущественным для немецкого переводчика, у которого горностай правит «unumschrankt und glucklich», хотя позитивной коннотацией наделяется не «unumschrankten Macht», а «uneingeschrankte Macht» ([Tessin C.] Briefe an Einen Jungen Prinzen von einem alten Manne. Leipzig: Berlegts Bernhard Christoph Breitkopf, 1756. P. 21-22. Впрочем, и Панин, и Павел были знакомы именно с немецкой версией текста.

[414] Ср. описание М. М. Щербатова, считавшего идеальным правление «Государя искренно привязанного к закону Божию, строгого наблюдателя правосудия, начавши с себя умеренного в пышности царского престола, награждающего добродетель и ненавидящего пороки, показующего пример трудолюбия и снисхождения на советы умных людей, тверда в предприятиях, но без упрямства, мягкосерда и постоянна в дружбе, показующего собой пример своим домашним согласием с своею супругою и гонящего любострастие, щедра без расточительности для своих подданных и искавшего награждать добродетели, качества и заслуги без всякого пристрастия, умеющего разделить труды; что принадлежит каким учрежденным правительствам и что Государю на себя взять, и наконец могущего иметь довольно великодушия и любви к отечеству, чтобы составить и предать основательные права Государству, и довольно тверда, чтобы их исполнять». Примечательно, что в таком случае «любовь отечества возгнездится в сердца гражданские» (Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. М.: Наука, 1983. С. 94-95).

лучи божественного света, возвещающие людям, что правящая ими власть поставлена от Бога и что достойна она благоговейного их повиновения»[415].

В отношении «правоты» отмечалось, что «самое ее никакие предубеждения, ни дружба, ни склонности, ни самое сострадание поколебать не могут». «Сильный и немощный, великий и малый, богатый и убогий, все на одной чреде стоят, – добрый государь добр для всех, и все уважения его относятся не к частным выгодам, но к общей пользе. Сострадание производится в душе его не жалобным лицом обманывающего его корыстолюбца, но истинною бедностию несчастных, которых он не видит и которых жалобы часто к нему не допускаются»[416].

Понятие «правоты» позволяло Панину вновь подчеркнуть ведущую, активную роль монарха в государственной системе: «Он (монарх – К. Б.) должен знать, что нация, жертвуя частию естественной своей вольности, вручила свое благо его попечению, его правосудию, его достоинству; что он отвечает за поведение тех, кому вручает дел правление, и что, следственно, их преступления, им терпимые, становятся его преступлениями. Тщетно государь помыслил бы оправдаться тем, что сам он пред отечеством невинен и что тем весь долг свой пред ним исполняет. Нет, невинность его есть платеж долгу, коим он сам себе должен: но государству все еще должником остается. Он повинен отвечать ему не только за дурно, которое сделал, но и за добро, которого не сделал»[417].

Кроме того, «правота» позволяет монарху «ни на один миг не забывать ни того, что он человек, ни того, что он государь». Это утверждение связывает качества образцового монарха с картиной идеального общества: «Тогда бывает он (монарх – К. Б.) достоин имени премудрого. Тогда во всех своих деяниях вмещает суд и милость. Ничто за черту свою не преступает. Кто поведением своим возмущает общую безопасность, предается всей строгости законов. Кто поведением своим бесчестит самого себя, наказывается его презрением. Кто не рачит о

---

[415] Об оригинальном развитии Паниным этого утверждения с использованием интеллектуального и концептуального инструментария республиканизма см. главу IX настоящего исследования.

[416] Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение о непременных государственных законах // Бумаги гр. Н. и П. Паниных (записки, проекты, письма к В. К. Павлу Петровичу 1784-1791 гг.). РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 11-11об.; Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах / Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений в 2 т. Т. 2. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. С. 261.

[417] Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение о непременных государственных законах... РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 11-11об.; Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах... С. 261.

должности, теряет свое место. Словом, государь, правоту наблюдающий, исправляет всечасно пороки, являя им грозное чело, и утверждает добродетель, призывая ее к почестям»[418].

Если «правота делает государя почтенным», то «кротость, сия человечеству любезная добродетель, делает его любимым». Именно «кротость» внушает монарху, что «государь есть первый служитель государства; что преимущества его распространены нациею только для того, чтоб он в состоянии был делать больше добра, нежели всякий другой; что силою публичной власти, ему вверенной, может он жаловать почести и преимущества частным людям, но что самое нацию ничем пожаловать не может, ибо она дала ему все то, что он сам имеет; что для его же собственного блага должен он уклоняться от власти делать зло и что, следственно, желать деспотичества есть не что иное, как желать найти себя в состоянии пользоваться сею пагубною властию»[419].

Означали ли все эти моралистические рекомендации какое-либо ограничение власти императора в смысле перераспределения его прерогатив в пользу коллегиальных органов? Признание личной ответственности монарха за принятие решений подразумевает отрицательный ответ.

Обратную ситуацию можно было наблюдать в Швеции «Эры Свобод». Выше мы уже отмечали, что решения в риксроде принимались большинством голосов, исключая возможность короля лично отвечать за решения. Политическая теория общественного договора, столь популярная в Европе и предполагавшая разделение прав и обязанностей между договаривающимися сторонами, не нашла применения в Швеции; отказ от контрактуализма был закреплен «Мемориалом о ложных и ошибочных идеях», выработанным секретной депутацией риксдага в 1755 г. Как отмечает современный исследователь М. Робертс, «установления 1719-1720 гг. не расценивались как договор – имплицитный или эксплицитный – между королем и нацией… Дело в том, что договор налагает взаимные обязательства, однако сословия не признавали каких бы то ни было обязательств со своей стороны»[420]. Упоминавшийся выше Тессин зафиксировал в своем «Дневнике»: «Любой, кто держится своего собственного мнения после того, как оно было отвергнуто большинством риксдага,

---

[418] Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение о непременных государственных законах… РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 12; Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах… С. 262.
[419] Там же.
[420] Roberts M. The Age of Liberty. Sweden 1719-1772... P. 64.

нарушает свой долг и действует из тщеславия»[421]. В 1787 г. Ч. Шеридан, секретарь британского посольства в Стокгольме, по горячим следам переворота Густава III издал обширную «Историю недавней революции в Швеции». По поводу места короля в политической системе «Эры Свобод» британский дипломат замечал: «На деле он сам не мог считаться сувереном, но лишь представителем величия (majesty) сословий; и представителем, ограниченным… вплоть до отсутствия свободы воли»[422].

Между тем, в проектах Панина на монарха недвусмысленно возлагалась значительная ответственность – следовательно, и власть его должна была быть обширной. В утверждении суверенитета – «самодержавства», «самовластия» – монарха Панин резко расходился с предполагаемыми шведскими образцами. В негативной коннотации Панин обычно говорит о «злоупотреблении самовластия»[423] или о «коварном от злонамеренных внушении о самодержавстве»[424]. Центральным в этих случаях является образ формально «самодержавного» монарха, на деле утратившего свое «самодержавство» и самого ставшего рабом собственного «любимца». В «Рассуждении» этот образ был воплощен с помощью удачной игры слов: «Порабощен одному или нескольким рабам своим, почему он самодержец? Разве потому, что самого держат (курсив мой – К. Б.) в кабале недостойные люди?»[425].

Именно такие представления о власти императора, могущественного и добродетельного, нашли ясное выражение в «Рассуждении о непременных государственных законах»: «Все сияние престола есть пустой блеск, когда добродетель не сидит на нем вместе с государем; но, вообразя его таковым, которого ум и сердце столько были б превосходны, чтоб никогда не удалялся он от общего блага и чтоб сему правилу подчинил он все свои намерения и деяния, кто может подумать, чтоб сею подчиненностию беспредельная власть его ограничивалась (курсив наш – К. Б.)? Нет, она есть одного свойства со властию

[421] Цит. по: Roberts M. The Age of Liberty. Sweden 1719-1772... P. 65.

[422] Sheridan Ch. A History of the Late Revolution in Sweden. Dublin: Printed by E. Mills, 1878. P. 185.

[423] Это сочетание употребляется в «Рассуждении» дважды, еще один раз Панин использует фразу «злоупотребление власти» (Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение о непременных государственных закона... РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 6об., 14, 16; Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах… С. 256, 264, 266).

[424] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 28; Бумаги, касающиеся предположения… С. 207.

[425] Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение… РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 8об.; Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах… С. 258.

существа вышнего. Бог потому и всемогущ, что не может делать ничего другого, кроме блага; а дабы сия невозможность была бесконечным знамением его совершенства, то постановил он правила вечныя истины для самого себя непреложные, по коим управляет он вселенною и коих, не престав быть Богом, сам преступить не может. Государь, подобие Бога, преемник на земле вышней его власти, не может равным образом ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, как постановя в государстве своем правила непреложные, основанные на благе общем и которых не мог бы нарушить сам, не престав быть достойным государем»[426].

Как сочетаются эта невероятная власть, которую Панин уподобливает власти Бога, и «правила непреложные»? В политической мысли Панина божественный характер власти не противоречил существованию правил. Значит, необходимо перейти к рассмотрению этих «непреложных правил» – «фундаментальных законов», позволяющих понять механику политического баланса, определявшего в интеллектуальных построениях Панина практическое применение неограниченной власти монарха.

ГЛАВА IX. ЛЕКСИКОН ЛОЯЛЬНОСТИ. «ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ЗАКОН», СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И «ХРАНИЛИЩЕ ЗАКОНОВ»

Первые же строки «Рассуждения о непременных государственных законах» сообщают, что «верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных», однако «не тот государь самовластнейший, который на недостатке государственных законов чает утвердить свое самовластие». Просвещенный монарх должен понимать, что «власть делать зло есть не совершенство», следовательно, «прямое самовластие тогда только вступает в истинное свое величество, когда само у себя отъемлет возможность к соделанию какого-либо зла»[427]. Монарх устанавливает «непреложные правила» сам, однако в то же время подобные «правила» предстают и как универсальные понятия, основанные на «здравом рассудке».

[426] Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение… РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 5-5об; Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах… С. 254-255.
[427] Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение… РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 5-5об; Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах… С. 254-255.

Подобные утверждения легко могут показаться своеобразным «общим местом» философии Просвещения – штампом умозрительных схем, далеких от реалий России XVIII в. Однако «Рассуждение» довольно точно определяет «непреложные правила» для государя: «При исследовании, в чем состоит величайшее благо государств и народов и что есть истинное намерение всех систем законодательства, найдем необходимо два главнейшие пункта, а именно… вольность и собственность[428]. Оба сии преимущества, равно как и форма, каковою публичной власти действовать, должны быть устроены сообразно с физическим положением государства и моральным свойством нации. Священные законы, определяющие сие устройство, разумеем мы под именем законов фундаментальных»[429].

Понятие «фундаментальный закон», восходящее к таким авторам XVI в., как француз Т. Беза (который одним из первых использовал его в труде «Du droit des magistrates» в 1553 г.), и стоявшее в центре обширного корпуса политической и правовой литературы XVI-XVIII вв., опиралось – по словам современного исследователя М. Томпсона – на метафоры «фундамента и здания» и «договорных (contractual) обязательств»: «Ученые обосновывали их в одном из двух стилей. Те, кто обсуждал древние законы, ссылаясь на книги законов и историю конкретных политий, использовали исторический стиль обоснования, в то время как те, кто использовал логику социальных и политических установлений, использовали рациональный стиль аргументов»[430].

При этом сочетание дискурса «фундаментальных законов» с активно разрабатывавшейся в XVII-XVIII вв. концепцией суверенитета порождало множество коллизий. Как отмечает Томпсон, пути решения этой дилеммы разнились от автора к автору – вплоть до предложенного Монтескье в трактате «О духе законов» новаторского понимания «фундаментальных законов» как соответствующих конкретной форме правления (каковых, напомню, Монтескье выделял четыре: демократию, аристократию, монархию и деспотию). Томпсон справедиво указывает на историческое сосуществование в европейской интеллектуальной традиции сразу нескольких возможных интерпретаций

[428] Как явствует из текста «Рассуждения», под «вольностью» и «собственностью» подразумеваются соответственно личная и имущественная безопасность, гарантированные на правовом уровне.

[429] Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение… РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 14об.; Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах… С. 264-265.

[430] Thompson M. The History of Fundamental Law in Political Thought from the French Wars of Religion to the American Revolution // The American Historical Review. Dec. 1986. Vol. 91. № 5. P. 1111.

концепта «фундаментальный закон». Некоторые авторы полагали, что их можно установить путем «определенных процедур», тогда как их оппоненты указывали на принципиальную невозможность какого бы то ни было innovatio и подчеркивали специфический древний характер этих законов как освященного столетиями «наследия».

К примеру, одно из определений «фундаментального закона» – из знаменитой «Энциклопедии» – гласило: «Основные законы государства, взятые во всем их объеме, – это не только постановления, по которым вся нация определяет, какой должна быть форма правления и как наследуется корона; это еще и договоры между народом и тем или теми, кому он передает верховную власть, каковые договоры устанавливают надлежащий способ правления и предписывают границы верховной власти»[431]. Таким образом, автор статьи «Энциклопедии» называет «фундаментальный закон» не только собственно «законом», но и «договором», а также добавляет, что «эти предписания называются основными законами потому, что они основа и фундамент, на которых строится здание государства», используя именно ту метафору, о которой речь шла выше.

В полемике вокруг проекта 1762 г. Панин замечал: «По неоспоримым принципам натуральнаго права никто ни от кого болше взять не может, как столько сколько ему законно дано будет, следователно, невозможно быть законным, когда преемник нарушит своего самодержавнаго предместника непоколебимо учрежденныя уставы, яко то: веру духовную, твердость и безопасность имении подданных, их разныя кондиции и состоянии, достаточно устоновля иную их форму правительства, что единственно почитается надежным ограждением престола Государева от злоключителных революцей, коих частое произшествие неизбежно, наконец, подвергает Государство бунтам, твердостию же формы правительства поставляется оное благо полисованным»[432].

[431] История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера. Л.: Наука, 1978. С. 88. Немаловажно, что автор статьи отмечал далее: «Чтобы обеспечить их (законов – К. Б.) исполнение в ограниченной монархии, вся нация может сохранить за собой законодательную власть и назначение своих магистратов, а также доверить сенату или парламенту судебную власть и право устанавливать налоги, а монарху вручить наряду с прочими прерогативами военную и исполнительную власть. Когда государство покоится на такой основе благодаря первоначальному акту ассоциации, то последний носит название основных законов государства, ибо они обеспечивают его безопасность и свободу». Впрочем, даже в «тех государствах, где верховная власть является, так сказать, абсолютной», существует особый «фундаментальный закон» – «закон общественного блага, от которого государь не может уклониться, не пренебрегая в большей или меньшей степени своим долгом».

[432] Польской С. В. Неизвестная записка Н. И. Панина и «Примечания» на проект Императорского совета... С. 175-176.

В текстах проектов Панина речь преимущественно идет об универсальных благах, рационально полагаемых нормах, которые являются «истинным намерением всех систем законодательства» и должны быть вместе с «формой правления» гарантированы подданным «фундаментальным законом». Развернутое перечисление «фундаментальных прав», которые должны были быть гарантированы «фундаментальными законами» – порядок наследования престола (с учетом гарантии господствующего греко-православного вероисповедания!), а также гражданские и имущественные права – содержалось в «Прибавлении» П. И. Панина[433].

Первый же пункт «Прибавления…» посвящен утверждению «формы государственному правлению, признанной всем разумным светом (курсив наш – К. Б.) для монаршеского владения с фундаментальными, непременными законами»[434]. Таким образом, «Прибавление…» впрямую отсылает читателя к более широкому интеллектуальному контексту, ведь ссылка на «монаршеское владение», признанное «всем светом», неизбежно предполагает наличие набора базовых знаний и представлений о монархической форме правления, который автор мог счесть достаточно распространенным, чтобы пренебречь развернутой характеристикой.

В «Прибавлении» отмечалось, что правящий дом («Монарх Российский и Высокая Их Фамилия») не должен был исповедовать «иной веры как Греко-Кафолической», «в точности настоящих церковных догматов». Изменять веру на какую-либо иную, кроме господствующей, подданным воспрещалось под страхом смертной казни, однако и в господствующую веру не следовало обращать силой – предполагалась толерантность по отношению к «верам уже утвердившимся». При этом «под наказанием за возмущение общаго покоя» запрещалось проповедовать, а также «произносить в публичных и тайных собраниях» что-либо «из одной веры против другой предосудительное и дерзновенное, а паче еще поносное и оклеветывающее»[435].

---

433 Прибавление к разсуждению, оставшемуся после смерти министра графа Панина, сочиненное генералом графом Паниным, о чем между ими разсуждалось иметь полезным для Российской империи фундаментальные права, не пременяемыя на все времена никакою властию // Бумаги гр. Н. и П. Паниных (записки, проекты, письма к В. К. Павлу Петровичу 1784-1791 гг.). РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 18. (См. также: Шумигорский Е.С. Приложение… С. 13).

434 Прибавление к разсуждению… РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 18; Шумигорский Е.С. Приложение… С. 13.

435 Прибавление к разсуждению… РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 18-19об.; Шумигорский Е.С. Приложение… С. 14.

Затем следовали пункты, регламентировавшие различные аспекты порядка наследования. Российская империя признавалась неделимой «никакою самоизвольною властью», а мужская линия получала предпочтение перед женской при наследовании престола. Далее говорилось «о прехождении наследственного права к Престолу, при пресечениях, с одного лица и с одного колена на другия», «о узаконениях лет возраста к получению наследственнаго над Империею Монаршескаго владения и формы», «о узаконении формы опекунского государственного правления при невозрастных летах или при слабости законнаго Престолу Наследника». На случай «нещастливаго пересечения наследственных к престолу колен» следовало узаконить «государственную форму» избрания нового монарха. Кроме того, все дети монарха должны были получать «капиталы» из государственных доходов на достойное содержание каждого из них (и для формирования достойного придания для дочерей), а в случае пресечения одной из линий следовало твердо установить порядок наследования этих «капиталов»[436].

Порядок престолонаследия играл особую роль в концепте «фундаментальных законов». В последних беседах с великим князем Павлом Петровичем в 1783 г. Н. И. Панин назвал «фундаментальным законом» порядок престолонаследия: «Сие все полагается уже вследствие установления и учреждения порядка наследства, без котораго ничего быть не может; которой и есть закон фундаментальной»[437] (позднее в своем «Наказе» Павел в третьем пункте зафиксирует: «Положить Закон кому имянно быть Государем»)[438].

Равным образом и П. И. Панин писал Павлу Петровичу: «Естьли бы возможно было при вступлении по власти Божией на Всероссийский Престол Наследника испросить о пожаловании Свое Отечество на первый случай хотя только семью написанными здесь статьями, то об оных сим предоставляется форма Манифесту». Далее следовал проект манифеста, утверждавшего «форму государственному правлению Монаршескую во всей ея силе и точности, принятую во всем разумном свете, с данными и утвержденными Отечеству Нашему фундаментальными от нас не пременными правами, не подверженными на все времена не только к перемене, ниже и к прикосновению никакой власти и силе».

---

[436] Прибавление к разсуждению… РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 19-20; Шумигорский Е.С. Приложение… С. 14-15.

[437] Немаловажно, что это замечание Павел вписал слева на полях (Разсуждения вечера 28 марта 1783 г. // РГАДА. Ф. 1. Д. 57. Л. 1; Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина… С. 266).

[438] Материалы к русской истории XVIII в. // Вестник Европы. Журнал историко-политических наук. Второй год. Т. I. СПб.: тип. Ф. С. Сущинского, 1867. С. 316.

Первым в числе таких прав должен был стать порядок престолонаследия, которому непосредственно и был посвящен манифест; другие же «потребные еще в фундаментальные права непременные статьи» предполагалось «сочинять без упущения времени по предположенному от Нас им основанию и порядку» и выдавать «по утверждении… по толику, по колику в сочинении их успевать будет можно»[439].

Как позволяет сказать тщательное изучение оригинального текста собственноручного чернового доклада Н. И. Панина, взгляд на порядок престолонаследия как основу устойчивого существования империи был характерен для него уже в 1762 г. Говоря о необходимости стабилизации политической ситуации в государстве, Панин замечал: «Мы слишком тритцать лет обращаемся в революциях на престоле и чем болше их сила подлых людей, тем оне смелее, безопаснее и возможнее стали». Первоначально Панин начал эту фразу со слов «мы сорок…», однако – словно бы испугавшись – сразу зачеркнул их и продолжил предложение так, как цитировано выше[440].

Что могло смутить Панина? В своем окончательном виде его замечание отсылает читателя к действиям Верховного тайного совета в 1730 г., однако первоначально здесь подразумевался указ Петра I о престолонаследии, подписанный как раз за сорок лет до вступления Екатерины II на трон. Логика правки понятна: относя начало эпохи «революций на престоле» к 1722 г., Панин бы бросил вызов легитимности Екатерины I, а вместе с тем – косвенно – и легитимности Екатерины II, ведь и она наследовала мужу, не будучи членом правящего дома. Но сохранившийся в черновой правке первый вариант свидетельствует: именно ликвидация традиционного порядка престолонаследия представлялась Панину причиной политической нестабильности в Российской империи[441]. Отвечая на замечания императрицы в 1762 г., Панин – опять-таки, не говоря напрямую о законности престолонаследия – подчеркивал: частые изменения «формы правления» привели к тому, что Россия «к своему нещастию видела не токмо почти безпрестанно престол своих Государей потрясаемым, но и на нем седящими поляков, растриг и беглецов»[442].

---

439 Шумигорский Е. С. Приложение… С. 32, 34.

440 Проект Никиты Ивановича Панина... РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 29об.; Бумаги, касающиеся предположения… С. 208.

441 Примечательно, что великолепно знавший тексты Монтескье М. М. Щербатов называл восшествие Екатерины I на трон «действием недостатка основательных законов» (Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. М.: Наука, 1983. С. 32).

442 Польской С. В. Неизвестная записка Н. И. Панина и «Примечания» на проект Императорского совета... С. 176.

Ряд пунктов «Прибавления» должен был описывать права, которыми бы наделялись различные сословия империи, однако здесь П. И. Панин ограничился краткими заглавиями без всякого содержательного описания. Сюда входят пять пунктов о правах сословий – дворянства, духовенства, купечества, мещанства и крестьянства соответственно, – не содержащие никакого описания этих прав. Столь же лаконичны пункты о «праве собственности каждому», «праве над наследственными имениями», «праве вольности к незапрещенному, но к позволенному законами», «праве и форме завещаниям», «праве на разделы всякому имению, остающемуся без завещаний». Несколько пунктов посвящены имущественным и правовым аспектам семейной жизни, а также «власти помещиков над своими подданными» и «власти господ над вольными служителями». Пункт о «личном наследственном праве» каждого из сословий сопровождался примечанием: «…держась сколько возможно ближе к окоренившимся прежде в Империи о том законам»[443].

Зададимся вопросом: было ли обращение к концепту «фундаментальный закон» новшеством для России? Речь о «фундаментальном законе» в России шла и раньше[444], причем на официальном уровне. Знаменитый Манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству, изданный в феврале 1762 г., носил именно «фундаментальный» характер: «Но как мы сие наше всемилостивейшее учреждение всему благородному дворянству, на вечные времена фундаментальным и непременным правилом (курсив наш – К. Б.) узаконяем, то в заключение сего, мы нашим императорским словом, наиторжественнейшим образом утверждаем, навсегда сие свято и ненарушимо содержать в постановленной силе и преимуществах и ниже последующие[445] по нас законные наши наследники в отмену сего в чем-либо поступить могут, ибо сохранение сего нашего узаконения будет им непоколебимым утверждением самодержавного всероссийского престола»[446]. К обсуждению этого вопроса вернулось в 1763 г.

---

[443] Прибавление к разсуждению… РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 20-20об.; Шумигорский Е.С. Приложение… С. 17.

[444] О сходных предметах, например, шла речь в знаменитых проектах кодификации законов, принадлежавших И. И. Шувалову, однако эти проекты в силу своей специфики остались за рамками компаративного аспекта нашего исследования.

[445] В опубликованном тексте явная опечатка: «нижепоследующие» написано слитно, тогда как по контексту его следовало бы напечатать раздельно, в значении «ни»: «…Ни последующие же по нас наследники…».

[446] Манифест о даровании вольности и свободы всему Российскому Дворянству. 18 февраля 1762 г. // ПСЗ. Т. 15. [СПб.]: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. № 11444. С. 914.

Императорское собрание («Собрание, в котором совет происходил о вольности дворянской»).

Можно предположить, что, напоминая в «Рассуждении о непременных государственных законах» Павлу Петровичу: «Государство его (монарха – К. Б.) ничем так скоро не может быть подвергнуто конечному разрушению, как если вдруг и не приуготовя нацию дать ей преимущества, коими наслаждаются благоучрежденные европейские народы»[447], – Панин отсылал своего адресата именно к манифесту Петра III. Этот манифест, в смысловом отношении выстроенный вокруг идеи развития в России «познания как военных, гражданских, так и политических дел», подчеркивал существование при Петре необходимости «приучить и показать, сколь есть велики преимущества просвещенных Держав в благоденствии рода человеческого против бесчисленных народов, погруженных в глубине невежеств»[448]. Следовательно, можно предположить, что процитированный выше фрагмент «Рассуждения…» не обрисовывал картину будущего, связанную, например, с отменой крепостного права, но напоминал о прошлом – о событиях 1762 г.

Итак, вопрос о законодательном подтверждении правового статуса имперских сословий, а также о гарантиях личной и имущественной безопасности не был чем-то принципиально новым для России XVIII в. Соответствующая терминология достаточно прочно вошла в политический лексикон бюрократической элиты. Однако Екатерина II так и не утвердила публично Манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству; в тупик зашла и работа Уложенной комиссии. Панин двух лет не дожил до принятия Екатериной Жалованной грамоты дворянству в 1785 г.; трудно сказать, были бы его комментарии по этому поводу столь же язвительными, как знаменитые комментарии М. М. Щербатова…

Именно поэтому важно рассмотреть предложенное Паниным институционально-политическое оформление «фундаментальных законов», тем более что «форма, каковою публичной власти действовать», также должна была определяться этими законами. Как мы отметили выше, необходимость создания консультативных органов для организации правительственной деятельности была ключевой в круге тема-

---

[447] Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение… РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 16; Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах… С. 266.

[448] Манифест о даровании вольности и свободы всему Российскому Дворянству. 18 февраля 1762 г. // ПСЗ. Т. 15. [СПб.]: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. № 11444. С. 912.

тик, затронутых в реформаторских проектах российской политической элиты рубежа 50-60-х гг. XVIII в. При анализе принадлежащего Н. И. Панину проекта создания Императорского совета и реформы Сената 1762 г. исследователи традиционно уделяют значительно больше внимания вопросу об Императорском совете[449]. Между тем, наряду с функциональной специализацией «статских секретарей» в Императорском совете, характерной чертой проекта Панина была именно концепция кардинального изменения места и роли Сената в политической системе Российской империи.

Как отмечено выше, критика Паниным управления империей и предложенная им реформа Сената не были основаны исключительно на субъективных несовершенствах в функционировании этого высшего органа власти. Панин в принципе не считал коллегиальные органы способными заниматься законотворчеством, используя для обоснования своей точки зрения традиционные доводы в пользу монархии и против республиканского способа правления, основанного на коллегиальном способе принятия решений и чреватого остановками в «течении дел в правлении государства» вместе с «нескончаемыми разсуждениями и спорами о новых законах»[450].

Сенат должен был быть разделен на шесть департаментов, причем структура этого деления не была соотнесена с компетенциями статских секретарей. Каждый из департаментов должен был включать не менее пяти сенаторов. При первом из департаментов сохранялась должность генерал-прокурора, а в остальных должны были быть созданы должности обер-прокуроров[451].

Определение функций этого реформированного Сената, приведенное в проекте соответствующего манифеста, в целом повторяет рассуждения Панина, содержащеися в его собственноручном черновом докладе 1762 г.: «Каждый департамент имеет принадлежащия ему по вышеписанному росписанию дела решить единогласно и на точном разуме законов; а решение оных почитаться должно равно как бы всем сенатом то учинено было». В случае невозможности решить то или иное дело единогласно, «должен обер-прокурор объявить генерал-прокурору, показав, в чем сенаторы не соглашаются или он сам сумнителен; тогда генерал-прокурор, взяв то дело в первый департа-

[449] Например, Д. Рансел по сути проигнорировал эту тему в своем анализе панинского проекта 1762 г.

[450] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 22об; Бумаги, касающиеся предположения… С. 203.

[451] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 42-42об.; Бумаги, касающиеся предположения… С. 214-215.

мент и созвав полное собрание всего сената, предложить к общему разсуждению, поступая в собрании голосов по его инструкции, и решить дело по большему числу голосов: при том генерал-прокурору в протестах поступать весьма осмотрительно на точном основании прокурорской инструкции, как в коллегиях положено». Наконец, Сенат должен был «иметь каждую неделю одно по последней мере генеральное собрание для всяких новых и в департаментах не трактованных еще государственных дел», причем дела эти «решения свои получать имеют по государственным уставам и в силе законов по большему числу голосов»[452].

Однако важнейшим и по-настоящему новаторским элементом, предложенным Н. И. Паниным в 1762 г., было сенатское право представления. Впрочем, в проекте манифеста это право представало как элемент петровской традиции. От лица монарха провозглашалось: «Настоящие узаконения, на которых сие государственное правительство основано, мы сим не токмо оставляем в прежней их силе, но и вящше чрез сие конфирмуем правом то, что и дед наш государь Петр Великий… ему предоставлял, то есть, иметь свободность нам представлять и на наши собственные повеления, ежели они в исполнении своем могут касаться или утеснять наши государственные законы или народа нашего благосостояние». То же самое утверждалось и в отношении «узаконений, таких же коллегиям данных в разсуждении сената»[453].

Однако в проекте Панина концепция права представления была полностью переосмыслена. Теперь это право касалось не только пробелов в действующем законодательстве, требовавших от Сената выносить решения на утверждение монарху, но и возможных случаев «утеснения» действующих законов со стороны самого монарха. И хотя такое понимание права представления Панин, по-видимому, обосновывал ссылкой на «Генеральный регламент» Петра Великого, в действительности подобных прецедентов в российской истории не было.

Глава II «Генерального регламента», озаглавленная «О преимуществе коллегий», гласила: «…Буде же сенат о каком деле что повелит, а коллегиум усмотрит, что то его величества указам, и высокому интересу противно: то государственному коллегиуму не должно того вскоре исполнять, но имеет в сенате о том надлежащее письменное

[452] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 43-43об.; Бумаги, касающиеся предположения… С. 216.

[453] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 39об.; Бумаги, касающиеся предположения… С. 214.

предложение учинить. И ежели сенат, не взирая на оное, при прежнем своем определении пребудет, то сенат в том ответ дать повинен, а коллегиум, по письменному указу сенатскому исполнять, и потом его царскому величеству об оном донести должен, а ежели не известить: то коллегиум вся подвержена будет тому наказанию, по силе вреды. Того ради изволяет его царское величество, всякие свои указы в сенат и в коллегии, також и из сената в коллегии ж отправлять письменно; ибо как в сенате, так и в коллегиях словесные указы никогда отправляемы быть не надлежат»[454]. Очевидно, что «Генеральный регламент» не предусматривал никаких возможностей для обжалования собственных «повелений» императора, более того – право коллегий подавать «письменные предложения» должно было стать инструментом контроля императора за работой Сената. Коллегии, в сущности, были лишь обязаны информировать монарха о тех решениях Сената, которые могли показаться членам коллегии по какой-либо причине вредными.

Между тем, в панинском проекте манифеста формулировка «его величества указам и высокому интересу противно» трансформировалась в аналогичную по форме, но концептуально иную по содержанию формулировку «касаться и утеснять наши (императорские – К. Б.) государственные законы или народа нашего благосостояние». «Указы» оказались заменены «государственными законами», а «высокий интерес» – «благосостоянием народа»[455].

Вопрос о разделении властей, точнее – об отделении судебной власти от законодательной и исполнительной, получил свое развитие в текстах 80-х гг. XVIII в. Особенно ярко это отразилось в «Рассуждениях вечера 28 марта 1783» великого князя Павла Петровича: «Поверено было о неудобствах и злоупотреблениях нынешняго рода администрации нашей, проходя разныя части и сравнивая с таковою в других землях и опять с обстоятельствами нашей, нашли за лутчее согласовать необходимо нужную монархическую екзекутивную власть по обширности государства с преимуществом той вольности, которая нужна каждому состоянию для предохранения от деспотизма или самаго государя или частного чего-либо»[456].

[454] Генеральный регламент или устав, по которому государственные коллегии, також и все оных принадлежащих к ним канцелярий и контор служители, не токмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина, подданнейше поступать имеют // Реформы Петра I. Сборник документов. М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1937. С. 110.
[455] Важно отметить, что фраза «и народа нашего благосостояние» первоначально отсутствовала в тексте, появившись в первом варианте беловика в виде приписки на полях.
[456] Разсуждения вечера 28 марта 1783 г. // РГАДА. Ф. 1. Д. 57. Л. 1; Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина... С. 266.

Далее «Разсуждения…» переходят непосредственно к теории разделения властей: «Должно различать власть законодательную и власть законы хранящую и их исполняющую. Законодательная может быть в руках государя, но с согласия государства, а не инако, без чего обратится в деспотизм. Законы хранящая должна быть в руках всей нации, а исполняющая в руках под государем, предопределенным управлять государством». В силу того, что «законы хранящая» власть должна быть связана с исполнительной и согласована с ней, «необходимо нужен свободный выбор членов собрания таковой власти, как и выборы по наместничествам, которыя конфирмуются государем, чем обе власти споспешествуют к лутчему содействию, а как надобен залог твердости постановления, обезпечивающий государство и государя, то и будет сим собрание мужей, пекущихся о благе общем в сохранении законов»[457].

Это «собрание мужей» и есть Сенат – «хранитель законов и исполнитель законов», разделенный на уголовный и гражданский департаменты, формируемый на основании «свободного выбора дворянства каждаго наместничества» с императорской конфирмацией и состоящий «из числа, соответствующего числу наместничеств из первых трех классов». Кроме того, при Сенате должны находиться «от каждаго же наместничества по одному стряпчему из шести классов выбранных». В «полном собрании» Сената, с участием стряпчих, которые «докладывают и стряпают» по делам, поступающим от наместничеств. Представителем монарха в Сенате должен стать «канцлер правосудия, министр государев» – «такая особа, которая могла, присутствуя, соглашать объявлением воли законов и намерений государя как разныя мнения, так и направлять умы к известной цели». Прокуроры должны сохранить свои должности, но «генерал-прокурор не иное что, как таковой же при общем собрании сената и подчинен канцлеру»[458].

Появление в записке Павла Петровича фигуры «канцлера правосудия, министра государева» вновь указывает на влияние французской политической традиции. Во Франции канцлер после 1661 г. «по сути являлся своего рода министром юстиции»[459], тогда как в российской традиции XVIII в. в сфере компетенции канцлера находилась в первую очередь внешняя политика.

---

[457] Разсуждения вечера 28 марта 1783 г. // РГАДА. Ф. 1. Д. 57. Л. 2; Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина… С. 266-267.

[458] Разсуждения вечера 28 марта 1783 г. // РГАДА. Ф. 1. Д. 57. Л. 3; Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина… С. 267-268.

[459] Копосов Н. Е. Высшая бюрократия во Франции XVII века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 55.

В другой, неозаглавленной записке Павла Петровича Сенат назван «первым судебным трибуналом», он – как и в «Разсуждениях вечера 28 марта 1783» – формируется из представителей дворянства на выборной основе при утверждении кандидатур монархом и обладает правом представления: «Есть ли бы государь зделал какое-нибудь учреждение или дал повеление, касающееся до юстицкой части… и то его повеление само ли по себе или в исполнении имело что-нибудь затруднительное или могущее навлечь само ли собою или следствиями какой-нибудь вред или зло, то в таком случаи чтобы было место, которое прежде допущения до исполнения увидев все сие, имело время представить о сем государю чрез канцлера юстиции и чрез то отвратило от государства зло, а от государя жалобы и неудовольствии на него»[460].

Вместо единого столичного Сената должны были быть созданы четыре – в Санкт-Петербурге, Москве, Казани и Глухове. В компетенции этих четырех Сенатов находилось фиксированное число губерний. Каждый из Сенатов включал два департамента – уголовный и апелляционный, состоящих из семи членов. Членов департаментов избирало все дворянство губерний, предлагая «трех кандидатов из первых трех классов» монарху для утверждения. В случае, если члены департаментов оказывались бы не способны решить дело, оно должно было обсуждаться в общем собрании департаментов, а оттуда передано в петербургский Сенат и, наконец, дойти до высшей инстанции – монарха. Посредником здесь выступает «канцлер юстиции», который является «первым членом всех сенатов и для того имеет первое в оных место»[461]. Сенат в записке Павла Петровича сохраняет право представления «о учреждении, поправлении и отмене и по другим частям, касающимся безпосредственно до правительства или до народа и пр.: как то по департаментам камерному, финанц, денежному, щетному, комерц и военным обоим (касательно до зборов для их до рекрутского набора)»[462].

Ключевые положения в «Прибавлении…» П. И. Панина в целом совпадают и с проектом Н. И. Панина 1762 г., а также с записками Павла Петровича. Здесь говорится о «главном государственном присутственном месте», которое должно «под очами Самаго Монарха» надзирать «во всем государстве над всеми прочими присутственными местами и над всем государством управления и преподавания суда и расправы, с наблюдением всю точность и не прикосновенность к не

[460] Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина… С. 269.
[461] Там же. С. 269-270.
[462] Там же. С. 270.

опровержению фундаментальных законов», а также о «учреждении и утверждении ж единого не пременяемого никакою властью присутственного государственного места под угодным названием Монарху, но такого, что б чрез оное только, а не какими другими дорогами приходили к Самому Монарху жалобы и доношении на последнее решение, и что б все они без изъятия в присутствии Самого Манарха (так в тексте – К. Б.), или и без Его, но всегда прочитываны были в сем месте, и каждый в нем Министр чтоб давал к записке в протокол свое в них разсуждение, которыя бы относились на решительную единственную власть Самого Монарха»[463]. Первое из этих мест – безусловно, Сенат проекта 1762 г., второе – Императорский совет, получивший «важнейшую функцию императорской канцелярии – приема корреспонденции по вопросам управления»[464]. Правда, в тексте П. И. Панина нет упоминаний о праве представления и о функциональной специализации министров. Вообще, не вполне ясно, действительно ли является упомянутый в пункте 35 «Прибавления…» Министерский Совет пресловутым «единым присутственным государственным местом». Более того: у П. И. Панина указано, что новые налоги проходят обсуждение в «главном государственном присутственном месте», а потом и в Министерском Совете. Между тем, в проекте Н. И. Панина 1762 г., как и в записках Павла Петровича, орган, ответственный за хранение законов, – Сенат – был лишен активной роли.

Как же Сенат должен был использовать свое «право представления»? Для понимания того значения, которое Н. И. Панин придавал сенатскому праву представления и – шире – сенатской функции «хранилища законов», следует обратиться к анализу интеллектуального контекста. Как мы уже отмечали выше, несмотря на сделанную Паниным отсылку к петровскому законодательству, представление о Сенате как о политическом балансире и «хранилище законов» в целом было новацией для России XVIII в., очевидно, заимствованной из европейской традиции политической философии. Наделенному правом представления Сенату отводилась роль балансира в политической системе. Эти предложения Панина, по-видимому, явились следствием восприятия им идей Монтескье, труды которого Панин знал и ценил[465].

---

[463] Прибавление к разсуждению… РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 22-22об.; Шумигорский Е. С. Приложение… С. 18.

[464] Плотников А. Б. Политические проекты Н. И. Панина: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М.: РАН, Институт росс. истории, 1997. С. 14.

[465] См.: Бугров К. Д. «Дискурс Монтескье»: роль интеллектуальных заимствований в политических проектах Н. И. Панина // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 4 (66). С. 32-43.

Сочинения Монтескье присутствовали в библиотеке Паниных[466]. Ряд свидетельств знакомства Панина с идеями Монтескье содержатся в знаменитых «Записках» С. А. Порошина[467]. Так, когда вечером 7 января 1765 г. у Павла Петровича читали «Бюффонову Натуральную историю о зрении и слухе», «пришел Его Превосходительство Никита Иванович» и «разсуждал об оной книге, также и о Lettres Juives, Lettres Persannes, Lettres cabalistiques, Lettres Chinoises и о Lettres Russiennes. Говоря о сей последней, сказал Е.П. о авторе ея господине Штрубе "il a dit tout ce qu'il a pu dire («он сказал всё, что мог» – К.Б.), а Монтескиу все Монтескиу останется"»[468]. В другой раз обер-гофмейстер охарактеризовал Монтескье как «великого законоведца», но «посредственного судью»[469].

Наконец, особый интерес представляет уже упомянутая запись Порошина от 13 октября 1765 г. – в этот день Панин продемонстрировал свое знание классификации политических систем Монтескье, говоря о заимствованиях из Швеции, которые «мы к себе точка в точку приняли в монархическое правление (и еще в толь обширное), каково наше есть»[470].

Примеры использования Паниным своеобразного «дискурса Монтескье» время от времени встречаются в обширном массиве принадлежавших ему текстов – например, в пространном «Мнении графа Панина по четырем главным пунктам сообщенным ему князем Лобковичем от имяни князя Кауница, относительно до примирения Польши». Здесь шеф российской дипломатии замечает по поводу польских конфедератов: «Богатствы сии таковы, что во всяком правительстве были бы они выше меры для партикулярного человека, а тем более они опасны и очевидно предосудительные в правлении аристократическом. Таковы суть неизмеримые имения Радзивилловские, Потоцких, Черторижских, Мнишеков и еще некоторых, да и для безопасности самой Польши было бы полезно, естьли б их довели до меньшей разницы равенства приличного республиканцам»[471].

---

466 Каталог книг из собрания Паниных. Б/д, не ранее 1839 г. // РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 2901. Л. 129об.

467 Упорядоченная внутренняя структура «Записок» позволяет проследить по дням темы рассуждений и застольных бесед Панина.

468 Порошин С. А. Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1881. С. 227-228.

469 Там же. С. 443.

470 Там же. С. 476.

471 Мнение графа Панина по четырем главным пунктам сообщенным ему князем Лобковичем от имяни князя Кауница, относительно до примирения Польши // Сборник документов разного содержания. РГАДА. Ф. 1274 «Панины-Блудовы». Оп. 1. Д. 128. Л. 58.

Напомним: Монтескье в трактате «О духе законов» указывал на гибельность большого имущественного разрыва в аристократической республике[472].

Вернемся теперь к главному – теории разделения властей, как она представлена в трактате «О духе законов». Сам французский философ в целом отрицательно относился к республике, оценивая ее «невысоко в сравнении со смешанной монархией, как Англия, и умеренной монархией, напоминающей идеализированный образ Франции»[473]. При этом, говоря о монархии как «форме правления», Монтескье обычно ведет речь именно об «умеренной монархии» – переосмысленной французской монархии, где «государь обладает властью исполнительной и законодательной или по крайней мере частью законодательной, но сам не судит»[474].

Как отмечает современный исследователь М. Мошер, Монтескье оставался сторонником доктрины единства суверенитета, следуя разработанной в XVI-XVII вв. теоретиками абсолютизма (такими как Ж. Боден, Т. Гоббс или С. Пуфендорф) идее верховенства суверена[475], называя государя «источником всей гражданской и политической власти» и в то же время различая власть «абсолютную» (pouvoir absolu) и «произвольную» (pouvoir arbitraire)[476]. По мнению Монтескье, «передавая власть, государь ограничивает ее. Он так распределяет ее, что никогда не передаст другому какую-то долю своей власти, не удержав за собою большей части ее». Монтескье так характеризует монархию: «Власти посредствующие, подчиненные и зависимые образуют природу монархического правления, т. е. такого, где правит одно лицо посредством основных законов. <…> Эти основные законы необходимо предполагают существование посредствующих каналов, по которым движется власть, так как если в государстве нет ничего, кроме изменчивой и капризной воли одного, то в нем ничего не может быть устойчи-

[472] Монтескье Ш. О духе законов // Ш. Монтескье. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. С. 207.

[473] См.: Carrithers D. Not so Virtuous Republics: Montesquieu, Venice, and the Theory of Aristocratic Republicanism // Journal of the History of Ideas. Apr.-Jun. 1991. Vol. 52. №. 2. Д. Карризерс отмечает: «В отличие от приверженных абстрактным, теоретическим аргументам политических философов, Монтескье развивал свою политическую теорию с помощью тщательного изучения реальных правительств, как прошлого, так и современности. Это придало его “De l’Esprit des lois” характер чего-то вроде энциклопедии политики».

[474] Монтескье Ш. О духе законов... С. 302-303.

[475] Mosher M. Monarchy’s Paradox: Honor in the Face of Sovereign Power // Montesquieu’s Science of Politics: Essays on the Spirit of Laws. Lanham, 2001. P. 173-183.

[476] Ibid. P. 183.

вого, а следовательно, не может быть и никакого основного закона (курсив наш – К. Б.)»[477].

В книге VI своего труда французский мыслитель распространил это заключение на все органы судебной власти, подчеркивая, что «в монархии министры не должны быть судьями»: «Совет короля должен состоять из нескольких лиц, а суды требуют большого количества судей. Причина этого в том, что в первом случае за дела надо приниматься и вести их с некоторою страстью, чего можно ожидать лишь от группы, состоящей не более как из четырех или пяти лиц... Наоборот, для ведения судебных дел необходимы деятели хладнокровные, для которых все дела были бы в известном смысле безразличны»[478].

В монархиях «установлен умеренный образ правления, потому что их государи, обладая двумя первыми (законодательной и исполнительной – К. Б.) властями, предоставляют своим подданным отправление третьей (судебной – К. Б.)»[479]. О монархиях Монтескье писал, что они «не имеют своим непосредственным предметом свободу… они стремятся лишь к славе граждан, государства и государя. Но из этой славы проистекает дух свободы, который может в этих государствах творить дела столь же великие и, возможно, столько же способствовать счастью людей, как и сама свобода». Соответственно, «каждая власть распределена там особым образом, который более или менее приближает ее к свободе, без чего монархия выродилась бы в деспотизм», поэтому государь, как отмечено выше, сам не выступает судьей. В противном случае «государственное устройство было бы разрушено, посредствующие и зависимые власти уничтожены и все формальности судопроизводства прекращены; во всех умах воцарился бы страх, на всех лицах бледность; исчезло бы взаимное доверие, исчезла бы честь, исчезла бы любовь; не было бы более безопасности, не было бы более монархии»[480].

В дополнение Монтескье указывал на необходимость особого учреждения, «хранящего» законы, публикующего их и напоминающего, когда о них забывают. Именно этим учреждениям и необходима медлительность в обсуждениях, пагубная в иных случаях[481]. Само понятие «фундаментального закона» трактуется так: «В государствах, не имеющих основных законов, не может быть определенного поряд-

[477] Монтескье Ш. О духе законов… С. 175-176.
[478] Там же. С. 229-230.
[479] Там же. С. 290-300.
[480] Там же. С. 302-303.
[481] Там же. С. 177.

ка наследования престола»[482]. Этот упрек имеет вполне конкретный адрес – ниже Монтескье впрямую говорит о России после Петра I[483].

При этом Совет государя – в отличие от «хранилища законов» – «постоянно меняется, он не действует непрерывно, не может быть многочисленным, наконец, он не пользуется в достаточно высокой степени доверием народа и потому не в состоянии ни вразумить его в затруднительных обстоятельствах, ни привести к повиновению»[484]. Возможно, именно с этим утверждением Монтескье связана ремарка Панина в конце собственноручного доклада 1762 г.: «Против… опаснаго впредь положения, мудрых мер вашего величества может принято быть и то, чтоб увеличиванием числа сенаторов привесть в большее почтение к правительству и тем, следовательно, обуздать его к государственному порядку»[485].

Обращаясь в своем политическом поиске к концепции Монтескье, Панин опосредованно ориентировался на французскую монархию, осмыслению опыта которой посвящена основная часть трактата Монтескье «О духе законов». Одним из признаков такой ориентации является представление о Сенате как о «хранителе законов», своеобразном эквиваленте французских Parlements – судебных органов, обладавших, однако, правом публиковать королевские законы, подавать на них ремонстрации и даже приостанавливать их действие[486]. Подобное представление не вытекало из предшествовавшей политической практики: Сенат был создан Петром I как орган, способный частично брать на себя реализацию прерогатив монарха, и при Елизавете такое положение дел было в целом восстановлено.

По нашему мнению, предложения Панина по реформе Сената были частью той концепции «умеренной монархии», о которой писал

---

482 Речь здесь идет о важнейшем для французской политической традиции порядке престолонаследия, понимавшемся как «фундаментальный закон» (см.: Jackson R. Elective Kingship and Consensus Populi in Sixteenth-Century France // The Journal of Modern History. Jun. 1972. Vol. 44. № 2. P. 156-171; Madden S. The Lit de Justice and the Fundamental Law // The Sixteenth Century Journal. Apr. 1976. Vol. 7. № 1. P. 3-14).

483 Монтескье Ш. О духе законов… С. 214.

484 Там же. С. 25.

485 Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 30; Бумаги, касающиеся предположения… С. 208-209.

486 Претензии французских Parlements XVII-XVIII вв. на свою долю политического влияния привели к тому, что после падения Старого Порядка во Франции – и вплоть до 1959 г. – судебная власть, которую ранее представляли эти органы, была ослаблена и поставлена в зависимое положение от власти законодательной (вне зависимости от того, существовала ли во Франции республика либо монархия), а прецедентное право ликвидировано (см.: Beardsley J. Constitutional Review in France // The Supreme Court Review. 1975. P. 189-259).

Монтескье, и которая, в свою очередь, опиралась на «идеализированный образ Франции»[487]. Ключевым элементом этой концепции было отделение судебной власти от законодательной и исполнительной. Механизм такого отделения и должна была запустить предполагавшаяся Паниным реформа Сената.

Отметим своеобразие этой терминологии. Под «судебной» властью Монтескье в трактате «О духе законов» подразумевал власть, «исполняющую законы», тогда как «исполнительная власть» в основном включала вопросы внешней политики и военных действий. Таким образом, разделение функций между Советом и Сенатом в проекте Панина – это именно отделение судебной (в широком смысле – «вершение дел по законам») власти от законодательной и политической (внешняя политика, армия и флот), а не исполнительной от законодательной в современном смысле слова[488].

---

[487] «Французскую монархию можно описать как “относительный абсолютизм”», – замечает Э. Ле Руа Ладюри, называя среди подобных ограничений «существующие права», включавшие «право собственности» и «право на гражданскую свободу (т.е. право не быть рабом или крепостным)», потенциал созыва Генеральных Штатов (впрочем, они не созывались с 1614 г.), «фундаментальные законы» (включавшие порядок наследования трона по мужской линии), а также – де-факто – наследственный характер ряда государственных должностей (Le Roy Ladurie, E. The Ancien Regime. A History of France, 1610-1774. Oxford; Malden: Blackwell Publishers, Inc., 1998. P. 9).

[488] На эту систему баланса подчас не обращают должного внимания. Приведем типичную цитату из недавно вышедшего исследования К. А. Писаренко: «Манифест готовит царице участь декоративной фигуры при всемогущем Сенате. Екатерина не вправе издать закон без визы статс-секретаря. Зато Сенат, прибегнув к “представительству” – отлагательному вето, легко торпедирует любой нормативный или распорядительный акт, исходящий от императрицы. В то же время в воле сенаторов не обращаться к августейшей особе за санкцией, а самостоятельно принимать окончательные решения по разным вопросам либо в департаментах, либо на общем собрании». По мнению Писаренко, реальная власть должна была сосредоточиться в руках «статс-секретаря по внутренним делам» (напомним, в черновом списке предполагаемых членов Совета, составленном Екатериной II, Н. И. Панин фигурировал в качестве претендента именно на эту должность), которому «фактически подконтрольны и Совет, и Сенат, ибо в последнем чиновник заведует первым департаментом “государственных политических дел”, на который замыкаются финансы (Штатс- и Камер-коллегия, Соляная контора), имущество (канцелярия Конфискации), статистика и архивы, Монетный двор, секретные службы (Секретная и Тайная экспедиции) и даже внешняя политика с Синодом» (Писаренко К. А. Тайны дворцовых переворотов. М.: Вече, 2009. С. 200-201). На деле, Писаренко ошибается, принимая департаменты, на которые должен был быть разделен Сенат, за департаменты «штацких министров» Императорского совета. Анализ соответствующих параграфов проекта 1762 г. позволяет увидеть: сферы компетенции этих департаментов были различны. Вряд ли можно счесть уместным применение в отношении текстов Н. И. Панина терминов «отлагательное вето» и «торпедировать», всецело принадлежащих современному политическому дискурсу – не говоря уже о том, что вместо «права представления» Писаренко говорит о праве «представительства».

По нашему мнению, предложения Панина по реформе Сената, опиравшиеся на идеи Монтескье о «хранилище законов» и «умеренной монархии», не имели целью ограничение власти монарха в строгом смысле. Об этом говорит характерная фраза о роли «канцлера юстиции» в Сенате – «объявлением воли законов и намерений государя как соглашать разныя мнения, так и направлять умы к известной цели». Цель подобных предложений выходит далеко за пределы того, что сегодня назвали бы «минимизацией организационных издержек» процесса администрирования. Скорее, Сенат должен был стать балансиром в политической системе империи. Отделение судебной власти – важнейший элемент управляемой по «фундаментальным законам» умеренной монархии – должно было стать залогом политической стабильности и безопасности. О внимании Панина к положению судебной власти в Российской империи говорил и Д. И. Фонвизин в апологетическом «Житии графа Никиты Ивановича Панина»: «Он не мог терпеть, чтоб самовластие учреждало в гражданских и уголовных делах особенные наказы в обиду тех судебных мест, кои должны защищать невинного и наказывать преступника. С великим огорчением взирал он на все то, что могло повредить или возмутить государственное благоустройство: утруждение императрицы прошением о таком деле, которое не было еще подробно рассмотрено сенатом, противуречие в судопроизводстве, подлое и раболепное послушание тех, кои по званию своему должны защищать истину ценою собственной своей жизни, – словом, всякое недостойное действие корысти и пристрастия, всякая ложь, клонящаяся к ослеплению очей государя и общества, и всякий подлый поступок поражали ужасом добродетельную его душу»[489].

Это позволяет по-иному взглянуть и на концепцию «просвещенного монарха», которая уже давно стала историографическим клише, демонстрирующим ограниченный наивно-идеалистический характер политической философии Просвещения. Между тем, идея «просвещенной монархии», выраженная в трактате Монтескье, имела вполне инструментальное, практическое измерение, позволявшее проводить различие между монархией и деспотией. Это различие Монтескье актуализировал следующим образом: «Хотя в этих двух видах правления характер повиновения неодинаков, тем не менее у них одна и та же верховная власть. Куда бы ни обратил свой взор государь, он всюду заставляет чашу весов склониться на

[489] Фонвизин Д. И. Жизнь графа Никиты Ивановича Панина // Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений. Т. 2. М.; Л.: Изд-во худ. лит-ры. С. 283-284.

свою сторону и ему повинуются. Все же различие тут в том, что в монархиях государи – люди более просвещенные, и министры их несравненно искуснее и опытнее в делах правления, чем в деспотическом Государстве»[490]. Однако просвещение монарха, отличающее его от деспота, – это не просто мера личного образования или широты взглядов. В «Персидских письмах» Монтескье, описывая вымышленного просвещенного шаха Узбека, продемонстрировал, что даже хорошо образованный деспот остается монстром[491]. Эта книга присутствовала в книжном собрании Паниных, а сам обер-гофмейстер был хорошо знаком с ее содержанием – настолько, что на одном из обедов у великого князя Панин рассуждал о содержании «Персидских писем»…

Что же такое «просвещенная монархия» в данном случае? Можно сказать, что разделение властей в монархии при сохранении верховного суверенитета государя имеет целью оптимизацию процесса принятия политических решений. Таким образом, именно способность принимать оптимальные решения, а не абстрактное ограничение властных прерогатив монарха конкурирующими социальными силами, виделась Монтескье отличительной чертой монархии. Как подчеркивает американский исследователь М. Мошер, Монтескье «пересмотрел доктрину абсолютного суверенитета с учетом важности распределения власти, показывая, как она опрокидывает порочные и краткосрочные расчеты суверенного государя, которые в конце концов приведут и самого государя к краху, если их влияние останется доминирующим. Это – судьба, ждущая плохо информированных и непросвещенных деспотов»[492]. Просвещение монарха задано механизмом «посредствующих властей», а этот механизм, в свою очередь, – с усовершенствованием процесса принятия решений: «Законы – это глаза государя; благодаря им он видит то, чего без них не мог бы увидать. Присваивая себе обязанности судьи, он действует не в свою пользу, а в пользу своих обольстителей, во вред самому себе»[493]. Монархии же гибнут «по той причине, что государи, вместо того чтобы ограничиться единственным достойным самодержца делом – общим надзором за управлением, захотели всем управлять непосредственно сами». Сходное понимание политического механизма монархии было актуализировано Паниным и в собственноручном

[490] Монтескье Ш. О духе законов… С. 186.
[491] Монтескье Ш. Персидские письма. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1956. С. 350-365.
[492] Mosher M. Monarchy's paradox… P. 177.
[493] Монтескье Ш. О духе законов… С. 302-303.

докладе 1762 г., и в «Рассуждении о непременных государственных законах»[494].

Почему именно Монтескье? Историографическая традиция, уделяя внимание французскому мыслителю, традиционно приписывает Панину симпатии к камералистским теориям XVIII в. Поздний камерализм, представленный Иоганном-Генрихом фон Юсти, Якобом фон Бильфельдом и Йозефом Зонненфельсом, основывался на идеях рациональной организации и повышения эффективности бюрократического аппарата, вытесняющего сословные учреждения[495]. Панина наверняка интересовали идеи повышения эффективности управления, однако – как я постарался продемонстрировать выше – его проекты не ставили во главу угла проблему повышения эффективности государственного управления в строгом смысле. Реформаторские проекты Панина были в первую очередь посвящены проблемам сохранения стабильности и поддержания политического баланса, а не, скажем, вопросам налогового, индустриального и финансового менеджмента. Нельзя сказать, что Панин не разбирался в них или не интересовался ими – напротив, он всегда проявлял интерес к тому, что мы сегодня назвали бы «экономической политикой», иногда занимаясь вопросами весьма практического свойства. Например, именно Панин разработал в 1764 г. «Устав шпалерной манифактуры».

Однако реформаторские проекты Панина были в большей степени посвящены вопросам легитимации власти, которые не были столь актуальны для немецких камералистов: Пруссия, например, никогда не сталкивалась с таким серьезным испытанием для традиционной леги-

---

[494] В тексте доклада 1762 г. Панин обращался к примерам из практической экономики: «Может ли партикулярной хозяин разу управить своим домом когда он добрым разделением своего домоводства не уставит прежде порядок? И как искусный фабрикант учредит свою фабрику естли он своих мастеров и работ не по знанию но по любви к ним будет распоряжать по станам разных работ? Наш сапожной мастер не мешает подмастерью с работником и нанимает каждаго к своему званию» (Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 28; Бумаги, касающиеся предположения… С. 207). В «Рассуждении» метафора приняла иной характер – теперь государство уподоблено телу: «…Что же есть государь? Душа правимого им общества. Слаба душа, если не умеет управлять прихотливыми стремлениями тела. Несчастно тело, над коим властвует душа безрассудная, которая чувствам, своим истинным министрам, вовсе вверяется, или ни в чем не доверяет. Положась на них, беспечно принимает кучу за гору, планету за точку; но, буде презирает она их служение, буде возмечтает о себе столько, что захочет сама зажмурясь видеть и заткнув уши слышать, какой правильной разрешимости тогда ожидать от нее можно и в какие напасти она сама себя не завлекает!» (Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение… Л. 10; Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах… С. 259-260).

[495] Johnson H. The Concept of Bureaucracy in Cameralism // Political Science Quarterly. Sep. 1964. Vol. 79. № 3. P. 401.

тимации монархии, как дворцовые перевороты. Да и сам камерализм далеко не был единой интеллектуальной традицией – современный исследователь М. Уокер ссылается на пример Й. Зонненфельса, учителя Иосифа II, который решительно разошелся с функционально-правовым категориальным аппаратом, выработанным уже упомянутым Юсти и правоведом Й. Мозером: «Зонненфельс обычно считается автором, в трудах которого камерализм достиг кульминации, однако в действительности он отбросил не только известные права Мозера, но и функциональный социальный порядок Юсти, растворив их, с одной стороны, в недифференцированном и неограниченном праве суверена, а с другой – в полностью эгалитарном и недифференцированном обществе, так что ни права, ни функции теперь не были четко связаны с определенными социальными группами; свою обширную книгу он открыл длинной цитатой из Руссо о прелестях манипулирования волей народа»[496]. Впрочем, к цитатам из Руссо прибег и Панин, однако об этом речь пойдет ниже.

Как бы то ни было, «фундаментальный закон» и «фундаментальные права», гарантом которых должно было стать институционально оформленное разделение властей, не предполагали ограничения власти монарха, если под «ограничением» подразумевать передачу части прерогатив монарха в руки коллегиальных органов (прецедентом подобного ограничения могли служить «Кондиции» 1730 г., которые даже спустя тридцать с лишним лет оставались актуальным предметом обсуждения в политической элите империи). Как я постарался показать, подобной цели Панин не ставил; ни Императорский совет, ни Сенат не должны были присваивать себе прерогативы монарха. Поясняя суть права представления – в ответ на критические замечания в полемике вокруг проекта 1762 г., – Панин высказался недвусмысленно: «Невозможно думат, чтоб Сенат зделал Государю представление на его имянной указ, не обясня тому законную причину. А исполнение по вторичному о том от Государя повелению само собою разумеется. Далнее о том предписание имело б образ несовершенства или сумнителства о самодержавстве»[497]. Таким образом, об административной или правовой «ловушке» для императрицы не может идти и речи: право представления – это не замаскированное право вето, а один из механизмов балансировки абсолютистского административного аппарата.

[496] Walker M. Rights and Functions: The Social Categories of Eighteenth-Century German Jurists and Cameralists // The Journal of Modern History. Jun. 1978. Vol. 50. № 2. P. 246-247.

[497] Польской С. В. Неизвестная записка Н. И. Панина и «Примечания» на проект Императорского совета… С. 176.

Система государственного администрирования, представленная в проектах Панина, предполагала постоянное личное руководство со стороны суверенного – «самодержавного» монарха. В этом отношении тонкости касались не характера императорской власти, а способа ее реализации. Можно, наверное, говорить об ограничении, понимаемом как осознанная самим монархом необходимость определенного самоограничения в пользу искусства принимать взвешенные решения, договариваться, внушать подданным любовь и избегать «деспотичества». В конечном счете, речь в большей степени шла об искусстве управлять и поддерживать административный баланс, чем о перераспределении прерогатив.

Этот «дискурс Монтескье», однако, был актуализирован и самой императрицей – возможно, под влиянием Панина (интерес к французскому мыслителю, несомненно, объединял Екатерину II и ее министра). В «Наказе» императрица использовала – по крайней мере, в тех главах, где речь шла о политико-правовых основаниях Российской империи, – тот же лексикон, что и Панин в своих реформаторских проектах; этот лексикон восходил к трактату Монтескье «О духе законов».

В главе III «Наказа» речь шла о «безопасности постановлений государственных». Это выражение является, по-видимому, переводом на русский выражения «безопасность конституции государства» («Surete de constitution de'l Etat»), использованного во французском тексте «Наказа». Входивший в эту главу 20-й пункт гласил: «Законы, основание державы составляющие, предполагают малые протоки, сиречь правительства, через которые изливается власть Государева»; во французском варианте этого пункта говорится о «Lois fondamentales d'un Etat». Императрица наделяла «власти подчиненные, посредствующие и зависимые» правом «представляти, что такий то указ[498] противен Уложению, что он вреден, темен, что не льзя по оному изполнить; и определяющие наперед, каким указам должно повиноваться, и как по оным надлежит чинить изполнение»[499]. Законы, «дозволяющие» подобное право представления, должны сделать «твердым и неподвижным установление всякаго государства»; во французском тексте речь шла о твердости «la constitution de'l Etat»[500].

В главе IV особо была оговорена потребность в «хранилище законов» (Depot des Lois). Роль такого «depot» в России должен был

---

[498] Специфическое различие между понятиями «указ» и «закон», являющееся частью российской правовой традиции, во французской версии «Наказа» было передано с помощью понятий «Edit» («Edictum» в латинской, «Berordnung» в немецкой версии) и «loi» («legis»,«Gesetz»).

[499] Наказ Ея Императорскаго Величества императрицы Екатерины Вторыя… С. 12.

[500] Там же. С. 12-14.

играть Сенат, наделенный правом представления. Как отмечалось в пункте 28, Сенат «законов хранилище есть особливое наставление, которому последуя выше означенныя места, учрежденныя для того, чтобы попечением их наблюдаема была воля Государева сходственно с законами во основание положенными и с государственным установлением». Из французской версии этого же пункта явствует, что под «законами во основание положенными» (как мы уже отмечали) понимались «lois fondamentales», а под «государственным установлением» – «constitution de'l Etat». Эта же формулировка использовалась в «Рассуждении о непременных государственных законах» и в письмах и проектах П. И. Панина, адресованных Павлу Петровичу: «фундаментальные права» и «форма правления». В историографии принято указывать – вслед за М. М. Щербатовым – на то, что Екатерина по сути обесценила идею Монтескье, объявив «хранителем законов» не сословное учреждение, наделенное известной долей автономии, а бюрократический Сенат[501]. Но сановники XVIII в. не придавали выборности ключевого значения; выборность не противоречила назначаемости, а дополняла ее. Интерпретацию Екатериной Монтескье, по-видимому, разделял (или вдохновлял?) Панин, для которого Сенат – даже выборный Сенат «Разсуждений вечера 28 марта 1783» – оставался все же «государственным присутственным местом», «трибуналом». Панин, очевидно, не считал выборность Сената чем-то принципиально важным; выборность означала, что члены Сената были бы лучше осведомлены о ситуации на местах – большая проблема для имперской администрации XVIII века! «Твердость», нужную сенаторам при охранении законов, Панин не связывал с выборностью.

Равным образом и в главе IX «Наказа» говорится об особом положении «судейской власти» в «самодержавном (в данном контексте, как видно из французского текста главы, это слово означает «в монархическом» – К. Б.) правлении». Пункт 98 констатировал: «Власть судейская состоит в одном исполнении законов, и то для того, чтобы сомнения не было о свободе и безопасности граждан», тогда как пункт 99 уточнял: «Для сего ПЕТР Великий премудро учредил Сенат, коллегии и нижния правительства, которыя должны давать суд именем Государя и по законам: для сего и перенос дел к самому Государю

[501] Тарановский Ф. В. Политическая доктрина в наказе Екатерины II // Сборник статей по истории русского права, посвященный проф. М. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1904. С. 80-86; Польской С. В. Русский конституционализм XVIII – начала XIX в. М., 2010. URL: http://www.perspectivy.info/misl/idea/russkij_konstitucionalizm_xviii__nachala_xix_v_2009-12-11.htm (дата обращения к ресурсу: 03.03.2010).

учинен толь трудным; закон, который не должен быть никогда нарушен» [502].

В анонимном сочинении «Антидот»[503], написанном, по-видимому, Екатериной II и посвященном опровержению неблагосклонных по отношению к России рассуждений французского автора, аббата Жана Шапп д'Отроша («Voyage en Sibérie, fait par ordre du Roi en 1761»), параллель между Parlements и Сенатом проводилась напрямую: «Ненавистное название деспота, которое аббат смеет постоянно давать Русскому Государю, вот другая черта, ясно доказывающая его зложелательство. Очень хотелось бы знать, г. аббат, что значит у вас слово Государь (Souverain)? Король, издающий законы? Наш Государь делает то же самое. Вы имеете Парламенты, отказывающиеся принимать дурные законы, но которых к тому принуждают после некоторых препираний: у нас есть Сенат, имеющий те же права; но наши Государи избегли протестов, издавая законы лишь по представлению этого Сената или воздерживаясь от того, что могло бы навлечь на них протест»[504]. Аналогичным образом роль Сената оценивалась императрицей и в уже цитированном во 2-й главе отрывке «Политические заметки», где было указано: «Власть Сената: давать жизнь постановлениям указами для исполнения и регистрацией… передавать всем магистратам их гражданскую юрисдикцию… получать апелляции всех судов… некоторый надзор за финансами»[505].

Итак, концептуальный аппарат, используемый Паниным для демонстрации идеи «фундаментальных законов», присутствовал и в текстах Екатерины 60-х гг. XVIII в. Сам Панин уже позднее напоминал Павлу Петровичу о том, что в реформах «первым шагом почесть бы должно установление законов», и тут же констатировал: «В них мы недостатка не имеем естьли бы только в порядок настоящие приведены были но сие дело трудное и продолжительное котораго окончания дожидаться для исправления нужнаго весьма долго и неудобно было для течения дел»[506]; интересно, что аналогичную характеристику Па-

---

[502] Наказ Ея Императорскаго Величества императрицы Екатерины Вторыя… С. 56.

[503] Первоначально книга вышла на французском языке в Амстердаме под заглавием «Antidote ou Réfutation du mauvais livre superbement imprimé intitulé: Voyage en Sibérie, etc».

[504] Антидот (Противоядие). Полемическое сочинение Екатерины II, или Разбор книги Шаппа д'Отероша о России // Осмнадцатый век. Кн. 4. Тип. Т. Рис у Мясницких ворот, Д. Воейкова, 1869. С. 242.

[505] [Екатерина II]. Записки императрицы Екатерины II. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1907. С. 645.

[506] Разсуждения вечера 28 марта 1783 г. // РГАДА. Ф. 1. Д. 57. Л. 1-1об. Примечательно, что этот фрагмент не был опубликован обнаружившим записку М. М. Сафоновым.

вел повторит и в конце 80-х гг. XVIII в. в своем «Наказе»: «Законы у нас есть, но в порядок привести в их смысле. Новых не делать, но сообразить старые с государственным внутренним положением»[507]. О «конституции» применительно к России в своих реформаторских проектах Панин не говорил; речь всегда идет о «форме правления», а также о «фундаментальных правах», которые представляют собой скорее административные статуты.

Здесь необходимо вновь вернуться к вопросу о «шведских заимствованиях», поскольку ряд исследователей указывает на то, что именно шведский опыт конституционализма повлиял на Панина[508]. Как отмечено выше, Императорский совет Панина не был попыткой использовать политический опыт Швеции на российской почве. То же самое можно сказать и о «фундаментальных законах». Те «фундаментальные законы», о которых идет речь в проектах Панина, имеют не так много общего со шведскими Regeringsformer («Формы правления») 1719-1720 гг.[509], сформировавшими политическую архитектуру «Эры Свобод».

Regeringsform 1720 г. была источником власти – даже обладавший всей полнотой власти риксдаг мог лишь интерпретировать ее текст. «До 1719 г. конституция означала (в общем) правление закона и (в частности) ряд важнейших государственных актов: земельный закон Магнуса Эрикссона, пакты наследования 1544 и 1604 гг., хартия 1660 г., "Форма правления" 1634 г., Additament 1660 г. Но в 1719 г. Швеция впервые получила полную, точную, писаную конституцию, которая была больше чем простым административным статутом, больше, чем усложненной версией "Формы правления" 1634 г.». Эта конституция, однако, была «логичной и жесткой», и хотя риксдаг «мог свободно интерпретировать конституцию, и даже улучшать ее, он не мог ее изменить, поскольку конституция – как и конституция Соединенных Штатов позднее – была фундаментальным законом.

---

[507] Материалы к русской истории XVIII в. // Вестник Европы. Журнал историко-политических наук. Второй год. Т. 1. СПб.: Тип. Ф. С. Сущинского, 1867. С. 316.

[508] Захаров В. Ю. «Всемилостивейшая жалованная грамота российскому народу» 1801 г. в контексте развития конституционных идей в России во второй половине XVIII – начале XIX вв.: Монография. М.: Прометей, 2002. С. 60; Минаева Н. В. Никита Иванович Панин // Вопросы истории, 2001. № 7. С. 73-74.

[509] См.: Regeringsformen 1719. K. M:ts allernådigst konfirmerade regeringsform daterad Stockholm den 21 febr. 1719. Stockholm: SNS, 2005. URL: http://www.sns.se/zino.aspx?articleID=833 (дата обращения: 03.03.2010); Regeringsformen 1720. Kongl. Maj:ts och Riksens Ständers faststälda regeringsform daterad Stockholm den 2 maj 1720. Stockholm: SNS, 2005. URL: http://www.sns.se/zino.aspx?articleID=834 (дата обращения: 03.03.2010). Русский перевод преамбул см. в Приложении 2.

Конституционные противоречия, таким образом, фокусировались на интерпретации группы фундаментальных документов... Важнейшим умением политика стала экзегеза (толкование – К. Б.). Конституция оказалась "статичной"»[510].

Вполне вероятно, что часто встречающиеся в текстах Панина указания на то, что «форма правления» должна быть неприкосновенной для любой власти, можно считать заимствованием (действительным, а не мнимым, как в случае с концепцией Императорского совета) из шведского правового дискурса, предполагавшего неизменность основополагающего акта 1720 г.

По мнению американского исследователя Д. Рансела, Панин «считал, что попытка Петра создать вестернизированную и просвещенную элиту была подготовкой к современному конституционному (курсив мой. – К. Б.) порядку в России, в котором образованное дворянство будет играть ведущую политическую роль. Личный деспотизм, необходимый в свое время, чтобы вытащить Россию из отсталости, теперь должен быть трансформирован в законную монархию, где права различных сословий определены законом и защищены от произвольного вмешательства деспотической власти»[511]. Однако, «работая над тем, чтобы направить Россию в направлении Rechtstaat», Панин и его сторонники «продолжали действовать в рамках традиционных политических образований, семейных клик патронажа». Хотя, по мнению Д. Рансела, «потенциальные реформаторы, подобные Панину, ценили выгоды законных отношений и конституционного порядка, им приходилось действовать в мире, управляемом персональными отношениями», следовательно, «первый интерес любого государственного деятеля заключался в защите своей организации патронажа». Этот «парадокс потенциального реформатора» означал – по мнению Рансела – «сохранение, по крайней мере, формальное, самодержавной (autocratic) власти, которая санкционировала действия этих незаконных органов»[512].

Подобный взгляд основывается на противопоставлении конституционализма и реформизма, атрибутов вестернизированной модерности, – традиционалистскому царству персональных связей и деспотического произвола. Символично, что в одном случае Д. Рансел использует прилагательные «современный» и «конституционный» как качественные характеристики социального идеала Панина. Подобное мнение скорее относится к инструментарию современной политоло-

[510] Roberts M. The Age of Liberty. Sweden 1719-1772… P. 61.

[511] Ransel D. The Politics of Catherinian Russia: The Panin's Party… P. 268.

[512] Ibid. P. 278-279.

гии, тщательно отделяющей «традиционное общество» от «модерности» и предполагающей существование внеположенного, заданного социально-политического образца. Речь идет о частном случае трансформации прилагательного «современный» в языке исследователя от значения «подобный тому, что существует в современности» к значению «улучшенный», «модернизированный», – исподволь навязывающей подобные трансформации и языку источника. Содержала ли аргументация реформаторских проектов Н. И. Панина представление о временном лаге между российской «отсталостью» и западноевропейской «modernity», который необходимо преодолеть?

Можно вспомнить в этой связи знаменитую беседу Панина со своим воспитанником Павлом Петровичем: «Как между прочим разговорились о езде… из Швеции… и дошла речь до города Торнео, то спросил Его Высочество, каков этот город? Его превосходительство [Н. И. Панин] ответствовал, что дурен. Государь великий князь изволил на то еще спросить, хуже нашего Клину или лучше? Никита Иванович изволил ему на то сказать: "Уж Клину-то нашего конечно лучше. Нам, батюшка, нельзя еще о чем бы то ни было рассуждать в сравнении с собою. Можно рассуждать так, что это там дурно, это хорошо, отнюдь к тому не применяя, что у нас есть. В таком сравнении мы верно всегда потеряем"»[513].

Однако тот же Панин в другой вечер, 9 декабря 1765 г., говорил о том, «что естьлибы в других местах жить так оплошно, как мы здесь живем, и так открыто, тоб давно все у нас перекрали, и нас бы перерезали: запираем ворота деревянным запором; дверь огороден бревенчатым оплотом, вместо того что в других землях строятся замком и ворота всякую ночь запирают большими замками и железными запорами, а и тут по средине города воруют и разбойничают… причиною такой безопасности полагали… добродушие и основательность нашего народа вообще»[514].

Виделся ли Панину такой же разрыв в сфере политики? Еще в собственноручном докладе 1762 г. Панин впрямую уподобил краткое правление Петра III временам варварства, «в которыя не только установленнаго правительства, но и письменных законов еще не бывало»[515]. Позднее, в «Рассуждении о непременных государственных законах», Панин вел речь уже о «преимуществах, коими наслаждаются благоучрежденные европейские народы».

---

[513] Порошин С.А. Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича… С. 457.

[514] Там же. С. 170.

[515] Бумаги, касающиеся предположения… С. 210; Проект Никиты Ивановича Панина об учреждении Императорскаго совета… Л. 36об.

Следует ли понимать эти замечания екатерининского министра как констатацию отставания России от европейских стран в политической сфере? «Форма правления» и «фундаментальные законы», таким образом, представлялись Панину не столько атрибутами «современного», «конституционного» порядка – скорее, они выступали инструментами перехода к стабильности из состояния дезорганизации. Разница здесь заключается в том, что важный для первого варианта понимания указанных понятий темпоральный критерий во втором случае отсутствует.

«Истребившаяся» «форма правления», «сверженные под самовластие» древние обычаи и «фундаментальные законы», существовавшие, по мнению Панина, до воцарения Елизаветы в 1741 г. «особливыя верховныя места», наконец, «наполнение недостатков» предполагали не столько модернизацию (поскольку сама семантическая логика этих концептов не включала никакого специфически «модернового», «современного» их характера), сколько своеобразное renovation, восстановление. Установление того правового порядка, который предположительно входил в набор российской modernity, мыслилось представителям политической элиты не в качестве европейского innovatio, а, скорее, в виде своеобразного renovatio – даже несмотря на то, что в России отсутствовала устойчивая традиция обращения к концепции «фундаментального закона». Логике renovatio, по нашему мнению, не противоречили и приведенные выше слова Панина о «преимуществах, коими наслаждаются благоучрежденные европейские народы»: их можно однозначно оценить только как обращение к лучшему политическому устройству, но вряд ли – к более современному политическому устройству[516]. Иными словами, «фундаментальные законы» предстояло не столько создать, сколько восстановить.

И. де Мадариага отмечала: «Концепция фундаментальных законов была, конечно, очень расплывчатой и неопределенной в правовом отношении. В европейских абсолютных монархиях и среди верного им дворянства сложилось такое понимание фундаментальных законов, согласно которому монарх признавал, что определенные обычаи и процедуры приобрели статус прав и обязанностей. <…> В России, в отличие от других европейских государств, фундаментальные законы отсутствовали, и поэтому она гораздо больше напоминала деспотию по Монтескье, чем его монархию»[517]. Однако братья Панины, скорее

[516] Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах… С. 266; Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение о непременных государственных законах… Л. 8об.

[517] Мадариага И., де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое лит. обозрение, 2002. С. 77.

всего, не согласились бы с таким мнением – в «Рассуждении о непременных государственных законах» Н. И. Панин отказался считать Россию деспотией на том основании, что «нация никогда не отдавала себя государю в самовольное его управление и всегда имела трибуналы гражданские и уголовные, обязанные защищать невинность и наказывать преступления».

Не вполне ясно, о каких «трибуналах» здесь вел речь Панин, однако можно с уверенностью сказать: подобный отказ от определения России как деспотии не является риторической фигурой. Дело в том, что в философии истории Монтескье, оказавшего мощное влияние на Панина, монархия перетекает в деспотию и обратно – в этом смысле философия истории у Монтескье, скорее, циклична, нежели линейна: деспотизм не уходит в прошлое как пережиток традиции, он все время остается угрозой для монархии. Однако характерный детерминистский характер философии Монтескье предполагает, что деспотизм обладает социальной обусловленностью и, провоцируя бесконечные перевороты, на деле остается статичным. Скептическое замечание Панина по адресу одного из второстепенных российских политических авторов середины XVIII в. – Фридриха Штрубе де Пирмонта, приводимое в «Записках» С.А. Порошина[518], говорит о том, что Панин разделял классификацию Монтескье, признававшую деспотию отдельной формой правления (Штрубе де Пирмонт критиковал Монтескье, в частности, отрицая правомочность признания деспотии самостоятельной формой правления[519]). В данном случае, деспотия – это не порождение отсталости, а продукт иной конфигурации факторов, нежели монархия или один из двух видов республики; отношения деспотии и монархии не имеют темпорального измерения. Панин отказывался считать Россию деспотией; подобное признание означало бы конец надеждам на реформы, так как деспотия в категориях Монтескье обладает социальной укорененностью и с трудом поддается исправлению, если поддается вообще. Нет – в России форма правления «истребилась», однако социальная опора для воссоздания порядка и свободы сохраняется, деспотизм только «распространяется», но еще не привел к тотальному перерождению.

Говоря о «фундаментальных законах», Панин – как и его современники – вел речь не о российской отсталости (для того, чтобы говорить об этом, использовался дискурс экономического и культурного раз-

[518] Порошин С. А. Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1881. С. 227-228.

[519] См.: F. Strube Pyrmont, de. Lettres russiennes. [СПб.: тип. Акад. Наук], 1760.

вития, прогресса Просвещения), а о проблеме стабильности власти, которая оказалась под угрозой из-за феномена российского «переворотства», серии беспрецедентных дворцовых переворотов, последовавших за ликвидацией Петром I традиционного порядка наследования трона. По нашему мнению, аргументация в пользу политического renovatio позволяла четко локализовать нестабильность «переворотства» как преходящего момента в российской истории, избавиться от грозящего чувства бесконечной анархии. Что, в самом деле, могло бы помешать эпохе переворотов длиться вечно? Даже упоминание о «преимуществе преемников пред предками» в панинском проекте манифеста может, скорее, считаться указанием на поддержание уже существующих основ, нежели на способность власти привнести нечто принципиально новое.

Впрочем, обращение к renovatio в XVIII в. не предполагало серьезного поиска политических рецептов и правовых прецедентов в истории древней России. С помощью логики renovatio и использования таких понятий, как «фундаментальный закон», авторы реформаторских проектов предлагали нововведения, которые с сегодняшней точки зрения можно считать вполне «инновационными» (например, проект Императорского совета в большей степени опирался на европейскую интеллектуальную традицию, представленную, например, в «Политическом завещании» кардинала Ришелье, нежели на опыт российского XVII в.), однако эти инновации представали как возрождение некой традиции, подчеркнуть существование которой было для этих авторов крайне важно.

В «политическом времени» российского XVIII в., призванном поддержать стабильность абсолютной монархии с опорой на сконструированную политическую традицию, было невозможно «спешить», «отставать» или «опаздывать». Словно бы для того, чтобы подчеркнуть контраст, радикальные и оппозиционные движения XIX в. будут в значительной степени основывать аргументы против российской абсолютной монархии на темпоральной дихотомии модернизированного конституционализма (или социализма) и безнадежно устаревшего «самодержавия».

Итак, «фундаментальные законы» Панина представляли собой не что иное, как совокупность регламентов работы высших политических органов, перечень правовых гарантий, даруемых населению (напомним, что вплоть до 1785 г. в Российской империи Екатерина, не подтвердившая в целом Манифест о вольности Петра III, не предложила и какого-либо альтернативного акта), а также установленный

порядок престолонаследия. «Фундаментальные законы» Панина, выстроенные на принципах разума и носившие универсальный характер, были тесно связаны с идеей стабильности и сохранения власти: во избежание коллапса монарху необходимо точно знать свои права, «чтоб самому не преступить пределов, ознаменованных его правам самодержавнейшею всех на свете властию, а именно, властию здравого рассудка»[520]. Во время полемики вокруг проекта 1762 г. Панин дал сжатую характеристику своих взглядов на «самодержавство» государя, отвечая на замечания Екатерины: «Благо разумной монарх почитает не токмо такие Государственныя фундаментальныя уставы, но и простыя древния обычаи, естли оне переменою времен не обрателися в общей вред. <…> Ничто в свете, кроме насильства, далее разума и разсудка разпространится не может, как и самодержавная власть по едино главному изъяснению всех славных штацких мужей в том прямо состоит, что ею самодержавной Государь один может творить все обще благое и обще полезное своему народу, яко первое и единое свое перед Богом обязательство. Напротив чего в других правительствах разныя Государственныя члены, разделяющия самодержавную власть, в том соглашаться и обще действовать должны. Всякая другая тому дефиниция есть диспотизм или тирания, подвергающая погибели и Государство, и Государя»[521].

Преступая пределы разума, монарх рискует «перестать быть достойным государем» и спровоцировать «революции», несущие разрушение. Генерал П. И. Панин, готовя «Рассуждение» к отправке Павлу Петровичу, охарактеризовал этот текст как «сочинение брата моего противу всемогущества, господствующаго над всякими законами и над справедливостью»[522]. Однако для того, чтобы вести речь о «всемогуществе», выходящем из пределов «власти здравого рассудка», Панин использовал другой политический язык, вне рамок дискурса Монтескье.

ГЛАВА X. ЛЕКСИКОН ТИРАНОБОРЧЕСТВА. «НАЦИЯ» ПРОТИВ ТИРАНИИ

Та часть текста «Рассуждения», которая представляет собой краткий памфлет, направленный против Екатерины II и особенно Г. А. По-

[520] Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение… Л. 9; Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах… С. 258.
[521] Польской С. В. Неизвестная записка Н. И. Панина и «Примечания» на проект Императорского совета… С. 176.
[522] Шумигорский Е. С. Приложение… С. 3.

темкина, заканчивается следующим выводом: монарх, «который на недостатке государственных законов чает утвердить свое самовластие», заведомо обречен на неудачу – «подобен будучи прозрачному телу, чрез которое насквозь видны действующие им пружины, тщетно пишет он новые законы, возвещает благоденствие народа, прославляет премудрость своего правления: новые законы его будут не что иное, как новые обряды, запутывающие старые законы, народ все будет угнетен, дворянство унижено, и, несмотря на собственное его отвращение к тиранству, правление его будет правление тиранское. Нация тем не меньше страждет, что не сам государь принялся ее терзать, а отдал на расхищение извергам, себе возлюбленным».

Намеки на правление Екатерины II довольно-таки прозрачны (хотя характеристика «собственное отвращение к тиранству» вновь позволяет сказать: Панин не отзывался дурно о личных качествах царицы). Прогноз Панина неутешителен: паралич созидательной деятельности деспотизма – лишь провозвестник конечного краха этого «колосса, держащегося цепями», когда «при крайнем ожесточении сердец все частные интересы, раздробленные существом деспотического правления, нечувствительно в одну точку соединяются» и «все устремляются расторгнуть узы нестерпимого порабощения». В конечном счете, «деспотичество, рождающееся обыкновенно от анархии, весьма редко в нее опять не возвращается»[523].

Однако буквально на следующей странице «Рассуждения» эта же проблема рассматривается уже с другой стороны – речь идет о праве подданных на свержение «тирана»: «Всякая власть (курсив наш – К. Б.), не ознаменованная божественными качествами правоты и кротости, но производящая обиды, насильства, тиранства, есть власть не от Бога, но от людей, коих несчастия времян попустили, уступая силе, унизить человеческое свое достоинство. В таком гибельном положении нация, буде находит средства разорвать свои оковы тем же правом, каким на нее наложены, весьма умно делает, если разрывает. Тут дело ясное. Или она теперь вправе возвратить свою свободу, или никто не был вправе отнимать у ней свободы»[524].

Последняя фраза – не что иное, как точная цитата фрагмента из первой главы «Общественного договора» Ж. Руссо: «Пока народ при-

---

[523] Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение... РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 9; Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах… С. 258.

[524] Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение... РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 9-9об.; Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах… С. 259.

нужден повиноваться и повинуется, он поступает хорошо; но если народ, как только получает возможность сбросить с себя ярмо, сбрасывает его, – он поступает еще лучше; ибо, возвращая себе свободу по тому же праву, по какому ее у него похитили, он либо имеет все основания вернуть ее, либо же вовсе не было оснований ее у него отнимать (курсив наш – К. Б.)»[525].

Как отмечал Ю. М. Лотман, «для обоснования права дворянина-патриота сопротивляться деспотизму всеми средствами, вплоть до свержения тирана» в «Рассуждении» использовалась именно руссоистская аргументация[526]. Так, значительная часть «Рассуждения» посвящена опровержению «права сильного»: «Право деспота есть право сильного: но и разбойник то же право себе присвояет. И кто не видит, что изречение право сильного выдумано в посмеяние. В здравом разуме сии два слова никогда вместе не встречаются. Сила принуждает, а право обязывает. Какое же то право, которому повинуются не по должности, а по нужде и которое в тот момент у силы исчезает, когда большая сила сгоняет ее с места. <…> Где же нет обязательства, там нет и права»[527]. По мнению Лотмана, на этот фрагмент «Рассуждения» повлиял Руссо, который писал о «праве сильного»: «Право, которое, как кажется, может существовать лишь в насмешку, но в действительности возведенное в закон. Неужели нам никогда не объяснят значения этого слова? Сила есть мощь физическая, я не понимаю, какие нравственные последствия могут проистечь от ее применения. <…> Предположим на мгновенье, что это мнимое право существует. Я утверждаю, что из такого предположения может проистечь лишь совершенная путаница. <…> Сила не создает права, повиноваться следует лишь справедливым властям»[528].

---

[525] Руссо Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического права // Ж. Руссо. Об общественном договоре. Трактаты. М.: КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998. С. 195-322.

[526] Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Ю.М. Лотман. Собрание сочинений. Т. 1. Русская литература и культура Просвещения. М.: ОГИ, 2000. С. 178-179. Существует и другая точка зрения на происхождение тираноборческих аргументов «Рассуждения»: Г. А. Гуковский полагал, что они восходят к труду немецкого мыслителя Иоганна фон Юсти «Природа и сущность государства». (Гуковский Г. А. Фонвизин // История русской литературы: В 10 т. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 161). Гуковский полагал, что «эклектическая система» Юсти была основана на попытках примирить Монтескье и Руссо, однако труд «Природа и сущность государства» был издан немецким автором в 1760 г. – за два года до выхода «Общественного договора».

[527] Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение… РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 13; Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах… С. 261-262.

[528] Цит. по: Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века… С. 178-179.

Добавим: эта аргументация следовала в русле республиканской политической традиции Нового времени. Речь в данном случае идет не столько о республиканизме как симпатии к представительной форме правления, сколько о парадигме идей классического республиканизма[529], о своеобразном политическом языке «оппозиции растущему административному государству». В парадигме классического республиканизма беспорядок «естественного состояния» предстает «следствием нестабильной игры страстей, которая может сдерживаться только политическим порядком, в котором индивидуальные интересы соотносятся с общим благом через внедрение гражданской добродетели»[530]. Особую важность для языка классического республиканизма имела метафора кризиса, ведущего к упадку гражданской добродетели, гражданской доблести – отсюда и «политическая паранойя» этого языка, подразумевавшая постоянную готовность нации сделать выбор между свободой и рабством.

Говоря о праве нации на сопротивление, Панин отмечал: «Совсем излишне входить в толки о разностях форм правления и разыскивать, где государь самовластнее и где ограниченнее. Тиран, где б он ни был, есть тиран, и право народа спасать бытие свое пребывает вечно и везде непоколебимо»[531]. Скорее всего, это – перефразированная цитата из популярного в XVIII в. труда «Le Droit des gens, ou Principes de la loi naturelle appliques a la conduite et aux affaires des nations et des souverains» швейцарского автора Эмера де Ваттеля. С книгой Ваттеля Панин, по-видимому, был знаком[532]. В оригинале цитата звучала так: «Когда необходимо сопротивляться государю, который стал тираном, право народа остается тем же, неважно, является ли государь в силу законов абсолютным, или нет (курсив наш – К. Б.); ибо это право проистекает от цели всякого

---

[529] О республиканизме существует обширная литература; см., например: Каплун В. Л. Свобода в раннем российском республиканизме: гражданский республиканизм в России и европейская республиканская традиция Нового времени // Что такое республиканская традиция: Сборник статей. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 131-152.

[530] Baker K. Transformations of Classical Republicanism in Eighteenth-Century France // The Journal of Modern History. Mar., 2001. Vol. 73. № 1. P. 35-36.

[531] Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение... РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 13об.; Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах… С. 263.

[532] Первое издание труда Ваттеля «Le Droit des gens…» вышло в 1758 г. в его родном Невшателе, а также в Гааге и Лейдене. Лейденское издание находилось в книжном собрании Паниных и было занесено в составленный не позднее 1839 г. соответствующий каталог (Каталог книг из собрания Паниных // РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 2901. Л. 44об.).

политического общества – безопасности нации, которая и есть высший закон»[533].

Ваттель так формулировал основную цель любой нации: «Сохранять и улучшать собственную природу – сумма всех ее обязанностей в отношении себя»[534]. Практическим путем к этому является поиск наилучшей конституции, под которой подразумевается «фундаментальная регуляция, которая определяет то, как общественная власть исполняется, формирует конституцию государства»[535]. Ваттель отмечал: «Ясно, что нация имеет неоспоримое право формировать, поддерживать и улучшать свою конституцию, регулировать по своему усмотрению все, относящееся к правительству, а также – что ни одно лицо не может иметь права мешать ей». Впрочем, «никто, кроме тела нации, не может иметь права ограничивать тех, кто у власти, когда они злоупотребляют своей властью. Когда нация молчит и повинуется, народ расценивается как одобряющий распоряжения своих начальников, или по крайней мере, как находящий их терпимыми; и малое количество граждан не может подвергать государство опасности под предлогом его реформирования»[536]. Решение об изменении конституции «может быть вынесено только нацией, или органом, который ее представляет».

При этом, подчеркивал Ваттель, «сама нация не может покушаться на персону суверена, исключая случаи крайней необходимости, когда государь, нарушая законы и угрожая безопасности своего народа, оказывается в состоянии войны с ними. <…> Чаще, когда государь нарушает фундаментальные законы, нападает на свободы и привилегии своих подданных, или (если он абсолютен) когда его правительство, не став крайне жестоким, явно устремляется к погибели нации, она может сопротивляться ему, наложить на него наказание, и прекратить повиноваться ему; но хотя все это и может быть сделано, его персону все же должно пощадить, ради процветания его государства»[537]. Впрочем, по мнению Ваттеля, на практике «очень сложно противостоять абсолютному государю, и это не может быть исполнено без великих возмущений в государстве… на это следует покушаться лишь в крайних случаях, когда общественные стра-

[533] Vattel E. Le Droit des gens, ou Principes de la loi naturelle appliques a la conduite et aux affaires des nations et des souverains. Paris: J.-P. Aillaud, 1835. T. 1. P. 135-136. Соответствующая часть «Рассуждения» в целом выстроена в соответствии с параграфом 51 книги IV («Du souveraine, de ses obligations et de ses droits») труда Ваттеля.

[534] Ibid. P. 107.

[535] Ibid. P. 116.

[536] Ibid. P. 119.

[537] Vattel E. Le Droit des gens… P. 133-134.

дания поднялись до такой степени, что… лучше подвергнуть себя гражданской войне, чем сносить их»[538]. В равной степени Ваттеля волновала и проблема повиновения суверену, при этом, по мнению швейцарского автора, хотя «ничто не может обязать, или даже приказать человеку нарушить естественный закон», но одновременно и «весьма сложно определить, в каких случаях подданный может не только отказать в повиновении, но и воспротивиться суверену, и бросить вызов его насилию силой»[539]. Поэтому «подданному следует терпеливо страдать от сомнительных ошибок государя, а также от тех ошибок, которые можно снести»; предполагается, что «каждый гражданин будет молчаливо соблюдать подобную умеренность, ибо без нее общество не может существовать».

Идеи Руссо и Ваттеля, отсылающие к республиканской парадигме Нового времени, стали для Панина – активного участника переворота 1762 г. – своеобразным интеллектуальным инструментом оправдания. В одном из писем Павлу Петровичу, написанных в 1783-1874 гг. «для поднесения при законном Его вступлении на престол», генерал П. И. Панин указывал стартовую точку политических рассуждений своего брата – поиск «причин: от чего бы народ, просвещенный христианским законом, и оказующий в военных случаях похвальную храбрость и мужество, мог весь без изъятия ввергнуться в такия порабощеннейшия клятвопреступления». По словам П. И. Панина, он вместе с братом переживал «государственный позор… о том, что общее злополучие со всеми вернейшими детьми Отечества, судило жить нам в том веке, когда два Правителя Отечества и два Государя наши, коим все подданные в верности присягали, свергались с таким гнусным обличением в клятвопреступлениях подданных, что никто и из незнавших совсем, по каким законным и справедливым причинам производится свержение, не сделал ни малейшаго и виду на защищение своего Государя»[540].

При этом – парадокс! – братья Панины признавали правомочность свержения Петра III, поскольку «в Российской империи из древле окорененных обычаев, ниже и из самих тех законов, которые приемлются во всех благоустроенных государствах фундаментальными законами и

[538] Ibid. P. 136.

[539] Vattel E. Le Droit des gens… P. 137.

[540] Проект письма [П.И. Панина великому князю Павлу Петровичу], при котором положено поднести приобщенным к нему сочинения в двух номерах о государственном управлении // Бумаги гр. Н. и П. Паниных (записки, проекты, письма к В. К. Павлу Петровичу 1784-1791 гг.). РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 32; Шумигорский Е.С. Приложение… С. 20.

вернейшею твердостию держав, ни единой почти не остался в святой неприкосновенности, но все они без изъятия свержены под самовластие». Таким образом, «Российские сыны не имели уже в общем государственном благосостоянии ни какого с Государями союза, и пребывая во всегдашнем трепете, не только о своих всех собственностях, да и о себе самих остаются при нещастливых свержениях Государей все без изъятия в недействиях к соблюдению присяг своих, ласкаясь единственно, не может ли при новых переменах произойти чего лучшаго к твердости Отечества и к вернейшей безопасности собственностям и безвинностям каждаго»[541].

Способом возвратить «российских подданных к соблюдению при всяких случаях данных государям своих присяг» Панину виделось «союзное сопряжение государя со всею империею… неразрывным узлом утвержденных государственных фундаментальных прав и формы правления». Эти права не должны были подлежать «переменам и отрешением ни какому самовластию», чтобы «таковым союзным сопряжением Государя со всею Империею, весь народ по внутреннему уверению каждаго в себе, не имел уже причины ожидать в новых переменах лучшаго, но был бы всегда готов защищать жизнию своею того Государя, под владением котораго сохраняются во всей целости государственные фундаментальные законы и форма правления, под сенью коих соблюдались общее благо, верность и безопасность каждаго подданнаго»[542]. Там же, где – как отмечал в «Рассуждении о непременных государственных законах» Н. И. Панин – «произвол одного есть закон верховный, тамо прочная общая связь и существовать не может; тамо есть государство, но нет отечества, есть подданные, но нет граждан, нет того политического тела, которого члены соединялись бы узлом взаимных прав и должностей»[543].

«Рассуждение» стало одним из первых российских текстов, разделившим понятия «подданный» и «гражданин»[544]. О. Хархордин полагает, что в отмеченном фрагменте «Рассуждения» выражен «четкий республиканский идеал», в котором «нарушение общих законов убивает свободу»[545]. Однако Панин (что ясно следует из «Рассуждения»)

[541] Там же.

[542] Проект письма [П.И. Панина великому князю Павлу Петровичу]… РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 32об.; Шумигорский Е. С. Приложение… С. 20-21.

[543] Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение… РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 6; Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах… С. 255.

[544] Марасинова Е.Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века. М.: Наука, 2008. С. 304.

[545] Хархордин О. Что такое «государство»? Европейский контекст… С. 187.

понимал свободу в духе Монтескье – как личную неприкосновенность, сопряженную со свободным пользованием собственностью; такое понимание свободы как отсутствия вмешательства отличается от характерного для республиканской традиции акцента на добродетелях, активном участии в управлении и гражданском равенстве. Больше того: далее в тексте «Рассуждения» Панин внезапно обращается к иному противоположению свободы и рабства, говоря (вполне в республиканском духе!) о том, что свободный человек – это «тот, которой не зависит ни от чьей прихоти», тогда как раб зависит во всем от чужой милости. Однако уже в следующем предложении он возвращается к характеристике свободы как «безопасности».

Не менее важно, что Панин провел черту между понятиями «государство» и «отечество». Понятия «гражданин» и «отечество», по-видимому, связаны со способностью членов общества автономно добиваться «общего блага», демонстрировать сознательность. Д. И. Фонвизин в «Житии графа Никиты Ивановича Панина», называя Панина «добродетельным гражданином», писал, подразумевая именно эту способность автономно добиваться «общего блага»: «Нрав графа Панина достоин был искреннего почтения и непритворныя любви. Твердость его доказывала величие души его. В делах, касательных до блага государства, ни обещания, ни угрозы поколебать его были не в силах. Ничто в свете не могло его принудить предложить монархине свое мнение противу внутреннего своего чувства. Колико благ сия твердость даровала отечеству! От коликих зол она его предохранила!»[546]. Бюст Н. И. Панина, установленный на его могиле в Благовещенской усыпальнице Александро-Невской лавры, выполнен в характерном «римском» стиле[547].

«Государство» же у Панина предстает как комплексное целое; оно состоит из многих частей[548], «мест», которые управляют этими частями по «государственным уставам»; оно принадлежит «самодержавному государю». Присутствуют выражения «государственные доходы» и «государственная экономия», а также «государственная полза», есть

---

[546] Фонвизин Д. И. Жизнь графа Никиты Ивановича Панина… С. 281.

[547] На доске черного мрамора, расположенной в центре скульптурной группы, была вырублена надпись: «Граф Никита Иванович Панин друг человечества, родился в 1718 году сентября 15 дня, предводительствовал 20 лет политическими делами, приобрел колену своему Графское достоинство и имел доверенность воспитать наследника престола всероссийского, скончался в 1783 году марта 31 дня» (Художественное надгробие в собрании Государственного музея городской скульптуры. Научный каталог. Т. 1. Благовещенская и Лазаревская усыпальницы. СПб.: Государственный музей городской скульптуры, 2004. С. 8).

[548] См.: Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 21-21об.

также и устойчивое выражение «форма государственная». Во «Всеподданнейшем предъявлении слабого понятия и мнения о воспитании его императорского высочества» «отечество» и «государство» довольно-таки четко разделены: последнее упоминается лишь дважды, когда речь заходит о необходимости обучить наследника «прямой государственной науке» – «познанию коммерции, казенных дел, политики внутренней и внешней, войны морской и сухопутной, учреждений мануфактур и фабрик, и прочих частей, составляющих правление государства его, силу и славу монаршу»[549].

Стремление провести грань между понятиями «государь» и «государство» присутствует в собственноручном черновом докладе Панина 1762 г., когда речь заходит о елизаветинском Кабинете – «безгласном и никакова образа государственнаго не имеющем месте», в котором «временьщики и куртизаны» создали «гнездо своим прихотям». По мнению Панина, этот Кабинет превратился «в самой вредной источник не токмо государю но и самому государству потому что стали из него выходить все сюрпризы и обманы государя[550] развращающие государственное правосудие его по его уставы его порядок и его ползу, под формою имянных указов и повелений во все места. Вредной самому государю потому что и те сами кои такия коварныя средства употребляют для прикрытия себя пред публикою, особливо стараются возлагать на щот собствненнаго государева самоизволения все то что они таким образом ни производили ибо в таком безгласном и в основании своем несвойственном управлению правителству государственному месте определенная персона для производства дел может себя почитать неподверженным суду и ответу пред публикою следователно свободным от всякаго обязателства перед государем и государством[551] кроме его исполнения»[552].

Панин ведет речь о том, что должностные лица – «министры» – имеют обязательства не только перед монархом, но и перед «государством». Позднее в своих письмах к Павлу Петровичу П. И. Панин будет вести речь уже о «государе» и «Отечестве»: те, кто дерзнет коснуться «не только к опровержению, но и к повреждению… формы монаршескаго государственнаго правления и статей фундаментальных

---

[549] [Панин Н.И.] Всеподданнейшее предъявление слабого понятия и мнения о воспитании его императорского высочества, государя великого князя Павла Петрович. Записка графа Н. И. Панина. 1760 г. // Русская старина, 1882. Т. 35. № 11. С. 319.

[550] Слово «государя» в публикации СИРИО пропущено.

[551] В оригинале написано поверх отточия.

[552] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 25; Бумаги, касающиеся предположения… С. 205.

прав», объявляются «предательми Государей своих и Отечества»[553]. Правда, П. И. Панин нигде не упоминает о «гражданах»; зато один из пунктов «Прибавления» он посвятил отношениям между помещиками и их «подданными», то есть крепостными, четко отделив их от «вольных»[554].

Не является риторической фигурой и отказ Панина считать Россию деспотией на том основании, что – как указано в «Рассуждении» – «нация никогда не отдавала себя государю в самовольное его управление и всегда имела трибуналы гражданские и уголовные, обязанные защищать невинность и наказывать преступления»[555]. В концепции Монтескье деспотизм не сводится к злоупотреблению властью – он социально обусловлен и, провоцируя бесконечные перевороты, на деле остается статичным. Свержение «тирана» в «Рассуждении» предстает орудием предохранения от деспотии, тогда как в концепции Монтескье оно скорее является ее следствием.

Таким образом, опосредованная ориентация Панина на стабильную модель французской монархии сталкивалась с противоречиями российской эпохи «переворотства», осмысленными в категориях республиканского политического лексикона. Обоснование права нации на сопротивление тирану и даже на свержение тирана выглядит несколько странным в «Рассуждении» (обращенном, напомним, к наследнику престола), тем более что в том же тексте Панин указал на то, что «деспотичество, рождающееся обыкновенно от анархии, весьма редко в нее опять не возвращается», а затем с горечью упомянул зависимость престола империи от гвардейцев – «зверской толпы буян»[556].

Между тем, Монтескье, который «был в большей степени привержен сложной географии институтов Старого Порядка, чем воинствующему разуму Просвещения»[557], «не считал, что французские подданные могли не повиноваться Людовику XIII из-за деспотизма Ришелье», и хотя мыслителя вряд ли удивило бы восстание

---

[553] Проект письма [П.И. Панина великому князю Павлу Петровичу]… // Бумаги гр. Н. и П. Паниных (записки, проекты, письма к В. К. Павлу Петровичу 1784-1791 гг.). РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 37-37об.; Шумигорский Е. С. Приложение… С. 35.

[554] Шумигорский Е. С. Приложение… С. 17.

[555] Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение… РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 16; Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах… С. 265.

[556] Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение... РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 9, 15об.; Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах… С. 258, 265.

[557] Singer B. Montesquieu on Power: Beyond Checks and Balances // Montesquieu and his Legacy. Albany: SUNY Press, 2009. P. 107.

французов, он «не нашел места для подобного неповиновения» в своем трактате[558]. Идея политического баланса во многом основывалась не на прогрессистской тяге к «современному конституционному порядку», а на лояльности по отношению к традициям и обычаям, начиная с порядка наследования престола. Таким образом, в «Рассуждении» были использованы два разнонаправленных политических дискурса.

В «Рассуждении» Панин недвусмысленно признал за нацией право свергнуть «тирана», считая подобное свержение то благом, то катастрофой. Апелляция к универсальным нормам естественного права, «пребывающим везде неизменно», позволяла найти обоснование для сознательного нарушения баланса и смены правителя во имя «общего блага». Пространство «истребившейся формы правления», деградирующей монархии, оставляло у нации возможность сделать политический выбор между благом и злом. Переворот – одновременно и язва деспотизма, и спасение от него! В этом контексте утверждаемое «Рассуждением» право нации на свержение «тирана» следует связывать в первую очередь с легитимацией переворота 1762 г.

Дворцовые перевороты приводили к возникновению настоящих политических амальгам, и переворот 1762 г. – нелегитимный из нелегитимных, вопиющий из вопиющих – был тому ярчайшим свидетельством. В заключающей части своего доклада 1762 г. Панин просил императрицу «Богом и народом врученное вам право самодержавства (курсив наш – К. Б.) употребить с полною властию к основанию и утверждению формы и порядка в правительстве», чтобы «оградить самодержавную власть от скрытых иногда похитителей оной». Значение этого фрагмента выглядит еще более интересным, если учесть черновой вариант. Первоначально императрице предлагалось «определить Богом врученное вам право самодержавства [чтобы] учредить в полной власти форму и порядок для новаго правителства способом которым оно б безпрестанно могло действовать в праведную и общую ползу и благосостояние возлюбленного вами народа империи вашей».

Однако этот фрагмент текста автор подверг тщательной переработке (настолько тщательной, что сегодня реконструкция первоначального текста сопряжена со значительными трудностями). Вначале Панин попытался уменьшить значимость предполагаемого «нового правительства», зачеркнув слова «оно б» и вписав вместо этого «та самодержавная власть», затем уточнил – «та ваша самодержавная

[558] Mosher M. Monarchy's Paradox... P. 178.

власть». Затем, однако, Панин отказался и от характеристики правительственных учреждений как «новых», соответственно, правке подверглись падежные окончания и формы слов. Кроме того, во фразе «Богом врученное вам право самодержавства» сверху было вписано «…и народом»[559].

Такие формулировки можно интерпретировать двояко. Это мог быть намек на легитимацию прихода царицы к власти «по избранию», однако скорее – по нашему мнению – здесь нашел выражение своеобразный легитимационный дискурс, определявший взгляд на генезис и характер суверенной власти. В достаточно откровенной форме эти взгляды предстали в итоговом докладе Императорского Собрания 1763 г., в состав которого входил и Панин: «Всемогущий Бог определил судьбами своими принять скипетр к благополучию всего отечества российского Вашему Императорскому Величеству над таким уже народом, который не иным чем, как просвещенным своим разумом обозрел свое добро, целость и на будущие времена благополучие и потому возжелал единодушно и единомышленно Ваше Императорское Величество видеть на престоле за ваши природные дарования (курсив наш – К. Б.)»[560].

Доклад Собрания может расцениваться как попытка группы влиятельных сановников напомнить узурпаторше о том, кому она обязана властью, однако в том же духе были выдержаны и официальные манифесты[561]. Краткий манифест, подписанный Екатериной 28 июня и опубликованный 3 июля 1762 г., вообще ничего не говорил о свержении монарха (резко отличаясь от аналогичного манифеста Елизаветы,

---

[559] Проект Никиты Ивановича Панина… РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 28об.

[560] Доклад комиссии о правах и преимуществах русского дворянства. 18 марта 1763 г. // СИРИО. Т. 7. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1871. С. 241. Не менее интересно и то, что подписавший этот доклад А. П. Бестужев-Рюмин в специальном «представлении» отмечал: «…Как сей неоцененной нам дар происходит не по какому прошению, но от собственной Е.И.В. самодержавной деспотической воли (курсив наш – К. Б.) и единственно от ее благодеющей руки, то не требует ли тем больше наша всеподданнейшая должность изъявить сей несравненной императрице и самодержице, сколько по возможности нашей станет, отличное за то признание» (Представление А. П. Бестужева о поднесении Екатерине II титула Матери Отечества. 26 февраля 1763 г. // Омельченко О. А. Императорское Собрание 1763 г. (Комиссия о вольности дворянской): Исторический очерк. Документы. М.: МГИУ, 2001. С. 94-95).

[561] Проект Никиты Ивановича Панина… // РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 28об. Тематика возведения императрицы на престол «по просьбе» подданных появляется в нескольких манифестах Екатерины II, изданных по горячим следам переворота и позднее не вошедших в Полное собрание законов Российской империи (см.: Четыре манифеста о восшествии на престол Екатерины II и о кончине Петра III // Осмнадцатый век. Кн. 4. Тип. Т. Рис у Мясницких ворот, Д. Воейкова, 1869. С. 216-222).

говорившего о свержении регентши Анны Леопольдовны[562]), сообщая лишь о том, что «всем прямым сынам Отечества Российского явно оказалось, какая опасность всему Российскому государству начиналась самым делом»; далее в числе и таких опасностей были названы «потрясение и истреблении» православия и «совершенное порабощение» российской славы «заключением нового мира с самым ее злодеем»[563].

Однако уже 7 июля 1762 г. был обнародован «Обстоятельный манифест», содержавший пространное оправдание совершившегося переворота. Несмотря на то, что манифест был посвящен легитимации дворцового переворота, авторы этого правового акта смогли искусно подчеркнуть аспекты преемственности, характерные для традиционной легитимации монархии. Так, манифест фактически уравнял Петра III и Екатерину II в родственном отношении к династии Романовых. Петр III назван только «племянником Елизаветы», определенным к наследованию российского престола ее волей; одновременно Елизавета названа «теткой» Екатерины. Более того: племянник Елизаветы «паче и паче старался умножить оскорбление развращением всего того, что Великий в свете Монарх и Отец своего Отечества, блаженныя и вечно незабвенныя памяти Государь Император Петр Великий, Наш вселюбезнейший дед, в России установил»[564]. Так правнук Петра Великого представал в тексте всего лишь «племянником Елизаветы» – и наоборот, Софья-Августа-Фредерика Ангальт-Цербстская представала правнучкой Петра Великого.

«Обстоятельный манифест» декларировал готовность новой императрицы к реформам: «А как Наше искреннее и нелицемерное желание есть прямым делом доказать, сколь Мы хотим быть достойны любви Нашего народа, для которого признаваем Себя быть возведенными на престол: то таким же образом здесь наиторжественнейше обещаем Нашим Императорским словом узаконить такие государственные установления, по которым бы правительство любезного Нашего отечества в своей силе и принадлежащих границах течение свое имело так, чтоб и в потомки каждое государственное место имело свои пределы и законы к соблюдению доброго во всем порядка, и тем уповаем предохранить целость Империи и Нашей Самодержавной

---

[562] Манифест о вступлении на всероссийский престол Государыни Императрицы Елизаветы Петровны и об учинении присяги. 25 ноября 1741 г. // ПСЗ. Т. 11. [СПб.]: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. № 8437. С. 537.

[563] Четыре манифеста о восшествии на престол Екатерины II и о кончине Петра III... С. 216.

[564] Там же. С. 219.

власти, бывшим несчастием несколько испроверженную, а прямых верноусердствующих своему отечеству вывести из уныния и оскорбления»[565].

В «Обстоятельном манифесте» фигурировал и великий князь Павел Петрович, которого Петр III «при самом вступлении на Всероссийский престол не восхотел объявить… Наследником Престола, оставляя самовольству своему предмет, который он в погубление Нам и Сыну Нашему в сердце своем положил». Бывший император «вознамерился или вовсе право ему преданное от Тетки своей испровергнуть, или Отечество в чужие руки отдать, забыв правило естественное, что никто большего права другому дать не может, как то, которое сам получил»[566]. Кроме того, «Обстоятельный манифест» подчеркивал, что Екатерина II получила власть без всякого кровопролития, хотя и отважилась «отдать Себя или на жертву за любезное отечество, которое от Нас то себе заслужило, или на избавление его от мятежа и крайнего кровопролития»[567].

Резкие отличия от предшествовавшего прецедента «переворотства» налицо: даже название обширного манифеста Елизаветы, опубликованного 28 ноября 1741 г., показательно: «О вступлении на Престол Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, с обстоятельным изъяснением ближайшего и преимущественного права (курсив наш – К. Б.) Ея Величества на Императорскую Корону»[568]. Этот манифест был посвящен разъяснению сложных норм престолонаследия в Российской империи, доказывая ссылкой на «духовную» Екатерины I законность занятия трона Елизаветой, поскольку еще в 1730 г. Анна Иоанновна кознями А. И. Остермана (о Верховном Тайном совете в манифесте нет ни слова) был избрана императрицей «мимо» Елизаветы – «как всему умному Свету известно есть, законной Отеческому Престолу наследницы». Очень коротко в манифесте было упомянуто и «прошение Наших верноподданных», по которому Елизавета решилась пресечь вызванные правлением малолетнего Ивана Антоновича «разорение», «непорядки» и «безпокойства», однако основным смыслом текста оставалась демонстрация правовых преимуществ Елизаветы перед представителями Брауншвейг-Люнебургского

[565] Четыре манифеста о восшествии на престол Екатерины II и о кончине Петра III… С. 222.

[566] Там же. С. 198.

[567] Там же. С. 220.

[568] О вступлении на Престол Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, с обстоятельным изъяснением ближайшего и преимущественного права Ея Величества на Императорскую Корону. 28 ноября 1741 г. // ПСЗ. Т. 11. [СПб.]: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. № 8476. С. 542-544.

дома, которые «никакой уже ко Всероссийскому Престолу принадлежащей претензии, линии и права» не имеют.

Таким образом, «Обстоятельный манифест», к составлению которого, возможно, был причастен и Н. И. Панин, оправдывал переворот сразу несколькими путями, соединяя силу традиционной легитимации монархической власти (вплоть до демонстрации – посредством семантических уловок – кровного родства новой императрицы с прежними государями) с признанием права на свержение некомпетентного монарха-«тирана» и ссылками на коллективную волю подданных[569]. Соответственно, панинское добавление «и народом» должно было не указывать на ограниченный характер власти императрицы, но, напротив, усилить легитимацию узурпаторши.

При этом в тексте манифеста говорилось о том, что действия свергнутого императора «столь чувствительно напоследок стали отвращать верность Российскую от подданства к нему, что ни единого в народе уже не оставалося, кто бы в голос с отвагою и без трепета не злословил его, и кто бы не готов был на пролитие крови его». Несмотря на то, что далее следовало упоминание христианской заповеди «о почитании Власти предержащей», которая «до сего предприятия еще не допускала, а вместо того все уповали, что Божия рука сама коснется и низвергнет утеснение и отягощение народное его собственным падением», открытое признание возможности свержения и даже убийства монарха объясняет, почему «Обстоятельный манифест» не вошел в Полное собрание законов Российской империи. Использование республиканского политического лексикона в официальном манифесте остается уникальным случаем для Российской империи[570].

---

[569] Интересно, что этот вопрос представлял определенные трудности для мыслителя, фрондерские настроения которого не подлежат сомнению. В знаменитом памфлете «О повреждении нравов в России» М. М. Щербатов подчеркнул нелегитимность способа захвата власти Екатериной: «Супруга сего Петра Третьего, рожденная Принцесса Ангальт-Цербская Екатерина Алексеевна, взошла с низвержением его, на российский престол. Не рожденная от крови наших государей, жена свергнувшая своего мужа возмущением и вооруженною рукою, в награду за столь добродетельное дело корону и скиптр российский получила, купно и с именованием благочестивыя государыни…». Но однозначного ответа о том, можно ли предпочесть способнейшего монарха законнейшему, Щербатов не дал, ограничившись замечанием: «Не можно сказать, чтобы она не была качествами достойна править толь великой Империей, естли женщина возможет поднять сие иго, и естли одних качеств довольно для сего вышняго сану (курсив наш – К. Б.)» (Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. М.: Наука, 1983. С. 79).

[570] Конечно же, обоснование действий монарха с помощью концепции «общего блага» не было новацией 1762 г. Постепенная замена традиционалистских аргументов рационалистическими, подчас в весьма резкой форме, происходила со времен Петра I.

Американская исследовательница С. Уиттакер, специально изучившая представления о власти российских самодержцев в среде интеллектуальной элиты XVIII в., предполагает, что власть российских монархов в XVIII в. последовательно проходила стадии «династической», «эмпирической» и «не-деспотической» (nondespotic) интерпретации. Будучи вначале основанной на сугубо династической разновидности легитимации, эта власть затем начала осмысливаться как подходящая для России наилучшим образом в силу обширных размеров страны и, наконец, была признана в своей сущности отличной от деспотизма[571].

Как бы то ни было, эта концепция Уиттакер, объясняющая в целом логику развития легитимации монархии в России XVIII в., не позволяет понять того, как именно решался вопрос о легитимации правления конкретного монарха в эпоху дворцовых переворотов. «Династическая» и «эмпирическая» интерпретации абсолютной власти («самодержавия») различаются тем, что первая фокусирует внимание на лояльности по отношению к монархам определенной династии, укоренной через традицию, тогда как вторая приводит аргументы в пользу лояльности форме правления. Кроме того – как говорит об этом, в частности, приведенная выше формулировка из доклада Императорского собрания 1763 г. – легитимация монархии через ее противопоставление деспотизму не связана напрямую с легитимацией передачи власти из рук более законного монарха более способному. Уиттакер с легкостью относит аргументацию в пользу свержения деспота к «не-деспотической» концепции монархии, игнорируя разницу между двумя разными подходами к этому вопросу, которые упрощенно можно представить в виде утверждений: «монарх, ставший деспотом, будет свергнут нацией» и «нация имеет право свергнуть монарха, ставшего деспотом».

По мнению Уиттакер, в России XVIII в. «в силу растущей политической изощренности и текущего опыта, развилось отвращение к любому повторению жестокого (oppressive) стиля правления Петра Великого, хотя русские продолжали ценить связь между абсолютизмом и прогрессом. Парадоксально, но в действительности элита сместила двух регентов и одного императора между 1740 и 1762 гг. за деспотическое поведение и несоответствие петровским (Petrine) стандартам»[572]. Вряд ли, однако, можно согласиться с подобным мнением:

[571] Whittaker C. The Idea of Autocracy among Eighteenth-Century Russian Historians // Russian Review. Apr. 1996. Vol. 55. № 2. P. 149-171.

[572] Whittaker C. Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb: North Illinois Press, 2003. P. 103.

в 1740 г. легитимация восшествия на трон Елизаветы была преимущественно династической, а не тираноборческой; строки о «прошении Наших верноподданных» в манифесте 1741 г. терялись среди пространных рассуждений о династическом праве Елизаветы на трон ее отца и матери.

Говоря о постепенной смене парадигмы легитимации власти монарха, С. Уиттакер подразумевает поступательный процесс развития, встроенный в контекст общеевропейского феномена «просвещенного абсолютизма», провозвестником которого явился Петр Великий. Но, по нашему мнению, подобное представление о смене парадигм легитимации слишком много внимания уделяет реформаторской риторике, которую не всегда легко отличить от традиционных штампов, применявшихся для восхваления коронованной особы. Развитие секулярного политического дискурса, частые обращения к «общественному благу», представление о монархе как о «первом слуге» государства – достижения петровского правления – никак не подразумевали собой права подданных сменить своего суверена.

Выдвигаемый Уиттакер тезис об «элективном» характере легитимации российской монархии XVIII в. игнорирует разницу между смысловыми оттенками концепта «избрания» – различие между «избранным» и «выбранным» монархами. Следует согласиться с К. Шарфом, отмечавшим касательно «принципа выборности» в российской монархии XVIII в.: «…Идеологическая формула консенсуса в каждом конкретном случае имела различные политические наполнения. Так называемый “выборный принцип” представляется недоразумением прежде всего потому, что характеризует “выборную монархию” в качестве идеальной формы правления, которая в России… принципиально отклонялась и не имела сторонников, уж тем более среди тех, кто владел троном или претендовал на него»[573].

Переворот 1762 г., к сожалению, остается «черным ящиком», который не поддается убедительной расшифровке. О том, что – как полагает С. Уиттакер – Петр III не смог должным образом оправдать свою власть в глазах подданных и как следствие потерял корону, мы можем судить только по текстам из лагеря победителей. Перевороту не предшествовала идеологическая подготовка, не было никакой памфлетной войны; права Петра III на трон были публично подвергнуты сомнению только после его свержения. Мы не знаем мотивов заговорщиков именно пото-

[573] Шарф К. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 39.

му, что они не были логически изложены. Суммируем: по нашему мнению, элементы республиканского лексикона в политическом дискурсе о свержении Петра III позволяли не подготовить это свержение (мы не располагаем четкой аргументацией в пользу свержения, созданной до того, как оно произошло), а оправдать его. Проблема, таким образом, заключается не в том, что Петр III и его подданные говорили на разных языках (например, «деспотическом» и «не-деспотическом»), а в том, что после свержения Петра III политический истеблишмент был вынужден говорить на новом (или, по крайней мере, значительно обновленном) языке, поскольку именно это позволяло оправдать дворцовый переворот, приведший к свержению монарха, обладавшего всеми видами правовой и традиционной легитимности.

Как уже отмечалось выше, в продиктованной датскому дипломату Ахацу фон Ассебургу собственной версии событий переворота 1762 г. Панин не привел никаких дополнительных доводов в пользу свержения легитимного монарха, кроме уже знакомой по «Обстоятельному манифесту» личной некомпетентности Петра III[574]. В «Рассуждении» же этот переворот, очевидно, приобрел черты свержения нацией «тирана». Было ли восприятие Паниным естественно-правовой, республиканской аргументации одной из причин, толкнувших его к участию в заговоре, или же подобная аргументация сыграла роль лишь постфактум? Вопрос остается открытым…

Однако несомненно, что – из-за необходимости как-то вести речь о дворцовых переворотах – концепция монархии в «Рассуждении о непременных государственных законах» оказалась амбивалентной, «двуязычной». Язык компаративного анализа Монтескье позволял Панину описать правовые и институциональные черты политического идеала, опосредованно опиравшиеся на практику французской монархии с ее изощренным консультативным аппаратом. В свою очередь, черпавшая силу из республиканского лексикона аргументация в пользу права нации на свержение «тирана» была, по нашему мнению, нацелена не столько на критику правления Екатерины II (эту роль выполнял включенный в текст «Рассуждения» памфлет, содержавший выпады против императрицы и Г. А. Потемкина), сколько на осмысление и легитимацию переворота 1762 г. (и, возможно, дворцовых переворотов XVIII столетия вообще).

Удивительно, что в поисках эффектных формулировок легитимации Панин и его окружение обращались к тому же интеллектуальному

---

[574] Ассебург А., фон дер. Записка о воцарении Екатерины Второй // Русский архив, 1879. Кн. 1. Вып. 3. С. 364-365.

источнику, что и лидеры мятежных североамериканских колоний[575]. В первой редакции «Рассуждения» присутствовал следующий фрагмент, выпущенный при подготовке текста для отправки Павлу Петровичу: «Если б Богу было угодно предопределять, кому властвовать и кому рабствовать, то бы он, конечно, ознаменовал чем-нибудь сию волю свою; цари, например, рождались бы тогда с короною на головах, а вся достальная часть человеческого рода – с седлами на спинах»[576]. Сходным образом выразился уже на закате своей жизни, в 1826 г., один из «отцов-основателей» США Т. Джефферсон в своеобразном «политическом завещании» – письме к мэру Вашингтона Р. Уэйтману: «Всеобщее распространение света науки уже сделало всем очевидной вполне осязаемую истину: люди, составляющие большинство человечества, не рождаются на свет с седлами на своих спинах, точно так же, как и немногие привилегированные не рождаются в сапогах со шпорами, готовыми милостью Божьей законно ездить верхом на других»[577]. Последние слова Панина о монархии практически совпали с последними словами Джефферсона о демократии!

Однако фраза Джефферсона, в свою очередь, восходит к предсмертным словам офицера кромвелевской армии Р. Рамбольда, участвовавшего в восстании герцога Монмаута и казненного после поражения мятежников в 1685 г.: «Я уверен, что ни один человек не был рожден со знаками дарованных Богом отличий от других; ибо никто не приходит в мир ни с седлом на спине, ни в сапогах со шпорами для езды в этом седле…»[578]. Эти слова Рамбольда неоднократно приводились в различных исторических сочинениях – в том числе, в книге «History of His Own Time» («История его времени») историка-вига Гилберта Барнета, епископа Солсберийского, которая присутствовала в библио-

---

[575] О влиянии Ваттеля на американских «отцов-основателей» – в частности, на А. Гамильтона – см.: Wood G. The Creation of the American Republic 1776-1787. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1969; Goldstein L. Popular Sovereignty, the Origins of Judicial Review, and the Revival of Unwritten Law // The Journal of Politics. 1986. Vol. 48. № 1. P. 51-71.

[576] Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина… С. 276. М.А. Дмитриев, около 1826 г. снявший копию с первой редакции «Рассуждения», особо запомнил эту цитату: «Вредного и опасного в этой бумаге было вот что: он говорит своему питомцу, что если бы цари рождались только властвовать, а подданные только повиноваться, то тогда цари родились бы с коронами на головах, а все прочие люди с седлами на спинах» (Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни // Наше наследие. 1989. № 4 (10). С. 85).

[577] Jefferson to Roger Weightman, June 24, 1826 // The Writings of Thomas Jefferson. Vol. XVI. Washington: Thomas Jefferson Memorial Association of the United States, 1903. P. 182.

[578] [Burnet G.] Bishop Burnet's History of His Own Time. Vol. III. Oxford: Clarendon Press, 1823. P. 30.

теке Джефферсона[579]. Французский перевод этой книги, выполненный Ф. де ла Пийонньe и вышедший под заглавием «Histoire des dernières révolutions d›Angleterre» («История последних революций в Англии») в 1725 г. в Гааге, находился в книжном собрании Паниных[580]. Можно предположить, что источником вдохновения и для Панина, и для Джефферсона послужили именно последние слова офицера английской республиканской армии...

Другой пример – быть может, еще более яркий – это параллели между текстами Панина и виконта Болингброка, крупного английского политика и мыслителя конца XVII – начала XVIII вв. Болингброк внес вклад в развитие английской республиканской мысли и был популярен среди американских «отцов-основателей», будучи своего рода связующим звеном между республиканцами XVII в. – такими, как А. Сидней или Дж. Харрингтон – и республиканцами Нового света[581]. В коллекции Паниных присутствовал рукописный перевод сочинений Болингброка, включая и его знаменитое «Рассуждение о короле-патриоте»[582] (перевод, который, очевидно, выполнен с французского языка, озаглавлен «Идея о короле патриоте»).

Идеи Панина местами весьма сходны с идеями Болингброка. Важнейшее сходство между двумя текстами – характеристика Бога как «ограниченного монарха». Так, Болингброк, скептически относившийся к попыткам представить власть монархов сакральной, отмечал: «Я не скажу, что бог управляет по правилу нам известному, или которое мы можем знать <…> но я говорю, что Бог делает всегда то, что наиблагопристойнее делать, и что сия благопристойность рождается от разных свойств и разных сходств вещей, поелику творец всех систем, по которым учреждены свойства и сходства вещей, предписал самому себе правила, которым он последует, поелику управляет каждою системою. Одним словом Бог есть Монарх не случайный, но ограниченный правилами безконечной премудрости, предписанными безконечной его вла-

[579] Adair D. Rumbold's Dying Speech, 1685, and Jefferson's Last Words on Democracy, 1826 // The William and Mary Quarterly, Third Series. Oct. 1952. Vol. 9. № 4. P. 526. О путях трансляции левеллерской интеллектуально-политической традиции (на примере влияния левеллеризма на радикальное движение в Британии рубежа XVIII-XIX вв.) см. также: Donnelly F. Levellerism in Eighteenth and Early Nineteenth-Century Britain // Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies. Summer, 1988. Vol. 20. № 2. P. 261-269.

[580] Каталог книг из собрания Паниных // РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 2901. Л. 75об.

[581] См. о Болингброке и о политических дебатах в Британии его эпохи: Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton: Princeton University Press, 1975. P. 462-506.

[582] Письма о свойстве патриотисма, о понятии и должностях государя патриота, о состоянии партий, которыя разделяли Англию во время вступления на престол Георгия Перваго. Трет. четв. XVIII в. // НИОР РГБ. Ф. 222. Панины. Картон 23. № 5. Л. 26-102.

сти». Чуть ниже Болингброк повторил этот тезис, но в несколько ином виде – если уж Бог является ограниченным государем, то что говорить о монархах рода людского: они «принуждены управлять следуя правилам установленным благоразумию государства, которое и прежде королей было уже государством, и по согласию народа, которой не сотворен от них а особливо когда в их руки отдается власть и над животом подданных, и что власть законодательная не может быть употребляема без их участия»[583]. В другом месте Болингброк выразился так: «Мы можем столь же мало говорить, что судно построено, нагружено и снастями вооружено для любви пилота, как и о том, чтобы государства для королей учреждены были, а не короли для государства»[584].

Панин фактически воспроизвел эти тезисы (с большой долей вероятности, заимствовав их у Болингброка), однако приспособил их к собственному контексту. В отличие от Болингброка, Панин открыто сравнивал власть монарха с властью Бога; ограниченность власти монарха является следствием ее подобия божественной власти и вытекающего из этого подобия совершенного характера. Мысль о том, что государство первично по отношению к монарху, Панин сохранил в своем тексте, но сравнение власти государя с властью Бога у Панина стало в целом более почтительным. С другой стороны, в отношении божественной власти Панин высказался куда радикальней: «Сам бог в одном своем качестве существа всемогущего не имеет ни малейшего права на наше повиновение. Вообразим себе существо всемогущее, которое не только ко всему принудить, но и вовсе истребить нас может, которое захотело бы сделать нас несчастными или по крайней мере не захотело бы никак пещись о нашем благе, тогда чувствовали ли бы мы в душе обязанность повиноваться сей вышней воле, клонящейся к нашему бедствию или нас пренебрегающей? Мы уступили бы по нужде ее всемогуществу, и между богом и нами было б не что иное, как одно физическое отношение». Принудить к повиновению невозможно: настоящее повиновение может быть только добровольным. Вместо договора – предполагающего две стороны – используется моральный аргумент: «Все право на наше благоговейное повиновение имеет бог в качестве существа всеблагого. Рассудок, признавая благим употребление его всемогущества, советует нам соображаться с его волею и влечет сердца и души ему повиноваться. Существу всеблагому может ли быть приятно повиновение, вынужденное одним страхом?»[585].

[583] Там же. Л. 38об.

[584] Там же. Л. 36.

[585] Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение... РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 13об.; Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах… С. 263.

И у Панина, и у Болингброка говорится о том, что монарх, осознавший ограниченный характер своей власти (с той разницей, что в случае с Паниным речь идет о самоограничении, а в случае с Болингброком – об отказе короля от покушений на имеющиеся «установления»), является на самом деле более достойным и более могущественным, чем тиран. Однако за сходством скрывается различие, крайне важное для понимания особенностей российской политической мысли.

В начале XVIII в. английское общество столкнулось с проблемой коррупции в парламенте – влиятельные политики начали подкупать парламентариев; угрозу парламентской свободе представляли теперь не только попытки расширить полномочия короля, но и рост могущества правительства, деятельно участвовавшего в финансовых махинациях. Болингброка заботило то, как монарх с ограниченными прерогативами должен действовать по отношению к могущественному парламенту, подвергающемуся разъедающему действию коррупции со стороны враждующих партий и порочных министров, наподобие ненавистного Болингброку Р. Уолпола. Действуя решительно и будучи морально совершенным, «король патриот» способен восстановить необходимый баланс и остановить моральное вырождение Англии.

Так, Болингброк сравнивает монархию с семьей, используя, казалось бы, классическую абсолютистскую метафору: «Истинное изображение вольнаго народа управляемого царем патриотом есть наподобие патриаршеской фамилии, которыя глава и члены соединены общею пользою, оживлены единою душею: ежели которой из них столь развращен был бы, чтоб иметь другие мысли и предприятия, тотчас со всех сторон внезапно укротился бы, и не только не учинили бы Разделения, но паче укрепили бы единство сея области».

Что за «разделение»? Болингброк настаивал на том, что «все мысли царя патриота к тому вверены быть должны, вместо того, чтоб способствовать разделению народа, он будет стараться его соединить, и чтобы самому центром быть их соединения; вместо того чтоб быть начальником какой нибудь партии для управления народа, он зделается главою всего»[586]. Различные «партии» разделяют народ, преследуя под видом общественной пользы частную выгоду; задача монарха – искусно вести дела, сплачивая своим авторитетом выборные коллегиальные органы власти и одновременно отказываясь от поддержки

[586] Письма о свойстве патриотисма, о понятии и должностях государя патриота… Л. 64.

партии, предлагающей ему расширить свои прерогативы с помощью наступления на прерогативы этих органов.

У Панина тоже есть и порочные министры, и морально совершенный государь, однако отсутствие парламента и всей соответствующей традиции делает картину принципиально иной: вместо того чтобы – маневрируя в пределах своих полномочий и прерогатив – приводить парламентскую политику в состояние равновесия, панинский монарх должен был, сохраняя свою абсолютную власть, приводить в равновесие разъедаемую коррупцией собственную администрацию, демонстрируя полный контроль над самим собой. Ни о каком «разделении народа» речи нет; вместо этого Панин пространно обвиняет государевых фаворитов, похищающих самодержавную власть. Монарх должен оберегать не прерогативы парламента, а свои собственные – от своих же придворных и, в конечном счете, от себя самого.

Болингброк интерпретировал отмеченную выше мысль о том, что государство существовало до монарха, в договорном духе. Панин нигде – ни в «Рассуждении о непременных государственных законах», ни в иных текстах – не обращается к фундаментальным законам как к договору. Эти законы фигурируют как «узел», связывающий государя с подданными взаимными обязанностями (аналогичное высказывание, впрочем, было и у Болингброка!), однако Панин не придает им договорного характера. Если монарх управляет скверно и тиранически, то нация освобождается от необходимости повиноваться, но не в силу договора, а в силу того, что подобная власть не имеет божественного характера.

Наконец, расхождения присутствуют и в понимании «вольности», которую и Болингброк, и Панин ставят в центр внимания. Болингброк – в соответствии с республиканской традицией – понимал под вольностью участие в управлении государством; вольность связана с правами парламента и – что крайне важно в свете угрожающей коррупции – с готовностью и желанием парламента ими пользоваться. Поэтому, отмечает Болингброк, нужно пользоваться правлением короля-патриота так, как моряк пользуется затишьем, чтобы укрепить «вольность» на будущее[587].

Панин считал важнейшими основами государства «вольность и собственность», следуя за мыслью Монтескье. В данном случае под «вольностью» подразумевалась личная безопасность. «Права нации» – это права подданных наслаждаться личной безопасностью и беспре-

[587] Письма о свойстве патриотисма, о понятии и должностях государя патриота… Л. 58об.

пятственно использовать свою собственность. Но Панин не говорит о праве нации на участие в управлении, и в этом заключается ключевое различие! Почерпнутые из английской республиканской традиции концепты в российском, абсолютистском контексте приобретали специфическое значение.

Итак, политический лексикон европейского классического республиканизма приходил в Россию сквозь бреши в традиционной легитимации монархии, пробитые петровским законом о престолонаследии. Республиканский политический язык стал инструментом осмысления феномена «переворотства» и легитимации участия подданных в переворотах. В таком качестве республиканский лексикон оказывал влияние даже на тех представителей российской элиты, которые признавали сохранение суверенной власти за монархом.

Феномен «дворцовых переворотов» мог не затрагивать глубинных основ российского социума, но меру его влияния на тонкий, но крайне влиятельный слой политической элиты еще предстоит выяснить. Постоянные кризисы власти требовали осмысления происходивших изменений, и ответ был найден – в использовании элементов республиканского политического языка, позволявшего обосновать право нации на сопротивление тирану и проникшего даже в тексты официальных манифестов.

Итак, проникновение республиканской идеологии в Россию XVIII в. и степень использования республиканского политического лексикона на практике не означали развития оппозиционных «самодержавию» (в современном понимании) течений в строгом смысле; на российской почве политический язык начинал звучать на особый лад. Можно предположить, что критическое переосмысление представлений о российской монархии, приведшее в итоге к феномену мощных оппозиционных движений XIX в., было связано не столько с процессом все большего распространения политических идей Просвещения как таковым (то, что С. Уиттакер называет «логичным и ироничным следствием просвещенного абсолютизма: монарх настолько просвещает свой народ, что тот больше не нуждается или не хочет его абсолютной власти»[588]), сколько с возможностью использовать те или иные дискурсы в рамках политической борьбы, разворачивавшейся в секуляризующемся политическом пространстве империи благодаря частым кризисам власти. Стремясь к стабильности, российская политическая элита была готова осмыслять болезненные сюжеты

[588] Whittaker C. The Reforming Tsar: The Redefinition of Autocratic Duty in Eighteenth-Century Russia… P. 94.

дворцовых переворотов в терминах права нации на восстание против «тирана». Но сам этот республиканский язык, на котором говорили и французские кальвинисты, и голландские революционеры XVI в., и английские пуритане XVII в., и американские «отцы-основатели» конца XVIII в., в российских реалиях служил для довольно-таки своеобразных целей.

Конечно, Н. И. Панин не был ни первым, ни ярчайшим носителем этого языка, развитие которого в России XVIII в. в целом шло от аристократического республиканизма «верховников», вдохновленного Локком и шведскими конституционными примерами[589], к демократическому республиканизму «Путешествия из Петербурга в Москву», основанному на идеях Руссо и Мабли, а также на восприятии опыта Соединенных Штатов Америки[590]. Но это не отнимает у текстов Панина их своеобразия, их исключительной значимости. Его положение могущественного сановника, в течение десяти лет во многом определявшего государственную политику и еще десять лет сохранявшего сильное влияние на нее, заговорщика, принявшего деятельное участие в самом нелегитимном перевороте XVIII в., наконец, человека обширных познаний и незаурядного полемического таланта, делает созданные им тексты – от чернового доклада 1762 г. до «Рассуждения о непременных государственных законах» – важнейшими свидетельствами связи между политическим лексиконом и реальной политической практикой.

Концепция «фундаментальных законов» – совокупности административно-политических институтов, правовых гарантий и «храни-

[589] См.: Madariaga I, de. Portrait of an Eighteenth-Century Russian Statesman: Prince Dmitry Mykhaylovich Golitsyn // The Slavonic and East European Review. 1984. Vol. 62. № 1. P. 36-60; Польской С. В. Истоки российского конституционализма: теория естественного права и русские политики первой половины XVIII века // Философский век. Альманах 5. Идея истории в российском Просвещении. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1998. С. 162-184; Он же. Развитие представлений о законе в сознании российского дворянства XVIII века // Философский век. Альманах 10. Философия как судьба. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1999. Он же. Русский конституционализм XVIII – начала XIX в. М.: 2010. URL: http://www.perspectivy.info/misl/idea/russkij_konstitucionalizm_xviii__nachala_xix_v_2009-12-11.htm (дата обращения к ресурсу: 03.03.2010); Юсим М. А. Макиавелли в России. Мораль и полиика на протяжении пяти столетий. М.: ИВИ РАН, 1998.

[590] См.: Пугачев В. В. А.Н. Радищев (Эволюция общественно-политических взглядов). Горький, 1960; Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Запретная мысль обретает свободу: 175 лет борьбы вокруг идейного наследия Радищева. М.: Наука, 1966; Моряков В. И. Из истории эволюции общественно-политических взглядов просветителей конца XVIII века (Рейналь и Радищев). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981; Лотман Ю. М. Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII в. // Ю. М. Лотман. О руской литературе. СПб.: Искусство-СПб, 2005. С. 211-239.

лища законов», с помощью которого самодержавный монарх должен реализовывать свою верховную власть – и права нации на свержение тирана были связаны с актуальными практическими вопросами обеспечения стабильности в империи и легитимации дворцового переворота. Используя республиканский лексикон, Панин не столько критиковал российскую монархию, сколько старался осмыслить дворцовые перевороты, в первую очередь – тот из них, в котором ему самому довелось принять активное участие. Важнейшим доводом в пользу этого является то, что идеология, предусматривающая право нации на свержение тирана, вышла на авансцену в 1762 г. в текстах официальных манифестов. Различия в контексте предопределяют и различия в восприятии манифестов 1762 г. и «Рассуждения о непременных государственных законах», однако язык оставался одним и тем же – в своем поиске оптимальных политических решений Панин опирался примерно на тот же круг интеллектуальных источников, что и Екатерина II.

О сходстве политического языка Панина и Екатерины говорят «Наказ», «Собственноручное наставление» А. А. Вяземскому, «Антидот», проект закона о престолонаследии – «Императорская статья Екатерины Второй», составленная в 1766 или 1767 г., а также обширный проект манифеста о престолонаследии 1785 г.[591] и составленный императрицей в 1787 г. «Наказ Сенату», «проект своего рода абсолютистской конституции империи», который усиливал компетенцию совета (здесь совет именовался «Советом императорского величества») и, в частности, наделял его правами опекунства в случае малолетства наследника престола[592]. Почему же реформаторские идеи Панина, в особенности те из них, которые (подобно идее Совета при особе императора) разделяли другие сановники рубежа 50-60-х гг. XVIII в., так и не были воплощены в полной мере?

Придя к власти незаконным путем, императрица отсекала все, где ей виделось какое-либо законное ограничение своей власти, даже если такое ограничение на деле носило «экспертный» характер обсуждения в коллективном совещательном органе. Формулировки «Собственноручного наставления» Екатерины, столь сходные с проектом Н. И. Панина, в реальном политическом контексте обретали иное значение: «закон» для императрицы не предполагал «совета». В политическом лексиконе императрицы «совет», очевидно, и впрямь приобретал чер-

[591] Сафонов М. М. Завещание Екатерины II. СПб.: ЛИТА, 2001. С. 240-244.

[592] Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М.: Юрист, 1993. С. 246-248; Сафонов М. М. Завещание Екатерины II… С. 244-250.

ты «соправительства», от которого предостерегали А. Н. Вильбоа и А. П. Бестужев-Рюмин, опасавшиеся непомерного возвышения членов Императорского совета. Объяснение этому может скрываться в механике легитимации права Екатерины на трон.

Эта легитимация, как я постарался показать, была основана не только на традиционном династическом фундаменте, но и на признании того, что личные качества Екатерины подходят для управления империей лучше, нежели качества легитимного, но бездарного Петра III. Подобная легитимация, очевидно, делала для Екатерины проблемным вопрос экспертизы со стороны опытных советников – это поставило бы под сомнение ее личные качества как правительницы.

В 1797 г. – уже после царствования Екатерины II, но, несомненно, отражая сложившиеся за годы ее правления устойчивые представления о характере монаршей власти, – бывший статс-секретарь императрицы А. В. Храповицкий, обращаясь к Г. Р. Державину, решительно разрывал с французскими образцами и подчеркивал, что российские государи вообще не нуждаются в министрах[593]:

Велик был Петр, велик неложно;
Но как поверить нам возможно,
Что он полцарства отдавал
За то, чтоб Ришельё воскреснул?..
У нас бы он с коварства треснул,
Или Россию продавал.
У нас цари не Лудовики
И не министрами велики,
Собой велики паче всех:
Был Меншиков и Бирон смирен,
И Зубов, ставши размундирен,
Для всех Россиян только смех.

Представляется, что причины невосприимчивости Екатерины II к реформаторским предложениям Панина заключались не в объективном противоречии между «самодержавием» и ограничительными стремлениями части элиты, а в сложных контроверзах легитимации и политической механики беспрецедентного по своей нелегитимности дворцового переворота. Сам концепт Совета оказался чужд новому языку легитимации, возникшему после свержения Петра III и основанному на признании личных достоинств императрицы, а не ее законного права на трон. Парадоксально, что этот язык вполне раз-

[593] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 2. Ч. 2. СПб.: Изд. Имп. Академии Наук, 1865. С. 35.

делял и наиболее последовательный сторонник концепции Совета – Н. И. Панин.

Наконец, есть еще одно важное проявление республиканского влияния в политической мысли Панина. Как отмечено выше, баланс в администрации должен был быть связан не столько с правовыми нормами, сколько с моральными качествами. Очевидно, Панин верил в личные добродетели государственных мужей, поддерживаемые публичным признанием. Существовал набор добродетелей, которые участники имперской администрации должны были демонстрировать в публичной сфере.

Образцовые добродетели такого государственного мужа были описаны Д. И. Фонвизиным в апологетическом сочинении «Житие графа Никиты Ивановича Панина» (1784 г.): «Он не мог терпеть, чтоб самовластие учреждало в гражданских и уголовных делах особенные наказы в обиду тех судебных мест, кои должны защищать невинного и наказывать преступника. С великим огорчением взирал он на все то, что могло повредить или возмутить государственное благоустройство; утруждение императрицы прошением о таком деле, которое не было еще подробно рассмотрено сенатом, противуречие в судопроизводстве, подлое и раболепное послушание тех, кои по званию своему должны защищать истину ценою собственной своей жизни, – словом, всякое недостойное действие корысти и пристрастия, всякая ложь, клонящаяся к ослеплению очей государя и общества, и всякий подлый поступок поражали ужасом добродетельную его душу»[594]. Благодаря великой «твердости», а также благородству, рассудительности и «искусству приобретать сердца», «от всех соотечественников его дано было ему наименование честного человека»[595].

Такая модель поведения, акцентировавшая личную ответственность государственного мужа за поддержание своего достоинства и публичной репутации, была инновацией для России XVIII в. (политические амбиции не были, конечно, чем-то новым per se, но форма их выражения вполне определенно оказалась новаторской). Ответственность членов Императорского совета перед «публикой», о чем говорилось в проекте Панина 1762 г., должна пониматься именно в моральном и репутационном смысле: возможность честного человека поддержать свое достоинство через публичное признание его добродетелей и деяний.

[594] Фонвизин Д. И. Жизнь графа Никиты Ивановича Панина // Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений. Т. 2. С. 283-284.
[595] Там же. С. 285.

Такое признание служило своеобразной мотивационной схемой. В «Рассуждении о непременных государственных законах» добродетель («честность») и публичное признание помещены рядом с характеристикой образцового монарха: «Первое его титло есть титло честного человека, а быть узнану есть наказание лицемера и истинная награда честного человека»[596]. Это тоже элемент республиканской традиции – быть может, куда более важный, чем намеки на тираноборчество.

Роль мотиватора здесь отведена памяти. Память потомков открывает возможность для одного из важнейших элементов классической традиции – образцам доблестного, добродетельного поведения, запоминаемым и передаваемым из поколения в поколение[597]. Фонвизинский Стародум (вполне возможно, еще одно воплощение Панина) отмечал, говоря о пороках придворной жизни: «Тут себя любят отменно; о себе одном пекутся; об одном настоящем часе суетятся. Ты не поверишь. Я видел тут множество людей, которым во все случаи их жизни ни разу на мысль не приходили ни предки, ни потомки»[598].

Был ли Панин знаком с римской историей? Мне неизвестны свидетельства того, что Панин знал латинский или греческий языки либо проявлял к этим языкам интерес. Однако книжное собрание Паниных включало французские переводы важнейших античных авторов, писавших о Риме. Здесь присутствовали, в частности, «Histoire de Ciceron» (1744), «Histoire de Polybe» (1774), «Histoire romaine» Тита Ливия (1770), «Histoire de Salluste» (1775). В целом, Цицерон был едва ли не самым представленным автором из тех, что присутствовали в библиотеке Паниных, – каталог включает более 15 изданий его текстов, а также ряд его биографий[599]. Возможно, античные тексты о до-

[596] Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение о непременных государственных законах… РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 17; Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах… С. 266.

[597] О ключевом значении «значимых жизнеописаний» для республиканской традиции говорят практически все исследователи республиканизма, от Х. Арендт и Дж. Покока до О. В. Хархордина.

[598] Фонвизин Д. И. Недоросль // Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений: В 2 т. / Под ред. Г. П. Макогоненко. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. Т. 1. С. 132.

[599] См.: Каталог книг из собрания Паниных… Л. 68-77, 165об. Тацит представлен двумя публикациями «Анналов» (под заглавием «Tibere ou les sept premiers livres des Annales de Tacite»). Среди трудов по римской истории нужно назвать такие книги, как «Histoire de la jurisprudence des Romains» А. Террассона (1750), «Histoire des Empereurs romains depuis Auguste jusqu'a Constantin» Ж. Кревье (1752), «Histoire romaine depuis la foundation jusqu'a la bataille d'Actium» Ш. Роллена (1764), наряду с еще двумя экземплярами его «Римской истории», 1769 и 1772 годов издания, «Observations sur les Romains» Г. Мабли (1768), «Histoire des revolutions arrives dans le Gouvernement de Rome» аббата Верто. Необходимо добавить сюда тексты Монтескье, включая и «Considerations sur les causes de la grandeur et la decadence de'l Empire Romain» (хотя год и место издания в каталоге библиотеки отсутствуют).

бродетелях государственных мужей или их позднейшие переложения оказали на Панина влияние.

Итак, триада: добродетель – действия – память. Государственный муж может реализовывать свои добродетели только в публичном пространстве, именно в этом смысле он ответственен и перед монархом, и перед «публикой». Политические деяния, таким образом, не просто продиктованы верностью государю или стремлением к «общему благу», но и имеют дополнительную ценность в силу своего персонализированного характера и публичного признания. Важно, что деяния и достоинства политика должны остаться в памяти его соотечественников; это – личная амбициозность, находящая удовлетворение в признании «честным человеком» и «добродетельным гражданином», а не только «благочестивым христианином» или «преданным слугой императора». Кажется, Панину это удалось.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Абсолютизм Панина оказался вполне сочетаем с реформизмом. Проекты Панина признавали за монархом обширную и в принципе неограниченную – суверенную – власть («самовластие» или «право самодержавства») и не предполагали ограничения власти монарха путем перераспределения его прерогатив в пользу коллективных или представительных органов. Панин стремился не к легитимации расширения полномочий подобных органов, а к разработке конкретных мер по стабилизации положения в империи. Совет был призван не ослабить, а усилить власть монарха, поскольку система управления империей, представленная в проектах Панина, опиралась на постоянное личное руководство со стороны императора.

Усиление власти монарха одновременно означало ее «сдерживание». Присутствовавшие в проектах Панина элементы «сдерживания» суверенной власти императора касались не характера этой, в принципе, неограниченной власти, а способа ее реализации, что предполагало осознание монархом необходимости самоограничения в пользу искусства принимать взвешенные решения, договариваться, внушать подданным любовь и избегать «деспотичества». Такие элементы «сдерживания» вводились с помощью понятия «фундаментальные законы» и включали порядок престолонаследия, совокупность регламентов работы высших административных органов, правовые гарантии подданным Российской империи и относительную автономию судебной власти в лице наделенного правом представления Сената. Эта концепция монархии во многом опиралась на политическую философию Монтескье и опосредованно отсылала к идеализированному образу французской «консультативной» монархии. Тем не менее, важно подчеркнуть: ограничения, о которых шла речь в панинских проектах, – это прежде всего ограничения, которые монарх накладывает на себя сам. И в данном случае проекты Панина следует рассматривать в русле морально-этической философии. Институциональные ограничения для Панина оставались проблемой в силу того, что – как отмечено выше – власть монарха он считал суверенной, сравнивая ее в «Рассуждении о непременных государственных законах» с властью Бога. И, в конечном счете, мораль, а не право определяет благотворный и законный характер царствования. Равным образом личные добродетели, мотивируемые публичным признанием и памятью потомков, гарантируют ту «твердость», которая должна поддерживать Сенат и Совет куда прочнее, чем регламенты и правовые нормы.

В своем политическом творчестве Панин опирался на многочисленные заимствования из европейской политической теории и практики, приспосабливая их к российскому контексту. При этом основными источниками влияния можно считать французскую политическую теорию и практику, тогда как заимствования из практики шведской «Эры Свобод» в текстах Панина отсутствовали. Исключением можно считать саму идею «неизменяемого» письменного закона, которая могла быть следствием осмысления Паниным статуса шведской Regieringsform 1720 г. В целом же наборы понятий, с помощью которых Панин вел в своих проектах речь о власти, были частью официального дискурса, сложившегося в условиях кризиса власти на рубеже 50-60-х гг. XVIII в. Этот концептуальный аппарат использовали многие представители политической элиты, в том числе и не бывшие сторонниками лично Панина. Неудивительно: единое концептуальное пространство создавало возможности для того, чтобы придворные политики понимали друг друга, говоря о тех или иных проблемах.

Если в провале панинских проектов преобразования высшего политического эшелона России решающую роль сыграла специфика легитимационной стратегии, избранной Екатериной II, то в развитии личного конфликта императрицы и ее министра ключевое значение имел другой фактор. Срок пребывания Панина на вершине политического Олимпа был очень долгим по европейским, да и по российским меркам – Панин руководил внешней политикой России с 1762 по 1783 гг., двадцать лет[600]; даже признанный «политический долгожитель» А. И. Остерман оставался у важнейших рычагов управления в течение всего пятнадцати лет – с 1725 по 1741 гг.

В политической борьбе рубежа 50-60-х гг. XVIII в. участвовали сановники, родившиеся в первой четверти «Века просвещения»: Н. И. Панин, его ровесник Д. В. Волков, А. И. Глебов, М. И. Воронцов, З. Г. Чернышев, Я. П. Шаховской, Н. Ю. Трубецкой, Г. Н. Теплов и другие, а также их более старые (но не менее честолюбивые) коллеги – Б. Миних, А П. Бестужев-Рюмин, Г. Кейзерлинг. Вместе с тем, переворот 1762 г. вознес на вершину власти многих из тех, кто родился после 1725 г., в том числе – Г. Г. Орлова, А. А. Вяземского, Я. Е. Сиверса и других. Но к 1783 г. и они (кроме Вяземского) в большинстве своем

[600] Хотя время от времени отдельные исследователи называют Н. И. Панина «канцлером», наставник цесаревича не имел этой должности: Екатерина II обходилась вообще без канцлера, возможно, имитируя действия Людовика XIV, упразднившего после смерти кардинала Мазарини должность первого министра. М. И. Воронцов вышел в отставку вскоре после переворота, в 1762 г., а И. А. Остерман, ставший в 1775 г. вице-канцлером, получил чин канцлера лишь в 1796 г., от Павла I.

уже сошли с авансцены. Панин же к тому времени был по меркам XVIII в. стариком.

Люди, занявшие в 80-е гг. XVIII в. ключевые позиции в управлении империей, были моложе него: Г. А. Потемкин – на 20 лет, Н. И. Салтыков – на 18, А. А. Безбородко – на целых 28. Уже к концу 60-х гг. XVIII в. Н. И. Панин оказался старейшим из влиятельных сановников при дворе Екатерины II, однако почтенный возраст, очевидно, не придавал ему веса в глазах постоянно молодившейся императрицы. Длительное пребывание у кормила власти и старость стали теми факторами, которые оказали негативное влияние на отношения между Екатериной и Паниным.

В бумагах М. А. Мещерской, правнучки генерала П. И. Панина, сохранилась история об Н. И. Панине, очевидно, относящаяся ко второй половине 70-х гг. XVIII в.: «Никита Иванович явился на придворном бале с бриллиантами, нашитыми на кафтане; тут подошла к нему какая-то щеголиха с замечанием, что его мода устарела и что бриллиантов на кафтаны уже не нашивают. Он сейчас же ножичком отпорол свои бриллианты и просил эту даму принять их, так как они лучше пристали красивой женщине, чем ему»[601]. Но тяготы старости не исчерпывались отставанием от моды. В последние годы жизни Панину было уже физически трудно постоянно присутствовать при дворе, и это отмечали иностранные дипломаты – например, французский посланник маркиз Шарль де Верак: «Вот уже примерно три месяца, как граф Панин стал жаловаться на чрезвычайное расстройство своего здоровья. <...> Лишь к четырем часам он показывается на людях, которые его ожидают в приемной. Однако уже в пять с половиной часов он вынужден сделать перерыв, чтобы совершить прогулку в карете или соснуть часок. Ежедневно к семи тридцати у него собираются люди, с которыми он обсуждает разные дела. Так проходит его день. В результате режим не оставляет графу Панину возможности бывать при дворе…»[602].

Исследователь Н. Хеншелл, рассматривая политическую архитектуру «абсолютных монархий» Нового времени, отмечает: «Придворные фракции – последовательно игнорировавшаяся деталь политической истории XVIII и XVII веков. Историки слишком часто забывают,

---

[601] Панины в письмах, переписке и др. актах XVIII и первой половины XIX века. Сборник, составленный внучкой Никиты Петровича Панина, в 4-х кн., с биографическим сведениями о Н. И. Панине, П. И. Панине и Н. П. Панине, с рукописным текстом, охватывающим период с 1673 по 1837 гг. // РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 2889. Л. 36.

[602] Цит. по: Черкасов П. П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения, 1774-1792. М.: Наука, 2004. С. 190.

что монархия оставалась персональной. <…> Политика, таким образом, сводилась к стремлению склонить короля на свою сторону и подорвать при этом доверие к другому советчику. <…> Обстоятельства, в которых оказывался монарх, а также его характер и способности, его возраст, здоровье и условия вступления на престол, его подозрительность по отношению к фаворитам и самостоятельность были определяющими для установления успешного контроля за осаждавшими его конкурирующими группами»[603]. Императрица с каждым годом становилась все более и более опытной в искусстве управления. К 70-м гг. XVIII в. она, по-видимому, перестала испытывать нужду в таком советнике, как Панин.

Позднее секретный агент французского короля в Санкт-Петербурге Жан де Лаво напишет о том, что в начале 80-х гг. XVIII в. Потемкину удалось оттеснить Панина и Орлова, играя на честолюбии императрицы: «Когда Потемкин заметил, что Екатерина достаточно тщеславна, чтобы внушать миру, будто она правит в одиночку и без всякой помощи со стороны министров, он не упустил ни одной возможности представить ей этих людей амбициозными, не довольствующимися разделением между собой управления Империей, стремящимися показать всей Европе, что именно они – первоисточники государственных дел, и что правление Екатерины заимствует все свое сияние у них»[604].

К сходным выводам приходил и князь М. М. Щербатов, рассуждая в знаменитом памфлете «О повреждении нравов в России» о карьере генерал-прокурора А. А. Вяземского: «Человек неблистательного ума, но глубокого рассуждения, имевший в руках своих доходы государственные, искуснейший способ для льщения употребил. Притворился быть глупым, представлял совершенное благоустройство Государства под властию ея (императрицы – К. Б.), и говоря, что он, быв глуп, все едиными ея наставлениями и быв побуждаем духом ея делает, и иногда премудрость ея нетокмо ровнял, но и превышал над Божией, а сим самым учинился властитель над нею»[605]. Тех же, кто демонстрировал незаурядные способности, императрица, по выражению Щербатова, со временем выбрасывала, как выжатый лимон.

Дворцовые перевороты определяли сложный, противоречивый характер политической культуры российской придворно-администра-

[603] Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб.: Алетейя, 2003. С. 78-79.
[604] Цит. по: Meehan-Waters B. Catherine the Great and the Problem of Female Rule // Russian Review, Vol. 34. No. 3 (Jul., 1975). P. 297.
[605] Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. М.: Наука, 1983.

тивной элиты XVIII в. Только учитывая всю важность «сорока лет в революциях на престоле», можно понять идеологию реформаторских проектов Панина с их одновременным признанием неограниченности монаршего суверенитета («самодержавства») и рационального самоограничения этой власти во имя стабильности и лояльности подданных. Так, можно предположить, что нарастание «реформаторского» тона легитимации на протяжении XVIII в. (на что обращает внимание С. Уиттакер) было не столько попыткой монархии идти в ногу со временем, сколько вынужденным шагом, призванным восполнить бреши в традиционной монархической легитимации.

Выборочно используя республиканский политический лексикон, Панин ставил целью оправдать дворцовый переворот 1762 г. Тираноборческая направленность панинского «Рассуждения о непременных государственных законах» не была связана с поиском аргументов против абсолютной монархии как таковой: если использование тираноборческого лексикона в Европе XVI-XVIII вв. было направлено на обоснование права нации свергнуть монарха или передать его прерогативы в руки выборных органов, то в проектах Панина республиканский лексикон позволял post factum осмыслить и оправдать переворот 1762 года. Парадоксально, что республиканская идеология в России второй половины XVIII в. оказалась востребована в среде высших сановников империи, в полной мере приверженных абсолютистскому, «самодержавному» принципу.

Означает ли это, что развитие в России идеологии, обосновывающей право нации на сопротивление тирану, в некоторой степени является одним из аспектов многогранного феномена российского «переворотства»? Критическая заостренность политической мысли Панина не была связана со специфической оппозиционностью идеологии его проектов. Конфликт, который сегодня может представляться столкновением между «абсолютистским» и «правовым» началами, в действительности должен восприниматься в первую очередь как личный конфликт между императрицей и ее влиятельным министром, естественным образом развивавшийся с течением времени. Признание этого позволяет скорректировать традиционные представления об истории российского конституционализма: так, проекты Панина в концептуальном отношении противоречили идеям верховников 1730 г.

В конечном счете ключ к пониманию проектов Панина связан с придворно-административной средой их бытования. Полагаю, указания Д. Рансела на то, что реформаторские проекты оставались частью

стратегии и тактики придворной конкуренции, в целом являются верными. Однако Рансел рассматривает проекты и придворную борьбу как разные сферы, как своего рода теорию и практику, столкновения которых порождали драму реформатора, неспособного провести реформы в жизнь. Я не могу с этим согласиться: на мой взгляд, именно практическая направленность проектов как инструментов придворной борьбы определяла их сложный, противоречивый характер. Важно помнить, что творчество Панина на деле являет собой набор докладных записок, адресованных коронованным особам. Абсолютная монархия была не только антагонистом реформы, словно косная практика, противостоящая прогрессистской теории! Скорее, она была ее инструментом, и коммуникативной задачей проектов – да и вообще любой политической придворной речи – было использовать ее, а не разрушить. Присутствие всесильного адресата-монарха определяло приоритет моралистической аргументации над любой иной. Слова, которые в устах народного вождя могли звучать призывом к революции, под пером придворного становились предостережением.

Поэтому я должен подчеркнуть: если уж искать идейного наследника панинской мысли, то это будут не аморфные «конституционалисты» или «либералы» российской истории, а идеологи монархизма XIX в. с их акцентом на личных качествах и моральных достоинствах государя и подданных. Абсолютистские, реформаторские, моралистические – именно так бы я охарактеризовал политические идеи Панина, если бы должен был ограничиться тремя словами.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Неопубликованные источники

Бумаги по шпалерной манифактуре // РГАДА. Ф. 248. Д. 3380.

Всеподданнейший доклад сената с представлением мнения действительного тайного советника князя Шаховского о преобразовании гражданских штатов, которые высочайшими именными указами 1762 июля 23 и августа 9 повелено было разсмотреть правительствующему сенату // РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 21.

Каталог книг из собрания Паниных. Б/д, не ранее 1839 г. // РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 2901.

Мнение Н. И. Панина, вице-канцлера Остермана и всех членов Секретной экспедиции Коллегии иностранных дел о направлении внешней политики России, с характеристикой внешнеполитических отношений Англии к державам Северного союза. Копия // РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 131.

Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение о непременных государственных законах // Бумаги гр. Н. и П. Паниных (записки, проекты, письма к В. К. Павлу Петровичу 1784-1791 гг.). РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 5-17.

Опись бумаг графа Никиты Ивановича Панина // РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 137-в. Л. 43-44.

Оригинальные и переводные произведения XVII, XVIII и XIX вв. в рукописном виде из книжной коллекции Паниных // РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. С. 149-165.

Панины в письмах, переписке и др. актах XVIII и первой половины XIX века. Сборник, составленный внучкой Никиты Петровича Панина, в 4-х кн., с биографическими сведениями о Н. И. Панине, П. И. Панине и Н. П. Панине, с рукописным текстом, охватывающим период с 1673 по 1837 гг. // РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 2889.

Печатные издания из библиотеки Паниных // РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1, ч. 2.

Письма о свойстве патриотисма о понятии и должностях государя патриота, о состоянии партий, которыя разделяли Англию во время вступления на престол Георгия Перваго. Трет. четв. XVIII в. // НИОР РГБ. Ф. 222. Панины. Картон 23. № 5.

План (несостоявшейся) или Росписание учреждаемаго вновь при дворе из 4 департаментов имеющаго быть Совета с назначением кому быть министром, и кому статским секретарем // РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 63.

Прибавление к разсуждению, оставшемуся после смерти министра графа Панина, сочиненное генералом графом Паниным, о чем между ими разсуждалось иметь полезным для Российской империи фундаментальные права, не пременяемыя на все времена никакою властию (черновик) // Бумаги гр. Н. и П. Паниных (записки, проекты, письма к В. К. Павлу Петровичу 1784-1791 гг.). РГАДА. Ф. 1. Д. 17.

Проект Никиты Ивановича Панина об учреждении Императорскаго совета и о разделении Сената на департаменты, с приписками императрицы Екатерины и несостоявшимся по этому поводу манифестом ея // РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4.

Разсуждения вечера 28 марта 1783 г. // РГАДА. Ф. 1. Д. 57.

Реляции и письма Н. И. Панина о Швеции и русско-шведских отношениях. Копии XIX в. 12 января 1749 – 23 февраля 1749 гг. // РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1, ч. 1. Д. 110.

Собственноручная записка Императрицы Екатерины II о величии России и об ослаблении ея в случае осуществления замыслов Князей Долгоруковых при восшествии на престол Императрицы Анны // РГАДА. Ф. 10. Кабинет Екатерины II. Оп. 1. Д. 361.

Опубликованные источники

47-е заседание Конференции 5 октября 1756 г. Протокол № 108 // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 136. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1912. С. 308.

Антидот (Противоядие). Полемическое сочинение Екатерины II, или Разбор книги Шаппа д'Отероша о России // Осмнадцатый век. Кн. 4. М.: Тип. Т. Рис у Мясницких ворот, Д. Воейкова, 1869. С. 225-463.

Ассебург А., фон дер. Записка о воцарении Екатерины Второй / А. фон дер Ассебург // Русский архив, 1879. Кн. 1. Вып. 3. С. 364-365.

Баранов П. И Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в с.-петербургском сенатском архиве за XVIII век: в 4 т. СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1878. Т. III. 1740-1762. 513 с.

Бумаги, касающиеся предположения об учреждении Императорскаго совета и о разделении Сената на департаменты в первый год царствования Екатерины II. (28-го декабря 1762 года) // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1871. Т. 7. С. 200-221.

Генеральный регламент или устав, по которому государственные коллегии, також и все оных принадлежащих к ним канцелярий и контор служители, не токмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина, подданнейше поступать имеют // Реформы Петра I: Сборник документов / Сост. В. И. Лебедев. М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1937. С. 108-137.

Даневский П. Н. Приложения / П. Н. Даневский // Даневский П. Н. История образования Государственного совета в России / П. Н. Даневский. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. ЕИВ канцелярии, 1859. С. 1-60.

Дашкова Е. Р. Записки, 1743-1810 / Е. Р. Дашкова. Л.: Наука, 1985. 287 с.

[Державин Г. Р.] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: В 9 т. / Г. Р. Державин / Прим. Я. Грота. СПб.: Изд. Имп. Академии Наук, 1865. Т. 2. Ч. 2. 478 с.

Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни // Наше наследие. 1989. № 4 (10). С. 77-86.

[Бестужев-Рюмин А. П.] Для Всевысочайшего Ея Императорского Величества известия и благоизобретения // Архив князя Воронцова. М.: Тип. Грачева и Ко, 1871. Кн. 3: Бумаги графа Михаила Ларионовича Воронцова. С. 356-367.

Доклад императрице Екатерине Второй об учреждении Совета (неизвестного сочинителя), 1763, с примечаниями на проект манифеста. Москва, 7 февраля 1763 г. // Архив князя Воронцова. М.: Универс. тип., 1882. Кн. 26: Бумаги разного содержания. С. 1-4.

Доклад комиссии о правах и преимуществах русского дворянства. 18 марта 1763 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1871. Т. 7. С. 241.

[Екатерина II] Собственноручная заметка Екатерины II о попытке Долгоруких в 1730 г. ограничить власть самодержавия // Русская старина. 1875. Т. 12. № 12. С. 388.

[Екатерина II] Записки императрицы Екатерины II / СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1907. 748 с.

Из бумаг графа Никиты Ивановича Панина, 1748-1776 гг. // Архив князя Воронцова. М.: Универс. тип., 1882. Кн. 26: Бумаги разного содержания. С. 33-180.

История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера. Л.: Наука, 1978. 311 с.

Классики теории государственного управления: Управленческие идеи в России. М.: РОССПЭН, 2008. 799 с.

Конституционные проекты в России XVIII – начало XX в.: Сборник документов / Под ред. А. Н. Сахарова. М.: Институт российской истории РАН, 2000. 359 с.

Лунин М. С. Разбор донесения тайной следственной комиссии государю императору в 1826 году // Письма из Сибири. М.: Наука, 1987. С. 67-107.

Манифест о вступлении на всероссийский престол Государыни Императрицы Елизаветы Петровны и об учинении присяги. 25 ноября 1741 г. // ПСЗ. [СПб.]: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 11. № 8437.

Манифест о даровании вольности и свободы всему Российскому Дворянству. 18 февраля 1762 г. // ПСЗ. [СПб.]: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 15. № 11444.

Манифест, писанный Екатериною II о возвращении прежних достоинств графу А. Бестужеву-Рюмину и о непорицании его за состояние под судом и наказанием (31 августа 1762 г.) // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1871. Т. 7. С. 143.

[Матвеев А.] Русский дипломат во Франции. (Записки Андрея Матвеева). Л.: Наука, 1972. 295 с.

Материалы к русской истории XVIII в. // Вестник Европы. Журнал историко-политических наук. СПб.: Тип. Ф. С. Сущинского, 1867. Второй год. Т. I. С. 297-330.

[Миних Б.] Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб.: Тип. В. Безобразова и К, 1874. 406 с.

Монтескье Ш. Персидские письма. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1956. 398 с.

Монтескье Ш. О духе законов // Ш. Монтескье. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. С. 159-733.

Наказ Ея Императорскаго Величества императрицы Екатерины Вторыя самодержицы всероссийския данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1770. 402 с.

О бытии обер-гофмейстеру при великом князе Павле Петровиче во втором классе // ПСЗ. [СПб.]: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 15. № 11.

О вступлении на Престол Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, с обстоятельным изъяснением ближайшего и преимущественного права Ея Величества на Императорскую Корону. 28 ноября 1741 г. // ПСЗ. [СПб.]: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 11. № 8476.

О должности сената. 27 апреля 1722 г. // ПСЗ. [СПб.]: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 6. № 3978.

О неиздавании во всенародное известие, без высочайшаго утверждения, кои составляют или новый закон, или служат подтверждением изданных. 1 июня 1762 г. // ПСЗ. [СПб.]: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 15. № 11558.

Об упразднении бывшей при дворе Конференции и о передаче дел из оной в Сенат и в Иностранную коллегию. 28 января 1762 г. // ПСЗ. [СПб.]: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 15. № 11418.

Об учреждении Совета под председательством Государя Императора. 18 мая 1762 г. // ПСЗ. [СПб.]: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 15. № 11538.

[Панин Н. И.] Всеподданнейшее предъявление слабого понятия и мнения о воспитании его императорского высочества, государя великого князя Павла Петрович. Записка графа Н. И. Панина. 1760 г. // Русская старина. 1882. Т. 35. № 11. С. 313-320.

Письма гр. П. И. Панина к гр. Никите Ивановичу // Русский архив. 1888. № 2. С. 65-89.

Порошин С. А. Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича / С. А. Порошин. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1881. 563 с.

Правда воли монаршей. 21 апреля 1726 г. // ПСЗ. [СПб.]: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 7. № 4870.

Предметная роспись «Русского архива». 1863-1908 // Русский архив, издаваемый Петром Бартеневым. 1863-1908. Содержание его книжек. Предметная роспись с азбучным указателем. М.: Синодальная типография, 1908. 201 с.

Представление Бестужева А. П. о поднесении Екатерине II титула Матери Отечества. 26 февраля 1763 г. // Императорское Собрание 1763 г. (Комиссия о вольности дворянской): Исторический очерк. Документы / Сост. О. А. Омельченко. М.: МГИУ, 2001. С. 94-96.

Радищев А. Н. Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастия греков. Сочинение г. аббата де Мабли // А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений / Под ред. Г. А. Гуковского и В. А. Десницкого. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. С. 229-330.

Регламент, или Устав Духовной Коллегии. 25 января 1721 г. // ПСЗ. [СПб.]: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 6. № 3718.

Ришелье, А. дю Плесси. Политическое завещание или Принципы управления государством. М.: Ладомир, 2008. 500 с.

Российское законодательство X-XX вв.: В 9 т. / Под ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1986. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. 512 с.

Руссо Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического права // Ж. Руссо. Об общественном договоре. Трактаты. М.: КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998. С. 195-322.

Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1989. С. 261-313.

Самодержавие царевны Софьи Алексеевны по неизданным документам (из переписки, возбужденной графом Паниным). Сообщ. Е. Д. Лермонтова // Русская Старина. 1912. Т. 149. № 2. С. 425-445; № 3. С. 539-547.

Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1872. Т. 10: Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. Том II (1765-1771). 477 с.

Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1873. Т. 12: Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе, с 1762 по 1769 г. включительно. 501 с.

Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1878. Т. 22: Дипломатическая переписка прусских посланников при русском дворе (1763-1766). 617 с.

Сборник Императорского Русского исторического общества. М.: Универс. типография, 1887. Т. 57: Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть III (1764-1766). 591 с.

Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. Т. 140: Дипломатическая переписка французских представителей при дворе Императрицы Екатерины II, часть 1 (годы с 1762 по 1765). 702 с.

Собственноручное наставление Екатерины II князю Вяземскому при вступлении им в должность генерал-прокурора // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1871. Т. 7. С. 345-348.

Собственноручное наставление Екатерины II сыну и потомкам ея по поводу несправедливого решения дела о Волынском. 1765 г. / Екатерина II //

Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1872. Т. 10. С. 56-57.

Со шпагой и факелом: Дворцовые перевороты в России. 1725-1825. М.: Современник, 1991. 590 с.

Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. М.: Университетская типография, 1781. Ч. VI. 395 с.

Сумароков А. П. Димитрий Самозванец // А. П. Сумароков. Сочинения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 425-472.

Сумароков А. П. Сон «Счастливое общество» // Русская литературная утопия. М.: Наука, 1986. С. 3-36.

Устав воинский. 30 марта 1716 г. // ПСЗ. [СПб.]: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 5. № 3006.

Фонвизин Д. И. Недоросль // Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений: В 2 т. / Под ред. Г. П. Макогоненко. М.;Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. Т. 1. С. 105-178.

Фонвизин Д. И. Жизнь графа Никиты Ивановича Панина // Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений: В 2 т. / Под ред. Г. П. Макогоненко. М.;Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. Т. 2. С. 279-289.

Фонвизин Д. И. Письма из Петербурга и Москвы // Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений: В 2 т. / Под ред. Г. П. Макогоненко. М.;Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. Т. 2. С. 318-411.

Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах // Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений: В 2 т. / Под ред. Г. П. Макогоненко. М.;Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. Т. 2. С. 254-267.

Фонвизин М. А. Дневники и письма. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1982. Т. 2. 432 с.

[Фонвизин М. А.] Записки Михаила Александровича Фонвизина // Русская старина. 1884. Т. 42. № 4; № 5. С. 31-66, 281-302.

[Храповицкий А. В.] Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М.: Униве рс. типография, 1862. 294 с.

Художественное надгробие в собрании Государственного музея городской скульптуры: Научный каталог / Под общ. ред. В. Н. Тимофеева. СПб.: Государственный музей городской скульптуры, 2004. Т. 1: Благовещенская и Лазаревская усыпальницы. 188 с.

Четыре манифеста о восшествии на престол Екатерины II и о кончине Петра III // Осмнадцатый век. Кн. 4. М.: Тип. Т. Рис у Мясницких ворот, Д. Воейкова, 1869. С. 216-224.

Шумигорский Е. С. Приложение // Е. С. Шумигорский. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб.: Тип. В. Д. Смирнова, 1907. 38 с.

[Щербатов М. М.] Замечания на «Большой Наказ» Екатерины / М. М. Щербатов // Щербатов М. М. Неизданные сочинения / М. М. Щербатов. М.: Соцэкгиз, 1935. С. 16-63.

Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. М.: Наука, 1983. С. 59-130.

Allgemeine deutsche Biographie. Bd. 2, Balde – Bode. Leipzig: Duncker & Humblot, 1875. S. 133-134.

Bodin J. Six Books of the Commonwealth. Oxford: Alden Press, 1955. 212 p.

[Burnet G.] Bishop Burnet's History of His Own Time. Oxford: Clarendon Press, 1823. Vol. III. 391 p.

[Jefferson T.] The Writings of Thomas Jefferson. Washington: Thomas Jefferson Memorial Association of the United States, 1903. Vol. XVI. 474 p.

[Munnich B.] Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie. Copenhague, 1774. 190 p.

Regeringsformen 1719. K. M:ts allernådigst konfirmerade regeringsform daterad Stockholm den 21 febr. 1719. [Electronic resource] Электрон. дан. Stockholm: SNS, 2005. Режим доступа: http://www.sns.se/zino.aspx?articleID=833 свободный. Яз. шведский. Загл. с экрана.

Regeringsformen 1720. Kongl. Maj:ts och Riksens Ständers faststälda regeringsform daterad Stockholm den 2 maj 1720. [Electronic resource] Электрон. дан. Stockholm: SNS, 2005. Режим доступа: http://www.sns.se/zino.aspx?articleID=834 свободный. Яз. шведский. Загл. с экрана.

Samuel von Pufendorf. The Whole Duty of Man According to the Law of Nature, with Two Discourses and a Commentary by Jean Barbeyrac. Indianapolis: Liberty Fund, 2003. 382 p.

Sheridan Ch. A History of the Late Revolution in Sweden. Dublin: Printed by E. Mills, 1878. 348 p.

[St.-Pierre, abbe de'l] Discours sur la polysynodie ou l'on demontre que la polysinodie ou pluralite des conseils est la forme de ministere la plus avantageuse pour un Roi et pour son Royaume. Amsterdam: Chez. du Villard & Changuion, 1719. 265 p.

Strube Pyrmont F., de. Lettres russiennes. [СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук], 1760. 270 p.

Sveriges konstitutionella urkunder. Stockholm: SNS Förlag, 1999. 408 S.

Sveriges regeringsformer 1634-1809 samt konungaförsäkringar 1611-1800. Stockholm: P. A. Norstedt & Söners Förlag, 1891. 321 S.

[Tessin C.] Briefe an einen jungen Prinzen von einem alten Manne. Im 2 Hand. Leipzig: Berlegts Bernhard Christoph Breitkopf, 1756. 430 p.

[Tessin C.] Letters to a Young Prince from his Governor: transl. from. L.: J. Reeves, 1755. 446 p.

Vattel E. Le Droit des gens, ou Principes de la loi naturelle appliques a la conduite et aux affaires des nations et des souverains. Paris: J.-P. Aillaud, 1835. 516 p.

Литература

Александров П. А. Северная система. Опыт исследования идей и хода внешней политики России в первую половину царствования императрицы Екатерины II. М.: Тип. п./ф. «Ломоносов», 1914. 211 с.

Аникин А. В. Путь исканий: Социально-экономические идеи в России до марксизма. М.: Политиздат, 1990. 415 с.

Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. М.: Мысль, 1986. 239 с.

Артемьева Т. В. Михаил Щербатов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 92 с.

Берендтс Э. Н. Барон А.Х. фон Люберас и его записка об устройстве коллегий в России. СПб.: Типо-Литография Р. Голике, 1891. 20 с.

Бивир М. Роль контекстов в понимании и объяснении // История понятий, история дискурса, история менталитета / Под ред. Э. Бедекера. М.: НЛО, 2010. С. 112-155.

Бильбасов В. А. Панин и Мерсье де ла Ривьер // В. А. Бильбасов. Исторические монографии: В 5 т. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901. Т. 4. С. 1-83.

Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972. 429 с.

Бугров Д. В. Эволюция русской социокультурной утопии в контексте генезиса консервативной идеи (1830-1840-е гг.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 1 (22). С. 4-15.

Бугров К. Д. «Дискурс Монтескье»: роль интеллектуальных заимствований в политических проектах Н. И. Панина // Известия Уральского государственного университета, 2009. № 4 (66). С. 32-43.

Бугров К. Д., Киселев М. А. «Закон» и «совет». Концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50-60-х гг. XVIII в.) // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2010. № 33. С. 110-139.

Вальденберг В. Е. Екатерина II и Монтескье в их политических воззрениях // Вопросы философии. 2006. № 1. С. 109-127.

Вдовина Л. Н. Дворянский конституционализм в политической жизни России XVIII в. // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М.: Наука, 1995. С. 36-48.

Вдовина Л. Н. Об истоках русского либерализма в XVIII в. // Европейский либерализм в новое время. М.: ИВИ, 1995. С. 136-144.

Вяземский П. А. Фонвизин. СПб.: Тип. Деп-та внешн. торговли, 1848. 466 с.

Гаврюшкин А. В. Граф Никита Панин. Из истории русской дипломатии XVIII века. М.: Международные отношения, 1989. 172 с.

Галиуллина М. В. Конституционализм в России во второй половине XVIII – начале XIX веков: Дисс. ... канд. ист. наук. Курган, Курганский гос. университет, 2004. 213 с.

Герасимова Г. И. Северный аккорд графа Панина. Проект и реальность // Российская дипломатия в портретах. М.: Международные отношения, 1992. С. 62-79.

Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. 303 с.

Грацианский П. С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М.: Наука, 1984. 253 с.

Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-1760-х гг. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 236 с.

Гуковский Г. А. Примечания. «Размышления о греческой истории» Мабли // А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений: В 3 т. / Под ред. Г. А. Гуковского и В. А. Десницкого. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. 432 с.

Гуковский Г. А. Фонвизин // История русской литературы: В 10 т. / Ред. коллегия тома: Г. А. Гуковский, В. А. Десницкий. М.;Л.: Изд-во АН ССС, 1947. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. С. 152-200.

Екатерина II: Аннотированная библиография публикаций / Сост.: И. В. Бабич, М. В. Бабич, Т. А. Лаптева. М.: РОССПЭН, 2004. 928 с.

Елисеева О. И. Геополитические проекты Г. А. Потемкина. М.: Ин-т рос. ист. РАН, 2000. 342 с.

Елисеева О. И. Никита Панин – русский дипломат и государственный деятель. Радиостанция «Эхо Москвы», эфир 31 января 2010 г. Текстовый транскрипт. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.echo.msk.ru/programs/all2/651784-echo/, свободный. Загл. с экрана.

Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1983. 352 с.

Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Б. А. Успенский. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры: В 2 т. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. С. 110-218.

Зайченко А. Б. Феофан Прокопович: Из истории русской политической и правовой мысли XVIII в. // Правоведение. 1977. № 2. С. 66-73.

Захаров В. Ю. «Всемилостивейшая жалованная грамота российскому народу» 1801 г. в контексте развития конституционных идей в России во второй половине XVIII – начале XIX вв.: Монография. М.: Прометей, 2002. 191 с.

Захаров В. Ю. Очерки по истории российского и западноевропейского конституционализма второй половины XVIII – первой четверти XIX в. М.: Моск. гуманит. ун-т, 2007. 298 с.

Зорин А. Кормя двуглавого орла… Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: НЛО, 2004. 416 с.

Ибнеева Г. В. Борьба мнений вокруг проекта Императорского совета Н. И. Панина // Ученые записки Казанского гос. ун-та. Казань: Унипресс, 1998. Т. 134. С. 100-105.

Ибнеева Г. В. Политические группировки при восшествии на престол Екатерины II: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Казань, Казанский гос. ун-т, 1994. 43 с.

Иванов О. А., Лопатин В. С., Писаренко К. А. Загадки русской истории. Восемнадцатый век. М.: Древлехранилище, 2000. 406 с.

Ильин М. В. Суверенитет: развитие понятийной категории // Суверенитет. Трансформация понятий и практик / Под ред. М. В. Ильина, И. В. Кудряшовой. М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 14-43.

Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М.: РГГУ, 2001. 575 с.

Каменский А. Б. Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: исследовательские проблемы. Препринт. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 47 с.

Каплун В. Л. Свобода в раннем российском республиканизме: гражданский республиканизм в России и европейская республиканская традиция Нового времени // Что такое республиканская традиция: Сборник статей / Науч. ред. О. В. Хархордин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 131-152.

Каррер д'Анкосс Э. Екатерина II. Золотой век в истории России. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.

Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Запретная мысль обретает свободу: 175 лет борьбы вокруг идейного наследия Радищева. М.: Наука, 1966. 304 с.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. V // В. О. Ключевский. Сочинения: В 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 5. 476 с.

Копосов Н. Е. Высшая бюрократия во Франции XVII века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 246 с.

Корсаков Д. А. Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань: Тип. Императорского университета, 1891. 99 с.

Кром М. М. Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века // Исторические понятия и политические идеи в России XVI-XX века. СПб.: Алетейя, 2006. С. 54-69.

Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725-1762 гг. Рязань: НРИИ, 2003. 570 с.

Курукин И. В. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. 280 с.

Лебедев П. С. Опыт разработки новейшей русской истории по неизданным источникам. Графы Никита и Петр Панины. СПб.: Издание Д. Е. Кожанчикова, 1863. 375 с.

Лиштенан Ф. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740-50. М.: ОГИ, 2000. 408 с.

Лотман Ю. М. Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII в. // Ю. М. Лотман. О руской литературе. СПб.: Искусство-СПб, 2005. С. 211-239.

Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Ю. М. Лотман. Собрание сочинений. М.: ОГИ, 2000. Т. 1: Русская литература и культура Просвещения. С. 5-206.

Любавский М. К. История царствования Екатерины II. М.: Лань, 2001. 256 с.

Люстров М. Ю. Русско-шведские литературные связи в XVIII веке. М.: ИРЛИ, 2006. 277 с.

Мадариага И., де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: НЛО, 2002. 976 с.

Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин (Творческий путь). М.;Л.: Гослитиздат, 1961. 443 с.

Макогоненко Г. П. Комментарии // Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений: В 2 т. / Сост. Г. П. Макогоненко. М.;Л.: Изд-во худ. лит-ры, 1959. Т. 2. С. 665-704.

Малинин Ю. П. «Средневековый» дух совета // Одиссей. Человек в истории. 1992. М.: Кругъ, 1994. С. 188-190.

Маньков А. Г. Использование в России шведского законодательства при составлении проекта Уложения 1720-1725 гг. // Исторические связи Скандинавии и России IX-XX вв. Л.: Наука, 1970. С. 112-126.

Марасинова Е. Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века. М.: Наука, 2008. 460 с.

Марасинова Е. Н. Власть и общество в России XVIII века (проблемы понятийной истории) // Труды Института российской истории. М.: Наука, 2005. С. 87-117.

Медушевский А. Н. Комментарии // Конституционные проекты в России XVIII – начало XX в. М.: Институт российской истории РАН, 2000. С. 779-812.

Медушевский А. Н. Административные реформы в России в XVIII-XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе. М.: ИНИОН, 1990. 46 с.

Минаева Н. В. Никита Иванович Панин // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 71-91.

Миронова Е. М. Внешнеполитические взгляды и деятельность Н. И. Панина (1762-1772): Автореф… дисс. канд. ист. наук. М., Моск. гос. университет, 1990. 22 с.

Михайлова О. А., Павлова Н. С. Словарь терминов по дисциплине «Лингвокультурологические проблемы толерантности» / О. А. Михайлова, Н. С. Павлова [Электрон ресурс] Екатеринбург: УрГУ, 2008. Режим доступа: http://elar.usu.ru/bitstream/1234.56789/1747/3/1335327_glossary.pdf, свободный. Загл. с экрана.

Моряков В. И. Из истории эволюции общественно-политических взглядов просветителей конца XVIII века (Рейналь и Радищев). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 224 с.

Мыльников А. С. «Он не похож был на государя…». Петр III: Повествование в документах и версиях. СПб.: Лениздат, 2001. 670 с.

Мыльников А. С. Петр III. Повествование в документах и версиях. М.: Молодая гвардия, 2002. 508 с.

Некрасов Г. А. Учреждение коллегий в России и шведское законодательство // Общество и государство феодальной России. М.: Наука, 1975. С. 334-343.

Нерсесов Г. А. Политика России на Тешенском конгрессе. М.: Наука, 1988. 128 с.

Носов Б. В. Планы заключения русско-польского союза в 1764 г.: к обсуждению проблемы // Славяноведение. 2001. № 2. С. 42-59.

Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М.: Юрист, 1993. 428 с.

Омельченко О. А. Государственно-правовая система России XVIII века и политическая культура Европы: Итоги исторического взаимодействия // Вестник МГИУ. Серия «Гуманитарные науки». № 2. М.: МГИУ, 2002. С. 70-91.

Омельченко О. А. Императорское Собрание 1763 г. (Комиссия о вольности дворянской): Исторический очерк. Документы. М.: МГИУ, 2001. 159 с.

Орлов А. А. «Теперь вижу англичан вблизи...». Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). М.: Гиперборея; Кучково поле, 2008. 366 с.

Павленко Н. И. Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 2003. 495 с.

Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры. М.: Новое издательство, 2008. 252 с.

Петрова В. А. Политическая борьба вокруг сенатской реформы 1763 года // Вестник Ленград. ун-та. Сер. «История, язык, литература». 1967. № 8. С. 57-66.

Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 328 с.

Писаренко К. А. Тайны дворцовых переворотов. М.: Вече, 2009. 416 с.

Плотников А. Б. Политические проекты Н. И. Панина: Дисс. ... канд. ист. наук. М., Институт росс. истории РАН, 1997.

Плотников А. Б. Политические проекты Н. И. Панина // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 74-84.

Плотников А. Б. Акты ограничения самодержавной власти и политические проекты в России в 1730 году (итоги источниковедческого изучения) // Отечественная история. 2008. № 6. С. 117-130.

Покровский С. П. Министерская власть в России. Ярославль: Тип. губернского правления, 1906. 686 с.

Польской С. В. Дворянский конституционализм в России XVIII – начала XIX вв. // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 27-42.

Польской С. В. Неизвестная записка Н. И. Панина и «Примечания» на проект Императорского совета // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2010. № 6. С. 173-182.

Польской С. В. «Шведский образец» и попытка ограничения самодержавия в России в 1730 году // Проблемы национальной идентификации, культурные и политические связи России со странами Балтийского региона в XVIII-XX вв. Самара: Парус, 2001. С. 174-178.

Польской С. В. Артемий Волынский и его «злодейския разсуждения и проект» // Известия Самарского научного центра РАН. 2008. № 1. С. 7-14.

Польской С. В. Истоки российского конституционализма: теория естественного права и русские политики первой половины XVIII века // Философский век: альманах. Вып. 5: Идея истории в российском Просвещении. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1998. С. 162-184.

Польской С. В. Политические идеи Джона Локка в России первой половины XVIII века // Философский век: альманах. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2002. Вып. 19: Россия и Британия в эпоху Просвещения: Опыт философской и культурной компаративистики. Часть 1. С. 107-114.

Польской С. В. Развитие представлений о законе в сознании российского дворянства XVIII века // Философский век: альманах. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1999. Вып. 10: Философия как судьба. С. 167-177.

Польской С. В. Русский конституционализм XVIII – начала XIX в. [Электрон. ресурс] М., 2010. Режим доступа: http://www.perspectivy.info/misl/idea/russkij_konstitucionalizm_xviii__nachala_xix_v_2009-12-11.htm, свободный. Загл. с экрана.

Польской С. В. Характеристика политических проектов Н. И. Панина в отечественной и зарубежной историографии // Вестник Самарского гос. ун-та. 2012. № 8.2. С. 77-86

Проскурина В. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛО, 2006. 328 с.

Пугачев В. В. А. Н. Радищев (Эволюция общественно-политических взглядов). Горький: [б/и], 1960. 99 с.

Рассадин Ст. Фонвизин. М.: Искусство, 1980. 288 с.

Роундинг В. Екатерина Великая. М.: АСТ, 2009. 730 с.

Рощин Е. Н. Суверенитет: особенности формирования понятия в России // Суверенитет. Трансформация понятий и практик. М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 58-91.

Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. М.: Наука, 1974. Вып. 6. С. 261-280.

Сафонов М. М. Завещание Екатерины II. СПб.: ЛИТА, 2001. 321 с.

Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л.: Наука, 1988. 249 с.

Седов С. А. Попытка государственного переворота 1730 года в России // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 52-53.

Скоробогатов А. В. Цесаревич Павел Петрович. Политический дискурс и социальная практика. М.: РГГУ, 2005. 346 с.

Словарь русского языка XVIII века. СПб.: Наука, 2001. Вып. 13. 256 с.

Соколова Е. С. «Дворянство есть нарицание в чести…»: опыт реконструкции правосознания высшего сословия Российской империи XVIII – первой половины XIX в. // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 71-87.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб.: Издание Высочайше утвержденного товарищества «Общественная польза», [б\г]. Кн. V. 1544 с.

Стегний П. В. Время сметь, или Сущая служительница Фива. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 448 с.

Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М.: Межд. отношения, 2002. 696 с.

Стенник Ю. В. А. П. Сумароков – критик «Наказа» Екатерины II // XVIII век. Сб. 24. СПб.: Наука, 2006. С.125-143.

Стенник Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX в. СПб.: Наука, 2004. 277 с.

Тарановский Ф. В. Политическая доктрина в наказе Екатерины II // Сборник статей по истории русского права, посвященный проф. М. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1904. С. 44-86.

Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск: Энциклопедия, 2011. 456 с.

Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Скляревской. СПб.: ФОЛИО-пресс, 1998. 702 с.

Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974. 395 с.

Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. М.: НЛО, 2002. Т. 1. 608 с.

Федосов И. А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М. М. Щербатов. М.: Просвещение, 1967. 259 с.

Хархордин О. Что такое «государство»? Европейский контекст // Понятие государства в четырех языках: Сб. статей. СПб.;М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2002. С. 152-216.

Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб.: Алетейя, 2003. 273 с.

Худушина И. Ф. Царь, Бог, Россия: Самосознание русского дворянства, конец XVIII – первая треть XIX вв. М.: Институт философии РАН, 1995. 231 с.

Цатурова С. К. «Король – чиновник, священная особа или осел на троне?»: представления об обязанностях короля во Франции XIV-XV вв. // Искусство власти: сборник в честь проф. Н. А. Хачатурян. СПб.: Алетейя, 2007. С. 99-131.

Черкасов П. П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения, 1774-1792. М.: Наука, 2004. 522 с.

Чечулин Н. Д. Проект Императорского совета в первый год царствования Екатерины II. СПб.: Тип. В. С. Балашева и Ко, 1894. 22 с.

Шарф К. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 9-45.

Шильдер Н. К. Император Павел I. М.: Мир книги, Литература, 2007. 463 с.

Шмидт С. О. Внутренняя политика России середины XVIII века // С. О. Шмидт. Общественное самосознание российского благородного сословия. XVII – первая треть XIX века. М.: Наука, 2002. С. 77-100.

Шмидт С. О. Общественное самосознание noblesse russe в XVI – первой трети XIX в. // Cahiers du monde russe et sovetique. 1993. Vol. 34. № 1-2. P. 11-32.

Шумигорский Е. С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб.: Тип. В. Д. Смирнова, 1907. 240 с.

Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М.: Книга, 1989. 176 с.

Эйдельман Н. Я. 17 сентября 1773 года // Знание – сила. 1984. № 1. С. 37-40.

Эйдельман Н. Я. Где секретная конституция Фонвизина-Панина? // Наука и жизнь. 1973. № 7. С. 124-129.

Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII – XIX веков и Вольная печать. М.: Мысль, 1973. 367 с.

Эйдельман Н. Я. Мемуары Екатерины II – одна из раскрытых тайн самодержавия // Вопросы истории. 1968. № 1. С. 149-160.

Эйдельман Н. Я. Твой восемнадцатый век. М.: Детская лит-ра, 1986. 286 с.

Эйдельман Н. Я. Политическая борьба в России: конец XVIII – начало XIX столетия // В борьбе за власть: Страницы политической истории России XVIII в. М.: Мысль, 1988. С. 284-584.

Юсим М. А. Макиавелли в России. Мораль и политика на протяжении пяти столетий. М.: ИВИ РАН, 1998. 293 с.

Якушкин В. Е. Государственная власть и проекты государственной реформы в России. СПб.: Тип. Альтшулера, 1906. 163 с.

Adair D. Rumbold's Dying Speech, 1685, and Jefferson's Last Words on Democracy, 1826 // The William and Mary Quarterly, Third Series. Vol. 9. No. 4 (Oct., 1952). P. 521-531.

Anderson T. Russian Political Thought. An Introduction. NY: Cornell University Press, 1967. 444 p.

Andersson I. A History of Sweden. NY-Washington: Praeger Publishers, 1975. 464 p.

Antoine M. Le Conseil du Roi sous le regne de Louis XV. Paris; Geneva: Ed. Droz, 1970. 666 p.

Baker K. Inventing the French Revolution. Essays on French Political Culture in the Eighteenth Century. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1990. 384 p.

Baker K. Transformations of Classical Republicanism in Eighteenth-Century France // The Journal of Modern History. Vol. 73. No. 1 (Mar., 2001). P. 32-53.

Barbiche M. Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne, XVIe-XVIIIe siècle. Paris: PUF, 1999. 366 p.

Beardsley J. Constitutional Review in France // The Supreme Court Review. 1975. P. 189-259.

Brennan J. Enlightened Despotism in Russia: The Reign of Elisabeth, 1741-1762. NY: Peter Lang Pub., Inc., 1987. 295 p.

Burson J. 'Mandate of the Fatherland': Neo-Confucianism and Russian Imperial Legitimacy at the Court of Catherine the Great [Electronic resource] // Vestnik, Iss. 3 (Winter 2005). Электрон. дан. School of Russian and Asian Studies. [Б/м], 2005. Режим доступа: http://www.sras.org/news2.phtml?m=474, свободный. Яз. англ. Загл. с экрана.

Carrithers D. Not so Virtuous Republics: Montesquieu, Venice, and the Theory of Aristocratic Republicanism // Journal of the History of Ideas. Vol. 52. No. 2 (Apr.-Jun., 1991). P. 245-268.

Donnelly F. Levellerism in Eighteenth and Early Nineteenth-Century Britain // Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies. Vol. 20. No. 2 (Summer, 1988). P. 261-269.

Dukes P. Catherine The Great And The Russian Nobilty. A Study Based On The Materials Of The Legislative Commission Of 1767. NY: Cambridge Univ. Press, 1967. 268 p.

Dukes P. The Making Of Russian Absolutism, 1613-1801. L.: Longman, 1982. 240 p.

Gelderen M., van. Introduction // Republicanism: A Shared European Heritage. West Nyack: Cambridge University Press, 2002. Vol. 1. P. 1-9.

Gelderen, M. van. The Political Thought of the Dutch revolt, 1555-1590. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1992. 330 p.

Gleason W. Moral Idealists, Bureaucracy, and Catherine the Great. New Brunswick: Rutgers Univ. Press, 1981. 252 p.

Gleason W. Political Ideals and Loyalties of Some Russian Writers of the Early 1760 s. // Slavic Review. Sept. 1975. Vol. 34. №. 3. P. 560-75.

Goldstein L. Popular Sovereignty, the Origins of Judicial Review, and the Revival of Unwritten Law // The Journal of Politics. 1986. Vol. 48. No. 1. P. 51-71.

Grandhaye J. Russie: la Republique Interdite. Le momente Decembriste et ses enjeux (XVIIIe-XXIe siècles). Seyssel: Champ Vallon, 2012.

Griffiths D. Nikita Panin, Russian Diplomacy, and the American Revolution / D. Griffiths // Slavic Review. Mar. 1969. Vol. 28. No. 1. P. 1-24.

Griffiths D. Eighteenth-Century Perceptions of Backwardness: Projects for the Creation of a Third Estate in Catherinian Russia // Canadian-American Slavic Studies. Winter 1979. Vol. XIII. №. 4. P. 452-472.

Hamsher A. The Conseil Prive and the Parlements in the Age of Louis XIV: A Study in French Absolutism. Philadelphia: The American Philosophical Society, 1987. 162 p.

Hurt J. Louis XIV and the Parlements. The Assertion of Royal Authority. Manchester: Manchester University Press, 2002. 240 p.

Jackson R. Elective Kingship and Consensus Populi in Sixteenth-Century France // The Journal of Modern History. Jun., 1972. Vol. 44. № 2. P. 156-171.

Johnson H. The Concept of Bureaucracy in Cameralism // Political Science Quarterly. Sep. 1964. Vol. 79. № 3. P. 378-402.

Koenigsberger H. Monarchies, States Generals and Parliaments: the Netherlands in the Fifteenth and Sixteenth Centuries. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 404 p.

Koenigsberger H. Republicanism, Monarchism and Liberty // Royal and Republican Sovereignty in Early Modern Europe: Essays in Memory of Ranghild Hatton. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 43-74.

Kopczyniski M. The Nobility and the State in the 16th – 18th centuries. The Swedish Model // Acta Poloniae Historica. Warszaw, 1998. № 77. P. 119-123.

Koselleck R. Critique and Critics. Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society. Cambridge: MIT-Press, 1988. 204 p.

Le Roy Ladurie E. The Ancien Regime. A History of France, 1610-1774. Oxford; Malden: Blackwell Publishers, Inc., 1998. 608 p.

Leonard C. Reform and Regicide: The Reign of Peter III of Russia. Bloomington: Indiana University Press, 1993. 232 p.

Leonard C. The Reputation of Peter III // Russian Review. 1988. Vol. 47. P. 263-292.

Madariaga, I. de. Portrait of an Eighteenth-Century Russian Statesman: Prince Dmitry Mykhaylovich Golitsyn // The Slavonic and East European Review. Vol. 62. 1984. № 1. P. 36-60.

Madariaga, I. de. Autocracy and Sovereignty // Canadian-American Slavic Studies. Fall-Winter 1982. Vol. 16. № 3-4. P. 369-374.

Madden S. The Lit de Justice and the Fundamental Law // The Sixteenth Century Journal. Apr., 1976. Vol. 7. № 1. P. 3-14.

Meehan-Waters B. Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New-Brunswick: Rutgers University Press, 1982. 274 p.

Metcalf M. Russia, England and Swedish Party Politics. The Interplay between Great Power Diplomacy and Domestic Politics during Sweden's Age of Liberty. Stockholm: Ahlmqvist & Wiksell International, 1977. 278 p.

Mosher M. Monarchy's Paradox: Honor in the Face of Sovereign Power // Montesquieu's Science of Politics: Essays on the Spirit of Laws. Lanham: Rowman and Littlefield, 2001. P. 159-230.

Offord D. Denis Fonvizin and the Concept of Nobility: An Eighteenth-century Russian Echo of a Western Debate // European History Quarterly. 2005. Vol. 35. No. 1; Vol. 9. №. 38. P. 9-38.

Onuf N. Wolff, Vattel and the Fate of Republicanism // The American Journal of International Law. 1994. Vol. 88. No. 2. P. 280-303.

Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton: Princeton University Press, 1975.

Pocock J. G. A. The Re-description of Enlightenment // Proceedings of the British Academy. Oxford, 2004. Volume 125. P. 101-117.

Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteenth-Century Nobility. New York: Mariner Books, 1966. 260 p.

Raeff M. Plans for political reform in Imperial Russia, 1730-1905. Englewood Cliffs: Prentice Hall, Inc., 1966. 159 p.

Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia, 1600-1800. New Haven: Yale Univ. Press, 1983. 304 p.

Raeff M. Imperial Russia 1682-1825: The Coming of Age of Modern Russia. New York: Alfred A. Knopf, 1971. 176 p.

Raeff M. The Domestic Policies of Peter III and His Overthrow // M. Raeff. Political Ideas and Institutions in Imperial Russia. Boulder; Oxford: Westview Press, 1994. P. 188-212.

Ransel D. Nikita Panin's Imperial Council Project and the Struggle of Hierarchy Groups at the Court of Catherine II // Canadian Slavic Studies. 1970. Vol. IV. № 3. P. 443-463.

Ransel D. The "Memoirs" of Count Munnich // Slavic Review. Dec., 1971. Vol. 30. № 4. P. 843-852.

Ransel D. The Politics of Catherinian Russia: The Panin's Party. New Haven: Yale University Press, 1975. 327 p.

Roberts M. The Age of Liberty. Sweden 1719-1772. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 233 p.

Rogister J. Louis XV and the Parlement of Paris, 1737-1755. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 316 p.

Scott F. Sweden: The Nation's History. Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois Univercity Press, 1988. 691 p.

Singer B. Montesquieu on Power: Beyond Checks and Balances // Montesquieu and his Legacy. Albany: SUNY Press, 2009. P. 97-114.

Skinner Q. Liberty before Liberalism. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 142 p.

Skinner Q. Some Problems in Analysis of Political Thought and Action // Political Theory. Aug., 1974. Vol. 2. No. 3. P. 277-303.

Skinner Q. Visions of Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. Vol. I. Regarding the Method. 405 p.

Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. Vol. 2. 461 p.

Strath B. Review Essay: Reinhart Koselleck, Futures Past: On The Semantics of the Historical Time; Kari Palonen, Die Entzauberung der Begriffe: Das Umschreiben der politischen Begriffe bei Quentin Skinner und Reinhart Koselleck: rev. op. // European Journal of Social Theory. 2005. № 8 (4). P. 527-533.

Swann J. Politics and the Parlement of Paris under Louis XV, 1754-1774. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 404 p.

Szeftel M. The Title of the Muscovite Monarch up to the end of the Seventeenth Century // Canadian-American Slavic Studies. Spring-Summer 1979. Vol. 13. № 1-2. P. 59-81.

Thompson M. The History of Fundamental Law in Political Thought from the French Wars of Religion to the American Revolution // The American Historical Review. Dec., 1986. Vol. 91. № 5. P. 1103-1128.

Treasure G. The Making of Modern Europe. 1648-1780. L.: Methuen & Co., 1985. 672 p.

Upton A. The Riksdag of 1680 and the Establishment of Royal Absolutism in Sweden // The English Historical Review. Apr. 1987. Vol. 102. № 403. P. 281-308.

Walker M. Rights and Functions: The Social Categories of Eighteenth-Century German Jurists and Cameralists // The Journal of Modern History. Jun. 1978. Vol. 50. № 2. P. 243-251.

Whittaker C. The Reforming Tsar: The Redefinition of Autocratic Duty in Eighteenth- Century Russia // Slavic Review. Spring, 1992. Vol. 51. № 1. P. 77-90.

Whittaker C. Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb: North Illinois Press, 2003. 320 p.

Whittaker C. The Idea of Autocracy among Eighteenth-Century Russian Historians // Russian Review. Apr. 1996. Vol. 55. No. 2. P. 149-171.

Wood G. The Creation of the American Republic 1776-1787. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1969. 675 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Все документы, приводимые в настоящих приложениях, ранее публиковались. Цель приложений – дать комплексное представление о политическом мышлении Н. И. Панина и о том концептуальном аппарате, с помощью которого он и его ближайшее окружение формулировали свои предпочтения и идеи. Поэтому в публикуемых текстах в максимально возможной степени переданы особенности архивных экземпляров – правки, вставки, вписанные на полях дополнения, оригинальные пунктуация и орфография. Это, пожалуй, делает тексты несколько менее читабельными, зато впервые позволяет в полной мере оценить внутреннюю логику создания этих документов и дает возможность проследить шаг за шагом творческую работу мысли одного из самых ярких политических мыслителей России Нового времени, каковым, без сомнения, был Н. И. Панин.

Принятые обозначения

Вычеркнутые фрагменты текста включены в угловые скобки, например: <текст>. Вписанные над строкой фразы набраны надстрочным шрифтом, например: текст. Неисправности текста (фрагменты, прочесть которые не представляется возможным) обозначены отточием, например: […] либо <...>. Ремарки публикатора даны в сносках, отмеченных – во избежание путаницы с встречающимися иногда в архивных текстах цифрами, вписанными над строкой, – римскими цифрами. Оригинальные орфография и пунктуация сохранены в пределах, установленных правилами публикации исторических документов[606].

В случаях, если текст вписан на полях и отмечен знаком (+, ♀, F, V, м, 8), указывающим, куда именно он должен был быть вставлен в чистовике, он приводится с отступом от красной строки и с соответствующим знаком.

---

[606] См.: Правила издания исторических документов в СССР. М.: ГАУ при СМ СССР, 1990.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ПРОЕКТ НИКИТЫ ИВАНОВИЧА ПАНИНА ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ИМПЕРАТОРСКАГО СОВЕТА И О РАЗДЕЛЕНИИ СЕНАТА НА ДЕПАРТАМЕНТЫ, С ПРИПИСКАМИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ И НЕСОСТОЯВШИМСЯ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ МАНИФЕСТОМ ЕЯ

Оригинал этого доклада Н. И. Панина, написанного для Екатерины II в 1762 г., хранится в РГАДА (Фонд 10. Опись 1. Единица хранения 4. Проект Никиты Ивановича Панина об учреждении Императорскаго совета и о разделении Сената на департаменты, с приписками императрицы Екатерины и несостоявшимся по этому поводу манифестом ея. Л. 21-44). Впервые этот текст был опубликован П. Н. Даневским в 1859 г., а затем в сборнике РИО, в 1871 г.[607]*, теперь уже вместе с несколькими замечаниями на проект, хранящимися сегодня в том же архивном деле. Оригинал текста не имеет заглавия.*

Государственное правление <состоит> заключает в себе главных восемь частей: 1е) суд народа или юстиция; 2е) правы их имения, то есть: вотчинныя дела 3е) духовной закон и нравы гражданския что называется внутреннею политикою 4е) внешняя политика 5е) оборона государственная, 6е) его казенныя дела, то есть, сравнение и доброта ходячей монеты, сумма ея во всем государстве, все государственныя доходы с штатами их расходов, 7е) государственная экономия в сохранении и умножении обывателей в земледелии, 8е) рукоделии, фабрики, манифактуры, торг с делами купеческими и мещанскими.

Каждая из сих главных частей имеет свои многия раздроблении, которыя также по касателности между собою производят особливыя и новыя объекты: а оное все <разделяется> правится <на> разн<ыя>ми судебными места <пр> <в правлении>, яко то <...> коллеги<и>ями, канцеляри<и>ями, контор<ы>ами

и всяки<я>ми други<я>ми приказ<ы>ами , какова б звания ни были.

<Сенат их имеет под> Сенат их всех имеет под <...> управлением яко центръ к которому все стекается, но он под госуда-

[607] См.: Бумаги, касающиеся предположения об учреждении Императорскаго совета и о разделении Сената на департаменты в первый год царствования Екатерины II. (28-го декабря 1762 года) // СИРИО. Т. 7. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1871. С. 200-221.

ревою[608] самодержавною властью <властью В[ашего] В[величества]> не может иметь права законодавца <а потому> а управляет по предписанным законам и уставам, которые быв быв изданы в разныя <...> времяна и может быть по большой части в наивредительнейшия то есть тогда, когда при настоянии случая что востребовалось. F <Следователно и> <...> <на всегда безпорядочнаго управления потому что при настоящем государственном установлении>

F Следователно каких б предписаний сенат не имел о попечении чтоб натуралные перемены времен, обстоятелств и вещей всегда были обращаемы в ползу государственною, ему в разсуждении его существителнаго основания невозможно сего исполнить, ибо его первое правило наблюдать течение дел и производить ему принадлежащия по силе выданных законов и указов на каждое судебное место. Итак если можно осмелитца сказать, сенат часто определяет и решает вредныя дела <...> по законам +

+ разновременно изданным, иногда скоропостижно, иногда неосмотрително, иногда и пристрастно

яко то например он решит комерческия <поко> <по комерческому> по указам касающимся до комерции, казенныя по касающимся до казны, манифактурныя по манифактурным, экономическия по экономическим и так далее, часто не соображая <...> что по переменам положения в государстве и по приключающимся обстоялствам одно другому иногда может делать, а иногда и действително делает подрывы. Естли же сие безпрестанно наблюдать, то не толко что, как из предписаннаго видно сенат выдет из своей границы, но и <дел> течение дел в правлении государства часто будет останавливатся ♀

♀ и вместо скорых резолюций будут нескончаемыя разсуждения и споры о законах, а умалчивая что физической и моралной резоны не дозволяют трактовать о законодании но токмо оное разсматривать в <...> таком людном собрании, которое однакоже по другим резонам, как ниже будет сказано тем не менше нужно и полезно.

8 По тому же существительному положению все дела вышеобъявленных государственных частей производются в их собственных коллегиях и приказах <...> еще

8 болше соблюдения однаго приказного порядка нежели с попечением о действителном успехе <...> и об общей ползе ибо и каждое

---

608 Вписано слева на полях, очевидно, после того, как было зачеркнуто «властью В[ашего] В[величества]» ниже.

приказное место имеет свои границы собственных законов, которыя касательность <их дел> <...> разводят касательность их дел между собою. А кто думает что <сенат> правительствующей сенат обнимая все дела исправляет сию неудобность тот совершенно +

+ как и выше доказано

ошибается; потому что и он сенат в пределах тех же законов каждаго места обращаться должен. Натуралное и необходимое из сего следствие то, что каждой сенатор и всякой судья иной <обязанности> ревности по должности своей иметь .... и не обязан <не может>[609] как ту толко чтоб разсудив дело по силе указов а сумнительное из того взнесть в доклад F

F свойствы слабости человеческой, лени и праздности, подкрепляют оное[610] как то из вседневной практики и доказывается. Ибо каждой тот кто просто при должности своего <места и звания> звания до почитает оную доволно исполненную, когда в надлежащия дни бывает в присудствии <а> <...> где он в должности прокуроров и секретарей надеется найти доволное знание и объяснение законов, по которым он судить должен F

F и о которых в собрании ему докладывают.

На собственное же разсмотрение законов, указов и дел и из них произходимой ползы или вреда – <он> такой судебный член конечно ни часа особливаго в судки не употребляет. И так сенатор <сам и с тем> всякой другой судья приезжает в заседание как гость на обед, которой еще не знает не токмо вкусу кушанья, <ниже> но и блюд коими будет подчеван V <непогреша>

V непогреша нельзя обвинить сих людей они толко к тому призваны. Таково существо всех обыкновенных трибуналов и во всех <правителствах> государствах. А те люди которыя где из сих пределов выходят везде почитаются чрезвычайными, и число их, а особливо в коллегиях, также везде весма невелико. Из сего, а <особливо> наипаче из власти законодания и самодержавной, ощутително само собою заключается, что главное, истинное и общее о всем государстве попечение заключается в персоне государевой, он же никако инако ея в полезное действо произвести не может, как <...> разумным ея разделением между <малым> некоторым числом избранных единственно к тому персон.

---

[609] Очевидно, отточие было оставлено первоначально. Потом над ним было вписано «не может», а выше – «и не обязан», которое должно было следовать перед «не может». И то, и другое было зачеркнуто.

[610] На этом листе стоит обратить внимание на странную шифровку на левом поле и нечеткие строки вверху слева.

Те которыя не вникают в существо вещей, а судят их <по> по их поверхности

<...> ошибаются равно, <как выше сказано>, как и о сенате <они ошибаются> когда утверждают, что в должностях президентских по коллегиям и генерала прокурора в сенате государь заключают найти может те особливыя общия о делах попечении которыхм между членами быть невозможно <...> <не> <может> F

<F> <каждой> <през> <коллежской президент> <коллежских президе>

F выключая иностранную, военную и адмиралтейскую коллегии, яко три главныя и почти во всем отделенныя от общих внутренних дел, надо взять юстицию, вотчинную, коммерц коллегию, камер коллегию, берг коллегию, манифактур коллегию, провизион коллегию, да еще штатц контору, магистраты и полицию. Их дела подвергаются многим переменным обстоятелствам [...] тем болше между собою взаимныя касателства, <...> однакоже каждое место имеет свой закон и правило по которому президент производит дела не имеют [...] особливаго о том попечения чтоб[611] их существо и положение доволно уже открыто выше, так когда их дела в сенате трактованныя подвергаются взаим<ною>ному подрыву, как же их президенты могут быть способны к общему <о делах> о делах попечению? А естли может быть в том какой персоне исключение, то уже не по президенству, но по особливой способности, следователно такая персона при употреблении в то выходит из настоящаго своего звания. К сему и то присовокупить можно, что где три или четыре с трудом избираются, тут девять или десять выбрать и того труднее.

Правда, естли б <речь> одна[612] простая[613] слово речь сочиняла прямое дело то б генерал прокурор мог быть <назван> почтен таким общим попечителем, которому все приказано: в его инструкции он назван государевым оком но как самодержавный государь оставляя при себе право законодания он конечно не может чрез одно око разсматривать все <...> <разных> <...> разныя F

F в управлении государства

надобности по переменам времен и обстоятелств, почему в существе генерал прокурор остается толко тем оком которое в сенате порядок производства дел и точность законов наблюдать должен. F

F Согласив<шис>тся можно что

---

611 Текст, выделенный курсивом, перечеркнут наискось.

612 Первоначальное «о» («одно») исправлено на «а».

613 Первоначальное «ое» («простое») исправлено на «ая».

Ягужинской и Трубецкой разпростроняли гораздо далее свое звание; но то надлежит приметить что первой был в то время ближайший советник тово государя который тогда[614] сам империю и правителство установлял а из каких людей и каким[615] <образом> средствами о том известно: к чему доволно одно то напамятовать что вице канцлер был палажон на плаху чтоб толко научить тогдашних новых сенаторов как с благопристойностью сидеть и разсуждать в сенате[616]. Взяв эпок царствования покойной императрицы Елезаветы Петровны[617], – княз Трубецкой тогда первою часть своего прокурорства производил по дворскому фаверу как случайной человек F

F следователно, <...> не закон и порядок наблюдал, но <все делал>, все мог, все делал и естли осмелиться сказать, все прихотливо развращал[618]

а потом <был> сам стал быть угодником фаворитов и припадочных людей. Сей эпок заслуживает особливое примечание <потому что ибо> в нем все было жертвовано настоящему времяни, <желаниям> хотениям припадочных людей и всяким посторонним малым приключениям в делах. <Пре> до того время имели еще наши государи особливыя верховныя места, а хотя некогда оныя места как форму свою переменяли, так и выборы к ним персон обращаемы были в чины, в знатное произвождение и отличности припадочны<х>м людям, однако же со всем тем еще там остовались способы и средства, которыми государи могли иметь общее попечение о государственных частех особливо о тех кои <по своей> по их натуре[619] требуют всегдашнего поправления, частых перемен и полезных новостей, чего в обыкновенных трибуналах F

F ограниченных не токмо в деле но и в разсуждении изданными законами

и не под очами государевыми изполнит невозможно.

<Образ возшествия на престол> образ возшествия на престол покойной императрицы требовал ея разумной политики чтоб +

\+ хотя сначала

собразоватся сколко возможно с <уставами> неоконченными уставами правления великаго ея <отца> родителя – вследствие чего тотчас был учрежденной до того во всей государственной форме кабинет, которой особливо когда наконец Бирон<а> упал <нестало> ♀

---

[614] Вписано слева позднее.

[615] «М» исправлено в «ми»: «какими».

[616] Отмечено знаком «F». Соответствующий текст вписан слева на полях.

[617] Конец текста, отмеченного знаком «F».

[618] Конец текста, отмеченного знаком «F».

[619] Вписано слева.

♀ принял было такую форму, которая могла произвести государево общее обо всем попечение,

заключал в себе общее государево обо всем попечение. Ея в-во вспамятовала что у ея отца гдря был домовой кабинет, из котораго кроме партикулярных приказаний ордеров и писем ничего не изходило, приказала и у себя такой же учредить. Тогдашнея случайныя и припадочныя люди восползовались <для> сим +

+ <партикулярным> домашним местом

для своих прихотей и собственных видов и поставили средством онаго всегда злоключительный общему благу интервал между государя и правителства, <ибо все> оне временщики и куртизаны сделали в нем яко в безгласном и никакова образа государственнаго не имеющем месте <жилище> гнездо своим прихотям, чем оно претворилось <в место> <...> <и вредителное> в самой вредной источник не токмо государю но и самому государству потому что стали из него выходить все сюрпризы и обманы государя[620] развращающие государственное правосудие <его по> его уставы его порядок и его ползу, под формою имянных указов и повелений во все мест. <Государю же вредителноя> Вредной самому государю потому что и те сами кои такия коварныя средства уптребляют для прикрытия себя пред публикою, особливо стараются возлагать на щот собственнаго государева самоизволения все то что они таким образом ни <производят> производили ибо в таком безгласном и в основании своем несвойственном <управлению> правителству государственном месте <...> определенная персона для производства дел может себя почи<тает себя>тать неподверженным суду и ответу пред публикою следователно свободным от всякаго <государю> обязателства <перед государем и государством>[621] кроме <его> исполнения. Ласкатели же государю говорят вить де у вас есть свой кабинет изволте чрез него приказывать <странное> вредное различение! Будто б <государ> все места правителства не равно собственныя б были самодержавнаго государя когда и государство все его быть должно. Да толко разница F <в сих местах>

F в том что когда государевы дела выходят из сих мест

правителств всякой сюрприз и ошибку публика приписывает министрам государевым яко людям местным в государстве 8 <и которыя честию>

8 а оныя> которыя особливым побуждениям обязаны оное предостерегать сами так дерзко не могут <...> взлагать то на государя, будучи <сами> честью

---

[620] Слово «государя» в публикации СИРИО пропущено.

[621] Выделенный курсивом текст написан поверх отточия.

и званием обязаны к отчету в их поведении не токмо пред своим государем но и перед <нею> <...> публикою <ибо> а государь почтенный, любимый и кредитной <в народе> не может <иметь> иметь в народе подозрения чтоб он без коварства <само> <...> и сам собою предпочел вредное полезному; напротив чего всякое благое и полезное тем конечно не менше <без> остается единственно[622] на щет славы государевой потому что он свой разум, разсуждение, желание, волю и избрание <...> к тому употребить изволит.

В таком положении государство оставалось подлинно без общаго государскаго попечения F

F с течением толко обыкновенных дел по одним указам всякаго сорта.

Государь был отдален от правителства. Прихотливыя припадочныя люди пользовались кабинетом, развращали форму и порядок и хватали отвсюду в него дела на безконечную нерешимость, пристрастными из него приказами и повелениями. Сего не доволно оне тут родили еще новое место страннея уже перваго и по дежурству от генерал адъюта<нта>ства не военными <людми> командами разпоряжали но государственные разпорядки делали и ими правили, <домы печа> в наследства и дележ партикулярных людей без законов и причин мешалися, домы их печатали, у одного отнимали другому отдавали. Между тем болшия и случайныя господа пределов не имели своим стремлениям и далним видам F

F государственныя дела <...> <без попечителства> без призрения все было смешано все наиважнейшия должности и службы <обра> претворены были в ранги и в награждения любимцов и угодников; везде фавер и старшинство людей определяло, не было выборе способности и достоинству.

каждый по производству и по кредиту дворских интриг хватал и присвоивал себе государственныя дела <которыми> как кто которыми думал <ловчее> удобнее своего зависника истребить или с другим противу третьего соединиться.

<поведено внутренние жертвованы внешним [...] конференция сделана>[623]

<...> Естли кроме самоизволства оставались еще какия штацкия правила то конечно оные были <таковы> те по которым внутреннее государства состояние насильствовано и жертвовано внешнимх политически<м>х дел<ам> чем наконец и едва ль не взаимными сюрпри-

[622] Слово вписано сбоку на полях.

[623] Вписанный на полях и зачеркнутый фрагмент; неясно, к какому месту основного текста он должен был относиться. Речь, видимо, идет о Семилетней войне и Конференции.

зами между собою родилась завелася война в самое то время когда дошло до <выш> высочайшей степени безстрашие, разхищение, <разхищение роскошь>, розкош<ество и мотовство> мотовство и распудство в имениях и в сердцах.

Увидели скоропостижную войну требующую действительных ресурсов F

F нужно стало собрать в одно место раскиданныя части составляющие государство и его правление

<...>, сделали конференцию монстер ни на что непохожей не было в ней ничего учрежденнаго следователно все безответное[624] и схватя у государя закон ♀ <чтоб по рескриптам за подписанием конференции везде исполняли отлучили его от сведения о делах производстве>.

♀ <...>

♀ чтоб по рескриптам за подписанием конференции везде исполняли, отлучили государя от всех дел следователно и от сведения всего их производства. Пред государем просвещенным не дерзко слово но истенно, фаворит

остался душею животворящею 8

8 или умерщвляющею

государство, он ветром и непостоянством погружен не трудясь тут производит одне свои прихоти работу же и попечение отдал в руки <дерзкому> дерзновенному Волкову. Сей под видом управления канцелярскаго порядка, котораго тут не было, исполнял ролю <существительную ролю> перваго министра, был правителем <всего совета конференции +

+ <мин> самих министров, избирал и сочинял дела <по прихоти, сочинял их> по самохотению заставлял министров оныя подписывать, употребляя к тому или имя государево или под маскою его воли желания фаворитовы. Прихоть была единственным правилом, по которому дела <пр> к производству были определяемы, да и иного быть невозможно там где

действо следствие натуралное и необходимое> <...> в верховном государевом месте когда нет нигде части государственныя без разделения и никакая из них особливо не поручена.

Таково всемилостивейшая государыня истинное существо формы или (лудче сказать +

+ ея недостатки

---

[624] В публикации СИРИО «безответственное».

<...>)[625] в[626] наше<го>м правителстве F

F <с которою вы приняли вступили на престол российской>

и такова верная картина произшедшего из того положения царствованию человеколюбивой императрицы Елисавет Петровны. <...> Одаренное знаниями остроумие вашего и-го в-ва <...> в том до существительной причины коварнаго ей от злонамеренных воображения о самодержавств<а>е. Под видом ея собственной воли лишали ея[627] власти исполнять по собственн<ым>ому желани<ем>ю делать благое отечеству F <обращая милость к персонам в доверенность по делам каждаго звания; однако ж с одной стороны>

F <в таком> может ли партикулярной хозяин разу управить своим домом когда он добрым разделением своего домоводства не уставит прежде <...> порядок? И как искусный фабрикант учредит свою фабрику естли <он своих> мастеров <и работ> не по знанию но по любви к ним будет распоряжать по станам разных работ? Наш сапожной мастер не мешает подмастерью с работником <ино> и нанимает каждаго к своему званию. А мне напротив того случалось слышать у престола государева от людей его окружающих <подлую лстивую> пословицу <ино> лстивую за штатцкое правило, была бы милость всякова на все станет. Сие же конечно <...> исполнялось; фавер и милость к персонам ♀

♀ были претворяемы в доверенность <принадлежа> разумно принадлежащую к тем людям кои в чем имеют знание и способность. С одной стороны можно сие назвать насилством естества котораго однако же преодолеть нельзя; а с другой оно

<...> <не может преодолеть естество а с другой> принуждает наконец и умеренных людей отступить от прямых дел по их способности <и оною изыскивать> и добиваться до единою[628] милости[629] <и случай> и случая. Из чего происходит[630] натуралное следствие что дела остаются +

+ назади

а интриги факций в полном их действии. Спасително нашему претер <...>певшему отечеству ваше истинно матернее намерение вашего и-го в-ва <определить свое> Богом и народом врученное вам[631] право

[625] Вписано между строк.
[626] Вписано слева на полях.
[627] Вписано поверх отточия.
[628] Исправлено на «единой».
[629] Исправлено на «милость».
[630] Слово вписано слева.
[631] Слово вписано слева.

самодержавства употребить в с[632] полной власти[633] <...> <утвердить> основать и утвердить[634] <форму и порядок> формы и порядка <для новых> в[635] правителства[636] способом которым F

F <та ваша самодержавная власть> дабы ваше в-во сами

<оно> б безпрестанно <могло> могли им действовать в праведную и общую[637] ползу и благосостояние <возлюбленного вами народа> империи вашей.

Во исполнение всевысочайшего вашего и-го в-ва повеления я всеподданнейше здесь подношу о том проект, в форме акта к на подписание вашему в-ву. Моя верноподданнейшая[638] <...> верность +

+ и преданность

к освященной особе вашего в-ва, истинная любовь к славе вашей и безкорыстное усердие к моему отечеству, были тут моими единственными правилами к изысканию и расположению таких уставов F

F монаршескому правителству,

которые б <...> которые б твердым и постоянным целомудрием вашего в-ва могли к безсмертной вашей славе могли чрез долголетнее царствование ваше в наиотдаленнейшия потомки век Екатерины Второй[639] предпочтительнейшим в своем совершенстве всем векам ваших предков российскаго престола.

Осмелюсь себя ласкать, всемилостивейшая государыня! что в сем проекте <...> установляемое формою государственною <единое> верховное место лежисляции или законодания из котораго F

F яко от единаго государя и из единаго места

истекает[640] будет собственное монарше изволение +

+ <и обо всем рачение> все оживотворяющее

оградит <сам> самодержавную власть от скрытых иногда похитителей оной.

Не менше надеюся что Ваше и-е в-во признать тут изволите полезную и необходимою надобность департаментов <из министров> с их министрами.

Что же касается до разделения сената на департаменты, в том все признают ползу скорейшего делам течения. Мне же тут представлятся

---

[632] Слово вписано слева.

[633] Исправлено на «полною властию».

[634] Исправлено на «основанию и утверждению».

[635] Слово вписано слева.

[636] Исправлено на «правительстве».

[637] Слова «и общую» вписаны слева.

[638] Оба слова исправлены – раньше падеж был другим.

[639] Слово «Второй» вписано слева.

[640] Исправлено на «истекать».

штатцкой политической резон. <Мы сорок> мы слишком тритцать лет обращаемся в револющиях +

+ на престоле

и чем болше их сила разпространяется между подлых людей, тем оне смелее, безопаснее и возможнее стали. Между другим противу сего опасного опаснаго впредь положения, мудрых мер вашего <императорского> величества может <быть> принято быть и то, чтоб увеличиванием числа сенаторов привесть народ[641] в большее почтение к правителству, а тем следователно обуздать его к государственному порятку.

Впрочем всемилостивейшая государыня! я исполняя таким образом мое верноподданнейшее обязателство и повиновение, <до> должен с подобострастием приметить пред вашим величеством что есть между нами

F как вам известно

<известныя вам> такие особы, которым для известных[642] и им особливых видов и резонов противно <быть может> такое новое распоряжение в правителстве и потому ваше и потому невозможно и-му в-ву почесть совсем оконченным к ползе народной единое ваше всевысочайшее соизволение, на сей ли предложенной проект или на что другое, не от нижепредставленного[643] но требует <оное> еще оно вашего монаршего попечения и целомудренной твердости чтоб <...> совет вашего и-го в-ва взял тотчас свою форму и <пришел> приведен бы был в течение ибо всемилостивейшая государыня почти невозможно сумневаться чтоб +

+ при самом начале

те особы не старались изыскивать трудностей к остановке всего или ♀[644]

♀ по последней мере к обращению в форму ту форму какову оне могут желать. В таком случае несравненно полезнее теперь <...> <по оной> по ней зделать установления нежели допустить так, как прежде бывало развращать единожды установленное. Сие последнее сказав есмь по гроб мой[645]

В. И. В.

[Далее следует текст проекта манифеста, написанный набело, но с многочисленными правками – К. Б.]

---

641 «Народ» в публикации СИРИО пропущено.

642 Слово вписано слева.

643 «Не от нижепредставленного» пропущено в публикации СИРИО.

644 Соответствующий текст под знаком ♀ расположен под углом 90 градусов в левом поле.

645 Слово «мой» вписано справа.

За долго до принятия нашего российской державы мы познавая существо правления сей великой и сильной империи, познавали и причины, которыя так часто при всяких обстоятельствах и переменах подвергали оное пренебрежение то есть слабости народнаго правосудия, упущения его благосостояния и наконец всем тем порокам которыя по временам внедривались во всем течениия правления; как особливо при возведении на престол покойной императрицы Анны Иоанновны и самая самодержавная власть никогда не разделяемая от нашей императорской короны <самодержавная власть> уже потрясенна была.

Таковыя государству вредныя неудобности происходили, несумненно, частию от того, что в производстве дел действовала более сила персон, нежели власть мест государственных, частию же и от недостатка таких начальных оснований правительства которыя бы его форму сохранять могли.

Достойное Наше<му>го Императорско<му>го Величеств<у>а наше намерение и матернее попечение о прочности благополучия Нашей империи заставляют о <...> нас изъясниться в наше<м> собственноем усмотрении[646] о недостатках государственных уставов наших славных предков, <пред которыми мы должны иметь преимущество преемника и подражателя>.

Краткая и неспокойствами и войнами отягощенная жизнь созидателя и законодавца Российской империи Великаго Петра Нашего любезнейшаго деда[647] не допустила его привести к совершенству гражданское государственное установление; а последователи его на российском престоле поставляя государственною формою одни им начатыя тому основании, когда усматривали в действиях неудобности старались оныя награждать разными временными распорядками и узаконениями, которыя не имев прямаго государственнаго основания и не получая

[Ниже следует, по-видимому, черновик текста проекта манифеста, написанный той же рукой, что и черновик доклада – К. Б.].

<От самаго оного времяни как мы начали прямо познавать существо правителства обширной[648] силной и великой империи мы <видели> находили и причины>

F Задолго до нашего приятия российской[649] <престола> державы мы, познавая <...> существо правления сей обширной силной и великой империи, познали и причины

[646] Исправлено с «усмотрение».

[647] Исправлено с «дядю».

[648] Слово вписано слева на свободном поле.

[649] Исправлено из «российского».

которыя так часто при всяких обстоятелствах подвергали оное [...] пренебрежению <дел слабости дел> государственных дел слабости народнаго правосудия, упущению их его благосостояния <их наконец и> и наконец всем тем порокам, которыя по временам внедривались во всем <государ> течении как <наконец> при возведении на престол покойной императрицы Анны Иоанновны [...] <и приро> никогда не разделяемая от нашей короны самодержавная власть уже потрясенна была.

Таковыя государству вредныя неудобности происходили несомненно <как отчасти от того, что как> частию от того что в производстве действовала более сила персон нежели власть мест государственных, частию же и от недостатка таких <....> <фундаментальных> начал оснований правителства которые б его форму твердою сохранять могли.

<Намер> достойное <наше> нашему императорскому величеству намерение и матернее попечение о прочности и благополучии нашей империи заставляют открыть наше собственное усмотрение о тех <недостатках> <...> в недостатках <уст> государственных уставов наших славных предков, пред которыми мы должны иметь преимущества преемника и подражателя.

Краткая <и без> и неспокойствами и войнами отягощенная жизнь созидателя и 8

8 и законо<дателя>давца

<законодавца> Российской империи великаго Петра нашего любезнейшаго дяди недопустила его <совер> привести к совершенству гражданское государственное установление <...> а последователи его на российском престоле поставляя <формою> государственною формою им[650] <его> начатыя тому основания F

F когда <же> усматривали в действиях неудобности, старались оныя награждать

<старались награждать оныя> разными времянными распоряткками и узаконениями которыя ♀

♀ не имев прямаго государственнаго основания

<не имев основания и формы> и не получая силу прочности <сами упадали> переменою времян или сами упадали <или доставались в руки при> подвергались руководству припадочных и случайных людей так что иногда и самым верховным местам[651] приняв нашего самодержавнаго правителства <...> оставалось толко их имянование а все государство одними персонами без званий и вне мест управляемо бы-

[650] Вписано слева на свободном поле.

[651] Исправлено из «самыя верховныя места».

вало <...> <недостаточныя и часто недостаточныя а иногда коварством а иногда слабостию злоупотреблямых положения в котором любезное наше отечестве> <...>

От начала недостаточныя установления чрез долгое же время частыя и в том еще злоупотребления наконец привели в такое положение прав правление дел в нашем любезном отечестве что при важнейшем произшествии на монаршем престоле почиталось излишним и ненадобным собрание верховнаго правителства. Кто верный и разумной[652] сын без чувствителности может себе привести на память, в каком порятке восходил на престол бывшей император Петр Третий? И не может ли сие злоключителное положение <произшествие> быть уподоблено тем варварским в которыя не токмо

[Здесь черновой текст проекта манифеста заканчивается и дальше вновь следует беловик с правкой – К. Б.]

силы прочности переменою времен или сами упадали, или подвергалися руководству припадочных и случайных людей, так что иногда и самым верховным местам нашего самодержавнаго правителства оставалось только их именование, а все государство одними персонами +

+ и изволениями

без званий и вне мест управляемо бывало.

От начала недостаточныя установления чрез <...> долгое время частыя и в том еще злоупотребления привели в такое положение правление дел в нашем любезном отечестве, что при наиважнейшем произшествии на монаршем престоле почиталось излишним и не надобным собрание верховнаго правительства. Кто верный и разумный сын отечества без чувствителности может себе привесть на память в каком порядке восходил на престол бывший император Петр третий, и не может ли сие злоключителное положение быть уподоблено тем варварским временам в которыя не токмо

[Текст беловика прерывается. Со следующего листа тем же почерком он начинается заново – К. Б.]

За долго до нашего принятия российской державы, мы познавая существо правления сей великой и сильной империи, познали и причины, которыя так часто при всяких обстоятельствах и переменах подвергали оное пренебрежению государственных дел, то есть слабости народного правосудия, упущению его благосостояния и на конец всем тем порокам которыя по временам внедривались во все течение правления; как особливо при возведении на престол покойной императрицы Анны Иоанновны и самая самодержавная власть

[652] «И разумной» вписано слева в свободном поле.

никогда не разделяемая от нашей императорской короны, уже потрясенна была.

Таковыя государству вредныя неудобности происходили несумненно, частию от того, что в производстве дел действовала более сила персон нежели власть мест государственных частию же и от недостатка таких начальных основания правительства, которыя бы его форму твердою сохранять могли.

Достойное Нашего императорского величества Наше намерение и матернее попечение о прочности благополучия нашей империи, заставляют нас изъясниться в нашем собственном усмотрении о недостатках государственных уставов наших славных предков.

Краткая и неспокойствами и войнами отягощенная жизнь созидателя и законодавца российской империи Великаго Петра, нашего любезнейшаго деда, не допустила его привести к совершенству гражданское государственное установление; а последователи его на российском престоле поставляя государственною формою одни им начатыя тому основании, когда усматривали в действиях неудобности, старались оныя награждать разными временными распорядками и узаконениями, которыя не имев прямаго государственнаго основания и не получая силы прочности, переменою времен или сами упадали, или подвергалися руководству припадочных и случайных людей, так что иногда и самым верховным местам нашего самодержавнаго правительства оставалось только их наименование, а все государство одними персонами и их изволеньями без званий и вне мест управляемо бывало.

От начала недостаточныя установлении чрез долгое время, частыя и в том еще злоупотреблении, наконец привели в такое положение, правление дел в нашем любезном отечестве, что при наиважнейшем произшествии на монаршем престоле почиталось излишним и ненадобным собрание верховнаго правительства. Кто верной и разумной сын отечества, без чувствительности может себе привесть на память, в каком порядке восходил на престол бывший император Петр третий, и не может ли сие злоключительное положение быть уподоблено тем варварским временам в которыя не токмо установленнаго правительства ниже письменных законов еще не бывало.

Не оспоримая есть истинна, что время, опыт и искуство суть наинадежнейшия свидетели добру и худу, мы несколько лет примечая и разсуждая о их действиях познали натуральное преимущество преемников пред предками, особливо между государями, и потому при самом нашем вступлении на престол мы поставили себе за первое наше

пред богом и народом императорское обязательство чтоб с помощию всевышняго, его святым руководством и нашею самодержавною непременною властию вышеобъявленные в правлении нашей империи недостатки наполнить и из того происходимыя по временам порочныя следствии исправить, одним словом чтоб непоколебимо утвердить форму и порядок которыми под императорскою самодержавною властию государство на всегда управляемо быть должно. Еже все мы нашим пространным манифестом июля 6 дня сего года и обещали торжественно всем нашим любезноверным подданным. В чем мы особливо[653] F

F основались на словах духовнаго регламента 1721 года когда <пре премудрою рукою под> подписанным[654] + <мудрою рукою императора и деда>

+ всем освященным собором и синклитом и конфирмованнаго <премудрою> самодержавною рукою деда нашего где сей славной ♀

♀ и премудрой

государь говорит: монархов власть есть самодержавная, которым повиноваться сам господь за совесть повелевает обаче советников своих имеют не токмо ради <луд> лучшаго истинны взыскания, но дабы и не клеветали непокоривыя человецы, что се или ино силою паче и по прихотям своим, нежели судом и истинною заповедует монарх.

И так данною нам от бога властию на ограждение от зла нашей империи и на распространение благосостояния ея истинных сынов, мы сим наиторжественнейше установляем и узаконяем следующий устав нашему верховному правительству.

§ 1.

Хотим и учреждаем императорской совет.

Оный состоит в шести персонах, которыя и именоваться должны императорскими советниками, а число их ни когда превосходить и умаляться не должно.

§ 2.

В числе сем должны быть некоторыя департаментов государственных штацкими министрами, и по тому место свое в тех департаментах иметь, яко то 1) министр иностранных дел и член того департамента, то есть иностранной коллегии, 2) министр внутренних дел, который не токмо сенатор, но и место имеет во всех коллегиях принадлежащих к тому департаменту, 3) министр военнаго департамента, который в военной коллегии, в камисариате и в провиант место имеет, 4) министр

[653] Фраза «в чем мы особливо» вписана другим почерком, начерно.

[654] Исправлено на «подписаннаго», помечено знаком «+». Соответствующий текст вписан слева на полях.

морскаго департамента, который и член коллегии адмиралтейской. А ежели в разсуждении пространства дел внутренних нужда востребует <нужда> разделить оный на два департамента тогда и пятой штацкой министр прибавлен быть должен на <сем> сем же основании <сочинить особливый департамент из купеческих и казенных дел, тогда онаго министр получает место в комерц-коллегии, в камор-коллегии и в статс-канторе>.

§ 3.

Хотя выше сказано что поминаемые министры из числа тех же императорских советников: однакож способные и вне совета находящиеся могут употреблены быть министрами. И в таком случае предписанное число

шести императорских советник, не включая сих министров, состоять имеет. ♀

♀ § 4 Все дела принадлежащия по уставам государственным и по существу <государ> монаршей самодержавной власти нашему собственному попечению и решению <име имеют быть> яко то взносимые к нам <доклады и про> не в присудствии в сенате доклады, мнении, всякия проекты <законы и прое> всякия справедливыя прозбы, точное сведение всех разных частей составляющих государство и его ползу словом все то что служить может к общему к собственному самодержавнаго государя попечению <о об> о приращении государственном имеет быть в нашем императорском совете яко у нас собственно.

§ 5 Но чтоб содержащееся в последнем предыдущем параграфе имело в производстве надобную форму и порядок чем бы доброй государь <ограждал себя в ошипках свойственных человечеству, при его> при его попечении и безпрестанных и великих трудах ограничивал себя в ошибках, свойственных человечеству, то мы разделяя сии наши дела на четыре департамента определили к каждому из них F

F по особливому штацкому министру как о том во втором параграфе постановлено, которыя министры <и оне суть> должны быть нашею живою запискою принадлежащаго рачительному <о благе общем> государю принадлежащаго точнаго сведения о установлениях и состоянии о всех вещах, составляющих дела, порядок и положение государства всего, в чем каждой по своему департаменту и заимствует часть нашего собственнаго попечения. Императорский же совет ни что иное как то самое место в котором мы об империи трудимся и потому все доходящие до нас яко до государя дела должны быть по их свойству разделяемы между теми министрами а они <же> по сво-

им департаментам должны их разсматривать выробатовать в ясность приводить нам в совете предлагать и по ним отправлении чинить нашим резолюциям и повелениям

§ 6 Понеже все установления сего императорскаго совета инаго намерения иметь не может и не должно как только то чтоб средством онаго сам государь мог вне объять все части государства иные под свое монаршее попечение, для удобнейшаго в ползу <народа> общую законодателства следователно для подания <истинно> совершенной силы действию его самодержавной власти, а <особливо> особливо избранныя к тому штацкия министры яко особливые члены в том трудами <действуя особливою> работою поспешествующие должны иметь сверх способности знания и разума качества телесных сил к <такой великой работе> к таковым болшим заботам; <что> еже <какими> времянем болезньми и многими другими приключающимися обстоятелствами в жизни может проходить в ослабление[655] из чего также может надобность дел требовать и перемены в их персонах[656]: того ради соображая то и другое, мы сим установляем что наши императорския <министры так как и> советники, так и те штацкие министры не умножают класов учрежденных а щитаются <чинами своими> по табели о рангах обыкновенными чинами, кто какой иметь будет[657] доволствуяся как должно честолюбивому сыну отечества, отличностию монаршаго избрания к такой знатной и важной доверенности.

§ 7[658].

Канцелярия сего совета императорскаго учреждается следующим образом. 1) правитель канцелярии императорскаго совета или директор. 2) ___ секретарей количество по числу министров полагается. 3) при каждом секретаре по два канцеляриста. 4) один архивариус и при нем канцелярист. 5) один росходчик и при нем канцелярист, а к тому потребное число и служителей.

§ 8[659].

Производство дел в сем императорском совете отправляется следующим образом: сей совет собирается каждой день <когда> кроме суботы, воскресных и праздничных дней, когда толко дела есть, в особливом к тому назначенном апартаменте у двора нашего <ея императорскаго величества> тут в присудствии нашем <ея всевысочайшей особы>, каждой министр по своему указы и резолюции как и сверх

---

[655] Написано в нижней части листа. Отмечено знаком «+».

[656] Конец текста, отмеченного знаком «+».

[657] Отмечено знаком «♀». Продолжение текста – на обороте листа.

[658] Исправлено из «4».

[659] Исправлено из «5».

того все именныя повеления об определении к местам, о произвождении, о милостях и награждениях из того же совета за подписанием нашим ея величества отправляться имеют месту департаменту предлагает дела принадлежащия к докладу и высочайшему императорскому решению <Ея императорскаго величества>. А советники императорские своими мнениями и разсуждениями оныя оговаривают и нашим самодержавным <ея величество своим монаршим> повелением определять[660] <изволит свою> нашу последнюю резолюцию

§ 9[661]

Между тем правитель канцелярии совета, имея свой по близости стол, дабы все слышать мог, записывает в протокол не токмо по докладам высочайшия резолюции, но и происходящия по делам разсуждения тех советников все подробно, и оный протокол в следующий день всеми императорскими советниками подписан быть должен, а по силе в нем <высочайшей резолюции> повелений он же правитель канцелярии совета должен заготавливать к нашему <Ея императорскаго величества подписанию>

§ 10

Всякое новое узаконение, акт, постановление, манифест, грамоты и патенты которые государи сами подписывают должны быть контрасигнированы тем штацким министром по департаменту котораго то дело производилося, дабы тем публика оное отличать могла.

§ <11><10>11[662]

Из вышеустановленнаго видно что из сего императорскаго совета ни что исходить не может инако как за собственноручным монаршим <Ея императорскаго величества> подписанием. Но в случае каких либо запросов и справок или и требования самих дел по <ея же высочайшему> нашему императорскому повелению отправляемых из канцелярии императорскаго совета в государственныя места, должен тогда подписывать один из императорских советников, а на маловажных запросах и справках крепить имеет правитель канцелярии совета, подписываяся таким чином какой он имеет.

Установя таким образом наш императорской совет, теперь мы приступаем (не нарушая целости нашего правительствующаго сената) к части онаго, которую мы для поспешения и всенародной пользы за благо разсудили пополнить распорядок и производство в делах, почему:

---

[660] Исправлено на «определяем».

[661] Исправлено из «6».

[662] Исправлено из «7».

§ 1

Настоящия узаконения на которых сие государственное правителство основано мы сим не токмо оставляем в прежней их силе но и вящше чрез сие конфирмуем правом +

+ то что <и первый> и дед наш государь Петр Великой яко <первый сростроитель> яко созижденик сего правительствующаго <места> под самодержавною властью места ему признавал и предоставлял

<его право которое дедом нашим любезнейшим государем Петром Великим сему правительствующему под самодержавною нашею властью месту предоставлено>, то есть иметь свободность нам представлять и на наши собственныя повеления, ежели они в исполнении своем могут касаться или утеснять наши государственныя законы[663] или народа нашего благосостояние[664]. Равным образом разумеется и о узаконениях таких же коллегиям данных в разсуждении сената.

§ 2

В пополнение же тому сенат разделен быть имеет на шесть департаментов, а именно, первый: государственных внутренних политических дел, яко то всякия государственныя ведомости о числе народа, полное сведение о всех государственных приходах и расходах, архива с печатною конторою и типографиею, дела по синоду с подчиненными местами, дела по иностранной коллегии с пограничными коммиссиями. Дела по камор с корчемными и ревизион коллегиями, по штатс и соляной конторам и по канцелярии конфискации, по секретной и тайной экспедициям, по приказному столу и по новому уложению. О штатах, по ревизиям мужескаго пола душ. По монетной и с принадлежащими к тому экспедициями. Второй департамент: бывшия доселе по рекетмейстерской конторе всякия аппелляционныя дела, для чего и той конторе быть в сем втором департаменте, а генералу рекетмейстеру в принятии челобитен поступать по точной силе его инструкции. Тут же присовокупить дела по герольдии. Третий департамент: дела по берг, манифактур и коммерц коллегиям и по главному магистрату. По колывано-воскресенским и нерчинским заводам. По академии наук, по медицинской канцелярии, по кронштатскому и ладожскому каналам и по Порту балтийскому. По боровицким и болховским порогам. По перспективной и по прочим дорогам. По смоленскому шляхетству и о тамошних форпостах. По главной дворцовой, конюшенной и егермейстерской, по канцелярии от строений, по собственной нашей

[663] Отмечено знаком «F». Соответствующий текст вписан слева на полях.

[664] Конец текста, отмеченного знаком «F».

вотчинной, по придворной и конюшенной конторам, по мастерской и оружейной палатам. Четвертый департамент: дела по юстиц и вотчинной коллегиям, по сыскному и судному приказу, по сыщиковым делам и по экспедиции о колодниках и всякия следственныя по главной полиции. По сибирскому приказу, по банковым конторам для дворянства и купечества и по генеральному межеванию. Пятый департамент: по делам военной и адмиралтейской коллегии. По главному коммиссариату и провиантской канцелярии, по артиллерии и инженерной и оружейной канцеляриям. По корпусам кадетским, сухопутном и морском. Шестой департамент: по делам малороссийским, лифляндским и экстляндским, по новой Сербии, по выборгской губернии и по Нарве немецкия дела.

Сие разделение дел по департаментам не определяется непоколебимым или непременным: но сенат власть имеет оное переменять по временам, как когда свойства дел могут найтися выгоднее в том или другом департаменте, и о сем нам докладывать. А сверх сего расписания дел по департаментам, всякия государственныя дела, кои вновь какова постановления или перемены требуют, имеют быть прежде разсуждаемы в департаменте и потом решены в общем собрании всего сената. И чего собою сенат решить не может, о том представлять нам.

§ 3

Каждый департамент имеет состоять не меньше как из пяти сенаторов. При первом остается генерал-прокурор, а во всех других в каждом по одному обер-прокурору. При чем сенату предоставляется расписание обер-секретарей и экзекуторов, секретарей и сенатских служителей.

§ 4

Учрежденная сенатская контора с аппелляционными делами имеет навсегда остаться в том же числе сенаторов, как и другие департаменты, и в том же порядке, как она ныне оставлена в Санктпетербурге.

§ 5

Каждый департамент имеет принадлежащия ему по вышеписаному росписанию дела решить единогласно и на точном разуме законов; а решение оных почитаться должно равно как бы всем сенатом то учинено было. Чего ради как в первом департаменте генерал так в прочих обер-прокуроры имеют точно поступать по инструкции генерал-прокурорской.

§ 6

Если же иногда случится, что в некотором департаменте по какому-либо делу, не все определенные сенаторы одного мнения будут: то в таком случае, не реша дела, должен обер-прокурор объявить генерал-прокурору, показав, в чем сенаторы не соглашаются или он сам сумнителен; тогда генерал-прокурор, взяв то дело в первый департамент и созвав полное собрание всего сената, предложит к общему разсуждению, поступая в собрании голосов по его инструкции, и решит дело по большему числу голосов. Равным образом если и в первом департаменте определенные сенаторы, по какому либо делу, не одного мнения будут, то предлагать в обшее собрание и решить по большему числу голосов: при том генерал-прокурору в протестах поступать весьма осмотрительно на точном основании прокурорской инструкции, как в коллегиях положено.

§ 7

Что принадлежит до сенатской конторы, то из оной дела, кои за несогласным мнением сенаторов или за сумнением обер-прокурорским решить будет невозможно, оныя обер-прокурору присылать со включением каждаго сенаторскаго мнения к общему разсуждению в сенат.

§ 8

Сверх сего, как сенат должен иметь каждую неделю одно по последней мере генеральное собрание для всяких новых и в департаментах не трактованных еще государственных дел, то и тут оныя решения свои получать имеют по государственным уставам и в силе законов по большему числу голосов, а естьли на что законов нет, то по прежнему нам докладывать.

Сим образом вышеизображенное постановление, мы уповаем, соответствовать будет нашему желанию, которое всегда неинако как к общему благу отечества нашего любезнейшаго склоняется. Постановлено в Москве от рождества Христова в 1762-м году, месяца декабря 28 дня, государствования нашего в первое лето.

Екатерина.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. НАЙДЕННОЕ В БУМАГАХ ПОКОЙНОГО ГРАФА НИКИТЫ ИВАНОВИЧА ПАНИНА РАЗСУЖДЕНИЕ О НЕПРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНАХ

Без сомнения, самый известный текст Н. И. Панина, сохранившийся в записи (и, возможно, обработке) Д. И. Фонвизина. Он неоднократно публиковался, в том числе – в вышедшем в 1959 г. двухтомном собрании сочинений Фонвизина, подготовленном Г. П. Макогоненко[665]*. Электронный вариант этой публикации доступен исследователям со всего мира в Русской виртуальной библиотеке www.rvb.ru. Выдержки из «Рассуждения» часто публикуются в разнообразных сборниках и хрестоматиях, посвященных истории отечественной политической и административной мысли.*

Оригинальный текст «Рассуждения» хранится в РГАДА (фонд 1, единица хранения 17 «Бумаги графов Н. и П. Паниных») и написан, видимо, рукой Д. И. Фонвизина. Текст «Рассуждения» представляет собой чистовик, черновики его неизвестны, поэтому никаких исправлений или пометок, могущих представлять принципиальный интерес для исследователя, в этом тексте нет. Тем не менее, ряд расхождений с версией, опубликованной в собрании сочинений Фонвизина в 1959 г., присутствует – хотя бы в отношении знаков препинания и заглавных букв (такие слова, как «Бог», «Государь», «Гражданин» и «Закон» написаны с заглавной буквы, тогда как, например, «отечество» или «монарх» – со строчной). Здесь «Рассуждение» публикуется в соответствии с оригинальным текстом. В основном же тексте книги цитаты из «Рассуждения» приведены – в соответствии с традицией – по публикации 1959 г.

Известен ряд списков «Рассуждения», бытовавших, например, под названием «О необходимости законов», «О законах» или попросту «Политическое сочинение»[666]*. Впервые оно было опубликовано А. И. Герценом под заглавием «О праве государственном Фон-Визина». В исследовательской среде прочно закрепилось название «Рассуждение о непременных государственных законах»; имеется и перевод его на английский язык («Discourse on Permanent State Laws»), выполненный У. Глизоном. Однако наиболее точным заглавием сле-*

[665] Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах // Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений: В 2 т. М.;Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. Т. 2. С. 254-267.
[666] См. об этом: Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М.: Изд-во АН СССР, 1954; Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. М.: Наука, 1974. Вып. 6. С. 261-280.

дует считать заглавие архивного подлинника: «Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение о непременных государственных законах». Важно, однако, что П. И. Панин дал тексту еще одно заглавие, подчеркнув авторство своего брата, – на старой обложке текста было написано: «Найденное в бумагах после покойнаго министра графа Панина ево разсуждение».

Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных. Сию истину тираны знают, а добрые государи чувствуют. Просвещенный ясностию сея истины и великими качествами души одаренный монарх, облекшись в неограниченную власть, и стремясь к совершенству поскольку смертному возможно, сам тотчас ощутит, что власть делать зло есть не совершенство и что прямое самовластие тогда только вступает в истинное свое величество, когда само у себя отъемлет возможность к соделанию какого либо зла. – И действительно все сияние престола есть пустой блеск, когда добродетель не сидит на нем вместе с Государем: но вообразя его таковым, которого ум и сердце столько былиб превосходны, чтоб никогда не удалялся он от общаго блага и чтоб сему правилу подчинил он все свои намерения и деяния, кто может подумать, чтоб сею подчиненностию безпредельная власть его ограничивалась? Нет. Она[667] есть одново свойства со властию существа вышняго. Бог потому и всемогущ, что не может делать ничего другаго кроме блага; а дабы сия невозможность была безконечным знамением его совершенства, то постановил он правила вечныя истинны для самого себя непреложные, по коим управляет он вселенною, и коих не престав быть Богом сам преступить не может. Государь, подобие Бога, преемник на земле вышней Его власти не может равным образом ознаменовать ни могущества ни достоинства своего иначе, как постановя в государстве своем правила непреложныя, основанныя на благе общем, и которых не мог бы нарушить сам, не престав быть достойным Государем.

Без сих правил, или точнее объясниться, без непременных Государственных Законов, не прочно ни состояние Государства, ни состояние Государя. Не будет той подпоры, на которой бы их общая сила утвердилась. Все в намерениях полезнейшие установления никакого основания иметь не будут. Кто оградит их прочность? Кто поручится, чтоб преемнику не угодно было в один час уничтожить все то, что во все прежние царствования установляемо было. Кто поручится, чтоб сам Законодатель окруженный неотступно людьми затмевающими

[667] В публикации под редакцией Макогоненко: «Нет, она…».

пред ним истинну, не раззорил тово сегодня, что созидал вчера? Где же произвол одного есть Закон верховный, тамо прочная общая связь и существовать не может; тамо есть Государство, но нет отечества; есть подданные, но нет Граждан, нет того политическаго тела, которого члены соединялись бы узлом взаимных прав и должностей. Одно пристрастие бывает подвигом всякого узаконения; ибо не нрав государя принаравливается к Законам, но Законы к его нраву. Какая же довеpенность, какое почтение может быть к Законам, не имеющим своего естественного свойства, то есть соображения с общею пользою? Кто может дела свои располагать тамо, где без всякой справедливой притчины, завтре вменится в преступление то, что сегодня не запрещается? Тут каждой подвержен будучи прихотям и неправосудию сильнейших, не считает себя в обязательстве наблюдать того с другими, чево другие с ним не наблюдают. Тут, с одной стороны, на Законы естественные, на истинны ощутительныя, дерзкое невежество требует доказательств, и без указа им не повинуется, когда, с другой стороны, безумное веление сильного с рабским подобострастием непрекословно исполняется. Тут, кто может, повелевает, но никто ничем не управляет, ибо править долженствовали бы Законы, кои выше себя ничево не терпят. Тут подданные порабощены Государю, а Государь обыкновенно своему недостойному любимцу. Я назвал ево недостойным потому, что название любимца не приписывается никогда достойному мужу оказавшему отечеству истинные заслуги, а принадлежит обыкновенно человеку достигшему высоких степеней по удачной своей хитрости нравиться Государю. В таком развращенном положении злоупотребление самовластия восходит до невероятности, и уже престает всякое различие между Государственным и Государевым, между Государевым и любимцовым. От произвола сего последняго все зависит. Собственность и безопасность каждова колеблется. Души унывают, сердца развращаются, образ мыслей становится низок и презрителен. Пороки любимца не только входят в обычай, но бывают почти единым средством к возвышению. Естьли любит он пьянство, то сей гнусный порок всех вельможей заражает. Естьли дух ею объят буйством и дурное воспитание приучило его к подлому образу поведения, то во время его знати поведение благородное бывает уже довольно заградить путь к щастию; но естьли провидение в лютейшем своем гневе к человеческому роду попускает душою Государя овладеть чудовищу, которое все свое любочестие полагает в том, чтоб Государство неминуемо было жертвою насильств и игралищем прихотей ево; естьли все уродливые движения души влекут его первенствовать только богат-

ством, титлами и силою вредить; если взор ево, осанка, речь, ничево другова не знаменуют как: «боготворите меня, я могу вас погубить», естьли безпредельная ево власть над душою Государя препровождается в ево душе безчисленными пороками; естьли он горд, нагл, коварен, алчен к обогащению, сластолюбец, безстыдный, ленивец, тогда нравственная язва становится всеобщею, все сии пороки разливаются, и заражают двор, город, и наконец Государство. Вся молодость становится надменна, и принимает тон буйственнаго презрения ко всему тому, что должно быть почтенно. Все узы благочиния разторгаются, и к крайнему соблазну, ни век, изнуренный в служении отечества, ни сан, приобретенный истинною службой, не ограждает почтеннова человека от нахальства и дерзости едва из ребят вышедших, и одним случаем поднимаемых негодниц. Коварство и ухищрение приемлются главным правилом поведения. Никто нейдет стезею себе свойственною. Никто не намерен заслуживать; всякой ищет выслуживать. В сие благопоспешное, недостойным людям время, какова воздаяния и могут ожидать истинные заслуги, или паче естьли способ оставаться в службе мыслящему и благородное любочестие имеющему Гражданину? Какой чин, какой знак почести, какое место Государственное, не изгажено скаредным прикосновением пристрастного покровительства? Посвятя жизнь свою военной службе, лестно ль дослуживаться до полководства, когда вчерашний капрал, не известно кто, и неведомо за что, становится севодня полководцем и принимает начальство над заслуженым и ранами покрытым офицером? – Лестноль быть судьею, когда правосудным быть не позволяется? Тут алчное корыстолюбие довершает общее развращение. – Головы занимаются одним примышлением средств к обогащению. Кто может, грабит; кто неможет, крадет, и когда Государь без непреложных Государственных законов зиждет на песке свои здания, и выдавая непрестанно частные уставы думает истреблять вредные государству откупы, тогда не знает он того, что в государстве его ненаказанность всякого преступления давно на откупу, что для безсовестных хищников стало делом единого разчета, исчислить, что принесет ему преступление, и во что милостивой указ стать ему может. – Когда же правосудие претворилось в торжище, и можно бояться потерять без вины свое, и надеяться без права взять чужое, тогда всякой спешит наслаждаться без пощады тем, что в его руках, угождая развращенным страстям своим. И что может остановить стремление порока, когда идол самого Государя, пред очами целова света в самих царских чертогах, водрузил знамя беззакония и нечестия; когда, насыщая бесстыдно свое сластолюбие, ругается он

явно священными узами родства, правилами чести, долгом человечества и пред лицом Законодателя божеские и человеческие Законы попирать дерзает? – Не вхожу я в подробности гибельнаго состояния дел изторгнутых им под особенное ево начальство: но вообще видим, что естьли с одной стороны заразившей его дух любоначалия кружит все головы, то с другой, дух праздности, поселивший в него весь ад скуки и нетерпения, распространяется далеко, и привычка к лености укореняется тем сильнее, что рвение к трудам и службе почти оглашено дурачеством смеха достойным.

После всего мною сказанного и живым примером утверждаемого не ясноль видим, что не тот государь самовластнейший, который на недостатке государственных законов чает утвердить свое самовластие. Порабощен одному или нескольким рабам своим, по чему он самодержец? Разве потому, что самого держат в кабале недостойные люди? Подобен будучи прозрачному телу, чрез которое насквозь видны действующие им пружины, тщетно пишет он новые законы, возвещает благоденствие народа, прославляет премудрость своего правления, новые законы ево будут ни что иное как новые обряды, запутывающие старыя законы, народ все будет угнетен, дворянство унижено, и несмотря на собственное ево отвращение к тиранству, правление ево будет правление тиранское. Нация тем не меньше страждет, что не сам государь принялся ее терзать, а отдал на расхищение извергам себе возлюбленным. Таковое положение долго и устоять не может. При крайнем ожесточении сердец все частные интересы, раздробленные существом деспотического правления, нечувствительно в одну точку соединяются. Вдруг все устремляются разторгнуть узы нестерпимого порабощения. И тогда что есть Государство? Колосс державшийся цепями. Цепи разрываются, колосс упадает, и сам собою разрушается. Деспотичество, рождающееся обыкновенно от Анархии, весьма редко в нее опять не возвращается.

Для отвращения таковыя гибели, Государь должен знать во всей точности все права своего величества, дабы первое содержать их у своих подданных в почтении, и второе, чтоб самому не преступить пределов ознаменованных его правам самодержавнейшею всех на свете властию, а имянно властию здраваго разсудка. До первого достигает Государь правотою, до второго кротостию.

Правота и кротость суть лучи божественнаго света возвещающие людям, что правящая ими власть поставлена от Бога, и что достойна она благоговейного их повиновения: следственно всякая власть неознаменованная божественными качествами правоты и кротости, но

производящая обиды, насильства, тиранства, есть власть не от Бога, но от людей, коих нещастия времян попустили уступя силе унизить человеческое свое достоинство. В таком гибельном положении нация буде находит средства разорвать свои оковы тем же правом, каким на нее наложены, весьма умно делает, естьли разрывает. Тут дело ясное. Или она теперь в праве возвратить свою свободу, или никто не был вправе отнимать у ней свободы. Кто не знает, что все человеческие общества основаны на взаимных добровольных обязательствах, кои разрушаются так скоро, как их наблюдать перестают. Обязательства между Государем и подданными суть равным образом добровольные; ибо не было еще в свете нации, которая насильно принудила бы кого стать ее Государем; и естьли она без Государя существовать может, а без нее Государь не может, то очевидно, что первобытная власть была в ея руках, и что при установлении Государя не о том дело было, чем он нацию пожалует, а какою властию она его облекает. Возможноль же, чтоб нация добровольно постановила сама Закон разрешающей государя делать неправосудие безотчетно. Не стократноль для нее лутче не иметь никаких законов, нежели иметь такой, которой дает право Государю делать всякия насильства? А потому и должен он быть всегда наполнен сею великою истинною, что он установлен для Государства и что собственное его благо от щастия ево подданных долженствует быть неразлучно.

Разсматривая отношения Государя к подданным, первой вопрос представляется разуму, чтож есть Государь? Душа правимаго им общества. Слаба душа, естьли не умеет управлять прихотливыми стремлениями тела. Нещастно тело, над коим властвует душа безрассудная, которая чувствам, своим истинным министрам, или во все вверяется, или ни в чем не доверяет.

Положась на них, беспечно принимает кучу за гору, планету за точку; но буде презирает она их служение, буде возмечтает о себе столько, что захочет сама зажмурясь видеть и заткнув уши слышать, какой правильной разрешимости тогда ожидать от нее можно и в какие напасти она сама себя не завлекает!

Государь, душа политического тела равной судьбине подвергается. Отверзает ли он слух свой на всякое внушение; отвращает ли оный от всяких представлений, уже истинна его не просвещает: но естьли он сам и не признает верховной ея власти над собою, тогда все отношения его к Государству в источниках своих развращаются: пойдут различия между его благом и Государственным; тотчас поселяется к нему ненависть; скоро сам он начинает бояться тех, кои ево ненави-

дят, и ненавидеть тех, которых боится: словом вся власть его становится беззаконная; ибо не может быть законна власть, которая ставит себя выше всех Законов естественного правосудия.

Просвещенный ум в государе представляет ему сие заключение, без сомнения, во всей ясности: но просвещенный Государь есть тем не больше человек. Он как человек родится как человек умирает, и в течение своей жизни как человек погрешает: а потому и должно разсмотреть, какое есть свойство человеческаго просвещения. Между первобытным его состоянием в естественной его дикости и между истинного просвещения, разстояние толь велико, как от неизмеримой пропасти до верху горы высочайшей. Для восхождения на гору потребно человеку пространство целой жизни; но взошед на нее, естьли позволит он себе шагнуть чрез черту разделяющую гору от пропасти, уже ничто не останавливает его падения, и он погружается опять в первобытное свое невежество. На самом пороге сея страшныя пропасти стоит просвещенный Государь. Стражи, не допускающие его падение, суть правота и кротость. В тот час, как он из рук их себя исторгает, погибель его совершается, меркнет свет душевных очей ево, и летя стремглав в бездну, вопиет он вне ума: «Все мое, я все, все ничто».

Державшийся правоты и кротости просвещенный Государь, не поколеблется никогда в истинном своем величестве, ибо свойство правоты таково, что самое ее никакие предубеждения, ни дружба, ни склонности, ни самое сострадание поколебать не могут. Сильный и немощный, великий и малый, богатый и убогий, все на одной чреде стоят; – добрый Государь добр для всех, и все уважения его относятся не к частным выгодам, но к общей пользе. Сострадание производится в душе ево не жалобным лицем обманывающаго его корыстолюбца, но истинною бедностию нещастных, которых он не видит и которых жалобы часто к нему не допускаются. При всякой милости оказуемой вельможе, должен он весь свой народ иметь пред глазами. Он должен знать, что Государственным награждается одна заслуга Государству, что не повинно оно платить за угождения ево собственным страстям и что всякой налог взыскуемый не ради пользы Государства, есть грабеж в существе своем и форме. Он должен знать, что нация жертвуя частию естественной своей вольности вручила свое благо ево попечению, ево правосудию, ево достоинству; что он отвечает за поведение тех, кому вручает дел правление, и что следственно их преступления, им терпимые, становятся его преступлениями. Тщетно Государь помыслил бы оправдаться тем, что сам он пред отечеством невинен, и

что тем весь долг свой пред ним исполняет. Нет, невинность ево есть платеж долгу, коим он сам себе должен: но Государству все еще должником остается. Он повинен отвечать ему не только за дурно, которое сделал, но и за добро, которова не зделал. Всякое попущение ево вина, всякая жестокость ево вина; ибо он должен знать, что послабление пороку есть ободрение злодеяниям, и что с другой стороны наистрожайшее правосудие над слабостьми людскими есть наивеличайшая человечеству обида. К нещастью подданных приходит иногда на Государя такая полоса, что он ни о чем больше не думает, как о том, что он Государь; иногда ни о чем больше, как о том, что он человек. В первом случае обыкновенно походит он в делах своих на худова человека, во втором бывает неминуемо худым Государем. Чтоб избегнуть сих обеих крайностей, Государь ни на один миг не должен забывать, ни того, что он человек, ни того, что он Государь. Тогда бывает он достоин имяни премудрого. Тогда во всех своих деяниях вмещает суд и милость. Ни что за черту свою не преступает. Кто поведением своим возмущает общую безопасность, предается всей строгости Законов. Кто поведением своим бесчестит самово себя, наказывается его презрением. Кто не рачит о должности, теряет свое место. Словом, Государь правоту наблюдающей исправляет всечасно пороки, являя им грозное чело, и утверждает добродетель, призывая ее к почестям.

Правота делает Государя почтенным; но кротость, сия человечеству любезная добродетель, делает его любимым. Она напоминает ему непрестанно, что он человек, и правит людьми. Она не допускает поселиться в его голову нещастной и не лепой мысли, будто Бог создал милионы людей для ста человек. Между кротким и горделивым Государем, та ощутительная разница, что один заставляет себя внутренно обожать, а другой наружно боготворить: но кто принуждает, себя боготворить, тот внутри души своей, видно, чувствует, что он человек[668]. – Напротив того кроткой Государь не возвышается никогда унижением человечества. Сердце его чисто, душа права, ум ясен. Все сии совершенства представляют ему живо все ево должности. Они твердят ему всечасно, что Государь есть первый служитель Государ-

[668] В других списках «Рассуждения» между словами «человек» и «напротив» присутствует следующий фрагмент, очевидно, выпущенный Д. И. Фонвизиным при подготовке итогового текста для передачи Павлу Петровичу: «Тщетно заражает он себя безумным мнением, будто предвечными судьбами предустановлен он делать из людей, что ему угодно: но если б Богу угодно было предуставлять, кому властвовать и кому рабствовать, то он, конечно, ознаменовал чем-нибудь волю свою; цари, например, рождались бы тогда с короною на головах, а вся достальная часть человеческаго рода – с седлами на спинах» (Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина… С. 276. В данном случае фрагмент приведен по т.н. «списку П. Е. Котельникова»).

ства; что преимущества его распространены нациею только для тово, чтоб он в состоянии был делать больше добра, нежели всякой другой; что силою публичной власти, ему вверенной, может он жаловать почести и преимущества частным людям, но что самое нацию ничем пожаловать не может, ибо она дала ему все то, что он сам имеет; что для его же собственнаго блага должен он уклоняться от власти делать зло, и что следственно желать деспотичества есть ничто иное, как желать найти себя в состоянии пользоваться сею пагубною властию. Невозможность делать зла, может ли быть досадна Государю? А если может, так разве для того, что дурному человеку всегда досадно не смочь делать дурна. Право Деспота есть право сильного: но и разбойник то же право себе присвояет. И кто не видит, что изречение право сильного выдумано в посмеяние. В здравом разуме сии два слова никогда вместе не встречаются. Сила принуждает, а право обязывает. Какое же то право, которому повинуются не по должности, а по нужде и которое в тот момент у силы исчезает, когда большая сила сгоняет ее с места. – Войдем еще подробнее в существо сего мнимаго права. По тому, что я не в силах кому нибудь сопротивляться, следует ли из того, чтоб я морально обязан был признавать ево волю правилом моего поведения? Истинное право есть то, которое за благо признано разсудком, и которое следственно производит некое внутреннее чувство, обязывающее нас повиноваться добровольно. В противном случае повиновение не будет уже обязательство, а принуждение. Гдеже нет обязательства, там нет и права. Сам Бог в одном своем качестве существа всемогущего не имеет ни малейшаго права на наше повиновение. Вообразим себе существо всемогущее, которое не только ко всему принудить, но и во все истребить нас может, которое захотелобы зделать нас нещастными, или по крайней мере не захотело бы никак пещись о нашем благе, тогда чувствовали ли бы мы в душе обязанность повиноваться сей вышней воле клонящейся к нашему бедствию, или нас пренебрегающей? Мы уступилибы по нужде ея всемогуществу, и между Богом и нами былоб ничто иное, как одно физическое отношение. Все право на наше благоговейное повиновение имеет Бог в качестве существа всеблагаго. Разсудок признавая благим употребление его всемогущества советует нам соображаться с его волею и влечет сердца и души ему повиноваться. – Существу всеблагому можетли быть приятно повиновение вынужденное одним страхом? И такое гнусное повиновение приличноль существу, разсудком одаренному? Нет. Оно недостойно ни разумного повелителя, ни разумных исполнителей. Сила и право совершенно различны как в существе своем,

так и в образе действования. Праву потребны достоинства, дарования, добродетели. Силе надобны тюрмы, железа, топоры. Со всем излишне входить в толки о разностях форм правления, и разыскивать, где Государь самовластнее, и где ограниченнее. Тиран, гдеб он ни был, есть тиран, и право народа спасать бытие свое пребывает вечно и везде непоколебимо.

Истинное блаженство Государя и подданных тогда совершенно, когда все находятся в том спокойствии духа, которое произходит от внутренняго удостоверения о своей безопасности. Вот прямая политическая вольность нации. Тогда всякой волей будет делать все то, чего позволено хотеть, и никто не будет принуждать делать того, чего хотеть не должно; а дабы нация имела сию вольность, надлежит правлению быть так устроену, чтоб Гражданин не мог страшиться злоупотребления власти; чтоб никто не мог быть игралищем насильств и прихотей; чтоб по одному произволу власти никто из последней степени не мог быть взброшен на первую, ни с первой свергнут на последнюю; чтоб в лишении имения, чести и жизни одново дан был отчет всем и чтоб следственно всякой безпрепятственно пользоваться мог своим имением и преимуществами своево состояния.

Когдаж свободной человек есть тот, которой не зависит ни от чьей прихоти; напротив же того, раб деспота тот, который ни собою ни своим имением располагать не может, и который на все то, чем владеет, не имеет другова права, кроме высочайшей милости и благоволения, то по сему истолкованию политической вольности видна неразрывная связь ея с правом собственности. Оно есть ничто иное как право пользоваться: но без вольности пользоваться, что оно значит? Равно и вольность сия не может существовать без права; ибо тогда не имела бы она никакой цели; а потому и очевидно, что не льзя никак нарушать вольности не разрушая права собственности, и не льзя никак разрушать права собственности не нарушая вольности.

При изследовании, в чем состоит величайшее благо Государств и народов, и что есть истинное намерение всех Систем Законодательства, найдем необходимо два главнейшие пункта, а имянно те, о коих теперь разсуждаемо было, вольность и собственность. Оба сии преимущества, равно как и форма, каковою публичной власти действовать, должны быть устроены сообразно с физическим положением Государства и моральным свойством Нации. Священные Законы определяющие сие устройство, разумеем мы под имянем Законов фундаментальных. Ясность их должна быть такова, чтоб нималейшего недоразумения никогда не повстречалось, чтоб из них монарх и

подданный равномерно знали свои должности и правы. От сих точно законов зависит общая их безопасность, следственно они и должны быть непременными.

Теперь представим себе Государство объемлющее пространство, каковаго ни одно на всем известном земном шаре не объемлет, и которого по мере его обширности нет в свете малолюднее; – Государство раздробленное с лишком на тритцать больших областей, и состоящее можно сказать из двух только городов, из коих в одном живут люди большею частию по нужде, в другом большею частию по прихоти; – Государство многочисленным и храбрым своим воинством страшное, и которова положение таково, что потерянием одной баталии может иногда бытие ево во все истребиться; – Государство, которое силою и славою своею обращает на себя внимание целова света, и которое мужик одним человеческим видом от скота отличающийся, и никем не предводимый может привести, так сказать, в несколько часов на самый край конечного разрушения и гибели; – Государство дающее чужим землям царей, и которого собственный престол зависит от отворения кабаков для зверской толпы буян охраняющих безопасность царския особы; – Государство, где есть все политические людей состояния, но где ни которое не имеет никаких преимуществ, и одно от другаго пустым только именем различается; – Государство движимое вседневными и часто друг другу противоречащими указами, но не имеющее никакого твердаго Законоположения; – Государство, где люди составляют собственность людей, где человек одново состояния имеет право быть вместе истцем и судьею над человеком другова состояния, где каждой следственно может быть за всегда или тиран, или жертва; – Государство, в котором почтеннейшее из всех состояний, долженствующее оборонять отечество купно с Государем, и корпусом своим представлять нацию, руководствуемое одною честию, дворянство, уже имянем только существует, и продается всякому подлецу, ограбившему отечество; где знатность, сия единственная цель благородныя души, сие достойное возмездие заслуг от рода в род оказываемых отечеству, затмевается фавером поглотившим всю пищу истинного любочестия; государство не деспотическое: ибо нация никогда не отдавала себя Государю в самовольное ево управление, и всегда имела трибуналы гражданские и уголовные, обязанные защищать невинность и наказывать преступления: – не монархическое; ибо нет в нем фундаментальных Законов: – не Аристократия; ибо верховное в нем правление есть бездушная машина движимая произволом государя: – на Демократию же и походить не может земля, где народ пре-

смыкаяся во мраке глубочайшаго невежества носит безгласно бремя жестокого рабства.

Просвещенный и добродетельный монарх застав свою империю и свои собственные права в такой несообразности и неустройстве, начинает великое свое служение немедленным ограждением общия безопасности посредством Законов непреложных. В сем главном деле не должен он из глаз выпущать двух уважений. Первое, что Государство ево требует немедленнаго врачевания от всех зол, приключаемых ему злоупотреблением самовластия. Второе, что Государство ево ничем так скоро не может быть подвергнуто конечному разрушению, как если вдруг и не приуготовя нацию дать ей преимущества, коими наслаждаются благоучрежденныя Европейские народы. При таковом соображении каковы могут быть первыя фундаментальные Законы, прилагается при сем особенное начертание#

Сего начертания недопустила покойнаго сочинить скоропостижная ему кончина[669].

В заключение надлежит признать ту истину, что главнейшая наука правления состоит в том, чтоб уметь зделать людей способными жить под добрым правлением. На сие никакие имянные указы не годятся. Узаконение быть добрыми не подходит ни под какую главу Устава о благочинии. Тщетно былобы вырезывать ево на досках и ставить на столы в управах; буде не врезано оно в сердца, то все управы будут плохо управляться. Чтоб устроить нравы, нет нужды ни в каких пышных и торжественных обрядах. Свойство истинного величества есть то, чтоб наивеличайшие дела делать наипростейшим образом. Здравой рассудок и опыты всех веков показывают, что одно благонравие Государя образует благонравие народа. В ево руках пружина, куда повернуть людей к добродетели или пороку. Все на нево смотрят, и сияние окружающее Государя освещает ево с головы до ног всему народу. Ни малейшие ево движении ни от ково не скрываются, и таково есть щастливое или нещастное царское состояние, что он ни добродетелей ни пороков своих утаить не может. Он судит народ, а народ судит ево правосудие. Естьли ж надеется он на развращение своей нации столько, что думает обмануть ее ложною добродетелию, сам сильно обманывается. – Чтоб казаться добрым Государем, необходимо надобно быть таким; ибо как люди порочны ни былиб, но умы их никогда столько не изпорчены, сколько их сердца, и мы видим, что те самые, кои меньше всево привязаны к добродетели, бывают часто величайшие знатоки в добродетелях. Быть узнану есть необходимая судьбина

[669] Фраза написана на полях рукой генерала П. И. Панина.

Государей, и достойный Государь ее не устрашается. Первое его титло есть титло честнова человека, а быть узнану есть наказание лицемера и истинная награда честнова человека. Он став узнан своею нациею, становится тотчас образцом ея. Почтение ево к заслугам и летам бывает наистрожайшим запрещением всякой дерзости и нахальству. Государь, добрый муж, добрый отец, добрый хозяин, не говоря ни слова устрояет во всех домах внутреннее спокойство, возбуждает чадолюбие, и самодержавнейшим образом запрещает каждому выходить из мер своего состояния. Кто не любит в Государе мудрова человека? А любимый Государь, чево из подданных сделать не может? Оставя все тонкие разборы прав политических, вопросим себя чистосердечно, кто есть самодержавнейший из всех на свете Государей? Душа и сердце возопиют единогласно: тот, кто более любим.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. ПРИБАВЛЕНИЕ К РАЗСУЖДЕНИЮ, ОСТАВШЕМУСЯ ПОСЛЕ СМЕРТИ МИНИСТРА ГРАФА ПАНИНА, СОЧИНЕННОЕ ГЕНЕРАЛОМ ГРАФОМ ПАНИНЫМ, О ЧЕМ МЕЖДУ ИМИ РАЗСУЖДАЛОСЬ ИМЕТЬ ПОЛЕЗНЫМ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРАВА, НЕ ПРЕМЕНЯЕМЫЯ НА ВСЕ ВРЕМЕНА НИКАКОЮ ВЛАСТИЮ

Оригинал «Прибавления» хранится в РГАДА (фонд 1, единица хранения 17 «Бумаги графов Н. и П. Паниных»). Текст «Прибавления» был опубликован Е. С. Шумигорским в 1907 г. по копии, имеющей, очевидно, мелкие стилистические отличия от оригинального беловика[670]*. Текст, хранящийся в РГАДА, представляет собой беловик с многочисленными исправлениями, имеющими, однако, характер исключительно орфографической правки и совпадающий – насколько можно судить – с публикацией Шумигорского. Поскольку Н. И. Панин не успел составить проект «фундаментальных прав», его брат, генерал П. И. Панин, суммировал их совместные рассуждения в «Прибавлении». Текст «Прибавления» предназначался для передачи Павлу Петровичу вместе с сопроводительными письмами, однако адресат получил его лишь после смерти генерала П. И. Панина.*

В РГАДА хранится и черновик, написанный, очевидно, самим П. И. Паниным. Он изобилует исправлениями, однако большинство из них носит стилистический характер, многие – трудночитаемы. В настоящей публикации приведен беловой текст, сверенный с текстом, опубликованным Шумигорским; орфографическая правка в беловике не приводится.

1е)

О утверждении на все времена формы Государственному правлению, признанной всем разумным светом для Монаршескаго владения с фундаментальными непременными законами.

2е)

О утверждении и о непременном всегда соблюдении без всякой прикосновенности, господствующей издревле и доныне в Росийской

---

[670] Шумигорский Е. С. Приложение // Е. С. Шумигорский. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб.: Тип. В. Д. Смирнова, 1907. С. 13-20.

Империи Греко-Кафолической веры, в точности настоящих церковных догматов.

3е)

О не исповедании Монархом Российским и Высокой Их Фамилии иной веры как Греко-Кафолической.

4е)

О не воспрещении и о дозволении прочим всякаго звания верам уже утвердившимся, а не отпадающим сектам иметь полную свободность веры своей во всей Империи содержать и богослужение отправлять по законам своим безпрепятственно.

5е)

О запрещении под неизбежною смертною казнею, никакой другой вере[671], кроме господствующей в России принимать из одной веры в другую, да и господствующей в присоединение и к своей церкви силою никово не принуждать и не принимать.

6е)

О запрещении под наказанием за возмущение общаго покоя, ни в какой без изъятия, вере не только не проповедывать в церквах, ниже и не произносить ни в публичных, ни в тайных собраниях, ничего из одной веры против другой предосудительнаго и дерзновеннаго, а паче еще поноснаго и оклеветывающаго.

7е)

О не раздроблении и о не разделении никакою самоизвольною властию Российской Империи, ни в наследства, ни в продажи, ни в мены, ни в заклады, ниже и ни под какими другими наименованиями или предлогами какого бы то роду и названия быть могло.

8е)

О утверждении Престолу Российскому единаго права наследственнаго, не пременяемаго никакою единою властию, с предпочтением мужеской персоны и колена пред женской.

9е)

О прехождении наследственнаго Права к Престолу, при пресечениях с одного лица и с адного[672] колена на другия.

10е)

О узаконении лет возраста к получению наследственнаго над Империею Монаршескаго владения и формы к торжественному онаго восприятию.

11е)

[671] В публикации Шумигорского: «веры».

[672] Слова, выделенные курсивом, вписаны тем же почерком, которым внесена обширная орфографическая правка.

О узаконении формы Опекунскаго государственнаго правления при невозрастных летах, или при слабости законнаго Престолу Наследника, до вступления в оныя или по случаю слабости до исправления онаго.

12е)

О узаконении Государственной формы на случай нещастливаго пересечения наследственных к Престолу колен. Кому, как и из кого избирать, и торжественно как оглашать и утверждать Монарха на Всероссийской Престол, и последующаго от Него Наследника ко обладанию Империею на фундаментальных правах.

13е)

О предположении из Государственных доходов денежных непременных отделений, сходственных с достоинством и богатством Империи, при самом рождении не толко Наследника Престола, да и при рождении из законнаго брака владеющаго Монарха, всякаго Дитяти, как мужескаго, так и женскаго пола, в капиталы каждому, с роздачею оных на имя всякаго Дитяти в проценты, дабы с их капиталов процентами и ежегодным соразмерным прибавлением к капиталам, могли капиталы возрасти к приспению возраста каждаго на достойное содержание по достоинству всякаго, а Великия Княжны, чтоб достойно могли капиталы свои понести за собою и в приданыя.

14е)

О узаконении права наследственнаго на оные капиталы при нещастливых случаях пресечения чьей жизни.

15е)

О праве Дворянству.

16е)

О праве Духовенству.

17е)

О праве Купечеству.

18е)

О праве Мещанству.

19е)

О праве Крестьянству.

20е)

О узаконении для каждаго состояния Государственных подданных личнаго наследственнаго права ко всякому званию имения их, с прехождением после смерти от одного к другому, держась сколько возможно ближе к окоренившимся прежде в Империи о том законам.

21е)

О праве собственности каждому.

22е)

О праве над наследственными имениями.

23е)

О праве вольности к незапрещенному, но к позволенному законами.

24е)

О праве и форме завещаниям или духовным.

25е)

О праве на разделы всякому имению, остающемуся без завещания.

26е)

О праве на приданыя при замужествах и обязательствах при том.

27е)

О праве для разходившихся необходимостию от брачнаго сожития на прижитых детей и на всякое имение их.

28е)

О праве родителей над детьми, и о должностях детей противу родителей.

29е)

О праве и обязательствах между супружеством.

30е)

О власти помещиков над своими подданными, и о должностях оных к помещикам их.

31е)

О власти господ над вольными служителями, и о должностях оных к господам их.

32е)

О не суждении ни за какия злодеяния и преступления никакова звания людей, в иных особых местах как единственно в учрежденных публичных, для всех, на то судах.

33е)

О истолковании и утверждении истиннаго существа злодеянию оскорбляющему Величество.

34е)

О утверждении во всей России на все мирныя времена непременной доброты и цены ходячей монеты, и числу той, которая выпускается в народное обращение к облегчению перевозок, по соразмерности числа, полагаемаго на замен оной капитала.

35е)

О неналожении и о неумножении ни под какими названиями на подданных новых податей и работ, без разсуждения и предположения, наперед о том в главном Государственном присутственном месте, а потом в Министерском Совете на поднесение доклада к утверждению Самому Монарху.

36е)

О предположении и утверждении одного главнаго Государственнаго присутственнаго места к надзиранию под очами Самаго Монарха во всем Государстве над всеми прочими Присутственными местами и над всем Государством управления и преподавания Суда и разправы, с наблюдением в точности и неприкосновенности[673] к неопровержению фундаментальных законов.

37е)

О учреждении и утверждении повсеместно для Государственнаго Правления и Суда и разправы присутственных мест, никогда не пременяемых.

38е)

О учреждении и утверждении ж единаго не пременяемаго никакою властию присутственнаго государственнаго места под угодным названием Монарху, но такого, что б чрез оное только, а не какими другими дорогами приходили к Самому Монарху жалобы и доношения на последнее решение, и что б все они без изъятия в присутствии Самаго Манарха, или и без Его, но всегда прочитываемы были в сем месте, и каждый в нем Министр чтоб давал к записке в Протокол свое на них разсуждение, которые б относились на решительную единственную власть Самаго Монарха.

39е)

О ясном утверждении и изтолковании всем Присутственным местам, что в должностях их есть часть Государственнаго управления, и что единое разобрание тяжеб и преподавание суда и расправы, дабы впредь уже недоумениями и придирками не могла употребляться во зло власть, отделяется судебным местам единственно на часть Государственнаго управления в части разобрания тяжб.

40е)

О предположении из Государственных доходов денежной ежегодной суммы на содержание во всем Государстве всех войск для обороны Империи и славы Государя, а по размерности оной суммы, о предположении на всякое мирное время содержания числа всякаго звания войск и особенно тех, которыя наполняются хлебопашцами, размерив

[673] В публикации Шумигорского: «всю точность и не прикосновенность».

число оных к неоскудению земледельства, как главнаго члена на существование Империи.

41е)

Об отделении из Государственных же доходов денежной соразмерной суммы на построение и на ежегодное содержание для всего Государства четырех крепостей ко вмещению знатных гарнизонов, сверх всех дальных, имеющихся[674] с предположением по зрелом разсуждении знающими особами, избрания под них местоположения наиспособнейших по неотдаленности от последних Российских границ, и сколько можно ближе к пристаням, с тем наблюдением, дабы таковым устроением крепостей с наполнением в них на всякой военной случай достаточно арсенала и магазинов, былиб отвращены уже на все времена, существующия доныне от того опасности, естлиб по несчастию случилось России потерять и одну только генеральную баталию, то победителю отверсты разныя безпрепятственные пути внести оружие свое и утвердиться в сердце Империи, и подвергнуть изобильнейшия части земли под свою контрибуцию; но чтоб при случаях начинающейся войны, от которой стороны быть бы то не могло, оныя крепости[675] приближенныя к сторонам границ, служили в перед как собирающимся противу неприятеля, так и при несчаастии разбитому войску сборными местами, готовыми арсеналами и магазинами.

Сего Россия со всею своею обширностию еще не имеет, кроме единственно к стороне Швеции и на самом краю противу Пруссии: но в нынешнем положении соседственных Держав, сколько Швеция противу Россия ослабела, столь больше усилилась и приближилась чрез Польшу Империя Римская и Пруссия, а Россия возвращением[676] своим и влиянием в связь всей Европы, обратила на себя гораздо больше прежняго внимания, зависти и осторожности к противным союзам безсильных Держав с сильными.

42е)

О предположении, чтобы отделенныя денежны суммы из Государственных доходов на ежегодное содержание всей Государственной обороны и всех воинских устроений, не употреблялися никакою властию ни в какия без изъятия другие расходы, кроме единственнаго содержания Государственной обороны и на войне, то чтоб и остатки от неполности по штатам сохраняемы были всегда ежегодным отделением в военную кладовую, золотыми и серебреными монетами, к мино-

[674] В публикации Шумигорского: «доныне имеющихся».

[675] В публикации Шумигорского: «оныя четыре крепости».

[676] В публикации Шумигорского: «возращением».

ванию при случае войны, если не совсем, то хотя на первыя кампании особливых для войны налогов и займов на Государство.

43е)

О утверждении пребывать на все времена без всякой прикосновенности всему тому, чего в форме Государственнаго правления и в фундаментальных правах точно не предписано, в единственной собственно Самодержавной во всем власти владеющаго законнаго Монарха, а по Нем у Наследников Всероссийскаго Престола.

44е)

О предположении формы присяги для всех Государственных подданных, на всеподданническое повиновение и соблюдение фундаментальных прав по установленной форме Государственному Монаршескому правлению.

Сочинено в селе Дугине 1784 года, в месяце Сентябре.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.
РАЗСУЖДЕНИЯ ВЕЧЕРА 28 МАРТА 1783 Г.

Текст «Разсуждений» хранится в РГАДА (фонд 2, единица хранения 57 «Различные записки и письма Павла Петровича») среди некоторых других записок Павла Петровича. Он, очевидно, представляет собой конспект беседы Павла с Н. И. Паниным, записанный Павлом собственноручно. Обнаружил этот документ М. М. Сафонов, в 1974 г. опубликовавший подробный разбор, насыщенный пространными цитатами из «Разсуждений»[677]. Целиком же «Разсуждения» публикуются впервые. Кроме того, в настоящей публикации сохранены особенности исходного текста – исправления, добавления, вычеркнутые места – что позволяет лучше разобраться в логике автора (или, точнее сказать, – авторов).

Говорено[678] было о неудобствах и злоупотреблениях нынешняго рода администрации нашей. Проходя разныя части и сравнивая с токовою в других землях и опять с обстоятельствами нашей, нашли за лутчее согласовать необходимо нужную монархическую екзекутивную власть по обширности Государства, с преимуществом той вольности, которая нужна каждому состоянию для предохранения себя от деспотизма или самаго Государя или частнаго чьего либо+

\+ сие все полагается уже в следствие установления и утверждения[679] порядка наследства без котораго ничего быть не может, которой и есть закон фундаментальной.

Перьвым предметом почесть бы должно было: установление законов. В них мы недостатка не имеем естьлибы только в порядок настоящия приведены были но сие дело трудное и продолжительное котораго окончания дожидаться для исправления нужнаго весьма долго и неудобно было для течения дел и для того приступим теперь к нужнейшему и не терпящему времени, и станем стараться помочь и отвратить главнейшия неудобства. Поможем сохранению <вольности> свободы состояния каждаго заключая оную в должныя границы и отвратим противное сему, когда деспотизм поглощая все истребляет наконец и деспота самаго себя.

Должно различать власть законодательную и власть законы хранящую и исполняющую[680]. Законодательная может быть в руках госу-

[677] См.: Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 6. М.: Наука, 1974. С. 279-280.

[678] В публикации Сафонова: «поверено».

[679] В публикации Сафонова: «учреждения».

[680] Исправлено из «исполнительную».

даря но с согласия государства а не инако без чего обратится в деспотизм. Законы <исполняющая> хранящая должна быть в руках <…> под Государем предопределенным управлять Государством. Отложим теперь первое из сих разделений по выше сказанным причинам. Видно из сего что вторая будучи связана с третию должна быть согласована с сею. <к которой> Из сего и <видно> следует, что необходимо нужен<ы> <останутся как>[681] свободной выбор +

+ 3таковой 4власти 1членов

2собрания[682] и выборы по наместничествам, которые конфирмуются Государем, чем обе власти <содействуют> споспешествуют к лутчему содействию. <Но сего не довольно> а как <но> <а> надобен залог твердости таковаго постановления и обезпечивающей Государство и Государя, то и будет сим <…> <бы> Собрание мужей пекущихся о <правосудии> благе общем в <отправлении> сохранении законов. Таковой есть Сенат. Оной я делю на две части в обоих местах, на департамент уголовной и гражданской. Составления членов онаго полагаю быть по выбору и представлению дворянства каждаго наместничества с конфирмациею Государской и состоять ему из числа соответствующаго числу наместничеств+

+ из первых трех класов

При чем полагаю быть при сенате от каждаго же наместничества по одному стряпчему, +

+ из шести класов выбранным

которым иметь собрание для всегдашняго дел предложения и быть им выбираемым от наместничеств. Я надеюсь что таковое установление должно служить к пользе общей и установит общую доверенность.

Для разсмотрения новых казусов и пр. иметь Сенату полное собрание куда призываются и стряпчия, к которым дела от наместничеств сообщаются и сии по оным докладывают и стряпают.

Но каково полезно ни почитаю учреждение правления правосудия соединяя в себе особливо членов избранных самим государством и подчиненных таким образом Государю но надобна таковая особа, которая могла присутствуя соглашать объявлением воли законов и намерений Государя <соглашать> как разныя мнения так и направлять умы к известной цели. Сия особа должна быть Канцлер правосудия, министр Государев.

[681] Чтение предположительное, поскольку фраза зачеркнута и читается с трудом.

[682] Исправлено из «собрание». Вся фраза вместе читается – благодаря цифрам, указывающим порядок слов в примечании, отмеченном знаком «+» – так: «членов собрания таковой власти…».

Я оставляю прокуроров каковы они есть но генерал прокурор не иное что как таковой же при общем собрании Сената и подчинен Канцлеру.

Каждое наместничество будучи снабжено нужными разных родов дел департаментами и палатами коллегии сами собою исчезли иныя.

Я их как и остальныя инако не полагаю как департаментами той екзекутивной власти о которой выше упоминал по разным родам частей оной.

Сказав о Сенате сказал, как я его разумею: а разделяя на два отделения еще больше изъяснил то есть что оной хранитель законов и исполнитель законов. Но Администрация Государства не в сем одном только заключается а составлена из других частей по разным родам дел принадлежащим безпосредственно по существу своему к екзекутивной власти особливо везде где одна надобна воля для принятия скорейшаго намерения и воли исполнения. Такова политическая, финанцкая, комерческая, обе военныя и казенная.

Следственно и принадлежит ведение всего сего к той особе у которой та власть то есть государю а как сему обнять ни по физической ни по моральной возможности невозможно а еще меньше когда взойти в исчисление страстей и слабостей человеческих то и[683]

---

[683] Текст записки на этом заканчивается.

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

К. Д. Бугров

МОНАРХИЯ И РЕФОРМЫ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н. И. ПАНИНА

Рецензенты:

Д. А. Редин, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России Уральского федерального университета

Д. В. Тимофеев, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН

Редактор-корректор *С. И. Казанцев*
Художественное оформление *Т. Е. Богина*
Художественный редактор *Я. С. Недвига*

Подписано в печать 10.12.2015.
Формат издания 60х84$^{1}/_{16}$. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,81. Заказ № 1245.

Банк культурной информации
620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 855.
http://www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Отпечатано в соответствии
с предоставленным оригинал-макетом
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
http://www.uralprint.ru, e-mail: sales@uralprint.ru

БУГРОВ Константин Дмитриевич — кандидат исторических наук (2010), научный сотрудник лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН. Член редакционной коллегии журнала Quaestio Rossica.

Сфера научных интересов — российская общественно-политическая мысль XVIII — XX вв., классический республиканизм, конструктивистская архитектура XX века.

К. Д. Бугров

МОНАРХИЯ И РЕФОРМЫ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н. И. ПАНИНА

ИЗ ИСТОРИИ РОССИИ